

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук**

На правах рукописи

Шабанов Виктор Леннарович

**ДИНАМИКА УРОВНЯ ЖИЗНИ
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛА**

Специальность 22.00.03 – Экономическая социология и демография

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора социологических наук**

Саратов
2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	26
1.1 Теория и методология социологического исследования уровня жизни сельского населения.....	26
1.2 Методы и эмпирическая база социологического исследования уровня жизни сельского населения.....	45
ГЛАВА 2. ИЗМЕРЕНИЕ ДИНАМИКИ УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРЯМЫХ МЕТОДОВ	78
2.1 Измерение динамики уровня жизни сельского населения с использованием показателей доходов и прожиточного минимума.....	78
2.2 Измерение динамики уровня жизни сельского населения с использованием показателей потребления и индекса предельной полезности потребительских благ.....	106
2.3 Анализ динамики уровня жизни сельского населения на основе качественных методов и субъективных оценок.....	115
ГЛАВА 3. КОСВЕННЫЕ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ БЮДЖЕТОВ ВРЕМЕНИ, СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	130
3.1 Структура затрат времени как характеристика уровня жизни сельского населения.....	130
3.2 Состояние здоровья как характеристика уровня жизни сельского населения.....	138
3.3 Демографическое развитие и миграционные тенденции сельского населения как характеристики его уровня жизни.....	149
ГЛАВА 4. СОДЕРЖАНИЕ И ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛА С 1990 Г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, И ИХ СВЯЗЬ С ДИНАМИКОЙ УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	178
4.1 Институциональные реформы 1990-2010-х гг. в сельской местности и их влияние на динамику уровня жизни сельского населения.....	178
4.2 Динамика хозяйственно-экономических институтов села под влиянием реформ и ее связь с динамикой уровня жизни сельского населения.....	193
4.3 Динамика хозяйственно-экономической деятельности сельских домохозяйств под влиянием реформ и ее связь с динамикой уровня жизни.....	217
ГЛАВА 5. ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	230
5.1 Развитие рынка труда и стимулирование самозанятости в сельской местности как способы повышения уровня жизни сельского населения.....	230
5.2 Экономическое поведение сельских домохозяйств и повышение уровня жизни сельского населения.....	259

5.3 Повышение уровня жизни в сельской местности как фактор устойчивого развития	283
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	288
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	294
ПРИЛОЖЕНИЯ	316

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена высокой научной значимостью междисциплинарных исследований современного российского села, социологическая рефлексия которого развивалась в контексте социально-экономической эволюции страны в целом, включая и сельский социум. С 1960-х гг. происходит расширение исследовательских направлений в рамках проблематики уровня жизни, усиливающееся по мере социально-экономического и демографического развития. В частности, сельский социум как объект исследования требует учета своих особенностей для повышения достоверности и точности оценок уровня жизни. Экономическая нестабильность и деструкция прежних социальных целостностей, новые вызовы, стоящие перед современным российским селом, отражают потребность в новых исследовательских подходах, которая лишь усиливается с течением времени.

Системные реформы 1990-х гг. инициировали процесс рыночных преобразований и соответствующих ему социальных изменений. Модернизация аграрной отрасли, земельная реформа, новые возможности, связанные с сельскохозяйственным и несельскохозяйственным предпринимательством и т.д., привели к преобразованию колхозов и совхозов в рыночные сельскохозяйственные предприятия, к появлению новых социальных групп – фермеров и сельских предпринимателей. В то же время развитие фермерских хозяйств и диверсификация сельской экономики происходили медленно, усиливались социальные проблемы. В частности, резко снизились доходы сельского населения, возросло социально-экономическое неравенство; сельский рынок труда сильно деформировался: снижение сельскохозяйственной занятости вызвало рост неформальной занятости, временной трудовой миграции в города и безработицы; появились «новые бедные» – слой квалифицированных работников, имеющих низкие доходы.

Рационализация отношений между сельхозпредприятиями, их работниками и селом нанесла удар по традиционным сельским экономическим сетям: социальная сфера лишилась значительной части поддержки, семьи потеряли важный источник ресурсов для ведения приусадебных хозяйств. Снижение рождаемости до

уровня, не обеспечивающего простого воспроизводства, и миграционная убыль сельского населения усилили социально-демографические проблемы села. Наряду с постоянной, возросла временная трудовая миграция, ставшая одним из самых заметных факторов сельской жизни.

Восстановительный рост уровня жизни сельского населения начался во второй половине 1990-х гг.; он обеспечивался уже новыми факторами – частным предпринимательством, самозанятостью, временной трудовой миграцией в города, ростом товарности приусадебных хозяйств и т.д.

К началу 2000-х гг. сельский социально-экономический ландшафт изменился радикально, развитие перешло от резких, системных скачков к спокойной, поступательной фазе. Это способствовало появлению новых подходов к сельскому развитию. В частности, были переосмыслены социально-экономические функции села: произошло смещение акцентов с функции производства продовольствия на воспроизводственную, рекреационную функции.

Изменения в экономике и социальной жизни города и села, а также расширение возможностей количественного учета, повлекли за собой изменения в научных акцентировках. Значительный исследовательский потенциал в рамках социологии села продемонстрировали возможности статистики. С 1997 г. в российской статистике происходит переход к современным методологическим и методическим принципам, используемым соответствующими службами большинства развитых стран. В частности, для статистического описания уровня жизни была принята новая система показателей, которая с течением времени корректируется и уточняется. К сожалению, для многих из этих показателей не предусмотрена группировка в разрезе города и села, что затрудняет социологический анализ уровня жизни сельского населения. При этом возрастает потребность в научно-обоснованных прикладных расчетах уровня жизни населения, в том числе сельского как наиболее уязвимой социально-территориальной группы. Кроме того, до сих пор ни в мировой, ни в российской науке нет общепринятых концептуальных подходов к исследованиям уровня жизни в его расширенном понимании, включающем, наряду с показателями доходов и потребления, также и характеристики

среды обитания. Статистические модели и методы анализа, примененные в рамках социологического изучения уровня жизни, позволяют предложить целостный взгляд как на проблему понимания данной категории, так и на возможности интерпретации динамики уровня жизни сельского населения.

Таким образом, социально-экономическая трансформация российского села за последнюю четверть века демонстрирует необходимость научного поиска в сфере изучения сельского социума, что дополнительно актуализирует социологический анализ уровня жизни сельского населения и его динамики.

Степень научной разработанности темы. Экономические теории индивидуального и общественного благосостояния возникли в XVII-XIX вв. У их истоков стояли У. Петти, Г. Кинг, А. Смит, И. Бентам, Т. Мальтус, Ж.-Б. Сэй, Д. Рикардо, С. Сисмонди, К. Маркс и др. В конце XIX - первой половине XX вв. они были развиты Л. Вальрасом, Т. Вебленом, Дж.Б. Кларком, Дж. Кейнсом, В. Парето, А. Пигу и др. Развитие современной методологии исследований благосостояния, их эмпирической основы и статистического аппарата связано с именами К. Джини, А. Дитона, Б. Жувенеля, С. Кузнецца, М. Лоренца, А. Сена, К. Эрроу и др.

В 1960-е гг. были внесены коррективы в категориальный аппарат исследований благосостояния: был осуществлен переход к расширительной трактовке категории «уровень жизни» путем учета в ней, наряду с экономическими параметрами, также и характеристик жизненной среды, показателей ее субъективного восприятия и т.д. А. Сен, М. Нассбаум, В. Тартакевич, В. Гертнер и др. заложили методологические и теоретические основы современных исследований уровня жизни.

Среди советских ученых, в 1960-1980-х гг. занимавшихся исследованиями уровня жизни, следует назвать Л.И. Абалкина, Н.И. Бузлякова, В.И. Гурьева, Г.В. Дымнова, Т.И. Заславскую, Л.Г. Зубова, Н.П. Кузнецову, В.Ф. Майера, А.В. Марголиса, П.П. Маслова, М.А. Можину, В.Я. Райцина, Н.М. Римашевскую, В.М. Рутгайзера, Р.В. Рывкину, Н.П. Федоренко, П.А. Шпилько, В.А. Ядова. Они внесли значительный вклад в теоретические разработки уровня жизни, его соотношения с близкими социально-экономическими категориями, такими как качество,

уклад, образ жизни; в прикладные аспекты, в том числе в обоснование системы показателей, в методы измерения и т.д.

На отдельных аспектах уровня жизни акцентировали внимание ученые, занимающиеся исследованиями конкретных социально-экономических проблем. В частности, проблемы здоровья населения исследовали Г.Е. Бесстремьянная, А.С. Заборовская, С.М. Малхазова, Б.Б. Прохоров, В.А. Чернец, С.В. Шишкин, проблемы занятости и рынка труда – В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, Б.П. Панков, С.Н. Смирнов, социально-демографические и этнические проблемы – Т.В. Блинова, А.Г. Вишневский, Ж.А. Зайончковская, В.М. Медков, Н.В. Мкртчян, В.И. Мукомель, С.В. Рязанцев, Л.Л. Рыбаковский, Е.В. Тюрюканова, закономерности потребления – И.С. Важенина, М.М. Локшин, М.Г. Прокопьев, А.В. Суворов и др.

В то же время расширительная трактовка уровня жизни не вытеснила из научного оборота традиционную, опирающуюся на характеристики потребления и связанную с оценкой доходно-имущественных возможностей человека; она способствовала развитию социальной статистики и статистических методов анализа. Вопросы измерения доходов и анализа неравенства в исследованиях российских ученых занимают значительное место. Это направление представлено или является основным в работах С.А. Айвазяна, А.Я. Кируты, Р.П. Кутенкова, В.С. Мхитаряна, А.А. Подузова, В.Я. Райцина, Ю.В. Сажина, Н.В. Шаланова, А.Е. Суринова, А.Ю. Шевякова, О.И. Шкаратана. Развитием методов оценки уровня жизни и его динамики занимаются Е.Г. Анимица, О.А. Алексеева, Л.А. Беляева, В.Н. Бобков, Ф.М. Бородкин, О.А. Веклич, Б.М. Данилишин, Н.А. Денисов, Н.А. Ермакова, В.М. Жеребин, В.Н. Землянская, Н.В. Зубаревич, Е.В. Корчагина, П.С. Мстиславский.

Тем не менее, среди большого количества исследований, посвященных методам измерения уровня жизни и их практической реализации с использованием эмпирической базы, довольно редко появляются работы, в которых в качестве объекта анализа выступает сельский социум.

В то же время его социально-экономические особенности учитываются в многочисленных исследованиях в области экономической социологии села, в той или иной мере затрагивающих вопросы уровня жизни. К числу таких особенностей, носящих системный характер, диссертант относит прежде всего доминирование аграрной отрасли в сельской экономике при выраженной полифункциональности сельской территории, хозяйственную многоукладность, определяемую в том числе существованием личных подсобных хозяйств (ЛПХ), устойчивый феномен сельской бедности.

Современные концепции сельского развития представлены в работах З.И. Калугиной, М.Ю. Ксенофонтова, Т.Г. Нефедовой, В.В. Пациорковского. В них акцентируется внимание на полифункциональности сельской территории: такие ее функции, как культурный и хозяйственный контроль над территорией, воспроизводство населения, обеспечение рекреации, рассматриваются наравне с сельскохозяйственным производством.

В.В. Виноградский, П.П. Великий, З.И. Калугина, А.А. Куракин, Т.Г. Нефедова, О.В. Нечипоренко, А.М. Никулин, А.Я. Рощина, О.П. Фадеева, А.А. Хагуров отстаивают идеи хозяйственной многоукладности села, равноправия основных хозяйственных укладов; анализируют жизненные практики крестьянских сообществ. В.В. Козлов, О.А. Обремко, А.В. Петриков критически оценивают сверхкрупные холдинговые структуры, складывающиеся в современном российском сельском хозяйстве, настаивают на приоритете крупных нехолдинговых компаний и семейного хозяйственного уклада в сельском хозяйстве.

Направление исследований, связанное с анализом ЛПХ как специфического социального и хозяйственного института села, играющего заметную роль в функционировании сельской экономики и формировании уровня жизни сельского населения, разрабатывалось весьма активно с 1970-х гг. усилиями Т.П. Антоновой, В.А. Белянова, И.Ф. Глотова, И.В. Макаровой, В.Б. Островского, И. Райга, Р.В. Рывкиной, В.Н. Староверова, А.П. Тюриной, Г.И. Шмелева и др. В их работах анализируется роль ЛПХ в потреблении и формировании доходов сельского населения, исследуются производственные связи ЛПХ с крупнотоварным секто-

ром сельхозпроизводства, оценивается эффективность ЛПХ, рассматриваются перспективы его развития как мелкотоварной формы сельхозпроизводства.

В 1990-е годы к анализу производственно-экономического направления деятельности сельских домохозяйств обращаются в рамках исследований социальных проблем переходной экономики – в связи со снижением уровня жизни, распространением бедности и т.д. Темы преодоления бедности, повышения уровня жизни, социально-экономической адаптации и т.п. в той или иной степени затрагиваются большинством исследователей, занимающихся экономической социологией села; роль ЛПХ в этих процессах анализируется многими из них. Представляют существенный интерес работы З.И. Калугиной, М.А. Можиной, Н.М. Римашевской, В.В. Пациорковского, В.Б. Самсонова, Г.И. Шмелева и др.

В настоящее время направление исследований, посвященное ЛПХ, расширилось за счет появления и развития индивидуального предпринимательства и фермерского сектора. Современные исследователи чаще акцентируют внимание на социальной роли мелкотоварного сельскохозяйственного производства и малого предпринимательства (не обязательно сельскохозяйственного), связанного с ним. Многие работы З.И. Калугиной, А.А. Куракина, А.М. Никулина, И.В. Троцук, О.П. Фадеевой посвящены этим вопросам.

Сельская бедность в современных исследованиях определяется не только как уровень доходов и потребления, не превышающий определенного порога, но и как уклад жизни, характеризуемый устойчивым отсутствием возможностей удовлетворить насущные потребности. В рамках такого подхода многие авторы связывают сельскую бедность, ее нарастающий и самовоспроизводящийся характер, со складывающейся социально-экономической стратификацией социума в условиях его трансформации (Т.Ю. Богомолова, Л.В. Бондаренко, Н.Д. Вавилина, Т.И. Заславская, Л.А. Овчинцева, Н.П. Римашевская, А.М. Сергиенко, В.С. Тапилина, А.Я. Троцкий и др.), а проблему устойчивого развития сельских территорий и конкретные социальные проблемы села – занятости, пенсионного обеспечения, оплаты труда и др. – исследуют в контексте проблемы бедности и возможностей

ее преодоления (Л.Н. Овчарова, Л.М. Прокофьева, Л.С. Ржаницина, Е.В. Серова, Т.В. Тихонова, И.Г. Храмова, С.В. Храмова, О.В. Шик и др.).

Отметим также исследования, посвященные проблемам сельского рынка и занятости, демографического развития села, сельской периферии и малых городов, перераспределения земель сельскохозяйственного назначения и др., связь которых с уровнем жизни сельского населения носит опосредованный характер. Проблемы сельской занятости и сельского рынка труда рассматриваются в работах С.Ю. Барсуковой, В.А. Богдановского, Л.В. Бондаренко, Р.И. Капелюшников, Б.П. Панкова. Вопросы демографического развития села и миграции анализируют Т.В. Блинова, Л.В. Бондаренко, П.П. Великий, Р.П. Кутенков, Т.Г. Нефедова, Л.А. Овчинцева, М.А. Шабанова. О перераспределении земель сельскохозяйственного назначения и социальных, экономических, юридических вопросах, возникающих в этой связи, пишут И.Н. Буздалов, Н.И. Кресникова, Г.Н. Никонова, В.Я. Узун, Н.И. Шагайда и др. Региональными исследованиями, связанными с социально-экономическими проблемами малых городов и сельской местности, занимаются Е.Б. Дудникова, Л.Н. Липатова, А.М. Нагимова, И.А. Янкина и др.

Значительный вклад в исследования уровня жизни сельского населения вносят сотрудники Института аграрных проблем РАН, изучающие мелкотоварное сельскохозяйственное производство и его влияние на уровень жизни (В.Б. Самсонов, С.Н. Семенов), потребительскую кооперацию и ее связь с уровнем жизни (В.Б. Бурлаков), сельское здравоохранение и образование (В.Н. Рубцова), демографическое развитие села (С.Г. Былина), потребление и кадровое обеспечение аграрной отрасли (М.Ю. Мореханова), гендерные проблемы (А.В. Вяльшина), неформальную экономику и занятость (Е.В. Бочарова), производственный потенциал АПК и его связь с уровнем жизни сельского населения (С.А. Андрющенко). Саратовские ученые также активно занимаются исследованиями этнических проблем, в том числе в сельской местности (К.С. Мокин, О.А. Романовская), проблем миграции (Е.Е. Немерюк), историко-социологическими исследованиями сельского социума (А.В. Посадский), исследованиями человеческого потенциала (Т.М.

Баландина, Ю.Г. Быченко), методами социологических исследований (Н.В. Шахматова) и т.д.

Несмотря на значительное число публикаций по экономической социологии села, тематика, связанная с измерением уровня жизни сельского населения и его динамики остается на периферии научных интересов исследователей. Чаще отдаются предпочтение конкретным исследованиям, посвященным отдельным социальным проблемам села (безработице, бедности, состоянию сельского здравоохранения и др.); реже эти проблемы анализируются в единстве и связываются с уровнем жизни.

Особенности и причины отставания уровня жизни сельского населения от городского, способы его преодоления нуждаются в переосмыслении с учетом современных реалий, сложившихся в ходе социально-экономической трансформации села.

Цель исследования: концептуализация уровня жизни сельского населения РФ и измерение его динамики в контексте социально-экономической трансформации села.

Задачи:

- систематизировать существующие методологические и методические подходы к социологическому исследованию уровня жизни, операционализировать категорию «уровень жизни» в виде систем показателей, отражающих ее узкую и расширительную трактовки;
- разработать инструментарий исследования уровня жизни сельского населения и его динамики, учитывающий результаты систематизации и операционализации, и включающий авторскую математико-статистическую модель;
- провести формализованное измерение уровня жизни сельского населения и его динамики на основе синтеза прямых методик анализа;
- получить косвенные оценки уровня жизни сельского населения и его динамики на основе анализа показателей состояния здоровья, структуры затрат времени и др.;

– раскрыть параметры институциональных изменений, произошедших в результате социально-экономической трансформации российского села и оказавших существенное влияние на динамику уровня жизни сельского населения;

– выявить совместную динамику развития основных хозяйственно-экономических институтов села и оценить их связь с уровнем жизни сельского населения;

– определить масштабы современной социально-трудовой мобильности сельского населения, включая маятниковую и временную трудовую миграции сельского населения;

– конкретизировать возможности повышения уровня жизни сельского населения на основе анализа сельского рынка труда и занятости, экономического поведения сельских домохозяйств;

– сопоставить динамику формализованных показателей уровня жизни и характеристик качества жизни.

Объект исследования – уровень жизни как характеристика социально-экономического развития сельского населения Российской Федерации.

Предмет исследования – динамика показателей уровня жизни сельского населения РФ.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в постановке проблемы, недостаточно изученной в социологической литературе, и комплексном ее решении с использованием системного подхода. Разработанные в диссертации методология и методы анализа, и полученные с их помощью результаты содержат следующие элементы научной новизны, которые состоят в следующем.

1. Проведена авторская систематизация существующих методологических и методических подходов к социологическому исследованию уровня жизни. Обосновано использование категории «уровень жизни» в узкой и расширительной трактовках, различающихся строгостью операционализации.

2. Предложена формализация рассмотренных методических подходов в виде конкретных, представленных в авторской интерпретации, методик анализа; в

том числе разработана и обоснована математически и экономически модель предельной полезности потребительских благ, связывающая уровень жизни со структурными особенностями потребления.

3. Осуществлено формализованное измерение уровня жизни сельского населения и получены оценки его динамики на основе авторских расчетов и с использованием прямых методик, включающих параметрический анализ функций распределения доходов, измерение сельской бедности, структуры прожиточного минимума, структуры потребления, индикатора насыщения потребностей, лежащего в основе авторской модели предельной полезности, и анализ субъективных оценок.

4. Получены косвенные оценки уровня жизни сельского населения и его динамики, основанные на авторском анализе структуры бюджетов времени, характеристик состояния здоровья и здравоохранения, масштабов и последствий естественной и миграционной убыли сельского населения.

5. Институциональные изменения сельского социума, происходящие с начала 1990-х гг. в процессе социально-экономической трансформации села, сопоставлены с динамикой уровня жизни сельского населения.

6. Выявлена совместная динамика развития сельхозорганизаций, крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйств (КФХ и ЛПХ) как основных хозяйственно-экономических институтов села, оценена их связь с уровнем жизни сельского населения.

7. Определены масштабы современной социально-трудовой мобильности сельского населения, выявлены основные причины роста временной трудовой миграции; социально-трудовая мобильность и временная трудовая миграция проанализированы как способы повышения уровня жизни сельского населения. Оценены новые процессы в социальной трансформации пригородных сел, связанные с развитием «обслуживающей» экономики, увеличением неформальной занятости и маятниковой миграции.

8. С использованием репрезентативной выборки и авторского инструментария подтверждены и уточнены выводы исследователей о динамике сельскохозяй-

ственной занятости. Проведен анализ самозанятости как способа повышения уровня жизни. Показана связь между экономическим поведением сельских домохозяйств и уровнем жизни сельского населения.

9. Выявлено противоречие между ростом формализованных показателей уровня жизни сельского населения и отставанием характеристик его качества жизни; показан его системный характер, связанный с инфраструктурными проблемами, недиверсифицированностью и слабостью сельской экономики.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что ее выводы, научные результаты и рабочие материалы могут существенно дополнить информационный ресурс проектов по реализации механизмов взаимосвязи экономического, социального и демографического развития сельского социума, могут быть использованы в комплексном решении социально-экономических проблем развития российского села.

Полученные в диссертационном исследовании результаты и выводы являются определенным приращением знаний в области научных представлений об экономической социологии, о социально-экономических и институциональных проблемах развития современного сельского социума. Разработанные методы и модели, раскрывающие концепцию уровня жизни сельского населения, релевантны предмету исследования и пригодны для практического использования.

Теоретические и методологические положения диссертационного исследования могут использоваться правительственными организациями при разработке инструментов социального регулирования хозяйственной деятельности и оптимизации социальной политики в сельской местности; учет рекомендаций по повышению уровня жизни, предложенных в диссертации, может способствовать устойчивому развитию сельских территорий.

Практическая ценность диссертационного исследования заключается в разработке новых методических подходов к измерению уровня жизни, учитывающих особенности социально-экономического развития села, которые могут быть востребованы в работе органов госстатистики и в управленческой практике как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях.

Сделанные в диссертации обобщения могут найти применение в рамках научно-исследовательской и педагогической деятельности при написании учебных пособий и учебных программ при подготовке специалистов, бакалавров, магистров и аспирантов по направлению подготовки «социология».

Теоретические и практические выводы диссертационного исследования нашли отражение в научных отчетах Института аграрных проблем РАН Отделению экономики РАН за 2011, 2012, 2013 гг.; в разработанных автором курсах «Социальное моделирование и проектирование», «Методология и методы социологического исследования», «Практикум по анализу социально-экономической информации», использующихся при обучении студентов в Саратовском социально-экономическом институте (филиале) РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Многолетние прикладные исследования автора в рамках Российской академии наук, включая участие в реализации грантов РГНФ в качестве исполнителя, подтверждают высокую практическую значимость диссертационного исследования.¹

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертационного исследования служат фундаментальные положения, представленные в трудах российских и зарубежных ученых, посвященных разрабатываемой проблематике; принципы системного подхода и структурно-функционального анализа.

Структурный функционализм, основы которого заложили Т. Парсонс, Р. Мертон, Н. Луман, и системный подход, развитие которого связано с именами Л. фон Берталанфи, Н. Винера, И.Р. Пригожина, П.А. Сорокина, П. Штомпки, Э. Гидденса, позволили автору рассмотреть избранную предметную область как систему, выявив в ней важнейшие феномены и проанализировав их как подсистемы в контексте внутренних и внешних связей, с учетом внутренней структуры и внешней среды. Так, рассматривая российское село как систему, автор выделил в

¹ грант РГНФ (региональный конкурс 2008 г. «Волжские земли: Саратовская область») № 08-02-27218а/В «Выявление путей повышения эффективности использования труда в мелкотоварном сельскохозяйственном производстве»; грант РГНФ № 10-03-00500а «Трансформация хозяйственных укладов в сельском социуме: модели и стратегии развития»; грант РГНФ № 12-03-00237 «Конфликт интересов субъектов природопользования как фактор экокатастроф».

нем подсистемы, играющие основную роль в формировании уровня жизни сельского населения, и проанализировал динамику параметров уровня жизни как внешних по отношению к системе, находящихся под ее влиянием, и, одновременно с этим, влияющих на нее. В таком ключе был проведен анализ взаимного влияния динамики социальных институтов села и динамики показателей доходов, потребления, занятости, здоровья, миграции – ключевой для диссертационного исследования.

Проверка положений, выдвигаемых в диссертации и выносимых на защиту, осуществляется с использованием современных методов обработки данных, включая группировку (при анализе показателей доходов и их динамики), построение и сравнение статистических коэффициентов (при анализе неравенства и моделировании «предельной полезности благ»), параметрический и непараметрический анализ (при построении распределений доходов), статистическую проверку гипотез (при сопоставлении теоретического и эмпирического распределений фермерских хозяйств по размеру землепользования), многомерный статистический анализ (при выявлении типов сельских домохозяйств и мотивов их хозяйственно-экономической деятельности).

Наряду со статистическими методами обработки числовых данных, как вторичных, так и первичных, полученных путем анкетирования на базе простой случайной, гнездовой или целенаправленной выборки, для анализа нечисловой информации применяются качественные методы. В частности, проводится анализ документов (писем) и семейных историй.

В ходе выполнения диссертационного исследования реализован междисциплинарный подход, позволивший использовать концептуальные принципы и категориальный аппарат смежных наук – социологии, статистики, экономики.

Эмпирическая база диссертационного исследования включает следующие данные, накопленные автором:

– материалы похозяйственных книг 4 сел Саратовской области, определенных в качестве кластеров гнездовой выборки, за 2011-2012 гг., включающие половозрастные характеристики и место работы (или вид занятости) всех жителей.

Выбор сел осуществлялся случайным образом из групп, составленных на основе заданных критериев; сформированная гнездовая выборка объемом 3,8 тыс. чел., репрезентировала сельское население РФ по формам и направлениям занятости;

– материалы похозяйственных книг 2 сельских поселений Саратовской области, составивших целенаправленную выборку объемом 2,5 тыс. чел., за 2012 г., включающие половозрастные характеристики и место работы (или вид занятости) всех жителей. Отбор сельских поселений осуществлялся на основе критерия наличия крупной по численности и удельному весу общины этнических мигрантов;

– массивы статистических данных по землеустройству всех сельскохозяйственных землепользователей 3-х районов Саратовской области, определенных в качестве кластеров гнездовой выборки, за 1994-2010 гг.;

– полуструктурированные интервью с главами сельских домохозяйств Саратовской области по проблемам приусадебного производства, включая показатели его товарности, размера и структуры, за 2006 и 2011 гг. (соответственно 108 и 44 интервью);

– материалы социологических опросов, проведенных автором в составе исследовательских групп, в период 1994-2014 гг., в том числе анкетирования по различному кругу проблем глав крестьянско-фермерских хозяйств Саратовской области в 1999 г. (N=193), сельских жителей Саратовской и Новосибирской областей в 2010 г. (N=379) и др.

Наряду с авторскими материалами, база данных диссертационного исследования представлена

– статистическими данными и методическими разработками Росстата за 1997-2015 гг., в том числе агрегированными и неагрегированными (посемейными) данными бюджетных обследований домашних хозяйств (с 1997 по 2015 гг.) и времени (за 2008 и 2014 гг.);

– статистическими данными переписей населения в РФ за 1989, 2002, 2010 гг.;

– ведомственной статистикой, в том числе Министерства сельского хозяйства РФ, Министерства занятости, труда и миграции Саратовской области, Министерства здравоохранения Саратовской области за 1995-2014 гг.;

– материалами социологических исследований Росстата, посвященных комплексному наблюдению условий жизни населения, за 2011, 2014, 2015 гг.;

– статистическими данными и методическими материалами Федеральной службы статистики ФРГ (Deutschland Statistisches Bundesamt).

Положения, выносимые на защиту.

1. В процессе авторской систематизации выделяются четыре методических подхода к социологическому исследованию уровня жизни, различающиеся предметом анализа – показателями в денежной форме, отождествляемыми с уровнем жизни (доходами, прожиточным минимумом и др.); показателями потребления, его объема и структуры в стоимостной и натуральной форме; показателями видов деятельности, в той или иной мере доступных человеку; показателями субъективного восприятия различных сторон жизни.

Получившая распространение в современной социально-экономической науке расширительная трактовка категории «уровень жизни», определяемая через условия труда и быта, наличие возможностей для профессиональной и личной самореализации, не вытеснила из научного оборота традиционную (узкую) трактовку, операционализируемую с помощью показателей потребления. В диссертации доказано, что эффективное разграничение обеих трактовок – узкой и расширительной – проводится не только по широте охвата показателей, но, прежде всего, по линии возможности строгой и обоснованной формализации.

2. Достоверность и точность оценок уровня жизни повышается при использовании системного подхода и применении нескольких методик – прямых и косвенных.

Методики, напрямую связанные с уровнем жизни, реализуются с помощью:

– анализа показателей, ассоциированных с уровнем жизни (доходов, прожиточного минимума и др.), в том числе анализа их временной динамики, параметрического и непараметрического анализа их распределений и т.д.;

- анализа структуры потребления основных видов благ с использованием статистики бюджетов домохозяйств и строго обоснованной авторской математико-статистической модели, связывающей уровень жизни с показателями предельной полезности блага и эластичности расходов на благо по общим расходам;

- анализа, основанного на субъективных оценках респондентов по репрезентативной выборке и качественных методах (текстологического анализа, анализа семейных историй и др.).

Методики, косвенным образом связывающие с уровнем жизни характеристики жизненной среды, реализуются с помощью:

- анализа доступности основных видов благ с использованием статистики бюджетов времени;

- анализа состояния сельского здравоохранения и доступности медицинских услуг населению;

- анализа демографических и миграционных тенденций развития сельского социума.

3. Комплексный анализ на основе прямых методик привел к следующим выводам.

- Уровень жизни сельского населения, резко снизившийся в 1990-е гг., с начала 2000-х гг. растет, причем, быстрее, чем городского. Этот ускоренный восстановительный рост связан с преодолением кризиса в аграрной отрасли, появлением новых возможностей самозанятости, ведения малого сельскохозяйственного и несельскохозяйственного бизнеса, временной трудовой миграции в города и т.д. Рост уровня жизни для многих сельских семей связан с утратой сельского статуса – с отказом от сельскохозяйственной деятельности, от работы в селе.

- По мере того, как со второй половины 1990-х гг. теряет актуальность приусадебное производство продуктов питания ради личного (семейного) потребления, бедность начинает в ускоренном темпе концентрироваться в сельской местности; при этом чем меньше село, тем выше риск бедности для его жителей. В отличие от наиболее развитых стран мира (например, Германии), повышенному риску бедности в РФ подвержены такие социально-демографические группы, как

семьи с детьми и молодежь; они в большей степени представлены в селе, чем в городе, что также способствует повышению сельской бедности. Современная сельская бедность скорее определяется низким качеством жизни, чем низкими доходами.

– Концентрация бедности в сельской местности, а также медленный рост доходов наиболее многочисленной – модальной – группы сельского населения (представляющей сельский «средний класс») способствуют росту социально-экономического неравенства. Оно достигает больших значений, но, тем не менее, остается ниже, чем в городе. В то же время, несмотря на возросшее неравенство и значительные различия в доходах, городское и сельское сообщества не распадаются на два слабо связанных социума.

4. Исследование косвенных характеристик уровня жизни, связанных с состоянием жизненной среды, привело к следующим выводам.

– Уровень безработицы в сельской местности, оцененный автором с использованием материалов бюджетных обследований времени, выше официального, так как анализ структуры временных затрат позволяет эффективнее выявлять неполную занятость и скрытую безработицу. Статистика бюджетов времени также является одним из наиболее достоверных инструментов анализа жизнедеятельности населения: авторские расчеты на ее основе свидетельствуют о более консервативном и отличающемся заметным присутствием архаичных форм укладе жизни в сельской местности – сельские жители дольше, чем городские, готовят пищу и убирают помещения, занимаются ведением ЛПХ, имеют гораздо меньше свободного времени для проведения досуга, формы которого значительно беднее.

– Многие социальные проблемы охраны здоровья сельского населения связаны с организацией сельского здравоохранения: с разбросанностью фельдшерско-акушерских пунктов по большой территории, с проблемами связки между ФАПом и районным медучреждением, со слабостью специализированной амбулаторной помощи в малых поселениях. Несмотря на недостатки, сельская система здравоохранения, наряду с другими факторами, обеспечивает позитивную динамику основных показателей здоровья сельского населения в последние 10-20 лет.

Тем не менее, эта динамика более медленная, чем в городе, из-за чего разрыв в данной сфере между городом и селом остается высоким.

– Естественная и миграционная убыль сельского населения ведет не только к его сокращению, но и к ухудшению социально-демографической структуры: в ней усиливаются диспропорции по показателям возраста (уменьшение удельного веса лиц трудоспособного возраста, особенно молодежи) и пола (уменьшение удельного веса женщин в молодых возрастных группах, усиливающее гендерную проблему). Складывающиеся тенденции крайне неблагоприятны для выполнения селом его функции поддержания в хозяйственном и культурном обороте обширных территорий. Одновременно с этим появляется тенденция этнического замещения населения на сельской периферии, представляя новый социальный вызов.

5. Институциональные реформы 1990-х гг. в селе, направленные на интенсификацию аграрной отрасли путем рыночной трансформации колхозов и совхозов, приватизации земли, создания и активизации деятельности фермерских хозяйств, имели серьезные хозяйственно-экономические и социальные издержки. Крупное сельхозпроизводство начало выходить из кризиса лишь в 2000-е гг. Развитие фермерского сектора шло медленнее, чем ожидалось. Вместо миллионов семейных хозяйств появились сверхкрупные фермы, объединяющие многие семьи, и именно они стали доминировать в фермерском секторе.

Приватизация земель сельскохозяйственного назначения путем наделения сельских жителей земельными долями запустила процесс рыночного оборота земли (посредством аренды и в последние годы – купли-продажи), активизировала развитие фермерского сектора. В то же время «простое» владение землей без ведения на ней хозяйственной деятельности не способствовало росту уровня жизни и вело к появлению феномена невостребованных (брошенных) земельных долей.

С начала 2000-х гг., когда основные сельские хозяйственно-экономические институты восстановились, трансформировавшись на рыночной основе, пришло понимание необходимости новых подходов к дальнейшему реформированию, в которых аграрная отрасль перестает рассматриваться как главная. Стали в большей степени учитываться социальные закономерности экономического развития.

Важнейшие задачи современного села сместились от сельхозпроизводства к социальному контролю над территорией, предоставлению рекреационных услуг и т.д.

Сопоставление ключевых тенденций экономического и институционального развития села с авторской оценкой динамики показателей уровня жизни, как прямых, так и косвенных, обнаруживает связь между двумя процессами. Нелинейный и взаимообусловленный характер этой связи наглядно демонстрируется развитием таких социально-экономических и хозяйственных институтов села, как ЛПХ (положение 6) и сельский рынок труда и занятости (положения 7, 8).

6. Развитие ЛПХ как одного из ведущих сельских социально-экономических и хозяйственных институтов в 1990-2010-е годы шло противоречиво. В начале системных реформ именно ЛПХ позволили частично компенсировать снижение сельхозпроизводства в крупнотоварном секторе и смягчить социальные издержки реформ, сыграв важнейшую роль в выживании сельского населения в условиях нарастания бедности. В 2000-е гг. крупнотоварный сектор, выйдя из кризиса, стал развиваться ускоренным темпом, возвращая себе утраченные ранее позиции. Его отношения с личными подсобными хозяйствами изменились с патерналистских на рыночно-рациональные, что, однако, не привело к упадку ЛПХ, но способствовало усилению их дифференциации: стали быстрее развиваться товарные ЛПХ, специализирующиеся на производстве сельхозпродукции для последующей продажи, в то время как роль потребительских ЛПХ пошла на убыль, став весьма незначительной в наши дни. Одно из объяснений этого состоит в том, что затраты времени на ведение приусадебного хозяйства потребительского типа перестали окупать себя по сравнению с затратами времени на работе, приносящей денежный доход. Это свидетельствует о преодолении системного кризиса – появлении новых возможностей трудоустройства, росте уровня жизни. Размер приусадебного производства может служить своеобразным индикатором неблагополучия: чем больше потребительская роль ЛПХ в жизнедеятельности сельских семей, тем ниже их уровень жизни.

7. Работа вахтовым способом превратилась в один из самых массовых и популярных видов трудовой деятельности сельских жителей, особенно из молодых

возрастных групп. Временная трудовая миграция постепенно становится ведущим элементом сельской социально-трудовой мобильности – приоритетным направлением при выборе работы даже при наличии вакансий на сельском рынке труда – вследствие стремления сельского населения к более высоким стандартам уровня жизни, не обеспечиваемым селом.

При этом вектор трудовой миграции направлен не в близлежащие районные города, чья функция по обеспечению занятости сельского населения не реализуется, а в столицу и бурно растущие города, в которых ведется активное строительство, и есть возможность занять нишу строительных рабочих разных специальностей, а также другие ниши, традиционные для сельских жителей.

Важнейшие факторы, влияющие на масштаб и формы занятости населения в сельской местности – наличие в селе крупного работодателя и местоположение села. Местоположение вблизи крупных городов открывает новые рынки сбыта для продукции ЛПХ и способствует «псевдоаграрному расселению» – появлению нового слоя сельско-городских жителей, использующих село для рекреации. Это дает толчок развитию «обслуживающей» экономики и неформальной занятости.

8. Многие социальные проблемы сельской занятости связаны со слабой диверсифицированностью сельской экономики, для которой аграрная отрасль, к настоящему времени трансформировавшаяся из монолитной кооперативно-государственной в многоукладную, по-прежнему остается ведущей и системообразующей. Другие отрасли не замещают ее полностью: возникающий пробел заполняется как неформальной занятостью, так и работой вахтовым способом.

Неформальная занятость и самозанятость как форма нерегистрируемого малого предпринимательства в сельскохозяйственной или несельскохозяйственной сфере получили широкое распространение в современном российском селе. Организация мелкотоварного производства на базе ЛПХ, создание миниферм является одним из наиболее доступных способов повышения уровня жизни сельского населения, особенно в отдаленных селах.

9. Качество жизни, определяемое доступностью важнейших социальных благ, в сельской местности остается низким, и различие между городом и селом

углубляется. Это различие в обозримой перспективе не может быть преодолено, так как связано с системными особенностями организации сельского социума и сложившимся сельским укладом жизни. Инфраструктурные проблемы, недоверсифицированность и слабость сельской экономики и т.п. являются факторами, действующими на понижение качества жизни.

Наблюдаемый рост формальных характеристик уровня жизни сельского населения ограничивается остающимся низким качеством жизни в сельской местности; повышение зарплат и общих доходов не влечет за собой автоматическое повышение возможностей статусного и личностного роста сельских жителей.

Достоверность и обоснованность результатов определяется непротиворечивостью выводов, полученных автором в ходе комплексного исследования, их сопоставлением с выводами, полученными ранее в работах других исследователей по предмету исследования, опорой на теоретико-методологические положения социологической и экономической науки и корректным применением научно-методического аппарата.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования нашли отражение в 76 публикациях в научных изданиях, в том числе в 15 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

По материалам диссертационного исследования в период с 2011 г. по 2015 гг. сделаны научные доклады на 10 международных и всероссийских конференциях, в том числе: «Глобализация и аграрная экономика: тенденции, возможные стратегии и риски», Москва, ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2011; «Научное наследие академика А.А. Никонова и проблемы современной аграрной экономики», Москва, Москва, ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2013; «Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации», Москва, ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2015; «Социально-экономические механизмы обеспечения продовольственной безопасности в условиях углубления международной конкуренции (Островские чтения – 2013)», г. Саратов, ИАГП РАН, 2013; «Стратегия развития агропродовольственного комплекса России в условиях

социально-экономической нестабильности (Островские чтения – 2015)», г. Саратов, ИАГП РАН, 2015; «Проблемы и перспективы устойчивого развития АПК», г. Саратов, СГАУ им. Н.И. Вавилова, 2011; «Повседневная жизнь россиян: социологический дизайн» (Дыльновские чтения – 2014), г. Саратов, СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2014.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании лаборатории инновационного развития производственного потенциала агропромышленного комплекса и лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института аграрных проблем Российской академии наук.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих 14 параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

1.1 Теория и методология социологического исследования уровня жизни сельского населения

Уровень жизни представляет собой довольно сложную для определения категорию. В советской экономической науке чаще употреблялся термин «благополучие», который считался более широким, интегрирующим родственные понятия «уровень», «качество» и «образ жизни». Благополучие определялось через потребности людей и способы их удовлетворения «в сфере труда, потребления, культуры, репродуктивного поведения, общественно-политической жизни».²

В настоящее время термин «благополучие» считается устаревшим, относящимся к словарю плановой экономики, и имеющим некоторый идеологический, позитивный смысловой оттенок. Тем не менее, термин «благополучие» продолжает активно использоваться в научной литературе, как зарубежной, так и российской, но без присущей ему прежде идеологической коннотации.

Экономические теории благополучия возникли в XVIII-XIX вв.; постепенно они развились в концепцию общественных благ. В первой половине XX в. Дж. Гэлбрейт, Г. Мюрдаль и др. сформировали теорию, основным положением которой было ориентирование государства на рост общественных благ, повышение общественного благополучия.³

В современной экономической науке наряду с термином «благополучие» применяются такие термины, как «уровень» и «качество» жизни. До середины 1960-х гг. западные исследователи под уровнем жизни подразумевали количество материальных благ, предоставляемых потребителю развитым индустриальным обществом; на их основе рассчитывали жизненные стандарты, с которыми проводили различные сопоставления. Иными словами, уровень жизни в тот период

² Римашевская Н.М., Опиков Л.А. Народное благополучие. Тенденции и перспективы. – М.: Наука, 1991. – С.9.

³ Анимца Е.Г., Новикова Н.В., Сухих В.А. Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона // Журнал экономической теории. – 2009. – № 1. – С. 14-35.

оценивался исключительно через экономические показатели, и этого казалось достаточным для полноценной характеристики благосостояния населения. Субъективное восприятие и оценка человеком условий своего существования, за счет которых впоследствии понятие «уровень жизни» было расширено, до определенного времени не были в достаточной мере разработаны.

Стремительное развитие экономики и технологий и, одновременно с этим, углубление социально-экономических проблем (рост безработицы, усиление неравенства, финансово-экономические кризисы), загрязнение окружающей среды и т.д. показали недостаточность подхода к уровню жизни только как к экономической характеристике благосостояния. Произошедшие перемены в экономике и укладе жизни потребовали изменений в методологии исследований. Возникла необходимость расширения понятия «уровень жизни» за счет новых, специальных характеристик, отражающих не только количественные, экономические, но и качественные стороны жизнедеятельности людей.⁴

С середины 1960-х гг. в исследованиях благосостояния возобладал неинституциональный подход, согласно которому в характеристике уровня жизни, наряду с экономическими параметрами, стали учитываться факторы здоровья, свободного времени, прав человека и др.⁵ Многие исследователи расширили понятие уровня жизни, добавив к установившемуся, сравнительно узкому кругу показателей, характеризующих его, показатели социальной, экологической и др. направленности. В этой связи некоторые авторы стали рассматривать категорию «уровень жизни» в узком и широком смыслах – соответственно через характеристику уровня потребления населения и степени удовлетворения потребностей (измерение доходов, расходов и потребления благ) и через характеристику уровня человеческого развития и условий жизнедеятельности (состояние здоровья, среды

⁴ **Кривошей В.А.** Эволюция концепции качества жизни // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики.* – 2013. – №1. – С.33-37; **Лига М.Б.** Качество жизни: генезис идей // *Ученые записки Забайкальского государственного университета.* Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2011. – №4. – С.237-244.

⁵ **Биктимирова З.З.** Качество жизни: проблемы измерения и оценки // *Экономика региона.* – 2005. – №2. – С.146-161.

обитания и т.п.).⁶ При этом исследователи, анализируя благосостояние населения «в широком смысле», часто применяют термин «качество жизни», ранее использовавшийся сравнительно редко.

Развитие теории качества жизни связано с выходом в 1966 г. в США монографии «Социальные индикаторы» под редакцией Р. Баэура, в которой благосостояние предлагается оценивать не только в рамках экономических, но и в рамках социальных категорий.⁷ В 1975 г. группа ученых из Дании и Швеции, работавших для Европейской экономической комиссии ООН, определила качество жизни не только с позиции степени удовлетворенности потребностей человека, но и с позиции его свободы и возможностей выбора.⁸ Впоследствии «возможность выбора» трансформировалась в концепцию «располагаемых возможностей или индивидуальной свободы выбора».⁹

Использование термина «качество жизни», однако, не вытеснило из научного оборота термин «уровень жизни», отражая потребность современного научного дискурса в конкретной, устоявшейся категории.

В современной российской науке возобладали те же подходы к дефинициям, что и в современной западной науке. Уровень жизни понимается в узком или широком смысле – соответственно как «стоимостная оценка доходов, расходов, потребления, накоплений и сбережений» и как «степень удовлетворения материальных и духовных потребностей».¹⁰ Качество жизни связывается с «условиями жизни человека», и в этом смысле оно совпадает с «широким» пониманием уровня жизни.¹¹

Исследователи связывают уровень жизни в узком смысле со сферой потребления и измеряют его через социально-экономические показатели общего благосостояния, включающие доходы, потребление, жилищные условия, услуги обра-

⁶ Егоршин А.П., Зайцев А.К. Качество жизни населения региона // Народонаселение. – 2005. – №1. – С.10-16; Чуличков Е.А. Уровень и качество жизни населения // Челябинский гуманитарий. – 2009. – №7, Т.1. – С.68-72.

⁷ Social Indicators / Bauer R.A. (ed.). Cambridge: MIT., 1966.

⁸ Research on Quality of Life in Urban Settlements in Sweden / Sweden National Council for Building Research / Stockholm, 1975. P. 9-12.

⁹ Sen A. The Standard of Living. Cambridge, 1987.

¹⁰ Анимица Е.Г., Новикова Н.В., Сухих В.А. Качество... 2009. – С.14.

¹¹ Егоршин А.П., Зайцев А.К. Качество ... 2005. – С.14.

зования, здравоохранения и т.д. В широком смысле уровень жизни связывается также и с условиями жизнедеятельности, включая экологическую среду обитания, социальное благополучие, психологический комфорт, политический климат и др.

Узкое и широкое понимание уровня жизни можно связать с объективистским и субъективистским методологическими подходами. Объективистская методология исходит из того, что измерение уровня жизни должно носить объективный характер и не зависеть от субъективного мнения опрашиваемого, чей уровень жизни оценивается. Оценка уровня жизни должна содержать *независимое суждение* о том, какие товары, условия и возможности делают жизнь лучше. Такая независимость может быть достигнута, например, простой регистрацией статистически достоверных объективных показателей заданных аспектов уровня жизни.¹²

Объективистский статистический подход в оценках уровня жизни часто критикуется социологами за усредненность анализируемых статистических показателей по региону или социальной группе, за их возможную недостоверность и за опосредованность между ними и *восприятием* людьми различных социальных явлений и процессов. В основу измерения предлагается положить субъективистский подход, так как именно субъективные мнения позволяют говорить о мере удовлетворенности отдельными сторонами жизни и жизнью в целом, об уровне социальной стабильности и др.¹³

Субъективистский подход к оценкам уровня жизни направлен на выявление меры удовлетворенности человека собственной жизнью или отдельных ее сторон. Эта удовлетворенность логически связана с тем, как люди адаптированы к определенным условиям жизни; с их ощущениями, с уровнем их притязаний и степенью удовлетворения этих притязаний.

При субъективистском подходе речь идет о непосредственном измерении уровня жизни; при объективистском подходе такая возможность часто отрицается, так как связь статистических показателей (дохода, потребления, накоплений и

¹² Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И. Измерение синтетических показателей качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики // Прикладная эконометрика. – 2006. – №2. – С. 20, 48.

¹³ Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. – 2009. – №1. – С.33-42.

др.) с уровнем жизни носит опосредованный характер и требует либо формального доказательства, либо априорного отождествления понятия уровня жизни с заданным набором статистических показателей.

Для операционализации понимаемого в широком смысле уровня жизни объективных статистических показателей недостаточно: измерение таких характеристик, как среда обитания, комфорт и др., относящихся к условиям жизни, требует субъективных оценок их соответствия потребностям людей. Поэтому основным инструментом измерения уровня жизни, определяемого на основе субъективистского подхода – социологический опрос, содержащий оценочные суждения для выявления отношения респондентов к жизни в целом или к отдельным ее сторонам по различным ранговым шкалам («горе» – «счастье», «плохо» – «хорошо» и др.). Методологически данный подход является попыткой сфокусироваться непосредственно на самом человеке, его ощущениях, а не на внешней по отношению к человеку эмпирике, «объективно» характеризующей различные стороны жизни; попыткой отойти от отождествления уровня жизни с набором статистических показателей.

Один из недостатков субъективистского подхода – невозможность охватить *все* стороны жизни. (В объективистской методологии – это вопрос полноты системы статистических показателей, оценивающих уровень жизни).

Другой недостаток связан с измерительным инструментарием: в эмпирической социологии часто возникает проблема надежности используемых для измерения шкал.¹⁴ Во-первых, необходимо быть уверенным в том, что сформированная шкала измеряет именно исследуемую проблему. Например, возможно расхождение объективных оценок уровня жизни и субъективных мнений о нем, когда «объективно низкий» уровень жизни соотносится с оптимизмом респондента, умеющего реально оценивать свои скромные возможности и получать удовлетворение от малых удач.¹⁵ Во-вторых, в часто используемой для оценок уровня жиз-

¹⁴ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: «Добросвет», 2007. – С.133-173.

¹⁵ Подузов А.А. Концепции уровня жизни: очерк современных представлений // Проблемы прогнозирования. – 2008. – №6. – С.73.

ни ранговой шкале, как правило, невозможно точно определить начало отсчета (указать «ноль» шкалы) и шаг (указать «единицу» шкалы). Иными словами, невозможно дать точную и обоснованную числовую оценку начальной позиции шкалы («очень плохо») и расстояния между двумя соседними позициями шкалы.

Таким образом, принципиальные различия обоих методологических подходов к уровню жизни и их недостатки приводят к необходимости понимания категории «уровень жизни» в широком смысле – как объективно-субъективной характеристики *потребления и условий существования* людей, зависящих от развития самого человека и его субъективных представлений о своей жизни.¹⁶ Широкое понимание категории «уровень жизни» дает основания к использованию в прикладных исследованиях обоих методологических подходов. При этом результаты измерений, проводимых в рамках каждого из них, должны, как минимум, не противоречить друг другу. Исследование, проводимое с использованием конкретных методов, представляющих каждую методологию, и дающее непротиворечивые результаты, будет более полным и системным.

В результате операционализации объективными и субъективными показателями уровень жизни в широком понимании может измеряться путем анализа каждого из этих показателей по-отдельности или путем их сведения к интегральному показателю-индикатору, «всесторонне характеризующему экономическое развитие общества, уровень материального, медико-экологического и духовного благосостояния человека».¹⁷ Конкретное наполнение индикатора конкретными исходными показателями может быть разным, в зависимости от цели конкретного исследования и принятого концептуального подхода, а методика его построения должна отвечать ряду требований, общих для всех индикаторов. Ф.М. Бородкин формулирует три основных требования, которым должен удовлетворять всякий интегральный индикатор: строгость операционализации (перевода) используемой концепции в измеряемую переменную (индикатор), воспроизводимость результа-

¹⁶ Беляева Л.А. Уровень ... 2009.

¹⁷ Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. – М.: Инфра-М, 2005. – С. 191.

тов измерения и возможность их интерпретации, четкое соответствие индикатора определенной социальной ситуации.¹⁸

Один из наиболее распространенных методов агрегирования – индексный (балльный, весовой), позволяющий «измерить множество проявлений уровня жизни с применением отдельных шкал и свести эти измерения путем суммирования в одну шкалу».¹⁹ Примерами таких индексов, получивших широкое распространение в мире, могут быть «индекс человеческого развития», принятый ООН, который исчисляется путем усреднения суммы балльных оценок значений пяти показателей по рассматриваемому региону – ожидаемой продолжительности жизни при рождении, уровня образования, бедности, безработицы и среднедушевого значения ВВП,²⁰ «индикатор подлинного прогресса» (Genuine Progress Indicator, GPI), разработанный в США и широко используемый во многих экономически развитых странах (США, Германия, Великобритания, Франция и др.), который представляет собой агрегированное значение 26 показателей, характеризующих экологическую, экономическую и социальную эффективность развития.²¹

С.А. Айвазян, В.С. Степанов, М.И. Козлова в работе²² подробно анализируют большое число индикаторов качества жизни, реализованных исследователями и используемых правительствами разных стран, сгруппировав их в несколько типов в зависимости от особенностей состава или подходов к формированию. Среди них – индекс физического качества жизни М.Морриса, индекс социального здоровья Мирингоффа, индекс социального развития Р.Дж. Эстеса, индекс удовлетворенности жизнью, уровнем демократии и др. («Евробарометр»), индикатор качества жизни Всемирной организации здравоохранения и др. Там же авторы формируют собственный интегральный индикатор качества жизни как сумму взвешенных «статистически регистрируемых объективных показателей различных категорий качества жизни»; веса – в отличие от большинства других интегральных

¹⁸ Бородин Ф.М. Социальные индикаторы – что это такое? // Мир России. – 2004. – №4. – С.62-101.

¹⁹ URL: <http://atlas.socpol.ru> (Независимый институт социальной политики. Дата обращения 01.01.2014).

²⁰ Кремлев Н.Д. Проблемы оценки уровня жизни населения // Вопросы статистики. – 2001. – №8. – С.18-23.

²¹ Данилишин Б.М., Веклич О.А. Индикатор подлинного прогресса как адекватный макроэкономический показатель общественного благосостояния // Проблемы прогнозирования. – 2010. – №6. – С.103-112.

²² Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И. Измерение ... 2006.

индикаторов – определяются на основе сложных статистических расчетов – с помощью модифицированного метода главных компонент.²³ Можно привести много других примеров формирования интегрального показателя качества жизни.²⁴ По некоторым оценкам, относящимся к началу 2000-х гг., в Интернете имеется около 1 млн. англоязычных и около 4 тыс. русскоязычных источников на эту тему.²⁵

Использование интегрального индикатора для анализа – не единственный общепринятый способ измерения уровня жизни, операционализированного большим количеством исходных неагрегированных показателей. Часто исследователи отдают предпочтение анализу уровня жизни на основе неагрегированных показателей. Это позволяет избежать проблем, связанных с усложнением методики анализа и необходимостью дополнительного обоснования способа агрегирования. Главной задачей практически во всех концепциях уровня жизни считается формирование всеобъемлющего набора показателей, связываемых с уровнем жизни, а не способа их агрегирования.²⁶

На выбор конкретных показателей для измерения уровня жизни (как в рамках интегрального индикатора, так и в рамках системы неагрегированных показателей) оказывают влияние принятые концептуальные подходы. В зависимости от них в составе системы показателей могут доминировать показатели той или иной направленности – экономические или социальные, экологические или технологические и т.п. Например, озабоченность состоянием окружающей среды способствовала корректировке понимания уровня жизни в направлении усиления в нем экологической составляющей, углубление социального и регионального неравенства заставило усилить в составе системы показателей качества жизни блоки со-

²³ Айвазян С.А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. – 2003. – №2 (39).

²⁴ См., например: Корчагина Е.В. Методы оценки устойчивого развития региональных социально-экономических систем // Проблемы современной экономики. – 2012. – №1 (41); Денисов Н.А. Качество жизни различных регионов России // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – №2. – С.23-36; Мстиславский П.С. Вопросы теории и методологии анализа качества жизни // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – №2. – С.5-17; Алексеева О.А., Жеребин В.М., Землянская В.Н. Уровень жизни населения: временные и межрегиональные сопоставления // Народонаселение. – 2001. – №4. – С.39-55; Анимица Е.Г., Новикова Н.В., Сухих В.А. Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона // Журнал экономической теории. – 2009. – №1. – С.14-35; Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: ЛКИ, 2007. – С.22.

²⁵ Бородкин Ф.М. Социальные... 2004. – С.64.

²⁶ Кривошей В.А. Качество жизни: сущность, содержание, критерии, измерение. – Белгород: «Кооперативное образование», 2004. – 194 с.

циальных и региональных показателей и т.д. Свою роль в развитии теорий уровня жизни сыграло появление в широком доступе компьютеров в 1970-х гг. Это дало сильный толчок развитию сложного прикладного статистического моделирования, ранее доступного только в форме теоретических изысканий. Появились экологические модели, актуализированные усилением загрязнения окружающей среды и изменением климата, экономические модели неравенства регионов и др. Выводы из этих моделей нашли свое отражение в новых, усиленных и расширенных, модернистских концепциях уровня жизни.

Одна из таких концепций связывает уровень жизни с развитием науки и техники. Подобный «технологический детерминизм» был популярен в разные времена, но как целостная концепция он появился в 1970-е гг. С точки зрения его адептов, развитие техники способствует формированию нового технологического уклада, что ведет к качественным изменениям в образовании, сфере услуг, формах досуга и других социально-экономических подсистем общества. Возникающие при этом проблемы (например, загрязнение окружающей среды) решаются опять-таки с помощью науки – созданием и внедрением новых технологий.²⁷ В основе «технологического детерминизма» лежит объективистский методологический подход.

Примерно в то же время, как появилась концепция «технологического детерминизма», возникает концепция «ощущаемых благ». В ее основе – субъективистский методологический подход. Данная концепция не только отрицала позитивное влияние на уровень жизни техницизма, лежащего в основе «технологического детерминизма»; в ее рамках утверждалась смена технических и экономических ориентиров на гуманитарные. Концепция «ощущаемого благополучия» стремилась разработать свою систему социальных характеристик, связанных с субъективным восприятием личностью своей жизни.²⁸

²⁷ **Bizezinski Z.** *Between two ages*, New York, 1970; **Белл Д.** *Грядущее постиндустриальное общество*. – Москва: Академия, 1999.

²⁸ **Andrews F., Whitney S.** *Social Indicators of Well Being // American's perception of Life Quality*. – N.Y.: Plenum Press, 1976; **Campbell A., Converse Ph., Rodgers E.W.** *The Quality of American Life. Perceptions, Evaluations and Satisfactions*. – N.Y.: Russell Sage Foundation, 1976.

Естественно, что «ощущаемое благополучие» труднее формализуется, чем, например, технологический детерминизм или «человеческое развитие». Приведем здесь в качестве примера интегральный индекс уровня жизни Л.А. Беляевой, в основу которого были положены не общепринятые статистические показатели, а показатели позиционирования индивидов в обществе по 4-м направлениям – уровню благосостояния, качеству ближайшей социальной среды, качеству экологии, социальному самочувствию.²⁹

Отметим, что получение субъективных оценок по тем или иным вопросам уровня жизни, как и измерение статистических показателей, не гарантирует надежности: точность и достоверность результатов социологических исследований, основанных на выборочном методе, также нуждается в статистической проверке. Оценки уровня жизни, основанные лишь на субъективных ощущениях индивидов, не могут быть в достаточной мере корректными и строгими. Подвижки здесь связаны с установлением объективных показателей оценки среды обитания и общепринятых эталонов сравнения, включающих заданные уровни устремлений, ожиданий, статуса, вознаграждения и др. Данная концепция для повышения возможностей своей формализации, как и большинство других концепций, обращается к теории потребностей, рассматривая выбранные «эталонные сравнения» как материальные и нематериальные потребности индивида, которые он стремится реализовать.³⁰

Теория потребностей или потребительского поведения весьма популярна в научном мире. Она не только является основой для формализации многих концепций уровня жизни, но и дает толчок поиску новых подходов к исследованиям благосостояния. В результате ее критики и доработки в конце XX века возникла и получила распространение новая концепция, связывающая уровень жизни не с материальной стороной жизнедеятельности и не с субъективными ощущениями человека, а с его возможностями. Данная концепция активно разрабатывается в последние десятилетия, и связана с именем экономиста, лауреата Нобелевской

²⁹ Беляева Л.А. Уровень... 2009.

³⁰ Кривошей В.А. Эволюция... 2013.

премии 1998 года по экономике А.Сена, присужденной ему «За вклад в экономическую теорию благосостояния». В рамках концепции считается ошибочным отождествление с уровнем жизни показателей доходов или потребления, так как в результате этого «происходит подмена подлежащей измерению самой жизни такими неэквивалентными ее понятиями, как обеспеченность потребительскими благами и полезность». Блага являются «элементами обеспеченности», а элементами жизни являются «отдельные виды человеческой деятельности и различные действия, занятия, поступки» и другие аспекты существования человека. Жизнь понимается здесь как «разворачивающийся во времени поток событий и процессов»; их одномоментный срез характеризует бытие человека в конкретное время, его стиль жизни. Совокупность возможных и доступных стилей жизни, которые открываются перед человеком в конкретный момент времени, и из которых он может выбрать только один, становится его *фактическим* стилем жизни.³¹ В рамках концепции А.Сена уровень жизни определяется возможностью человека делать выбор в пользу лучшего набора благ, как материальных (продуктов питания, непродовольственных товаров), так и нематериальных (более продолжительной жизни, лучшего состояния здоровья, высокого уровня образования, хорошего питания и т.д.), что позволяет назвать ее концепцией «располагаемых возможностей или индивидуальной свободы выбора».³²

Концепцию А.Сена роднит с концепцией «ощущаемых благ» отрицание самоценности роста объемов потребления материальных благ и услуг. Этот рост приобретает ценность только тогда, когда он действительно способствует расширению возможностей. Человеческое развитие рассматривается как цель и критерий общественного прогресса, а не как средство для экономического роста.³³ В то же время подход нельзя назвать субъективистским, основанным только на ощущениях, так как возможности людей растут при росте доходов и технологий, и это

³¹ Цит. по: Подузов А.А. Концепции. ... 2008. – С.79.

³² Кривошей В.А. Качество ... 2004.

³³ Sen A. The Standard... 1987; Добрышина Л.Н. Регулирование социально-экономического развития кризисных территорий. – М.: Гос. ун-т управления, 1999. – 178 с.

может быть оценено в объективных показателях, например, тех же доходов, а также образования, продолжительности жизни и др.

Множественность подходов, различия используемых методик, неоднозначность результатов приводят к очевидному выводу, что измерение благосостояния с помощью сложно построенных индикаторов – процесс условный; они служат для «частичного отражения реальности, основанного на неопределенных и несовершенных моделях».³⁴ Общим для всех исследователей является признание невозможности создания единого, универсального критерия оценки уровня жизни в силу субъективности самого понятия.

При включении определенных показателей в состав набора индикаторов уровня жизни возникает проблема обоснованности. Она либо решается строгими (математическими) методами либо является вопросом договоренности ученых и практиков, подобно, например, системе мер и весов или системе счисления.

Строгие методы редко работают в науках об обществе. Обоснование состава показателей уровня жизни в научной литературе опирается на имеющиеся, хорошо разработанные подходы в статистике и на практический опыт применения, успешность которого также доказана независимой статистикой.

Что касается «договоренности», то даже в отношении наиболее распространенных и используемых на практике индикаторов у исследователей нет единства мнений. Составные, агрегированные индикаторы подвергается критике по тем или иным причинам – чаще всего за отсутствие в нем показателей, которые, по мнению критикующего, должны быть учтены в итоговой оценке уровня жизни; реже за недостаточную обоснованность. Так, один из наиболее авторитетных индикаторов – индекс человеческого развития – критиковался В.М. Жеребиным и Н.А. Ермаковой за то, что он «не охватывал до последнего времени показателей доходно-потребительской группы»³⁵. Ф.М. Бородкин приводит ряд примеров ин-

³⁴ Бородкин Ф.М. Социальные... 2004. – С.67.

³⁵ Жеребин В.М., Ермакова Н.А. Уровень жизни в едином интегральном показателе // Народонаселение. – 2001. – №4. – С.84.

дикаторов, которые, по его мнению, не воспроизводимы без участия авторов, не проверяемы, не поддаются однозначной интерпретации.³⁶

Межрегиональное сопоставление несоставных, конкретных показателей дает более точные результаты при анализе, в том числе, временной динамики, и лучше интерпретируется, чем сопоставление агрегированных, интегральных индикаторов. В той же ООН, наряду с индексом человеческого развития, используется система дезагрегированных, детализированных показателей, разработанная в целях получения более корректных сопоставлений уровня (качества) жизни населения разных стран и регионов. Она включает показатели потребления продовольствия и непродовольственных товаров, условия жизнедеятельности населения, социальное обеспечение, образование и досуг, занятость и свободу человека.³⁷

Неоднозначность в определениях, хотя и создает некоторую терминологическую путаницу, но, одновременно с этим, расширяет методические возможности исследователей, у которых появляется «законная» возможность самостоятельно уточнять понятия и проводить разграничения между ними.

В настоящей работе мы будем исходить из необходимости достаточно простой и четкой экономико-математической формализации понятия «уровень жизни» в традиционной, узкой трактовке, допускающей его отождествление с каким-либо социально-экономическим показателем или с некоторым их набором. Теоретической основой для оценок уровня жизни будет служить теория потребностей или потребительского поведения. Формализованные оценки уровня жизни будут проводиться с учетом условий жизни (условий существования), понимаемых как внешняя по отношению к уровню жизни среда, влияющая на него.

Итак, «уровень жизни» мы будем определять через «потребление благ и услуг, меру удовлетворения основных жизненных потребностей»³⁸; одновременно

³⁶ Бородин Ф.М. Социальные... 2004. – С. 84-86.

³⁷ Жеребин В.М., Ермакова Н.А. Уровень... 2001.

³⁸ Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА, 1997. – С. 351, 145; см. также: Горшенина Е.В. Система индикаторов уровня и качества жизни населения в регионе-субъекте РФ: Раздел 1.4. / Региональные экономические исследования: теория и практика. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009; Жеребин В.М., Ермакова Н.А. Уровень жизни населения – как он понимается сегодня? // Вопросы статистики. – 2000. – №8. – С.3-11.

с этим характеристики, традиционно связываемые с качеством жизни – состояние здоровья, продолжительность жизни, удовлетворенность работой, формы проведения досуга и др. – будут рассматриваться как характеристики (или условия) существования, оказывающие решающее влияние на формирование уровня жизни. Их анализ может проводиться отдельно и иметь самостоятельный характер; проводимый в рамках исследования уровня жизни, он способствует повышению его системности и комплексности.

При таком толковании очевидна возможность успешного решения проблемы операционализации понятия «уровень жизни»: набор его показателей достаточно просто поддается оцифровке и математической формализации; они, кроме того, удовлетворяют приведенным выше требованиям, предъявляемым к социальным индикаторам.

Подход к уровню жизни как к строгому и обоснованному понятию предполагает, что он носит не только измерительный, но и сопоставительный характер, предполагающий возможность его оценки в терминах «низкий»-«высокий», во временном или пространственном аспектах, например, в разные периоды времени, между регионами, между социально-демографическими группами. Корректный выбор показателей, характеризующих уровень жизни (то есть удовлетворяющих требованию их строгого соответствия некоторым заданным аспектам, например, потреблению, неравенству и т.д.), необходим для получения однозначных оценок и для возможности сопоставления. Наличие большого числа разноплановых показателей, различающихся единицами измерения и имеющими разную временную динамику, может усложнить задачу. При выборе набора показателей для характеристики уровня жизни мы остановимся на наиболее авторитетных методологических положениях по статистике в РФ, предлагающих перечень из 17 показателей, включая доходы, расходы, сбережения, потребление домохозяйств, прожиточный минимум, дифференциацию населения и др. Данный набор

реализуется Росстатом в ежегодном статистическом наблюдении, отраженном в статистических ежегодниках.³⁹

Наряду с разработанными в теории уровня жизни подходами, основанными на анализе потребления и потребительского поведения, будут предложены и реализованы методы оценки уровня жизни, основанные на анализе субъективного восприятия и соответствия ожиданиям, анализе возможностей профессиональной и личной самореализации и т.д., реализуемых в рамках концепций «ощущаемых благ» и «располагаемых возможностей».

В данной работе уровень жизни сельского населения будет исследован в контексте социально-экономических перемен, происходящих в сельской местности РФ с 1990 г. по настоящее время.

Описанные выше подходы применимы для исследований благосостояния населения независимо от того, где оно проживает – в городе или в селе. В то же время существует ряд особенностей, характерных именно для исследований сельского населения. Выделим те из них, учет которых приводит к более корректному анализу и более точным оценкам уровня жизни в сельской местности. Это, прежде всего, существенная зависимость уровня жизни сельского населения от одной отрасли экономики – сельского хозяйства; хозяйственная и институциональная многоукладность, выразившаяся, в частности, в завышенной роли мелкомасштабного приусадебного сельскохозяйственного производства в жизнедеятельности сельских семей; наличие особого фактора сельской бедности, не сводимого к обычному показателю низкого уровня жизни.

Роль аграрной отрасли в экономике села всегда была высокой, остается таковой и сейчас, несмотря на выраженную тенденцию к ее ослаблению. Хотя численность занятых в аграрной отрасли с течением времени уменьшается, влияние сельского хозяйства на уклад сельской жизни, на благосостояние сельского населения оказывается значительным и носящим системный характер. Оно состоит в том, что

³⁹ **Российский** статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С.167 (Раздел 6 «Уровень жизни населения»).

– многие села (возможно, большинство), как и раньше, являются «моноотраслевыми»: их благополучие зависит от финансово-экономического состояния одного или нескольких сельхозпредприятий, остающихся единственным крупным работодателем в этих селах, и поддерживающих, официально или неофициально, сельскую инфраструктуру;

– сельхозпроизводство трансформировалось, перейдя от крупнотоварной формы в мелкотоварную и потребительскую, ведущуюся в рамках личных подсобных хозяйств (ЛПХ). В структуре сельскохозяйственной занятости значительно увеличился удельный вес неформального сектора.

Повышенная роль сельского хозяйства в жизнедеятельности сельских семей, их высокая производственная активность в сфере ЛПХ требует учета натуральных поступлений продуктов питания в семьи. В этой связи оценка уровня жизни на основе показателя среднедушевого денежного дохода, наиболее распространенная в исследованиях по уровню жизни, оказывается недостаточной. Анализ денежного дохода должен дополняться анализом показателей, включающих стоимостную оценку натуральных поступлений в сельское домохозяйство – конечных расходов или располагаемых ресурсов⁴⁰; их натуральная составляющая может анализироваться и как самостоятельный показатель.

Многие исследования по уровню жизни затрагивают тему бедности. Применительно к сельскому населению данный подход особенно актуален и продуктивен, учитывая, что бедность является одним из важнейших – системных – факторов сельской действительности. Бедность может пониматься и как уровень благосостояния, не превышающий определенного порога, и как уклад жизни, характеризующий социально-психологическим состоянием, определяемым нуждой, нехваткой жизненных средств, невозможностью удовлетворить насущные потреб-

⁴⁰ Под располагаемыми ресурсами Росстат понимает сумму «денежных и натуральных (в стоимостной оценке) средств, которыми располагали домашние хозяйства для финансирования своего потребления», а также создания сбережений в период обследования. Под конечными расходами или «расходами на конечное потребление домохозяйств» Росстат понимает сумму денежных расходов, направленных на приобретение потребительских товаров и услуг, и оцененную в денежном эквиваленте стоимость натуральных поступлений продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, предназначенных для потребления внутри семьи. См.: **Российский статистический ежегодник ... 2012.** – С.212.

ности семьи.⁴¹ Говоря обобщенно, бедность характеризуется отсутствием доступа к совокупности материальных и духовных благ, имеющих в данном обществе в данное время.⁴²

Исследования бедности в России имеют давнюю историю. Они начались во второй половине XIX века; статистические данные для них поставляла земская и бюджетная статистика. Наиболее заметные исследования русских сельских общин предпринимались в 1877-1878 гг.: одним из их участников был известный географ, экономист, статистик П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Изученные крестьянские хозяйства он сгруппировал по степени зажиточности, выделив 6 групп – от «неимущих» и «бедных» до «зажиточных» и «богатых» – и оценил численность каждой из них.⁴³

В 1920-е гг. исследования проблем бедности были прерваны. С этого времени вместо термина «бедность», означающего сложное многомерное общественное явление, стал использоваться эвфемизм «малообеспеченность», который представлял собой расчетный статистический показатель, соотнесенный с некоторым установленным уровнем среднедушевых доходов.

Современные исследования проблем бедности возобновились в конце 1980-х гг. Появились работы теоретического характера, базирующиеся на специальных эмпирических исследованиях, в которых бедность связывается с социально-экономической стратификацией российского общества в условиях его трансформации⁴⁴; работы, в которых анализируются факторы и причины бедности, а конкретные социальные проблемы (занятости, пенсионного обеспечения, оплаты

⁴¹ **Социологический** энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. – М.: Издат. группа НОРМА-ИНФРА М, 2000. – С.28.

⁴² **Вавилина Н.Д.** Бедность в России как социальное явление и как социальная проблема: Монография – Новосибирск: Изд-во Сибирской академии гос. службы, 2000. – С.49.

⁴³ см.: **Чаянов А.В.** Бюджетные исследования. История и методы: Избранные труды. – М.: Финансы и статистика, 1991. – С.47-48.

⁴⁴ см., например: **Заславская Т.И.** Социальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2002. – 568 с.; **Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.** Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр // Социологические исследования. – 2004. – №12. – С.17-30; **Бондаренко Л.В.** Измерение сельской бедности (методология и опыт) // АПК: экономика, управление. – 2004. – №12. – С.8-15; **Сергиенко А.М.** Сельская бедность в России: методологические особенности исследования // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – №2-1. – С.220-224.

труда и др.) исследуются в контексте проблем бедности и возможностей ее преодоления⁴⁵.

Направленность многих исследований связана с различными проявлениями бедности в сельской местности. В частности, проводятся исследования, посвященные бедности отдельных групп сельского населения (стариков, молодежи, многодетных и неполных семей), соотношению приусадебного сельскохозяйственного производства и бедности. В развитие данных направлений внесли свой вклад исследователи саратовского Института аграрных проблем РАН.⁴⁶

Очень важным представляется подход, рассматривающий аграрную реформу как фактор формирования сельской бедности.⁴⁷ Данный подход, связывающий аграрную реформу и ее результаты с сельской бедностью, с уровнем жизни сельского населения, реализуется в настоящем диссертационном исследовании: аграрная реформа привела к значительным экономическим результатам и имела значительные социальные издержки; произошедшая социально-экономическая трансформация российского села в настоящей работе рассматривается в динамике с показателями уровня жизни в сельской местности.

В результате теоретических, эмпирических и прикладных исследований выявляется целостная картина, в которой сельская бедность предстает как отдельное, особенное явление, отличающееся от бедности вообще и от городской бедности в частности. С социокультурной точки зрения бедность оказывается систем-

⁴⁵ См., например: **Серова Е.В., Тихонова Т.В., Храмова И.Г., Храмова С.В., Шик О.В.** Сельская бедность и сельское развитие в России. – М.: ИЭПП, 2004. – 50 с.; **Пошкус Б.** Совершенствование аграрной политики и борьба с сельской бедностью // АПК: экономика, управление. – 2004. – №12. – С.4-7; **Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М.** Система социальной поддержки, направленной на выход из бедности // SPERO. – 2014. – №19. – С.87-102; **Жаромский В.С., Рудберг А.М., Тер Акопов С.А.** Статистический и модельный анализ состояния домохозяйств с пенсионерами на основе данных выборочных обследований НОБУС и RLMS // SPERO. – 2014. – №19. – С.59-86; **Шевяков А.Ю., Жаромский В.С., Сопцов В.В.** Социально-экономическое неравенство и бедность: состояние и пути снижения масштабов // Экономическая наука современной России. – 2007. – №3. – С.62-74. **Ржаницина Л.С., Рыбальченко С.И.** Состояние семейной политики и предложения по ее совершенствованию // Социологические исследования. – 2013. – №6. – С.47-57.

⁴⁶ См., например: **Великий П.П., Елютина М.Э., Штейнберг И.Е.** Старики российской деревни. – Саратов: Степные просторы, 2000. – 128 с.; **Блинова Т.В., Вяльшина А.А.** Материальный достаток и финансовые возможности сельских домохозяйств с тремя детьми // Современная экономика: проблемы и решения. – 2013. – №1(37). – С.43-53.

⁴⁷ См., например: **Калугина З.И.** Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. 2-е изд. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – 196 с.; **Пациорковский В.В.** Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН РАН, 2010. – 390 с.; **Хагуров А.А.** Социология российского села. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт социологии РАН, Кубанский государственный аграрный университет, 2012. – 389 с.

ным явлением, встроенным в жизнь села, что объясняется концепциями «этики выживания» Дж. Скотта и «самоэксплуатации» А.В. Чаянова.⁴⁸ С социально-экономической точки зрения сельская бедность связана с ограниченностью доступа сельских жителей к современным благам, носящей устойчивый и воспроизводящийся характер, и закрепленной слабой инфраструктурой и более низкими по сравнению с городом доходами. Значительный вклад в консервацию бедности вносит возможность самообеспечения сельских семей продовольствием, которая обеспечивает их выживание, особенно в периоды кризисов, но не способствует развитию.

Наряду с теоретическими подходами к определению и пониманию бедности были разработаны методы, позволяющие измерить бедность в виде конкретного и обоснованного показателя. Исследователи выделяют 3 концепции для измерения бедности – абсолютную, относительную и субъективную. Абсолютная бедность измеряется путем сопоставления какого-либо показателя уровня жизни (чаще всего среднедушевого дохода или другого, ассоциированного с ним) с величиной некоторого минимального жизненного стандарта, в качестве которого чаще всего берется прожиточный минимум. Относительная бедность определяется по нижней границе преобладающего в стране стандарта жизни. Она измеряется путем сопоставления взятого показателя уровня жизни с его средним (или каким-либо иным, например, медианным) значением. Субъективная бедность определяется на основе самооценок населением своего материального положения, возможностей платить за питание, одежду, обувь и другие предметы повседневного пользования, мебель и бытовую технику, жилье, лекарства и медицинские услуги, образование и т.д.⁴⁹

⁴⁸ Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. – М.: Издат. группа «Прогресс»–«Прогресс-Академия», 1992. – С.202-211; **Современные концепции аграрного развития: Концепция «моральной экономики» / Дж. Скотт // Отечественная история. – 1992. – №5 – С.5-38; Чаянов А.В.** Крестьянское хозяйство: Избранные труды. – М.: Экономика, 1989. – 492 с.

⁴⁹ **Сергиенко А.М.** Сельская 2012; **Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.** Бедность в современной России: измерение и анализ // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2006. – Т.22. – С.90-113; **Бондаренко Л.В.** Бедность сельской России // Отечественные записки. – 2012. – №6.

Отметим, что представленные концепции могут быть применены не только для измерения бедности, но и для оценок неравенства и уровня жизни в целом.

1.2 Методы и эмпирическая база социологического исследования уровня жизни сельского населения

Можно выделить четыре сложившихся методических подхода к оценкам уровня жизни.

Первый основан на анализе показателей, характеризующих основные компоненты уровня жизни – прежде всего, доходов или других, связанных с доходами и коррелирующих с ними, например, заработной платы, располагаемых ресурсов, расходов и т.п.

В рамках подхода проводится сопоставление выбранных показателей с некоторым пороговым уровнем – социальным нормативом, в качестве которого обычно берется величина прожиточного минимума (ПМ).⁵⁰ Росстат вводит величину ПМ как денежную оценку «потребительской корзины» – потребительского набора, содержащего минимально необходимое для *физического и социального выживания* количество продуктов питания, товаров и услуг, а также обязательные платежи и сборы. В частности, при формировании минимального набора продуктов питания «используются нормы физиологических потребностей в пищевых веществах для трудоспособного населения, пенсионеров и детей, а также рекомендации Всемирной организации здравоохранения... Основными принципами формирования набора являются:

- 1) удовлетворение потребности различных групп населения в непродовольственных товарах с учетом возрастных особенностей, защиты организма от воздействия окружающей среды, а также организации быта;
- 2) сложившейся уровень обеспеченности непродовольственными товарами малоимущих семей;

⁵⁰ Цимбалов И.П. Бедность и богатство в рыночной экономике (социально-экономическое исследование). – Саратов: «Научная книга», 2006. – С.13-36.

3) минимальная обновляемость, минимальное разнообразие, низкая розничная цена, доступность непродовольственных товаров».⁵¹

Оставаясь в натуральной форме неизменным, ПМ меняется в зависимости от изменения цен на соответствующие блага.⁵² Для расчетов величины ПМ в настоящее время используются цены на 42 вида продуктов питания, складывающиеся во всех субъектах Российской Федерации. Наблюдение за их уровнем осуществляется органами государственной статистики на основании совместного Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ и Федеральной службой государственной статистики от 11 марта 2013 г. №93н/91.

Подобное соотнесение показателей доходов с величиной ПМ необходимо, чтобы уменьшить влияние инфляции, которая меняет покупательную способность денег и делает несопоставимыми значения любых абсолютных показателей, рассматриваемых в денежном выражении, во временной динамике. Сопоставление становится более корректным при переходе к относительным показателям – в нашем случае от абсолютного показателя доходов к относительному показателю, выражающему их покупательную способность. В концентрированном виде показатель покупательной способности аккумулирует в себе совместную динамику двух показателей – собственно доходов и цен на выбранный набор товаров и услуг, который и составляет ПМ.

Очевидно, корректный расчет ПМ требует тщательной разработки системы определения потребительского набора и стоимостной оценки его натуральных составляющих. В 1992-1999 гг. ПМ рассчитывался на основе методических рекомендаций Минтруда России от 10.11.1992 в соответствии с указом Президента РФ от 02.03.1992 № 210 «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации» для всего населения и в разрезе социально-демографических групп – для трудоспособного населения, пенсионеров и детей. В 2000 г. методика расчета ПМ изменилась: его величина стала устанавливаться

⁵¹ Социально-экономические индикаторы бедности в 2011-2014 гг. / Росстат – М., 2015. – С. 100-101.

⁵² Российский статистический ежегодник ... 2012. – С. 210-211.

Правительством РФ в соответствии с Федеральным законом от 24.10.1997 №134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации».

В 2000-2005 гг. состав потребительской корзины определялся Федеральным законом от 20 ноября 1999 г. № 201-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации». 31 марта 2006 г. Федеральным законом №44-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» уточняется состав потребительской корзины: он меняется в сторону большей сбалансированности в соответствии с изменившимися условиями жизни. В результате этого величина ПМ возросла в целом на 7%, в том числе для пенсионеров на 13%, для трудоспособного населения и детей на 5%.⁵³ В соответствии с этим законом величина ПМ была рассчитана за 2005 г., и рассчитывалась до 2012 г.; с 2013 г. порядок определения потребительской корзины вновь был изменен Федеральным законом от 03.12. 2012 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О прожиточном минимуме в Российской Федерации"».

Во Всероссийском Центре уровня жизни (ОАО «ВЦУЖ», рук. – В.Н. Бобков) проводится ежеквартальный «мониторинг доходов и уровня жизни населения России», в рамках которого с использованием собственных методик отслеживаются показатели прожиточного минимума и соотнесенных с ним основных видов доходов, потребительских расходов, социально-экономической дифференциации населения. Кроме того, в Центре анализируются показатели «потребительских бюджетов восстановительного и развивающего характера – восстановительный потребительский бюджет, бюджет среднего достатка и бюджет высокого достатка», которые рассчитываются с использованием методологических подходов, разработанных ВЦУЖ. Восстановительный потребительский бюджет определяет «социально приемлемый уровень материальных благ и услуг»; он соответствует приблизительно двум ПМ. Бюджет высокого достатка «определяет уровень благосостояния, отвечающий развивающему потреблению»; он соответствует при-

⁵³ **Социально-экономические** индикаторы бедности в 2010-2013 гг. / Росстат – М., 2014. – С. 99-101; **Российский** статистический ежегодник. 2007 / Росстат, 2007. – С.223; **Бобков В.Н., Гулюгина А.А.** Мониторинг доходов и уровня жизни населения России: июль-сентябрь 2012 года // Уровень жизни населения регионов России. – 2012. – №12. – С.8.

близительно семи ПМ. Наконец, бюджет среднего достатка, определяющий средний уровень потребления, составляет 3-4 ПМ.⁵⁴ С использованием данной системы потребительских бюджетов ВЦУЖ выделяет слои населения – бедные, низкообеспеченные, обеспеченные ниже среднего уровня, средние, состоятельные и богатые – различающиеся по уровню текущего потребления.

Все отслеживаемые ВЦУЖ показатели анализируются в разрезе федеральных округов; разрез по типу местности (город-село) не предусмотрен.⁵⁵

Применительно к сельскому населению анализ уровня жизни, доходов, занятости, демографической ситуации и т.д. проводится в рамках ежегодного мониторинга социально-трудовой сферы села под эгидой Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН. Мониторинг основывается на материалах обследований почти 6 тыс. сельских домашних хозяйств методом «формализованного индивидуального интервью с наиболее осведомленным лицом». По его результатам Центром всероссийского мониторинга социально-трудовой сферы села ВНИИЭСХ (рук. – Л.В. Бондаренко) публикуется доклад.⁵⁶

Итак, в рамках первого подхода проводится всесторонний статистический анализ показателя, ассоциированного с уровнем жизни – чаще всего показателя доходов: строятся группировки, динамические ряды и проводится их анализ соответствующими статистическими методами.

Второй подход основан на анализе потребления, его объема и структуры. Он логически связан с первым: распределение потребительских благ, как правило, опосредуется формированием и распределением доходов. Объем и структура потребления – это прямые и непосредственные показатели уровня жизни.⁵⁷

⁵⁴ **Бобков В.Н.** Бюджет прожиточного минимума или прожиточный минимум? // Уровень жизни населения регионов России. – 2007. – №7. – С.5-16; **Мудракова Е.И.** Минимальный потребительский бюджет // Уровень жизни населения регионов России. – 2007. – №7. – С.26-42; **Степанова Т.Н.** Бюджет высокого достатка // Уровень жизни населения регионов России. – 2007. – №7. – С.42-55.

⁵⁵ см., например, один из таких отчетов: **Бобков В.Н., Гулюгина А.А.** Мониторинг доходов и уровня жизни населения России: июль-сентябрь 2012 года // Уровень жизни населения регионов России. – 2012. – №12. – С.3-108.

⁵⁶ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. 1998-2012 гг. (вып. 1-14): науч. изд. / Отв. **Торопов Д.И., Ушачев И.Г., Бондаренко Л.В.** – М., 1999-2013.

⁵⁷ **Майер В.Ф.** Уровень жизни населения СССР. – М.: Мысль, 1977. – С. 7.

Уровень жизни, понимаемый как обеспеченность потребительскими благами, является оценочным выражением того, какая совокупность благ – их количество и качество – находится в распоряжении человека. Например, высокий уровень жизни отражается в наличии автомобиля элитной марки, дорогих предметов домашнего обихода, в доступе к редким видам услуг и т.д. Формализация наличия у человека благ обычно происходит с помощью стоимостного выражения – подавляющая часть благ имеет рыночный характер: они либо приобретены раньше, либо в настоящее время; их рыночная стоимость или другие показатели, сформированные на ее основе, являются общей характеристикой уровня жизни и удобны для сопоставления.⁵⁸

В рамках описываемого подхода исследователями были выведены основные закономерности, связывающие потребление конкретных благ с уровнем жизни. Например, более низкий уровень жизни характеризуется более низкой долей расходов на образование и медицинские услуги в доходах семьи (закон Энгеля); более высокий уровень жизни характеризуется большим объемом сбережений и более высокой их долей в располагаемых денежных ресурсах семьи (закон Райта) и др.⁵⁹ Наиболее известная закономерность касается потребления продовольствия и также связана с именем австрийского экономиста XIX века Э.Энгеля. Она состоит в том, что рост уровня жизни характеризуется более медленным ростом продовольственных расходов по сравнению с ростом доходов.

Третий подход к измерению уровня жизни – субъективистский, основанный на анализе самооценок. Основной инструмент его реализации – социологический опрос. В специально разработанной анкете чаще всего содержится два типа вопросов, ответы на которые дают представление о том, как сами респонденты оценивают собственный уровень жизни. Первый тип вопросов – «прямые» вопросы вроде «Как Вы оцениваете свое благосостояние?», «Как изменилось Ваше благосостояние за последний год?» «Удовлетворены ли Вы своим материальным поло-

⁵⁸ Подузов А.А. Концепции... 2008.

⁵⁹ Суринов А.Е. Статистика доходов населения. – М.: ЗАО «Финстатинформ», 2001. – С. 101; Важенина И.С. Возвышение потребностей: противоречивая трансформация // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №2. – С.129-142.

жением?» и т.п. Кроме того, задаются «уточняющие» вопросы, посвященные отдельным сторонам уровня жизни, например, «Делаете ли Вы сбережения?», «Увеличился ли объем сбережений, который Вы сделали в текущем году по сравнению с прошлым годом?» и т.п. Все подобные вопросы имеют четкие и однозначные («черно-белые») варианты ответов-альтернатив – «да»-«нет», «очень хорошо»-«хорошо»-«плохо»-«очень плохо» и т.д.

Второй тип вопросов – это вопросы, чьи альтернативы усиливаются по мере движения по списку: каждая последующая альтернатива по смыслу содержит в себе предшествующую, расширяет ее, предлагает респонденту зафиксировать все больший объем возможностей, которыми он может обладать (шкала Э.Богардуса). Например, один из самых распространенных вопросов такого типа, использующийся в исследованиях уровня жизни – «Как Вы оцениваете свое благосостояние?» с альтернативами «денег не хватает даже на питание», «денег хватает только на питание и оплату коммунальных услуг», «денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг и одежду», «денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и товары длительного пользования»,... Альтернативы могут быть сформулированы иначе, с другим содержанием или, например, в отрицательной форме: «денег не хватает даже на питание», «затруднительно оплачивать коммунальные услуги и покупать одежду», «не хватает денег на покупку товаров длительного пользования»...

Очевидно, состав списка альтернатив и их порядок должны быть обоснованы. Такое обоснование чаще всего исходит из принципов здравого смысла (когда альтернатив мало, и они достаточно просты) или опирается на экономическую теорию. Также для этого может быть использован метод Л.Гуттмана.⁶⁰ Недостаток рассматриваемых вопросов такой же, как и большинства вопросов, относящихся к номинальной шкале – трудно численно оценить расстояние между альтернативами, то есть трудно создать «настоящую» измеряемую шкалу. Теоретически для этого может быть использован метод Тёрстоуна.⁶¹ Однако для общих

⁶⁰ Ядов В.А. Стратегия... 2007. – С. 175-180.

⁶¹ Ядов В.А. Стратегия... 2007. – С. 180-185.

оценок уровня жизни и анализа его динамики данный метод с «расширяющимся списком» альтернатив оказывается достаточно удобным. Он активно используется как исследователями, так и Росстатом.

Четвертый подход реализует концепцию фактического стиля жизни А.Сена; он отражает расширенное понимание категории «уровень жизни», основанное на анализе видов деятельности, выбираемых и реализуемых индивидом из числа доступных ему. Согласно подходу, уровень жизни представляет собой характеристику совокупности доступных индивиду и выбранных им «элементов бытия», классифицируемых на материальные (представляющие собой всевозможные варианты использования каждого из располагаемых индивидом предметов потребления) и все прочие или на имеющие самостоятельную ценность (быть свободным, испытывать самоуважение) и создающие предпосылки для их осуществления.

В рамках первой классификации может быть выбрано какое-либо потребительское благо и определено, как именно владелец этого блага использует его. Например, автомобиль может быть использован для повседневного передвижения с различными целями, для поездок за город или в отпуск с рекреационными целями, как средство извоза для дополнительного заработка и т.д. Компьютер может быть использован как источник информации (новостной, для работы и др.), развлечений, общения, самообразования, заработка и т.д. С точки зрения А.Сена, важно не наличие автомобиля или компьютера, а способ их использования индивидом. Возможность тех или иных видов деятельности обеспечивается наличием соответствующих материальных благ и, кроме того, свободным выбором индивидом определенного набора видов деятельности из общего их количества, реализуемого данным материальным благом. Естественно, результат такого выбора – набор реализованных индивидом видов деятельности – легко описать; сложность состоит в формализации «свободного выбора» из существующего спектра возможностей.

Данная задача может быть решена в несколько этапов. Прежде всего определяется, какие именно категории благ доступны индивиду. Для этого использу-

ются объективные показатели (например, доход) и субъективные оценки (например, с использованием приведенной выше шкалы Э.Богардуса). Затем определяется, какими материальными благами из числа доступных ему индивид предпочел обладать. И, наконец, на основе анализа структуры бюджета времени определяется реализованный набор видов деятельности, связанный с имеющимися материальными благами.

Наряду с числовыми оценками доходов, потребления, доступности благ, исследования уровня жизни включают как составную часть анализ неравенства, под которым обычно понимается мера различия в распределении доходов и благ или степень доступа к ним. Данная тема является основной для многих работ А.В. Айвазяна, В.Н. Бобкова, А.А. Гулюгиной, В.С. Жаромского, А.Я. Кируты, В.В. Сопцова, А.Ю. Шевякова, О.И. Шкаратана и др. исследователей.

А.Ю. Шевяков и А.Я. Кирута предлагают разделить неравенство на «нормальное» и «избыточное» и вводят соответствующие индексы неравенства. Первый из них строится на основе упорядоченного (обычно по возрастанию) ряда значений дохода (называемого в статистике *вариационным рядом*⁶²), в котором все доходы ниже установленной границы бедности – например, величины ПМ – повышены до этой границы; второй составляет разницу между фактическим показателем неравенства и показателем «нормального неравенства».

Устанавливается прямое влияние «нормального неравенства» на экономический рост и обратное – «избыточного»: «нормальное неравенство положительно коррелирует с показателями экономического роста, а избыточное неравенство является его тормозом». Анализ обширной статистической базы с использованием собственных разработанных методик, проведенный в исследованиях, которые представлены в цитируемых работах, показывает, что имеющаяся высокая степень избыточного неравенства позволяет говорить об «институциональных де-

⁶² Обычно вариационный ряд записывается в виде двух строк (столбцов), в первой (-м) из которых фиксируются значения признака, а во второй (-м) – количество (частота) их появлений в ряду. В таком виде вариационный ряд еще называется частотным рядом или дискретным распределением.

фектах системы», при которых «нарушается естественная логика снижения бедности по мере экономического роста». При отсутствии институциональных изменений экономический рост ведет к росту и концентрации доходов у богатых и усиливает неравенство. Делается вывод о необходимости снижения неравенства доходов путем введения «инструментов, ограничивающих рост высоких доходов».⁶³ В исследовании⁶⁴ на основе репрезентативной выборки анализируется отношение населения 29 стран к возможности перераспределения доходов. Делаются выводы о прямом влиянии на перераспределение доходов показателей неравенства, развития институтов демократии и качества управления.

Формализация неравенства, понимаемого как социально-экономическая дифференциация населения или степень его расслоения, хорошо разработана. Она состоит в том, что выбирается один из показателей, считающийся наиболее агрегированным выражением благосостояния (чаще всего в качестве такового берется среднедушевой денежный доход), и по отношению к нему рассчитываются различные индикаторы, оценивающие неравенство. Среди общепринятых следует назвать используемые Росстатом коэффициент фондов (децильный или дифференциации доходов) и индекс Джини (концентрации доходов), которые строятся на основе данных вариационного ряда среднедушевого денежного дохода. Первый из них «характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами». Второй «характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема денежных доходов населения от линии их равномерного распределения. Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1, при этом, чем вы-

⁶³ Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. – М.: «Лето», 2002. – 320 с.; Шевяков А.Ю. Социальное неравенство, бедность и экономический рост // Общество и экономика. – 2005. – №3. – С.5-18; Шевяков А.Ю. Неравенство и формирование новой социальной политики государства // Вестник РАН. – 2008. – №4 (78). – С.304-316.

⁶⁴ Денисова И.А. Неравенство, качество институтов и спрос на перераспределение доходов: о чем говорят данные опросов населения в посткоммунистических странах // Журнал новой экономической ассоциации. – 2013. – №2 (18). – С.172-177.

ше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы в обществе». ⁶⁵

Кроме того, исследователи применяют и другие меры неравенства, чья методика расчета чаще всего похожа на методику расчета децильного коэффициента. В частности, коэффициент, равный соотношению денежных доходов двух групп населения – со среднедушевыми денежными доходами выше и ниже 3-х ПМ; децильный коэффициент, характеризующий дифференциацию бедного населения, который рассчитывается на основе вариационного ряда показателя среднедушевого денежного дохода, в котором верхней границей служит размер ПМ. ⁶⁶

Среди других мер неравенства, построенных на основе вариационного ряда среднедушевого дохода, выделим коэффициент вариации, который определяется делением среднеквадратического отклонения, характеризующего степень рассеяния показателя вокруг среднего значения, на само среднее. Коэффициент вариации доходов показывает, насколько сильно конкретные доходы индивидов разбросаны вокруг их среднего значения; деление дает возможность сравнивать разброс значений различных показателей, в том числе с разными единицами измерения. Например, с помощью коэффициента вариации можно сравнивать разброс значений показателя среднедушевого дохода в России и США, измеряемых соответственно в рублях и в долларах или разброс значений показателей расстояния от дома до работы (в метрах) и заработной платы (в рублях) и т.д.

В настоящей работе вариационные ряды выбранного для анализа неравенства показателя среднедушевого денежного дохода преобразуются в *интервальные распределения* путем группировки исходных данных по правилам математической статистики. В отличие от дискретного, в интервальном распределении частоты соотносят не с каждым отдельным значением признака, а с рядом значений, попадающих в рассматриваемый интервал. В нашем случае частоты, попавшие в

⁶⁵ **Российский** статистический ежегодник ... 2012. – С. 211.

⁶⁶ **Бобков В.Н., Гулюгина А.А.** Мониторинг доходов и уровня жизни населения России: июль-сентябрь 2012 года: раздел «Социально-экономическая дифференциация населения» // Уровень жизни населения регионов России. – 2012. – №12. – С.19-26.

некоторый интервал, суммируются, их сумма становится новым значением частоты, и это значение идентифицируется не с серединой интервала (как чаще всего делается), а со средним значением признака на интервале. Это увеличивает точность и позволяет более корректно перейти от обычной гистограммы к графику зависимости, который назовем *эмпирическим распределением*.

После этого может быть произведена аппроксимация полученного эмпирического распределения некоторым теоретическим распределением с нахождением его параметров, построением на их основе различных коэффициентов, характеризующих неравенство, и их последующим анализом.

Аппроксимация сгруппированных данных показателя среднедушевого денежного дохода была осуществлена на основе кривой логарифмически-нормального распределения.⁶⁷ Ее выбор для аппроксимации доходов в советской науке впервые обосновал П.П. Маслов⁶⁸ в 1945 г. и, несмотря на критику за расхождения с реальным распределением, проявляющимся в периоды глубоких реформ,⁶⁹ он был взят на вооружение как органами государственной статистики, так и исследователями. С.А. Айвазян отмечает, что при достаточно однородных совокупностях домохозяйств по источникам формирования доходов, территориальному и социально-профессиональным признакам (то есть по тем показателям, по которым проводится группировка домохозяйств в бюджетном обследовании Росстата) правомерно полагать распределение населения по среднедушевому доходу логнормальным.⁷⁰

Возможность перехода от эмпирического распределения к теоретическому, представленному аналитической функцией, позволяет провести параметрический анализ.

⁶⁷ Райцин В.Я. Модели планирования уровня жизни. – М.: Экономика, 1987. – С. 130-136.

⁶⁸ Маслов П.П. Методы экономических расчетов. – М.: Наука, 1955.

⁶⁹ Кирута А.Я., Шевяков А.Ю. Дифференцированный баланс доходов и потребления населения: новые аспекты теории и практических применений // Вопросы статистики. – 1995. – №7. – С.3-13; Панкратьев Н. Статистические методы анализа экономического расслоения населения // Вопросы статистики. – 1997. – №1. – С.22-28.

⁷⁰ Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход. – М.: Наука, 2012.

Функция плотности логнормального распределения имеет вид

$$f(x) = \frac{1}{\alpha x \sqrt{2\pi}} e^{-\frac{1}{2\sigma^2}(\ln x - \mu)^2} \quad (1)$$

Она зависит от двух параметров – μ и σ ; их совместная динамика определяет форму кривой.⁷¹ В то же время каждый из параметров логнормального распределения по отдельности не поддается социально-экономической интерпретации. Однако интерпретируемые коэффициенты (среднее, мода, вариации, медиана и другие, построенные на процентилях и т.д.), легко строятся на их основе. Наряду со средним и коэффициентом вариации рассмотрим коэффициент, равный отношению модального значения к среднему, интерпретация которого достаточно простая и наглядная. Учитывая, что мода – это наиболее часто встречающееся значение в вариационном ряду, данный коэффициент показывает, насколько сильно среднедушевой денежный доход самой многочисленной группы индивидов (относительного большинства) отличается от среднего.

Итак,

среднее для логнормального распределения вычисляется по формуле:

$$\bar{x} = e^{\mu + \frac{\sigma^2}{2}} \quad (2)$$

коэффициент вариации равен:

$$V = \sqrt{e^{\sigma^2} - 1} \quad (3)$$

коэффициент, равный отношению моды к среднему, вычисляется по формуле⁷²:

$$\frac{Mo}{\bar{x}} = e^{-\frac{3\sigma^2}{2}} \quad (4)$$

Прежде всего отметим две аналитические закономерности, вытекающие из формул (2) – (4). Суть первой состоит в том, что в формулах (3) и (4), характеризующих соответственно неравенство и удаленность наиболее часто встречающегося значения от среднего, отсутствует параметр μ , входящий в формулу для вычисления среднего (2). Применительно к показателю дохода это фактически означает, что *рост доходов сам по себе (общий рост уровня жизни) без изменения со-*

⁷¹ Хан Г., Шапиро С. Статистические модели в инженерных задачах – М.: Мир, 1969. – С. 119-122, 149.

⁷² Прикладная статистика: основы моделирования и первичная обработка данных. Справочное изд. / Айвазян С.А., Енюков И.С., Мешалкин Л.Д. – М.: Финансы и статистика, 1983. – С. 173-180.

циальных отношений не влияет на неравенство – не способствует его уменьшению, и не влияет на статус большинства – не способствует сокращению масштабов бедности. Вторая закономерность состоит в том, что коэффициенты вариации и отношения моды к среднему связаны обратной зависимостью. Это означает, что *приближение дохода большинства к среднему доходу происходит одновременно с ростом неравенства*. Таким образом, выбор логнормального распределения для аппроксимации показателя дохода оказывается не только статистически наиболее адекватным, но и приводит к важным выводам социально-экономического характера, подтверждаемым практикой.

Из формулы (2) следует, что одновременное уменьшение обоих параметров – μ и σ – ведет к уменьшению *номинального* значения среднедушевого дохода, чего в реальной жизни практически не бывает (номинальный доход с течением времени всегда растет: лишь поправка на инфляцию превращает его в *фактический* доход, динамика которого может быть разнонаправленной). Таким образом, исходя из того, что номинальный доход во временной динамике всегда должен расти, возможны случаи роста обоих параметров и уменьшения одного из параметров, но при компенсирующем росте второго. При этом лишь уменьшение параметра σ будет поддаваться *однозначной* интерпретации, которая связана с сокращением неравенства (см. (3)). Итак, только два случая – роста параметров μ и σ и сокращения σ при компенсирующем росте μ – могут быть практически осуществимы; их мы и рассмотрим в параметрическом анализе в §2.1. Примеры обоих случаев представлены на графиках на рис. 1.1.

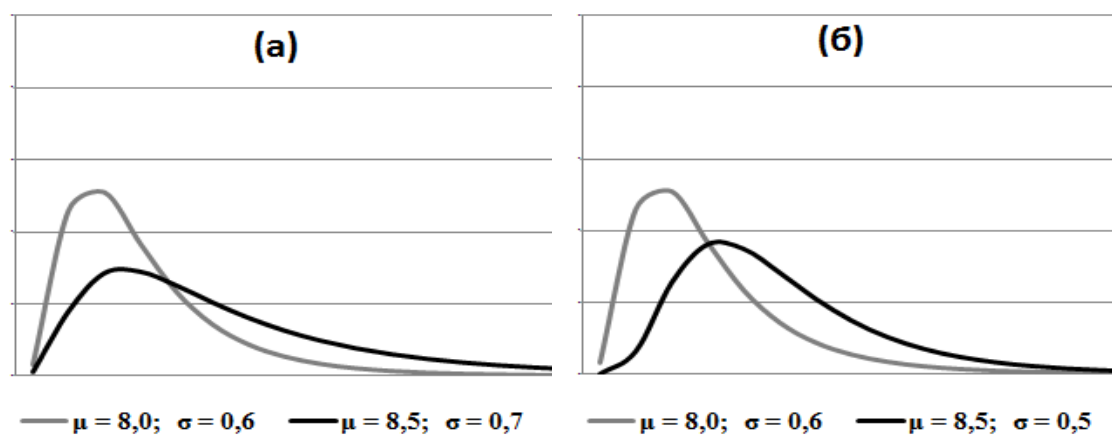

Рис. 1.1. Динамика логнормальных кривых в зависимости от совместной динамики значений параметров

Можно видеть, что оба случая – а) увеличение обоих параметров и б) увеличение μ при снижении σ – визуально характеризуются сдвигом кривой распределения вправо по оси доходов, отражая их рост. Различия состоят в том, что в случае (а) происходит более заметное уменьшение высоты и пологости горба; мода сдвигается вправо меньше, а хвост распределения поднимается выше, чем в случае (б). В случае (а) происходит перераспределение субъектов по шкале доходов от более низких значений к более высоким и, притом, неравномерное: чем индивид богаче, тем быстрее растут его доходы – неравенство увеличивается, а средний доход растет быстрее, чем в случае (б). В случае (б) также происходит перераспределение субъектов по шкале доходов от более низких значений к более высоким, но быстрее всего растут доходы бедных – неравенство уменьшается, а средний доход растет не так быстро, как в случае (а). Случай (б), по-видимому, отражает ситуацию уменьшения неравенства за счет сокращения «избыточной» его части.⁷³

Закономерности потребления формализуются в рамках второго подхода. Методика, связывающая уровень жизни с потреблением, представлена на примере закономерности, называемой правилом Энгеля: с ростом уровня жизни семьи «ее расходы на продукты питания увеличиваются, но эти расходы составляют всё меньшую часть дохода»⁷⁴. Из сформулированного таким образом правила следует, что если взять в качестве абсцисс точек $(x^{(k)}, y^{(k)})$ доходы k -го домохозяйства (или какой-либо другой показатель – аналог доходов), а в качестве ординат – расходы на продовольствие k -го домохозяйства за тот же период времени (или их аналог) и соединить эти точки, то получится выпуклая возрастающая кривая.

⁷³ См.: Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение 2002.

⁷⁴ Orshansky M. Who is among the poor: a demographic view of poverty //Social Security Bulletin. July 1965. №28: Цит. по: Подузов А.А., Кукушкин Д.К. Шкала....2000.

Для регрессионной аппроксимации подобных кривых может быть использована степенная функция, удовлетворяющая всем требованиям, налагаемым на вид функций спроса⁷⁵:

$$y = C \cdot x^\alpha, \quad (5)$$

которая представляет собой функцию регрессии продовольственных расходов y на доходы x и в которой параметр α лежит в пределах от 0 до 1 и интерпретируется как эластичность продовольственных расходов y по доходам x .

Отметим, что существует много других функций, чье применение в теории спроса обосновано как аналитически, так и статистически. Так, в работе⁷⁶ анализируются 8 разных функций, связывающих спрос (в физическом выражении) с доходами. В то же время постоянная эластичность (не зависящая от дохода) в случае степенной регрессии и гибкость степенной функции, состоящая в том, что она одинаково хорошо аппроксимирует кривые зависимости не только низко-, но и высокоэластичных видов расходов от общих доходов семьи,⁷⁷ имеют решающее значение для нашего исследования. Графическое представление в системе координат «доходы – конкретный *высокоэластичный* вид расходов» даст вогнутые возрастающие кривые, для аппроксимации которых используются степенные функции (5) с параметром $\alpha > 1$.

Последнее замечание может быть применено к известному условию суммирования, сформулированному для коэффициентов эластичности⁷⁸:

$$\sum_{i=1}^n \frac{y_i}{x} \cdot \alpha_i = 1 \quad (6)$$

⁷⁵ Суворов А.В., Соловьев А.М. Прогнозирование структуры расходов населения на товары и услуги // Проблемы прогнозирования. – 2011. – №1. – С.104-114.

⁷⁶ Тимофеев В.С., Колесникова А.Ю. Идентификация моделей зависимости спроса от дохода в рамках неоклассической теории // Доклады Академии наук высшей школы Российской Федерации. – 2009. – №2. – С.51-65.

⁷⁷ Суворов А.В., Соловьев А.М. Прогнозирование ... ; Гранберг А.Г. Моделирование социалистической экономики. – М.: Экономика, 1988. – С.143-145.

⁷⁸ Гальперин В.М., Игнатьев С.М., Моргунов В.И. Микроэкономика. Т.1. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – С.186-187; Боков О.Г. Риск. Рынок. Инвестиции. – Саратов: Изд-во В.П. Латанова, 2005. – С.127-128;

Андрющенко С.А., Трифонова Е.Н. Оценка состояния и прогнозирование динамики рынков взаимозаменяемых продовольственных товаров. – Саратов: Сар. гос. тех. ун-т, 2005. – 168 с.

При использовании в качестве x показателя *общих конечных расходов* семьи как аналога семейных доходов появляется естественное бюджетное ограничение:

$$\sum_{i=1}^n y_i = x \quad (7)$$

В (6) и (7) x – конечные расходы, y_i – i -й вид расходов, n – общее количество видов расходов, α_i – эластичность i -го вида расходов по конечным расходам.

Отметим, что, несмотря на возникающую при использовании расходов в обеих частях уравнения проблему эндогенности⁷⁹, которая приводит к нарушению одного из требований регрессионного анализа о независимости и детерминированности входных факторов, использование другого («не расходного») аналога доходов привело бы к росту погрешности из-за нарушения бюджетного ограничения (7).

Использование в модели показателя *конечных* расходов, кроме того, означает учет в составе зависимой переменной x не только денежных расходов на все приобретаемые блага, но и их натуральных поступлений. Это важно при оценках уровня жизни в сельской местности: если влияние натуральных поступлений на потребление горожан пренебрежимо мало, то их неучёт по отношению к сельским домохозяйствам может привести к некорректным оценкам уровня жизни по правилу Энгеля.

Добавим, что значения отобранных показателей приводятся Росстатом в разрезе децильных групп, образованных путем разбиения всей совокупности участвующих в бюджетном обследовании домохозяйств, упорядоченных по показателю располагаемых ресурсов, на 10 групп одинаковой численности. Поэтому в качестве значений $x^{(k)}$ и $y^{(k)}$ будут браться конечные и продовольственные расходы не отдельного k -го домохозяйства, а среднедушевые конечные расходы и среднедушевые расходы на питание домохозяйств k -й децильной группы.

Итак, с учетом вышесказанного, к выражению (6) может быть применена формула (5); тогда оно сведется к равенству единице суммы производных от сте-

⁷⁹ Тимофеева А. Ю. К проблеме эндогенности потребительских расходов при оценивании системы спроса домашних хозяйств // Прикладная эконометрика. – 2015. – №1 (37). – С.87-106.

пенных функций, построенных как регрессии конкретных видов расходов на конечные расходы, в любой фиксированной точке.

Таким образом:

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum_{i=1}^n \frac{y_i}{x} \cdot \alpha_i = \sum_{i=1}^n C_i \cdot \alpha_i \cdot x^{\alpha_i-1} = \sum_{i=1}^n y_i' = 1 \end{array} \right. \quad (8)$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum_{i=1}^n y_i = x \end{array} \right. \quad (9)$$

График, изображающий кривые зависимости расходов на питание от конечных расходов (рис. 1.2), свидетельствует о том, что в каждый последующий год точки, соответствующие значениям показателей по одним и тем же децильным группам, сдвигаются вправо и вверх, то есть расходы на питание и конечные расходы по соответствующим децильным группам год от года увеличиваются. Такое годовое увеличение расходов может быть отражением как роста уровня жизни, так и роста инфляции. Если увеличение расходов отражает рост уровня жизни, то, по логике реализуемого подхода, увеличение конечных расходов должно происходить быстрее, чем увеличение расходов на питание. В этом случае наклон кривой за последующий год должен быть ниже наклона кривой за предыдущий год – по одним и тем же децильным группам. Аналитическим выражением наклона кривой является первая производная; сопоставление ее значений в *соответствующих* точках (например, в одинаковых по номеру децильных группах, в точке x_{cp} и др.) за разные годы позволит определить, как менялся уровень жизни за эти годы: снижение значений производной будет означать увеличение уровня жизни, возрастание – его уменьшение. Возрастающий характер регрессионной кривой позволяет определить нижнюю границу изменения производной, а условие суммируемости (8) – верхнюю: соответственно 0 и 1.

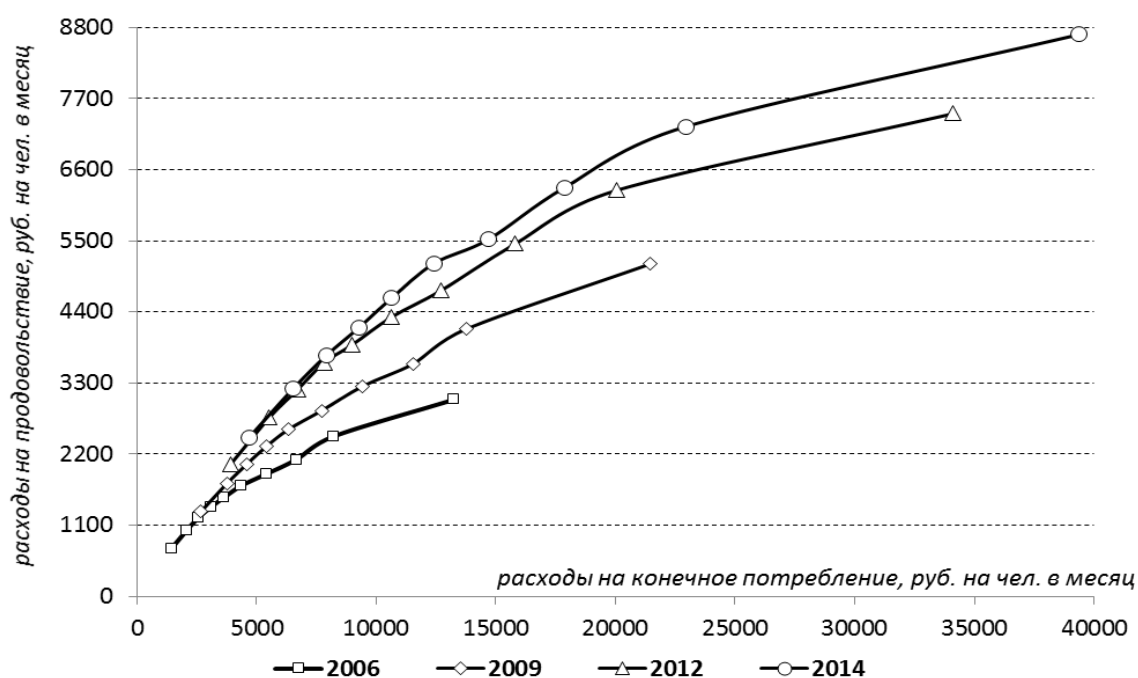

Рис. 1.2. Кривые зависимости между показателями расходов на питание и конечных расходов, по РФ

Таким образом, производная степенной функции, построенная как регрессия продовольственных расходов на конечные расходы, является индикатором, характеризующим уровень жизни. Чтобы избежать не очень удобной обратной зависимости между динамикой значений производной и динамикой уровня жизни, в качестве индикатора уровня жизни берется искомая производная, вычтенная из единицы:

$$I_{yp} = 1 - y' = 1 - C \cdot \alpha \cdot x^{\alpha-1} \quad (10)$$

Здесь y' может интерпретироваться как *предельная полезность продовольствия* (или предельная норма потребления продовольствия) для заданных конечных расходов, которая, очевидно, *будет снижаться по мере увеличения его доступности*.⁸⁰ Одновременно с этим $I_{yp} = 1 - y'$ может интерпретироваться как *мера насыщения потребности в продовольствии*, напрямую связанная с *мерой его доступности*. Значения индекса, близкие к 1, означают, что насыщенность потребности в продуктах питания предельно высокая; расходы на питание прибли-

⁸⁰ Носко В.П. Эконометрика: Элементарные методы и введение в регрессионный анализ временных рядов. – М.: ИЭПП, 2004. – С.51.

зительно одинаковы во всех слоях населения и не зависят от уровня их конечных расходов: $\frac{dy}{dx} = 0$, и $I_{yp.} = 1$.

В представленной форме (10) модель оценки уровня жизни является трехпараметрической: к двум параметрам степенной регрессионной функции добавляется третий – значение аргумента в сопоставляемой точке. В то же время условие (8) с учетом (9) позволяет упростить модель, уменьшив число ее параметров до двух: если рассмотреть только два вида расходов – «на питание» и «прочих» – то соотношение (8) запишется в виде

$$t \cdot \alpha_1 + (1-t) \cdot \alpha_2 = 1, \quad (11)$$

где t – доля расходов на питание в конечных расходах, α_1 – эластичность расходов на питание по конечным расходам, α_2 – эластичность всех прочих расходов по конечным расходам. Отсюда доля

$$t = \frac{1 - \alpha_2}{\alpha_1 - \alpha_2} \quad (12)$$

определяет значение конечных расходов, при котором для двумерного случая условие (8) выполняется точно. Итак,

$$I_{\alpha\alpha} = 1 - y' = 1 - \alpha_1 \cdot t = 1 - \alpha_1 \cdot \frac{1 - \alpha_2}{\alpha_1 - \alpha_2} \quad (13)$$

Индикатор в форме (13) является более простым и эффективным, чем в форме (10). Будем считать формулу (13) основой для оценок уровня жизни по данной модели.⁸¹

Кроме правила Энгеля, существует еще много других аналогичных закономерностей, касающихся соотношения динамики потребления различных благ и общего потребления и связывающих эти соотношения с уровнем жизни.⁸² Представляется, что все они могут быть объединены, основываясь на понятии эластичности следующим образом: расходы на конкретные блага, слабоэластичные по

⁸¹ Шабанов В.Л. Уровень и уклад жизни сельского населения: оценка трансформации на основе анализа структуры потребления // Вопросы статистики. – 2012. – №7. – С. 72-77; Шабанов В.Л. Динамика уровня жизни и неравенства в городе и селе: оценки с использованием данных бюджетных обследований домашних хозяйств // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2014. – Т. 14, вып. 3. – С. 43-48.

⁸² Суринов А.Е. Статистика ... 2001. – С. 101.

конечным расходам, ведут себя так же, как расходы на продовольствие и могут быть связаны с оценкой уровня жизни аналогичным образом. Если по мере роста конечных расходов доля в них расходов на некоторое благо снижается, то благо слабоэластично, и чем сильнее это снижение, тем выше насыщение данным благом, и тем выше уровень жизни. В таком случае блага, расходы на которые слабоэластичны по конечным расходам, формализуются в рамках представленной модели таким же образом, как и продовольствие – в случае высокого качества аппроксимации степенной функцией.

Динамика потребления благ, расходы на которые высокоэластичны по конечным расходам, иная: по мере роста конечных расходов потребление высокоэластичных благ возрастает, причем, быстрее самих конечных расходов. Отсюда чем больше конечные расходы, тем выше в них доля расходов на высокоэластичные блага, и тем выше уровень жизни. Степенная кривая в системе координат «конечные расходы – расходы на высокоэластичное благо» является вогнутой, и чем сильнее вогнутость, тем активнее потребляют данное благо в группах более высокого уровня жизни. При общем низком уровне жизни потребление высокоэластичных благ невелико у всех. Когда уровень жизни растет, появляются достаточно богатые группы населения, которые могут себе позволить более активное потребление высокоэластичных благ – например, предметов роскоши или других «необязательных» товаров и услуг, без которых обходятся низкодоходные группы. В наиболее высокодоходных группах расходы на эти блага резко возрастают. Такая динамика потребительского поведения по отношению к «необязательным» благам эффективно формализуется в рамках представленной модели (также при условии высокого качества аппроксимации степенной функцией): предельная полезность для высокоэластичных благ связана с уровнем жизни прямой зависимостью – она тем выше, чем выше уровень жизни:

$$I_{\text{δδ.άυπνίεγαν δ}} = y' = \alpha_1 \cdot t = \alpha_1 \cdot \frac{1 - \alpha_2}{\alpha_1 - \alpha_2} \quad (14)$$

где α_1 – эластичность расходов на высокоэластичное благо по конечным расходам, α_2 – эластичность всех прочих расходов по конечным расходам.

Несмотря на вогнутость, степенная кривая высокоэластичного блага *в области определения* никогда не пересечет биссектрисы первого квадранта (иначе расходы на высокоэластичное благо превысили бы конечные расходы, что противоречит здравому смыслу), а условие (6)-(8) устанавливает максимально возможное значение предельной полезности. Отсюда очевидно удобство выведенного индекса, проявляющееся в случае высокоэластичных благ: он, в отличие от коэффициента эластичности, имеет строго определенную верхнюю границу, равную 1.

Опрос по анкете – один из распространенных методов получения информации в социологических исследованиях. Опрос предполагает жестко фиксированный порядок, содержание и форму вопросов, ясное указание способа ответа. Вопрос – это высказывание, рассчитанное на получение информации, позволяющей операционализировать исследуемое социальное явление в виде последовательности статистических данных.⁸³

Специфика социологического опроса по тематике исследований уровня жизни состоит в том, что он применяется и для получения объективных данных по респондентам (посредством вопросов *о фактах*), и для получения субъективной информации (посредством вопросов *о мнениях, оценках и мотивах*). Вопросы *о мнениях, оценках и мотивах* часто формализуются в виде номинальной шкалы, альтернативы которой характеризуют субъективное мнение респондентов о своих возможностях (лишениях); при этом возможности (лишения) усиливаются по мере продвижения от начала к концу списка альтернатив (шкала Э.Богардуса⁸⁴).

В настоящей работе материалы социологических опросов – первичных, проведенных автором или с его участием, и вторичных, проведенных другими исследователями или Росстатом – использовались при измерении уровня жизни на основе анализа самооценок (по номинальной и ранговой шкале) и меры доступности благ (по шкале Богардуса в рамках обследований уровня жизни Росстата), при оценивании масштабов и направленности хозяйственной деятельности сельских домохозяйств.

⁸³ Ядов В.А. Стратегия ... 2007. – С.228-294; 133-173.

⁸⁴ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – С.164.

В любом опросе прежде всего определяется генеральная совокупность – множество всех объектов, подлежащих изучению. Генеральная совокупность характеризуется некоторыми типобразующими признаками, по значениям которых можно однозначно определить, относится ли к ней данный объект или нет.

Так как сплошное обследование генеральной совокупности сопряжено с большими сложностями и финансовыми затратами, то из нее каким-либо установленным способом выделяется подмножество объектов, называемых выборкой, и в дальнейшем обследование производится с выборкой; при этом его результаты распространяют на всю генеральную совокупность. Это возможно, если выборка будет репрезентативной (представительной) по выбранным параметрам, то есть состав респондентов по этим параметрам должен приближаться к соответствующим пропорциям в генеральной совокупности.

Для достижения репрезентативности выборка строится по определенным правилам. В зависимости от выбранных правил построения различают несколько типов выборок.

Простая случайная выборка характеризуется тем, что каждый объект генеральной совокупности имеет равную вероятность попадания в нее. Используется при однородных и сравнительно небольших по объему генеральных совокупностях, что бывает нечасто. В связи с этим *простая* случайная выборка представляет собой идеализированный, в большей степени теоретический, чем практический, вариант, для которого разработана стройная статистическая теория выборок.⁸⁵ В случае большой по объему или/и распределенной по большой территории генеральной совокупности, когда нет возможности осуществить случайный равновероятный отбор респондентов, используются другие типы выборок – гнездовая, стратифицированная, квотная, целенаправленная и проч.⁸⁶

Гнездовая (или серийная) выборка характеризуется тем, что отбираемые объекты представляют собой максимально однородные, однотипные группы

⁸⁵ Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных : Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. – М.: Научный мир, 2000. – 352 с.; Толстова Ю.Н. Математико-статистические модели в социологии (математическая статистика для социологов). – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007; Кокрен У. Методы выборочного исследования. – М.: Статистика, 1976.

⁸⁶ Рабочая книга социолога / Под ред. Г.В. Осипова. – М.: Либроком, 2009.

(гнезда или кластеры) более мелких, максимально неоднородных, разнотипных единиц, каждая из которых принадлежит только одной группе. Например, предприятие – группа работников; населенный пункт – группа жителей и т.д. Выбор гнезд осуществляется случайным образом, а сами гнезда, попавшие в выборку, подвергаются сплошному обследованию.

Целенаправленная выборка, в отличие от гнездовой, не является случайной. Она строится подобно гнездовой, но отбор объектов, типичных по типобразующим признакам, осуществляется не случайно, а по усмотрению социолога.

Специфика данного исследования диктует выбор гнездовой выборки в качестве наиболее часто применяемой. Подобное предпочтение автора объясняется тем, что гнездовая выборка дает возможность провести полный и всесторонний анализ отдельного кластера («гнезда»), в качестве которого в настоящей работе всегда выступали относительно замкнутые подсистемы вроде конкретного села или сельского административного района. В частности, при исследовании проблем сельской занятости (§5.1) в состав гнездовой выборки были включены несколько отобранных случайным образом сел Саратовской области; по всем домохозяйствам каждого из сел была собрана требуемая информация.

В качестве источника информации выступали материалы похозяйственных книг, имеющихся в каждом селе, в которых отражается ежегодно обновляемая информация обо всех жителях, распределенных по домохозяйствам, включающая их пол, возраст, занятость (или место работы), качество жилища и размер личного подсобного хозяйства. При исследовании динамики основных социально-экономических институтов села в качестве отдельных гнезд выбирались сельские административные районы. В каждом из них на основе баз данных местных комитетов по землеустройству осуществлялся сбор статистики землепользования каждого сельхозпроизводителя за определенные периоды времени.

При исследовании миграции (§3.3) использовалась целенаправленная выборка; в ее состав были включены два сельских поселения, в которых имелись крупные по численности и удельному весу общины этнических мигрантов. Источником информации также были материалы похозяйственных книг.

Случайными были выборки, на основе которых автором или при его участии проводились социологические опросы глав личных подсобных хозяйств (§5.2), фермерских хозяйств (§4.2) и др.

Особую важность для социально-экономических исследований имеет многоступенчатая выборка, которая используется в том случае, когда генеральная совокупность распределена по большой территории, имеющей иерархическое административно-территориальное деление (например, федеральные округа – области (края, республики) – районы – города и сельские округа). В этом случае выбор объектов, случайный или неслучайный, осуществляется на каждом уровне административно-территориальной иерархии, причем, совокупность объектов, отобранных на предыдущем этапе, становится генеральной совокупностью для отбора на следующем этапе. Многоступенчатая выборка используется Росстатом в бюджетных обследованиях времени: на первой ступени неслучайным образом выбираются несколько регионов, в каждом из которых, на второй ступени, формируется случайная выборка определенного объема отдельно по городской и по сельской местности. Подобным же образом формируется многоступенчатая выборка сельскохозяйственной переписи Министерства сельского хозяйства РФ. Многоступенчатой является и стратифицированная выборка бюджетного обследования домохозяйств Росстата (отличие в полном охвате объектов первого уровня – областей, краев и республик РФ).

Важнейшей составной частью эмпирической базы исследований уровня жизни являются статистические материалы Росстата – бюджетные обследования домашних хозяйств – и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS). В 1990-е годы оценки уровня жизни, проводимые Росстатом (тогда – Госкомстатом России) и RLMS, были несопоставимыми. До 1997 г. выборочные обследования Госкомстата не предусматривали сбора и оценивания информации о *натуральных* ресурсах домохозяйств; его оценки уровня жизни основывались на показателе *денежных* доходов. Оценки RLMS проводились с использованием эквивалентного шкалирования и основывались на данных о совокупных доходах домохозяйств, включающих как денежную

составляющую, так и денежную оценку натуральных ресурсов потребления.⁸⁷ С 1997 г. методика бюджетных обследований Госкомстата принципиально изменилась: доходы домохозяйств стали рассчитываться исходя из потребления, стали учитываться (в денежной оценке) натуральные поступления ресурсов, потребленных в домохозяйстве; появилась корректировка выборки, опирающаяся на статистику текущей переписи населения и на «доводку» распределения показателя дохода до логарифмически нормального вида. Это сделало бюджетное обследование Госкомстата соответствующим современным подходам в мировой статистике и способствовало большей адекватности его оценок уровня жизни. Методики бюджетного обследования Госкомстата и RLMS сблизились, а получаемые в отдельных случаях расхождения объясняются различиями, связанными с объемом выборки, региональным представительством и способами расчета совместного потребления внутри домохозяйств.⁸⁸ Преимущество бюджетного обследования Росстата состоит в том, что его выборка на порядок больше выборки RLMS и охватывает все регионы страны. Преимущество RLMS – в большей гибкости.

Похозяйственные данные бюджетных обследований Росстата за 2003-2009 гг., находившиеся в свободном доступе,⁸⁹ стали статистической основой для оценок уровня жизни сельского населения по различным показателям доходов в рамках первого из перечисленных подходов, и социально-экономического неравенства в сельской местности, проводимых в настоящей работе.

История бюджетных обследований в России началась во второй половине XIX века. Среди них выделяются воронежские и калужские, проведенные в 1884-1897-х гг. Результаты воронежских обследований были обобщены и опубликованы Ф.А. Щербиной; они явились для русской экономической и статистической науки первым крупным серьезным опытом, имевшим значительный позитивный

⁸⁷ См., например: **Воронин Г.Л., Козырева П.М., Косолапов М.С., Низамова А.Э., Сивкова И.В., Смирнов А.И., Соколова С.Б., Тонис Е.И., Шестова О.А.** Социально-экономическое поведение российских домохозяйств // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). – Москва, 2016. – С.7-95.

⁸⁸ **Мэннинг Н.** Неравенство в России: последствия 1990-х годов // Мир России. – 2007. – №3. – С.136.

⁸⁹ URL: <http://www.micro-data.ru>. (Дата обращения – неоднократно в течение 2005-2011 гг.).

отклик у специалистов.⁹⁰ А.В. Чаянов писал: «В бюджетах иностранных государств [мы имеем] бюджеты семьи, а не бюджеты хозяйства и в доход ставилось только то, что шло в семью для удовлетворения ее личных потребностей. Не то мы видим в бюджетах Ф.А. Щербины. Здесь бюджеты не семьи, а хозяйства, здесь регистрируются как личные потребности, так и все расходы по хозяйству. В расходной части ... сливаются потребности собственно семьи с расходами, сопряженными с ведением хозяйства как предприятия».⁹¹ Такое акцентирование внимания на бюджетных показателях хозяйства, а не семьи, было очень важно именно для изучения деревни, так как ведение аграрного хозяйства было неотъемлемой частью жизнедеятельности традиционной крестьянской семьи в России того времени.

Традиция исследования домашнего хозяйства, таким образом, имеет глубокие корни в русской бюджетной статистике. Она оказывается весьма востребованной и сейчас, учитывая, что сельские семьи в современной России ведут приусадебное хозяйство, ориентированное как на обеспечение личного потребления, так и на продажу.

В рамках современного бюджетного обследования Росстата органами госстатистики РФ проводится ежегодный опрос почти 50 тыс. домохозяйств, включенных в выборку на основании двухступенчатой схемы, обеспечивающей высокую степень репрезентативности. До 1997 г. выборка бюджетных обследований Госкомстата РФ формировалась по отраслевому принципу, согласно которому отбор домохозяйств для включения в выборочную совокупность осуществляется по отраслям и предприятиям.⁹²

Критики Госкомстата отмечали, что такой способ формирования выборки устарел, и оценивали погрешность репрезентативности. В частности, оценивалась смещенность выборки по отношению к генеральной совокупности в сторону завышения численности бедных и занижения неравенства по доходам и потребле-

⁹⁰ Щербина Ф. Крестьянские бюджеты. Воронеж: Вольное экономическое общество, 1900.

⁹¹ Чаянов А.В. Бюджетные исследования. История и методы: Избранные труды. – М.: Финансы и статистика, 1991. – С.47-48, 54-64.

⁹² Белова Н.Ф., Дмитричев И.И. Семейный бюджет. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 93 с.; Дмитричев И.И. Бюджет семьи как основа для изучения уровня жизни населения. – М.: Финансы и статистика, 1992. – 141 с.

нию. Так, в середине 1990-х гг. «выборочные оценки среднестатистических денежных доходов населения были в 1,7 раза ниже соответствующих оценок по данным макроэкономической статистики в целом по стране, и примерно в 4 раза – по Москве»⁹³. В условиях переходной экономики 1990-х гг. разные группы были представлены в выборке бюджетного обследования не пропорционально их долям в генеральной совокупности. По некоторым оценкам, 10% населения с наиболее низкими доходами составляли 20-25% выборочной совокупности бюджетного обследования, 10% населения следующей истинной децильной группы – 15-20% выборки; 10% наиболее обеспеченного населения составляли только 1-3% выборки Госкомстата. Естественно, что проблема смещенности выборки тем острее, чем нестабильнее социально-экономическая ситуация в стране: любой способ формирования выборки в те годы не дал бы высокого уровня репрезентативности.

В то же время проблема смещенности выборки характерна не только для РФ периода проведения системных реформ, но и для других стран. Так, в США в выборке бюджетного обследования 1992-1993 гг. доля населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, была в 3 раза выше их истинной доли (14-15% против 5%). Также трудно решаемой проблемой бюджетных обследований как в России, так и в других странах является непопадание в выборку лиц из высокодоходных групп населения.⁹⁴

С 1997 г. Госкомстат России отказался от отраслевого принципа формирования выборки бюджетного обследования. Согласно методике, выборка бюджетного Госкомстата России (Росстата) обследования является двухступенчатой случайной, построенной по территориальному принципу – по всем субъектам РФ. На первой ступени планирования выборочной совокупности домохозяйств в соответствии с данными последней переписи населения определяется ее объем по каж-

⁹³ Кирута А., Шевяков А. Социально-экономическая дифференциация, реальный уровень жизни и уровень бедности семей РФ: Анализ динамики и межрегиональные сопоставления // Мониторинг социально-экономического потенциала семей: Стат. бюллетень за II кв. 1996 г. – М., 1996. – С. 231-274; Айвазян С.А. Модель формирования распределения населения по величине среднестатистического дохода. // Экономика и математические методы, 1997. – Т. 33, Вып. 4. – С. 74-86.

⁹⁴ Кирута А., Шевяков А. Социально-экономическая дифференциация... 1996.

дому субъекту РФ отдельно по городской и сельской местности; на уровне субъектов РФ проводится отбор населенных пунктов пропорционально их размеру.

На второй ступени в отобранных населенных пунктах формируются счетные участки, в пределах которых осуществляется непосредственный отбор домашних хозяйств с применением модели систематической выборки, начало которой определяется случайно.

Важнейшей составной частью методики бюджетного обследования является статистическое взвешивание расчетных выборочных данных, которое производится в целях достижения заданного уровня репрезентативности. Оно осуществляется посредством присвоения каждому включенному в выборку домохозяйству статистического веса, который представляет собой общее число домохозяйств, имеющих те же социально-демографические характеристики, что и обследуемое, в заданном территориальном разрезе (городская/сельская местность субъекта РФ), скорректированное так, чтобы распределение показателя среднедушевого денежного дохода в каждом территориальном срезе было логарифмически-нормальным. С помощью такой корректировки «выправляются» полученные в ходе обследования данные по доходам; она дает возможность распространять расчетные данные по доходу и по производным от него показателям, полученным на выборке, на всю генеральную совокупность.⁹⁵

Методика опроса изменилась в сторону упрощения и удешевления: уменьшилось количество отслеживаемых показателей, временной охват по большинству из них сократился до одного-двух кварталов; полученные в эти временные периоды данные экстраполировались затем на весь год. Подобного подхода, учитывающего финансовые возможности государства и в большей степени опирающегося на принципы математической статистики, придерживаются органы государственной статистики во многих странах мира.⁹⁶

⁹⁵ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2014 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2015. – С.9-15.

⁹⁶ См., например: **Deutschland** und Internationales. Statistisches Jahrbuch. 2015 / Statistisches Bundesamt. 2015. P.165-190; **Encuesta** nacional de calidad de vida. 2015. URL: <http://www.dane.gov.co>

Несмотря на упрощение анкеты и отказ от круглогодичного наблюдения по всем параметрам, современная методология бюджетных обследований представляется рациональной, поскольку обеспечивает получение полной и квалифицированной информации о доходах, расходах и потреблении домохозяйств; обеспечивает сбалансированность данных, масштабность и регулярность обследования. Кроме того, для нашего исследования важно, что выборка бюджетного обследования, как и прежде, формируется отдельно для города и для села, причем, требуемый уровень репрезентативности достигается как по всему населению РФ, так и по населению ее субъектов, как городскому, так и сельскому.

По материалам бюджетных обследований Росстат ежегодно публикует статистические бюллетени «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств». В них дается информация по всем показателям, предусмотренным бюджетным обследованием – располагаемым ресурсам, потребительским расходам и расходам на конечное потребление домашних хозяйств, а также показателям, производным от них – денежным и натуральным доходам, расходам на конкретные блага и т.д. Кроме того, в рамках бюджетного обследования проводится опрос членов домохозяйств для получения объективной и оценочной информации, касающейся их образования, жилищных условий, имущества, финансового состояния. Большинство показателей приводятся в целом по РФ в зависимости от места проживания (город-село), от числа детей в домохозяйстве, от социального статуса, образования и возраста главы домохозяйства. Кроме того, показатели представлены в разрезе децильных групп, образованных на основе показателя среднедушевых располагаемых ресурсов.

Показатели структуры располагаемых ресурсов, потребительских расходов и расходов на конечное потребление также приводятся по субъектам РФ. Более детальный разрез, в частности, по субъектам РФ в зависимости от места проживания, не предусмотрен, хотя возможность подобных расчетов – в соответствии с используемой методикой – имеется. В то же время наличие общедоступного сайта

микроданных Росстата, содержащего похозяйственные данные и подробное описание методики, позволяет провести такие расчеты самостоятельно.⁹⁷

Таким образом, используемый способ формирования выборки позволяет проводить расчеты по всем отслеживаемым бюджетным показателям не только по РФ в целом, но и по выделяемым согласно методике слоям, например, по сельскому и городскому населению по субъектам РФ. В Приложении 1 приведена сравнительная таблица с официальными и самостоятельно полученными с использованием методики Росстата расчетными данными по показателю среднедушевых денежных доходов по регионам РФ за 2007 г. Различия всюду не превышают $\pm 1,6\%$, то есть речь может идти о незначительной статистической погрешности самостоятельно проводимых расчетов (за исключением Ингушетии, где погрешность составляет $\pm 4,9\%$). Это означает возможность самостоятельного воспроизводства методики Росстата для проведения аналогичных расчетов в разрезе городской и сельской местности.

Еще одна разновидность бюджетных обследований – обследования бюджетов времени – дают важную информацию не только о структуре временных затрат обследуемого населения, но и позволяют провести анализ его жизненного уклада и связать его с уровнем жизни.

Бюджетные обследования времени проводились органами государственной статистики СССР до 1990-х гг.⁹⁸, затем, после почти 20-летнего перерыва, были возобновлены в РФ в 2008 г. в форме разового пилотного проекта, охватывавшего почти 3,5 тыс. городских и 1,3 тыс. сельских респондентов 12 лет и старше из 7 российских субъектов. Из всего состава выборки, включающей около 4,8 тыс. респондентов, в обследовании бюджетов времени принимали участие респонденты от 15 лет и старше, составившие 82% выборочной совокупности; для 12-14-летних бюджеты времени составлялись отдельно.

⁹⁷ После 2011 г. сайт <http://www.micro-data.ru> перестал функционировать.

⁹⁸ **Артемов В.А.** К истории возникновения исследований бюджетов времени // Социологические исследования. – 2003. – №5. – С.141-149; **Артемов В.А., Новохацкая О.В.** Опыт исследования использования времени сельского населения в России // Социология и общество: глобальные вызовы и региональные развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. – М.: РОС, 2012; **Елизарьев Э.А.** Время общества (философский и социально-экономический аспект). – Новосибирск: Наука, 1969.

Проведение социологических обследований по различным аспектам уровня жизни, в том числе по бюджетам времени, было поставлено на регулярную основу с 2011 г. в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 года № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения».⁹⁹

В рамках данного проекта в 2014 г. было проведено крупное бюджетное обследование времени с географическим охватом всей территории РФ, с генеральной совокупностью, включающей все частные домохозяйства и население в них. Объем выборочной совокупности составил 10 тыс. домохозяйств (21,5 тыс. наличных членов). Опросу по затратам времени, как и в 2008 г., подлежали члены домохозяйств начиная с 12 лет; бюджеты составлялись отдельно для лиц 15 лет и старше и для 12-14-летних.

Кроме получения информации об использовании населением суточного фонда времени по конкретным видам деятельности, в рамках бюджетных обследований времени проводится опрос взрослых членов домохозяйств для получения информации *о фактах*, касающихся формы занятости и поиска работы, доходов, учебы, общественной и другой неоплачиваемой работы, здоровья, проведения досуга, а также *оценочных суждений* по различным вопросам (по оценке финансового положения, желаемого дохода, тяжести работы и др.). Предполагается, что «выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением» будет проводиться на регулярной основе с определенной периодичностью.

В рамках проекта также реализуется «комплексное наблюдение условий жизни населения», имеющее целью «получение статистической информации, отражающей «фактические условия жизнедеятельности российских семей и их потребности в обеспечении безопасной и благоприятной среды обитания, здорового образа жизни, воспитании и развитии детей, в повышении трудовой, профессиональной и социальной мобильности, улучшении жилищных условий,

⁹⁹ См.: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/itog_inspect1.htm (Дата обращения – 15.04.2016).

установлении и развитии социокультурных связей». Обследование проводится с 2011 г. ежегодно во всех субъектах РФ; генеральной совокупностью являются все частные домохозяйства и население в них. В 2014 г. объем выборочной совокупности составил 60 тыс. домохозяйств (136 тыс. наличных членов).

Комплексное наблюдение условий жизни включает три опросных листа. Первый касается общих сведений о домашнем хозяйстве, как объективных, так и оценочных – состав, условия проживания, финансовое положение домохозяйства и др. Второй предназначен для заполнения лицами 15 лет и старше, и включает вопросы о семейном положении, об условиях проживания в населенном пункте, о транспортном и бытовом обслуживании, трудовой деятельности и условиях труда, социальном обеспечении, здоровье и медицинском обслуживании, образовании, досуге, Третий опросный лист посвящен детям до 15 лет, их здоровью, образованию.

Наряду с материалами бюджетных обследований и комплексного наблюдения условий жизни, в исследованиях уровня жизни используются данные переписей населения РФ, играющие как вспомогательную (предоставление наиболее точных данных по количеству и составу домохозяйств России), так и самостоятельную роль. В частности, они позволяют оценивать демографические тенденции, количественные и качественные изменения в развитии института семьи и т.д.¹⁰⁰

Систематизация методологических и методических подходов к исследованию уровня жизни и разработка соответствующих им конкретных методик анализа, осуществленные в главе 1, позволили провести комплексное исследование уровня жизни сельского населения и его временной динамики, включающее статистический анализ показателей, ассоциированных с уровнем жизни (доходов, расходов, прожиточного минимума и др.), оценки бедности и неравенства, измерение объемов и структуры потребления, субъективные оценки уровня жизни и отдельных его аспектов.

¹⁰⁰ Елисеева И.И., Васильева Э.К. Основные направления исследования домохозяйств по материалам всероссийских переписей населения // Вопросы статистики. – 2014. – №4. – С.32-40; Прокофьева Л.М. Семейная структура населения России: тенденции последнего десятилетия // Народонаселение. – 2013. – №2. – С.72-84.

Эмпирическая база исследования включала материалы социологических опросов – как авторских, проведенных в рамках исследований различных аспектов уровня жизни сельского населения, в разные годы, так и Росстата, проводимого в рамках «комплексного наблюдения условий жизни» за 2011-2015 гг.

Измерение показателей доходов, расходов, прожиточного минимума, объема и структуры потребления товаров и услуг были осуществлены с использованием статистики бюджетных обследований домохозяйств РФ.¹⁰¹ В рамках конкретных исследований потребления и бедности использовались также материалы бюджетных обследований домохозяйств Федерального департамента статистики Германии.¹⁰² Для анализа уровня жизни, понимаемого как характеристика потока событий и процессов, разворачивающегося во времени, была использована статистика бюджетов времени населения РФ.¹⁰³

¹⁰¹ **Российский** статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М., 1997-2015. Раздел «Уровень жизни населения»; URL: <http://www.micro-data.ru> (Дата обращения – неоднократно в течение 2005-2011 гг.).

¹⁰² **Deutschland** und Internationales. Statistisches Jahrbuch. 2015 / Statistisches Bundesamt. 2011-2015.

¹⁰³ **Итоги** пилотного выборочного обследования использования (бюджета) времени населением. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2010: URL: http://www.gks.ru/doc_2010/bul_dr/btime10.doc; URL: <http://www.micro-data.ru> (Дата обращения – 15.03.2011).

ГЛАВА 2. ИЗМЕРЕНИЕ ДИНАМИКИ УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРЯМЫХ МЕТОДОВ

2.1 Измерение динамики уровня жизни сельского населения с использованием показателей доходов и прожиточного минимума

Снижение уровня жизни в 1990-е гг. было неизбежной платой за переход к рыночной экономике и являлось социальной издержкой системных реформ. С конца 1990-х гг. одновременно с восстановительным ростом экономики начался также и подъем уровня жизни. Данный раздел посвящен анализу динамики уровня жизни на основе показателей, ассоциированных с ним – денежных доходов, располагаемых ресурсов, их соотношения с ПМ.

Современная методология статистических наблюдений, используемая Росстатом, определяет суммарный объем денежных доходов в системе национальных счетов; он исчисляется как «сумма первичных доходов, выплаченных единицами-резидентами участникам производства» и включает «доходы лиц, занятых предпринимательской деятельностью, выплаченную заработную плату наемных работников, социальные выплаты, доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам, дивидендов и др.». На их основе рассчитывается макроэкономический показатель среднедушевых денежных доходов населения (в месяц) путем «деления годового объема денежных доходов на 12 и на среднегодовую численность населения».¹⁰⁴ Таким образом, макроэкономический подход в определении дохода исключает возможность его расчета по-отдельности для города и для села.

По сравнению с системой национальных счетов, в которой доход формируется как сумма всех агрегатных компонентов макроэкономической системы, в бюджетном обследовании домашних хозяйств доходом считается сумма всех поступлений в домохозяйство, которые «вносят реальный вклад в экономическое благополучие людей».¹⁰⁵ Переход к среднедушевому показателю осуществляется

¹⁰⁴ **Российский** статистический ежегодник ... 2012. – С. 351, 210.

¹⁰⁵ **Фролова Е.Б., Великанова Т.Б.** Методика измерения относительной бедности // Уровень жизни населения регионов России. – 2012. – №10-11. – С.89-90.

делением общего дохода домохозяйства на число лиц, проживающих в нем. Такой подход делает бюджетное обследование единственным реальным источником данных, позволяющих выделить отдельно городские и сельские домохозяйства.

Основной методологический принцип в исчислении дохода, используемый в бюджетных обследованиях, был сформулирован Дж. Р. Хиксом в 1946 г. Он состоит в том, что доход – это «максимальная стоимость, которую человек может потребить в течение недели, и при этом, как он ожидает, к концу недели он будет столь же состоятелен, что и в ее начале». В дальнейшем Хикс уточнил, как следует понимать *одинаковую состоятельность* в конце и в начале недели – как «максимальное количество денег, которое индивидуум... как он ожидает, будет способен тратить *каждую последующую* неделю». ¹⁰⁶

Международная организация труда, используя данный методологический подход, приводит 3 принципа, которые должны учитываться при исчислении дохода:

- чтобы считаться «доходом», расходы должны обеспечиваться ожидаемыми и более или менее регулярными поступлениями;
- эти поступления должны реально вносить вклад в текущий уровень экономического благополучия домохозяйства;
- если расходы осуществляются за счет выбытия капитала домохозяйства, то они не должны учитываться при исчислении дохода. ¹⁰⁷

В бюджетных обследованиях Росстата денежный доход – это «расчетный показатель, исчисляемый как сумма денежных расходов и прироста (уменьшения) финансовых активов в период обследования. Он трактуется как объем денежных средств (без привлечения ранее накопленных или заемных), которыми располагали домохозяйства для обеспечения своих расходов и создания сбережений без привлечения ранее накопленных или заемных средств в период обследования». ¹⁰⁸

¹⁰⁶ Hicks J.R. Value and Capital: An inquiry into some fundamental principles of economic theory. Oxford, Clarendon Press, 1946.

¹⁰⁷ Доклад МОТ, 2003. URL: <http://www.ilo.org/public/english/region/eurpro/moscow/news/2004/ilostatrus.pdf> (Дата обращения - март 2008 г.); Дементьев Н.П., Корнеев В.Д. К методологии определения доходов, расходов и сбережений // Вестник Новосиб. гос. ун-та. – Т.5, Вып.1. – 2005. – С.5-6.

¹⁰⁸ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2011 году (по итогам выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств) / Росстат. – М., 2012. – С.11.

В данном определении дохода, введенном Росстатом, явно или косвенно учитываются все 3 приведенные выше принципа МОТ: во-первых, в составе дохода учитываются только текущие расходы, то есть те, которыми домохозяйства «располагали» в отчетном периоде. Во-вторых, речь явно идет о расходах, влияющих на поддержание текущего уровня благосостояния и его повышение путем создания сбережений. В-третьих, в составе дохода не учитываются накопленные и заемные средства.

Итак, макроэкономический подход к доходу как к сумме доходов, получаемых из всевозможных источников, и микроэкономический подход к доходу как к сумме расходов, сделанных за отслеживаемый период без учета расходов ранее накопленных средств, различаются на концептуальном уровне. Это приводит к несоответствию получаемых данных: размер среднедушевого денежного дохода как составной части располагаемых ресурсов, рассчитанных в рамках бюджетных обследований, составляет 60-70% от размера денежного дохода как макроэкономического показателя, рассчитанного в системе национальных счетов.¹⁰⁹ Для исследования уровня жизни более предпочтительным является подход, принятый в бюджетных обследованиях, так как он дает представление о реальных возможностях домохозяйства, а не гипотетических, определяемых имеющейся в его распоряжении суммы денег и, кроме того, он позволяет провести территориальный разрез выборки, выделив в ней отдельно городское и сельское население. Его мы и будем использовать в данной работе.

Имеющаяся статистика¹¹⁰ свидетельствует о том, что денежные доходы в сельской местности по крайней мере с 2005 г. (и за исключением 2013 г.) растут быстрее, чем в городе. Замена показателя денежных доходов на показатель располагаемых ресурсов не меняет динамики, но приводит к более высокой оценке уровня благосостояния сельского населения благодаря учету стоимости натуральных поступлений в составе показателя располагаемых ресурсов. Также важно от-

¹⁰⁹ Ср.: **Российский** статистический ежегодник ... 2012. – С.167 и **Доходы...** 2012. – С.18.

¹¹⁰ Рассчитано по: **Доходы...** 2008–2016; **Российский** статистический ежегодник ... 2009, 2012. – С. 185; 186-187.

метить, что с течением времени происходит постепенное сближение значений обоих показателей, что свидетельствует об уменьшении роли натуральных поступлений в жизнедеятельности домохозяйств (рис. 2.1).

Рис. 2.1. Отношение денежных доходов и располагаемых ресурсов в селе к аналогичным показателям в городе, %

Соотнесение показателей денежных доходов и располагаемых ресурсов с величиной ПМ демонстрирует высокий темп роста уровня жизни как в городе, так и в селе, в 2005-2008 гг., последовавшую затем неопределенность в 2009-2014 гг. и снижение после 2014 г. Отметим, что динамика обоих показателей для сельского населения в рассматриваемый период выглядит устойчивее, чем для городского (рис. 2.2).

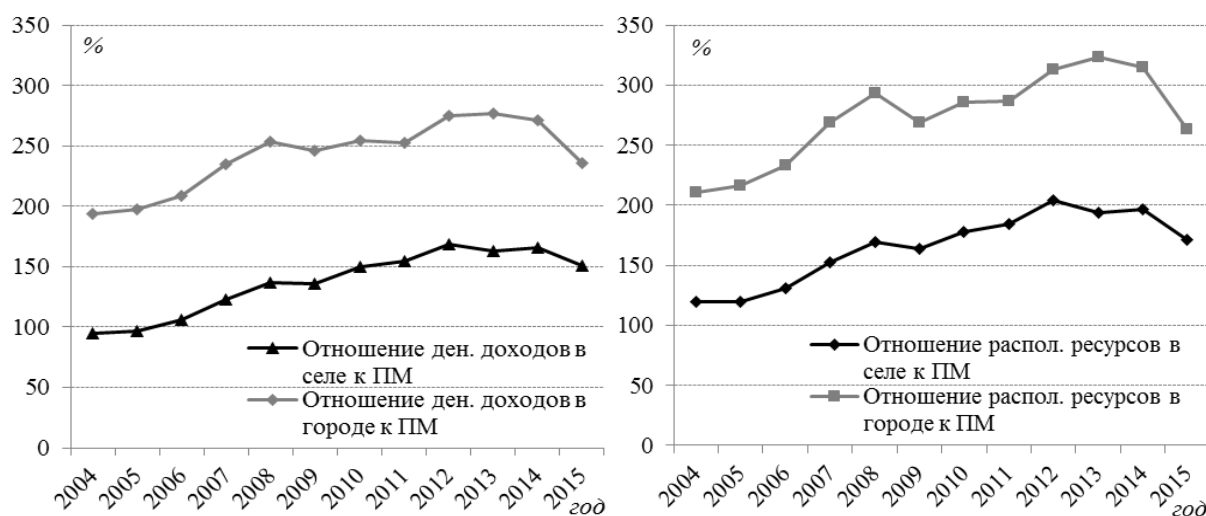

Рис. 2.2. Отношение денежных доходов (слева) и располагаемых ресурсов (справа) в городе и селе к величине ПМ, %

В структуре величины прожиточного минимума, как и в структуре расходов среднего домохозяйства независимо от местности, в современном урбанизированном обществе преобладающей становится стоимость услуг: в 2009 г. в целом по населению РФ их вклад в ПМ впервые сравнялся с вкладом продуктов питания, а с 2011 г. превышает его. Напротив, продукты питания, которые были основой ПМ в начале 1990-х гг. (68,3% в 1994 г.), отражая кризисное состояние экономики и архаизацию уклада жизни, постепенно «сдали позиции», снизившись до 40,4% в 2006 г. и до 36,0% в 2012 г.¹¹¹ Подобное изменение пропорций в пользу услуг (при почти неизменной суммарной доле стоимости услуг и продовольствия) свидетельствует о росте уровня и модернизации уклада жизни.

Отметим, что изменение порядка исчисления состава потребительской корзины и величины ПМ с 2013 г. (см. §1.2) обесмысливает подобное отслеживание динамики структуры ПМ, поскольку, в соответствии с Федеральным законом от 03.12.2012 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О прожиточном минимуме в Российской Федерации"», в качестве основы для расчетов состава потребительской корзины определен минимальный набор продуктов питания (в натуральных показателях), а непродовольственные товары и услуги определяются в размере 50% от его стоимости.¹¹² Такое изменение существенно упрощает методику расчета, оставляя необходимость анализа одних лишь продуктов питания – 42-х видов, определяемых исходя из социальных и медицинских стандартов потребления в регионах РФ. Очевидно, минимально необходимый набор непродовольственных товаров и услуг определить гораздо сложнее ввиду увеличения их количества и разнообразия. Новая методика освобождает соответствующее ведомство от необходимости определения такого набора, ограничиваясь простым

¹¹¹ **Денежные доходы, расходы и потребление домашних хозяйств** в Российской Федерации в 1994 г. (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М.: Госкомстат России, 1995. – С.17; **Социальное** положение и уровень жизни населения России. 2007: Стат.сб. / Росстат. – М., 2007. – С.144; **Социальное** ... 2013. – С.105.

¹¹² **Социальное** ... 2014. – С.106-107.

умножением на 2 стоимости включенного в состав потребительской корзины продовольствия и добавлением к нему величины обязательных платежей и сборов.

Иными словами, структура ПМ априори программируется: в ней удельный вес продуктов питания определен близким к 50%, а доли непродовольственных товаров и услуг считаются равными и близкими к 25%. Это противоречит реально складывающимся тенденциям в динамике структуры потребления, а ПМ, переставая эту динамику отражать, существенно теряет как инструмент анализа уровня жизни.

Возможность самообеспечения продовольствием дает сельскому населению известные преимущества перед городским в периоды кризисов. Формальная оценка этого преимущества в виде рассчитанной доли ПМ, обеспечиваемой за счет натуральных ресурсов, может быть проведена с использованием дополнительной информации о соотношении в стоимостной форме объемов покупок и натуральных поступлений по отдельным видам продовольствия, входящего в состав потребительской корзины.¹¹³ Такую информацию предоставляет бюджетное обследование Росстата; в качестве стоимости продовольствия им используется «условно исчисленная по средним ценам покупки стоимость *всех потребленных* в домохозяйствах продуктов питания, *независимо* от источника их поступления» (выделено мной).¹¹⁴ Иными словами, в стоимость продовольствия, потребляемого в домохозяйстве, включены не только купленные продукты, но также и их натуральные поступления, оцененные в денежной форме, что дает возможность определить суммарный вклад каждого продукта питания в общую стоимость продовольствия в составе ПМ (табл. 2.1).

¹¹³ Шабанов В.Л. Факторы и причины сельской бедности в современной России // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2014. – Т.14, вып. 4. – С. 31-35.

¹¹⁴ Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2012 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Росстат. – М., 2013. – С. 10, 11, 57.

Таблица 2.1. Расчет доли натуральных поступлений продуктов питания в общей стоимости продовольствия, потребленного в домохозяйстве, по сельской местности РФ, 2012 г.

Продукты питания	Доля стоимости продукта питания в общей стоимости продовольствия, потребленного в домохозяйстве, %	Доля натуральных поступлений продукта питания в общем объеме его поступления в домохозяйство, %	Доля натуральных поступлений продукта питания в общей стоимости продовольствия, потребленного в домохозяйстве, %
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Хлеб и хлебобродуки	15,0	1,6	0,2
Картофель	2,7	79,0	2,1
Овощи и бахчевые	11,0	55,9	6,2
Фрукты и ягоды	9,6	26,3	2,5
Мясо и мясopодукты	30,5	23,0	7,0
Молоко и молокопродукты	13,9	19,0	2,6
Яйца	1,9	38,5	0,7
Рыба и рыбopодукты	6,0	14,2	0,9
Сахар и кондитерские изделия	7,6	7,6	0,6
Масло растительное и другие жиры	1,8	2,5	0,0
всего	100,0	-	22,9

Полученное значение 22,9% является долей натуральных поступлений продовольствия, потребленного в домохозяйстве, в стоимостном выражении. Простой перенос этой доли на продовольствие, включенное в состав потребительской корзины, дает 8,2% натуральных поступлений от величины ПМ в 2012 г. по сельской местности РФ и пренебрежимо малые 2,4% для города. Более точный анализ, учитывающий веса конкретных продуктов питания, предусмотренных в потребительской корзине (с использованием того же показателя стоимости), дает приблизительно те же величины – соответственно 9,8 и 3,7% (табл. 2.2).¹¹⁵

Итак, при любых расчетах речь идет об очень близких величинах, что подтверждает адекватность примененного подхода к анализу потребления с использованием структуры потребительской корзины. Расчеты показали весьма незначительное участие натуральных поступлений в формировании ПМ в 2012 г. не только по городу, что ожидаемо, но и по селу.

¹¹⁵ Российский ... 2013. – С. 173.

Таблица 2.2. Расчет стоимости натуральных поступлений продуктов питания, входящих в состав потребительской корзины, по городской и сельской местности РФ, 2012 г., руб. на чел. в месяц¹¹⁶

Продукты питания	Состав потребительской корзины в 2012 г., кг на чел. в год	в т.ч. натуральные поступления, кг на чел. в год		стоимость натуральных поступлений, руб. на чел. в месяц	
		по городу	по селу	по городу	по селу
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
Хлеб и хлебобродуцкты	133,7	0,7	2,1	4,2	9,7
Картофель	107,6	43,2	85,0	60,1	109,4
Овощи и бахчевые	97	26,5	54,3	112,3	213,8
Фрукты и ягоды	23	2,5	6,0	12,7	33,4
Мясо и мясодродуцкты	37,2	1,1	8,5	17,6	122,1
Молоко и молокодродуцкты	238,2	3,8	45,1	8,7	90,0
Яйца	200	8,5	76,9	2,7	24,5
Рыба и рыбодродуцкты	16	0,8	2,3	11,1	22,3
Сахар и кондитерские изделия	22,2	1,1	1,7	9,2	13,0
Масло растительное и другие жиры	13,8	0,1	0,3	0,9	2,0
всего				239,6	640,2

Аналогичные расчеты за 2006 г. по селу дают ненамного больше 14,3%. Это свидетельствует о том, что дополнительные возможности по продовольственному самообеспечению по крайней мере с середины 2000-х гг. не оказывают существенного влияния на выживание сельских семей и на уклад сельской жизни в целом. Пик их влияния пришелся на первую половину 1990 гг., когда натуральные поступления обеспечивали 40-60% величины ПМ, что делало сельское население менее уязвимым по сравнению городским в смысле выживания и давало своеобразную гарантию от нищеты: наибольшая концентрация в сельской местности малоимущего населения с располагаемыми ресурсами ниже ПМ, приходится на период после 2005 г. (39-42% общей численности малоимущих против 32% в 2000-м г.).¹¹⁷

Важно, что категория малоимущих определяется Росстатом путем соотношения с ПМ показателя располагаемых ресурсов, включающих в себя не только

¹¹⁶ стоимость продуктов питания см.: **Потребление ...** 2013. - С. 10, 11. Величина ПМ в 2012 г. составила 6510 руб. на чел. в месяц, см.: **Российский ...** 2013. - С. 143.

¹¹⁷ **Российский ...** 2012. - С. 194; **Российский ...** 2015. - С. 164.

денежные, но и натуральные доходы.¹¹⁸ Использование располагаемых ресурсов дает более корректные оценки уровня жизни в сельской местности, особенно при исследовании ее динамики с 90-х гг.

Понимание бедности как некоторой пороговой, абсолютной величины, и методический инструментарий ее определения с помощью расчетного показателя прожиточного минимума, используется в ряде стран СНГ, например, Азербайджане, Белоруссии, Казахстане, Украине и др. Во всех методиках показатель дохода, который сравнивается с величиной ПМ, включает в себя не только денежную составляющую, но и стоимостную оценку натуральных поступлений в домохозяйство – стоимость потребленных продуктов из личного подсобного хозяйства и сумму социальных трансфертов в натуральной форме. Различия используемого показателя дохода связаны со способом расчета его среднедушевой величины: в РФ, Азербайджане, Белоруссии используется простой среднедушевой доход, в Казахстане, Украине – взвешенный: первому члену домохозяйства присваивается единичный вес, каждому последующему – соответственно 0,8 и 0,7.¹¹⁹

Взвешивание – присваивание определенных весовых коэффициентов человеку в зависимости от численного состава домохозяйства, к которому он относится – необходимо для достижения эквивалентности покупательной способности личных доходов. В получаемой шкале эквивалентности, в отличие от простой «невзвешенной» шкалы, учитывается эффект совместного проживания. Получаемое в результате занижение реальной численности населения обосновывается тем, что стоимость потребления одних и тех же услуг обратно (хотя и не линейно) связана с размером домохозяйства. Очевидно, что при ведении общего хозяйства несколькими людьми, например, семьей, потребность в «общественных» благах (предназначенных для совместного, а не индивидуального потребления, например, услуг ЖКХ) и соответственно среднедушевая цена на их приобретение снижается. Более того, известны закономерности, показывающие, что стоимость не-

¹¹⁸ Социально-экономические индикаторы бедности в 2010-2013 гг. / Росстат. – М., 2014. – С. 103.

¹¹⁹ Бобков В.Н., Алиев У.Т., Гулюгина А.А., Куница С.М., Черненко Л.Н. Шевченко С.В. Неравенство распределения населения по уровню жизни: межстрановое сопоставление // Уровень жизни населения регионов России. – 2011. – №4. – С.3-15.

которых «частных» благ также уменьшается по мере роста размера домохозяйства. Например, согласно «парадоксу Дитона-Пакссон», стоимость потребляемого продовольствия (то есть «частного» блага) при неизменных подушевых расходах тем ниже, чем больше лиц в домохозяйстве.¹²⁰ Многие авторы говорят о необходимости использования шкалы эквивалентности, купирующей эффект размера домашнего хозяйства.¹²¹

Однако подход к определению бедности как к абсолютному пороговому значению, не является общепринятым в мировой статистике.¹²² Даже в Украине до 2010 г., наряду с привычным использованием расчетного ПМ для определения абсолютной черты бедности, использовался относительный подход, при котором черта бедности устанавливалась на уровне 75% от медианного значения взвешенных доходов (определяемых через денежные расходы и оцененные натуральные поступления).¹²³

В странах ЕС относительный подход доминирует. Согласно нему, порог бедности определяется не через денежную оценку фиксированного набора благ, а через подвижную величину, определяемую как доля (чаще всего 50 или 60%) от среднего или медианного взвешенного дохода. Согласно общепринятой в ЕС шкале эквивалентности, вес 1 присваивается первому, 0,5 – каждому последующему взрослому (старше 14 лет) члену домохозяйства; вес 0,3 присваивается каждому ребенку. В частности, в Германии малоимущим считается человек, чей «взвешенный доход» после вычета социальных трансфертов не превышает 60% от среднего по стране.¹²⁴

Малоимущее население и население в целом по РФ по-разному распределено между городами и селами и между социально-демографическими группами:

¹²⁰ Deaton A. Paxson C. Economies of Scale, Household Size and the Demand for Food // The Journal of Political Economy. Vol. 106. P. 897–930; Прокопьев М.Г. Параметрические методы оценки масштаба в потреблении продовольствия домашними хозяйствами // АПК: экономика, управление. – 2010. – № 12. – С. 74-80.

¹²¹ Подузов А.А., Кукушкин Д.К. Шкала ... 2000; Прокопьев М.Г. Потребление продовольствия и эффект масштаба домашних хозяйств // АПК: экономика, управление. – 2009. – №2. – С.20-31; Абаноква К.Р., Локшин М.М. Влияние эффекта масштаба в потреблении домохозяйств на бедность в России // Экономический журнал ВШЭ. – 2014. – №4. – С.620-644.

¹²² См., например: Milanovic B. Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy. – Washington, The World Bank, 1998.

¹²³ Бобков В.Н. и др.. Неравенство ...2011. – С.6.

¹²⁴ Deutschland und Internationales. Statistisches Jahrbuch. / Statistisches Bundesamt. 2015. P.180.

бедность концентрируется в сельской местности и в более молодых возрастных группах; особенно уязвимой категорией населения в отношении бедности являются дети до 16 лет (табл. 2.3).¹²⁵

Таблица 2.3. Распределение малоимущего и всего населения РФ по населенным пунктам разной людности и по основным возрастным группам в 2004, 2010 и 2014 гг., %¹²⁶

	2004 г.			2010 г.			2014 г.		
	малоимущее население	все население	индекс риска бедности ¹²⁷	малоимущее население	все население	индекс риска бедности	малоимущее население	все население	индекс риска бедности
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
Всего по городам и селам	100,0	100,0		100,0	100,0		100,0	100,0	
в том числе									
по городам и пгт	63	73,7	0,85	59,8	73,3	0,816	61,1	74,2	0,823
в т. ч. с населением									
св. 1 млн. чел.	13,8	20,7	0,67	7,4	18,3	0,40	9,4	21,7	0,43
от 250 тыс. до 1 млн.	16,8	23,6	0,71	10,6	16,4	0,65	7,8	14,3	0,55
от 100 тыс. до 250 тыс.	9,9	10	0,99	8,3	9,5	0,87	8,1	8,3	0,98
от 50 тыс. до 100 тыс.	7,5	6,9	1,09	8,2	7,4	1,11	8,4	7,3	1,15
менее 50 тыс.	15	12,5	1,19	25,3	21,7	1,16	27,4	22,6	1,21
по селам	37	26,3	1,41	40,2	26,7	1,506	38,9	25,8	1,508
в т. ч. с населением									
св. 5 тыс. чел.	10,2	7,4	1,38	9,6	7	1,39	10	7	1,43
от 1 до 5 тыс. чел.	14,9	10,9	1,37	18	12,3	1,48	17,7	11,7	1,53
от 200 до 1000 чел.	10,6	7,3	1,45	12	7,2	1,64	10,7	6,9	1,55
менее 200 чел.	1,3	0,7	1,86	0,6	0,2	2,50	0,5	0,2	2,50

¹²⁵ Бондаренко Л.В. Бедность и социально-психологический климат в российской деревне // АПК: экономика, управление. – 2010. – №11. – С.49-52; Бондаренко Л.В. Бедность сельской России // Отечественные записки. – 2012. – №6: URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/6/bednost-selskoy-rossii>

¹²⁶ Рассчитано по: Российский ... 2005. – С. 209; Российский ... 2011. – С.183; Российский ... 2015. – С.164-165;

¹²⁷ Индекс риска бедности определяется как отношение уровня бедности по конкретной группе населения к уровню бедности по населению в целом, см.: Социально-экономические индикаторы бедности в 2007-2010 гг. / Росстат – М., 2011. – С.102.

Таблица 2.3 (продолжение)

	2004 г.			2010 г.			2014 г.		
	мало- иму- щее насе- ление	все насе- ление	индекс риска бедно- сти ¹²⁸	мало- иму- щее насе- ление	все насе- ление	ин- декс риска бед- ности	мало- иму- щее насе- ление	все насе- ление	ин- декс риска бед- ности
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
Всего по воз- растным группам	100,0	100,0		100,0	100,0		100,0	100,0	
в том числе									
моложе трудо- способного	21,8	16,6	1,31	25,5	17,3	1,47	28,7	19,7	1,46
трудоспособ- ное	66,2	66,7	0,99	64,5	65,0	0,99	60,6	61,5	0,98
старше трудо- способного	12,0	16,7	0,72	10,0	17,7	0,56	10,7	18,8	0,57
По отноше- нию к занято- сти, всего	100,0	100,0		100,0	100,0		100,0	100,0	
занятые в эконо- мике	58,1	63,9	0,91	61,0	69,6	0,88	62,8	71,3	0,88
безработные	2,1	1,3	1,62	3,9	1,6	2,44	1,6	0,8	2,00

Можно видеть, что в течение всего рассматриваемого периода концентрация бедности в сельской местности нарастала, хотя в 2010-2014 гг. темп нарастания снизился почти до нулевого.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о наличии выраженной обратной зависимости между размером (людностью) населенного пункта и его «подверженностью бедности», причем, это касается как сел, так и городов. Только в первых двух категориях – в городах с населением свыше 250 тыс. чел. – риск бедности заметно меньше 1; при этом «чаша весов» (а показатель риска бедности характеризуя неравномерность двух распределений, может сравниваться именно с чашечными весами: если у одних категорий «прибыло», то у других в той же мере «убыло») с течением времени все сильнее склоняется в пользу больших городов. Риск бедности для средних по размеру городов (от 100 до 250 тыс.), стабильно держится вблизи 1. Во всех населенных пунктах с населением ниже 100 тыс. чел.

¹²⁸ Индекс риска бедности определяется как отношение уровня бедности по конкретной группе населения к уровню бедности по населению в целом, см.: **Социально-экономические индикаторы бедности** в 2007-2010 гг. / Росстат – М., 2011. – С.102.

риск бедности превышает 1 и, чем меньше людность поселения, тем он выше. Особенно неблагоприятная тенденция складывается в группе средних по размеру сел (1-5 тыс. чел.): их подверженность бедности, и без того одна из самых высоких, с течением времени растет. Данная ситуация – крайне настораживающая, так как в этих селах проживает около половины сельского населения (41-46%), и именно на них держится весь каркас сельского расселения. Ухудшающееся качество жизни в этих селах ставит под угрозу всю сложившуюся систему сельского расселения.

Пик показателя риска бедности приходится на группу малых сел (с населением менее 200 чел.). Это свидетельствует о том, что малые села в России – это не хутора, не поселки фермеров, а именно умирающие села, в которых остаются жить те, кто по разным причинам не может уехать; в них нет ни работы, ни перспектив, а население занято выживанием. Проблемы малых сел усиливают неблагоприятную тенденцию истончения всего каркаса сельского расселения.¹²⁹

После проведенного анализа статистических данных Росстата, представленных в таблице 2.3 отметим одну «странность», связанную с неправдоподобной динамикой численности населения в двух группах городов – с населением от 250 тыс. до 1 млн. чел. и с населением ниже 50 тыс. чел. Представляется крайне маловероятным двукратный рост удельного веса (и примерно такой же – численности) второй группы при полуторном снижении удельного веса (и численности) первой группы в период 2004-2010 гг. Возможно, речь идет о каком-либо изменении статистического учета или о «сверхзначительном» влиянии результатов переписи населения 2010 г. на этот учет, о которых нам не известно. Это может говорить о более высокой погрешности в оценках, чем представляется. Однако все отмеченное не влияет на выводы, касающиеся сельского населения.

Анализ распределения бедности среди основных возрастных групп показывает, что в наибольшей степени подвержена бедности возрастная группа до 16 лет. Это означает, что семьи с детьми, особенно неполные и многодетные, имеют повышенный риск попадания в категорию бедных. Причем, в 2004-2010 гг. ситуа-

¹²⁹ Более подробно тенденции сельского расселения анализируются в §3.3.

ция для них ухудшалась, после 2010 г. наступила стабилизация на очень высоком уровне показателя риска бедности.

Показатель риска бедности балансирует на уровне близости к 1 для группы трудоспособного населения. Это крайне неблагоприятная ситуация, так как она может свидетельствовать либо о низкой занятости населения в трудоспособном возрасте, либо о том, что наличие работы не дает гарантии от бедности, причем, независимо от места проживания – как в сельской, так и в городской местности. Феномен широкого представительства работающих в общей численности бедного населения («новых бедных») был замечен исследователями в 1990-е гг.; он остается актуальным и в наше время,¹³⁰ хотя в течение 2004-2010 гг. и имел место небольшой позитивный тренд.

Учитывая, что демографическую структуру сельского населения по сравнению с городским отличает заметно больший удельный вес молодых (до 19 лет) и «провал» удельного веса трудоспособного населения, находящегося в наиболее активном возрасте (25-40 лет)¹³¹, можно предположить, что тенденция ослабления концентрации бедности в сельской местности, наблюдаемая в 2010-2014 гг., вряд ли будет заметной и долговременной. Большой удельный вес старшего поколения (ст. 70 лет) может только притормозить процесс концентрации бедности в сельской местности, но пожилое население в принципе не может взять на себя значительную роль в преодолении бедности. Изменение тренда произойдет лишь после включения факторов, связанных с расширением возможностей трудоспособного населения и улучшением положения семей с детьми. Движущей силой этого процесса может стать только трудоспособное население в наиболее активном молодом возрасте, то есть именно в том, в котором наблюдается «провал»: очевидно, речь идет о трудностях трудоустройства и низком качестве жизни, выталкивающих наиболее активное сельское население в города.¹³²

¹³⁰ Римащевская Н.М. Тенденции бедности в России // Бедность в России: государственная политика и реакция населения. – Вашингтон: Всемирный банк, 1998. – С.141-157; Родионова Г.А. Сельская бедность в России // Мир России: социология, этнология. – 2000. – №3. – С.128-136; Овчарова Л.Н. Предложения для стратегии сокращения бедности в современной России // Уровень жизни населения регионов России. – 2012. – №10-11. – С.78-89.

¹³¹ Российский ... 2015. – С.75.

¹³² Более подробно демографическая структура сельского населения анализируется в §3.3, проблемы занятости – в §5.1.

Несмотря на разные подходы к оценкам численности малоимущих в России и Германии, сравнение индексов риска бедности для обеих стран корректно, так как сам индекс рассчитывается по одной формуле и для аналогичных (сопоставимых по статусу) групп населения.

Анализ показывает, что основные различия между двумя странами связаны с положением молодежи, занятого населения и безработных, и жителей крупных городов. В РФ риск попадания в категорию бедных для лиц моложе 16 лет составляет 1,46 против 0,91 для лиц моложе 18 лет в Германии. Сильно уязвимое положение детей в РФ «тянет» за собой не только неполные семьи (для которых риск бедности в Германии, как и, вероятно, в России, очень велик, составляя 2,2), но и полные семьи с одним или двумя детьми, риск бедности которых в Германии – один из самых низких (0,53). Несмотря на то, что риск бедности у занятого населения в России ниже 1, его положение в Германии значительно лучше (риск бедности – 0,53). Одновременно с этим положение безработных в Германии гораздо напряженнее, чем в России (риск бедности – 4,3), что является сильным стимулирующим фактором к поиску работы и, вероятно, отражает высокую теневую занятость населения РФ.

Еще одно различие, которое можно проследить в отсутствие данных по населенным пунктам разного размера и статуса в Германии, состоит в том, что в крупнейших городах Германии – Берлине и Гамбурге – и в наиболее урбанизированной земле – Северном Рейне-Вестфалии – риск бедности выше, чем в большинстве провинций – соответственно 1,38, 1,09 и 1,1. По-видимому, в Германии нет четкой зависимости уровня жизни населения от характера местности (город/село), что подтверждает ее статус одной из наиболее развитых стран мира.

Таким образом, несмотря на более чем трехкратный формальный рост реальных доходов в РФ за 2000-2014 гг., позитивные изменения в социально-демографическом профиле бедности были не столь заметны, особенно при сравнении с аналогичным профилем бедности в Германии. Уязвимыми в России остаются те группы населения, чье положение в стране с высоким уровнем жизни должно быть прочным и устойчивым – молодежь, семьи с детьми, работающее население, жители малых городов.

Анализ потребления, его структуры в стоимостном и физическом выражении, является составной частью комплексного исследования уровня жизни. С показателем дохода, исчисляемого через расходы, методологически и статистически тесно связан показатель потребительских расходов.¹³³ По их структуре, по соотношению в ней удельных весов тех или иных благ, можно судить об уровне жизни. Сопоставим структуры потребительских расходов населения РФ и Германии за период 2005-2012 гг. (табл. 2.4, 2.5).

Таблица 2.4. Структура потребительских расходов в Германии, %¹³⁴

	2005	2007	2009	2012
Потребительские расходы (Private Konsumausgaben), в среднем на члена домохозяйства	100	100	100	100
в т.ч.				
Пищевые продукты, алкогольные напитки, табачные изделия	13,4	14,4	14,0	13,9
Одежда и обувь	4,8	4,5	4,5	4,6
Бытовые приборы, интерьер	6,3	5,8	5,4	5,5
Проживание, электроэнергия, содержание жилья	33,2	33,5	33,6	34,5
Транспортные расходы	13,5	14,1	15,1	14,2
Досуг, развлечения и культура; гостиницы и рестораны	16,9	16,4	16,0	16,1
прочее	11,9	11,3	11,4	11,2

Таблица 2.5. Структура потребительских расходов в РФ, %¹³⁵

	2005	2007	2009	2012	2014
Потребительские расходы, в среднем на члена домохозяйства	100	100	100	100	100
в т.ч.					
Продукты питания, алкогольные напитки, табачные изделия	35,9	30,8	32,9	30,6	31,3
Одежда и обувь	10,7	10,4	10,4	10,1	8,9
Бытовая техника, предметы домашнего обихода, уход за домом	7,2	7,3	7,0	6,3	6,3
Жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ	11,3	11,6	10,8	10,9	10,3
Эксплуатация транспортных средств, транспортные услуги	6,3	6,6	7,5	7,8	8,3
Отдых и культурные мероприятия; гостиницы, кафе и рестораны	10,0	9,4	10,7	10,3	10,7
прочее	18,6	23,9	20,7	24,0	24,2

¹³³ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств): Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С.11.

¹³⁴ Источник: **Deutschland** und Internationales. Statistisches Jahrbuch. / Statistisches Bundesamt. 2013, p.164; 2015, p.170.

¹³⁵ **Российский** ... 2012. – С.199; **Российский** ... 2015. – С.170.

Прежде всего отметим относительно более высокую стабильность стоимостной структуры потребления в Германии, сложившуюся во второй половине 2000-х гг. В России стоимостная структура потребления с течением времени продолжает заметно меняться.

В структуре потребительских расходов населения обеих стран доминируют разные виды благ. Наиболее характерными для оценок уровня жизни благами являются те, что связаны с продовольствием и жильем. Считается, что более низкий удельный вес продовольственных расходов отражает более высокий уровень жизни, а более низкий удельный вес расходов на жилище связан с менее развитой экономикой.

В Германии доля расходов на приобретение продуктов питания, алкоголя и табачных изделий держится на уровне 13-14%. В РФ удельный вес данного вида расходов был в 2,1-2,7 раз выше. В то же время на проживание и содержание жилья немцы тратят более трети своего потребительского бюджета – в 2,9-3,1 раза больше, чем в России. Обе статьи расходов в Германии и России как бы поменялись местами по своей значимости, что ясно говорит не только о потребительских приоритетах, но и о различиях в экономическом развитии и в уровне жизни.

Сопоставление удельных весов остальных видов расходов отражает разницу в уровне жизни в обеих странах: немцам гораздо легче дается приобретение одежды, обуви и товаров, связанных с ведением быта (соответствующие удельные веса в 1,6-1,7 раз ниже, чем в РФ). Одновременно с этим немцы больше тратят на транспорт (в 1,8-2,1 раза) и на отдых (в 1,5-1,7 раза).

Итак, анализ динамики структуры потребительских расходов в России и Германии в 2005-2012 гг. показывает существенные различия в уровне жизни в обеих странах.

Наряду со стоимостными показателями (доходов, потребительских расходов) для анализа динамики уровня жизни могут быть использованы также и показатели физических объемов потребления отдельных видов продовольствия, не требующие дополнительных перерасчетов в стоимостную форму с неизбежной при этом погрешностью. Динамика потребления тех или иных видов продоволь-

ствия отражает не только изменение предпочтений и вкусов людей, но и изменение их возможностей, так как демонстрирует тенденции взаимного замещения продуктов, относящихся к разным категориям доступности и качества.

Прежде всего отметим, что в РФ, в отличие от Германии, в 2000-е гг. наблюдалась выраженная поступательная динамика физических объемов потребления большинства продуктов питания (за исключением хлеба и, в особенности, картофеля). В потреблении отдельных видов продовольствия в РФ наблюдались свои закономерности. В частности, имела место четкая обратная зависимость между потреблением картофеля и мясопродуктов (коэффициент корреляции – минус 0,97): для периодов роста уровня жизни характерно увеличение потребления мяса и снижение потребления картофеля. В Германии такой зависимости не наблюдалось ни визуально, ни статистически (коэффициент корреляции 0,10): потребление обоих продуктов питания в целом стабилизировалось, и на его колебания влияют причины, не связанные с уровнем жизни (изменение конъюнктуры, вкусов, предпочтений и др., рис. 2.3).

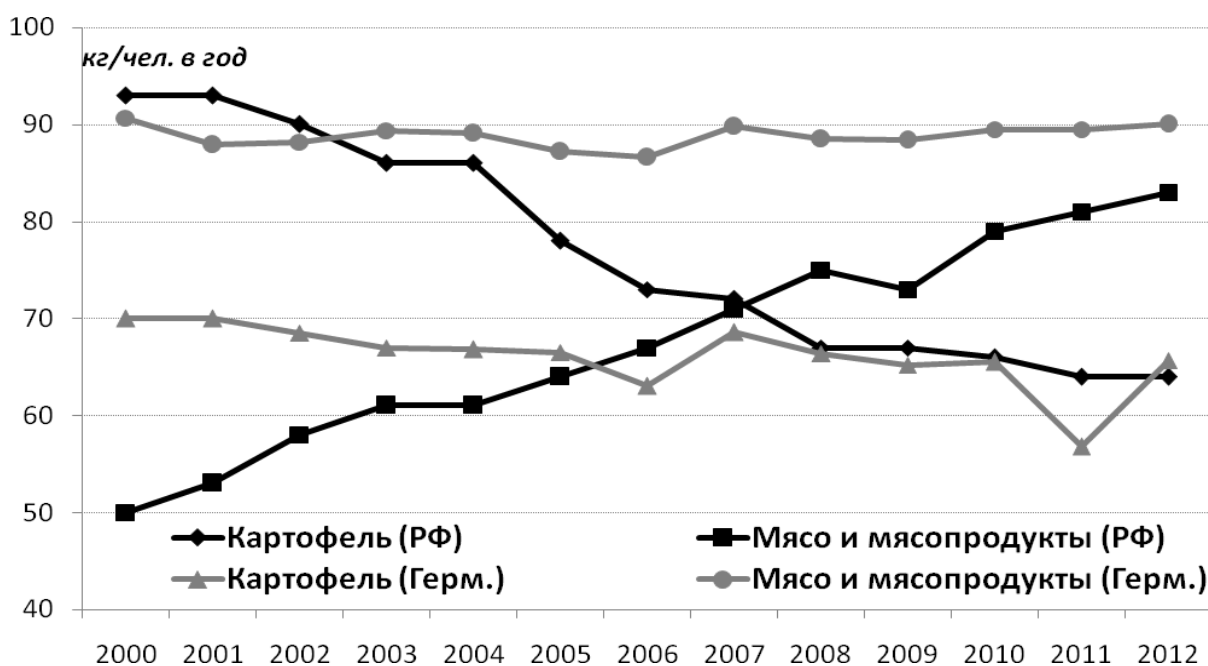

Рис. 2.3. Динамика потребления мясопродуктов и картофеля в домохозяйствах РФ и Германии в 2000-2012 гг., кг/чел. в год

Если в 2000 г. среднедушевое потребление картофеля в РФ и в Германии различалось в 1,5 раза («в пользу» РФ), то к 2012 г. оно практически совпало. По-

что то же можно сказать о потреблении мясопродуктов (с поправкой на направление динамики) – от разницы в 1,7 раза до весьма небольшой разницы в 8% (остающейся «в пользу» Германии).

Что касается уровня потребления других продуктов питания, то в РФ он ниже, чем в Германии, по свежим фруктам, дорогостоящим видам молокопродуктов (сыру, маслу, йогурту), сахару; близок по овощам и выше по рыбе.¹³⁶

Таким образом, в РФ имеет место положительная динамика физической структуры потребления продовольствия в направлении, характерном для наиболее развитых стран мира. Одновременно с этим сравнительный анализ структуры потребительских расходов в России и Германии за 2005-2012 гг. показывает ослабление позитивной тенденции, которая была более заметна в первой половине 2000-х гг.¹³⁷

К настоящему времени структура потребительских расходов в РФ, так же как и уровень реальных доходов населения и социально-демографический профиль бедности, стабилизировалась на уровне, характерном для среднеразвитой экономики и невысокого уровня жизни.

Дальнейший анализ уровня жизни будем проводить на основе интервальных распределений показателя среднедушевого месячного денежного дохода. При их построении было учтено, что взятие достаточно большого интервала группировки (шага) способствует сглаживанию кривой эмпирического распределения, появлению унимодальности. Это ведет к потере информации, но упрощает аппроксимацию, которая происходит с меньшей погрешностью. С другой стороны, измельчение шага может привести к «зашумлению» – к появлению большого количества крупных и мелких пиков в кривой, затрудняющих анализ. На рис. 2.4 все данные по РФ за 2003-2009 гг. были сгруппированы с интервалом $h=700$ (руб. в месяц на члена домохозяйства). Это – минимально достаточный шаг, начиная с которого

¹³⁶ Потребление ...2013. – С.8-9; **Deutschland**...2011, р.560; **Deutschland**...2012, р.176; **Deutschland**...2013, р.170.

¹³⁷ Шабанов В.Л., Краснов М.М. Сравнительный анализ уровня жизни в России и Германии // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 3. – Ч. 1. – С. 143-149.

исчезает «шум» в виде множества хаотично разбросанных мелких пиков, и кривая становится в целом однородной.

Графики на рис. 2.4 демонстрируют явные различия в уровне доходов горожан и селян: модальное значение дохода в селе ниже, чем в городе; сельская кривая сдвинута влево, в сторону меньших доходов.

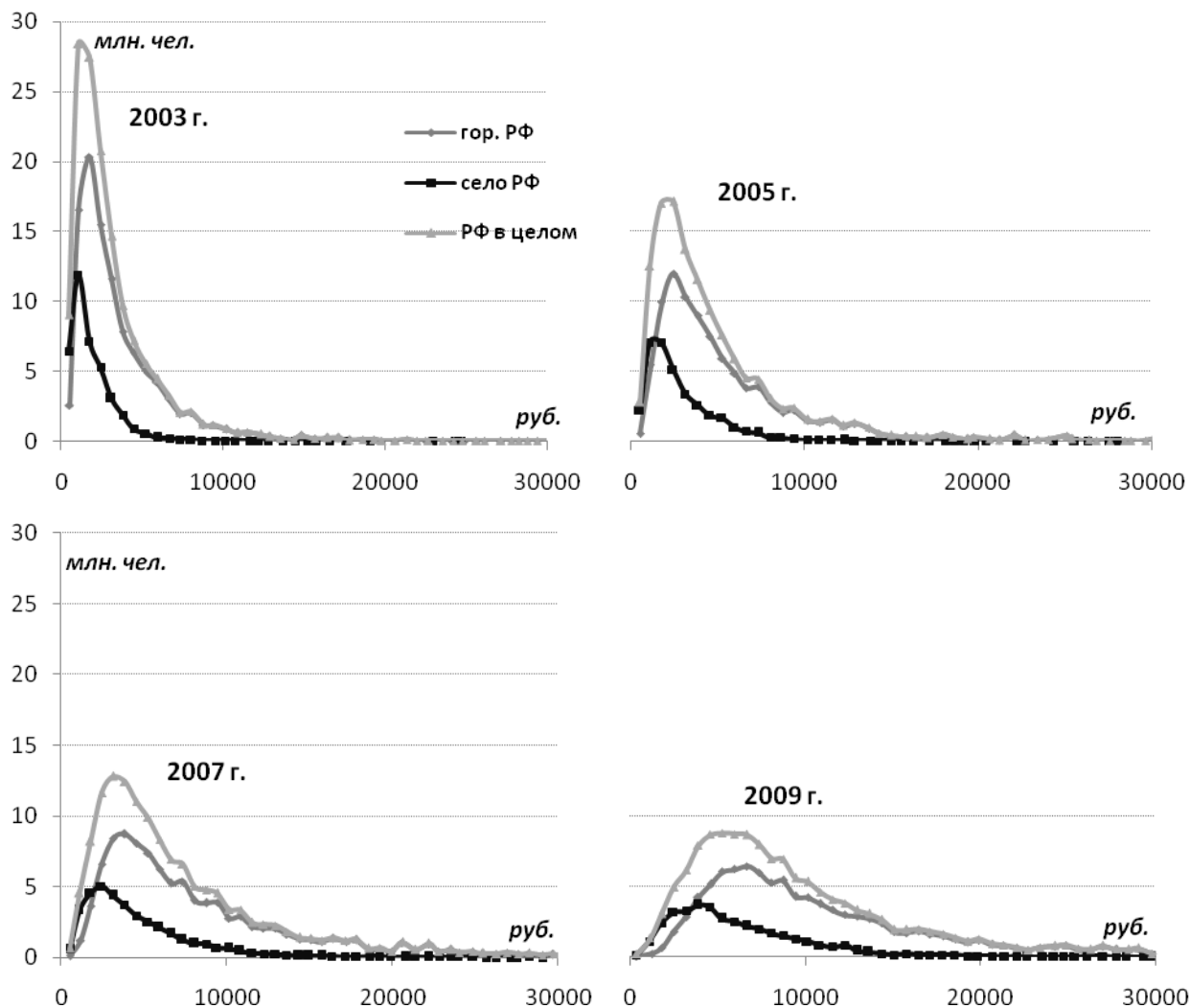

Рис. 2.4. Эмпирические распределения городского, сельского и всего населения РФ по размеру месячного среднедушевого денежного дохода за 2003-2009 гг., руб.

Тем не менее, хотя распределение селян расположено левее, чем горожан, оно все же не образует отдельного пика на их совместном распределении: по каждому году происходит «плавное слияние» каждой пары кривых в единую унимодальную кривую. Это означает, что, несмотря на различия в уровне доходов, го-

родское и сельское сообщества не распадаются на два слабо связанных социума (в противном случае их совместное эмпирическое распределение имело бы два разделяющихся пика, было бы двумодальным).

Небольшие локальные пики, заметные в хвосте совместного распределения, полностью объясняются неоднородностью городского социума, что является отражением большего уровня неравенства в городе по сравнению с селом и наличием в городе сложившихся социальных групп, отличающихся высоким уровнем доходов.

На рис. 2.5 представлены те же кривые, что и на рис. 2.4, но сгруппированные таким образом, чтобы облегчить визуальный анализ их подовой динамики.

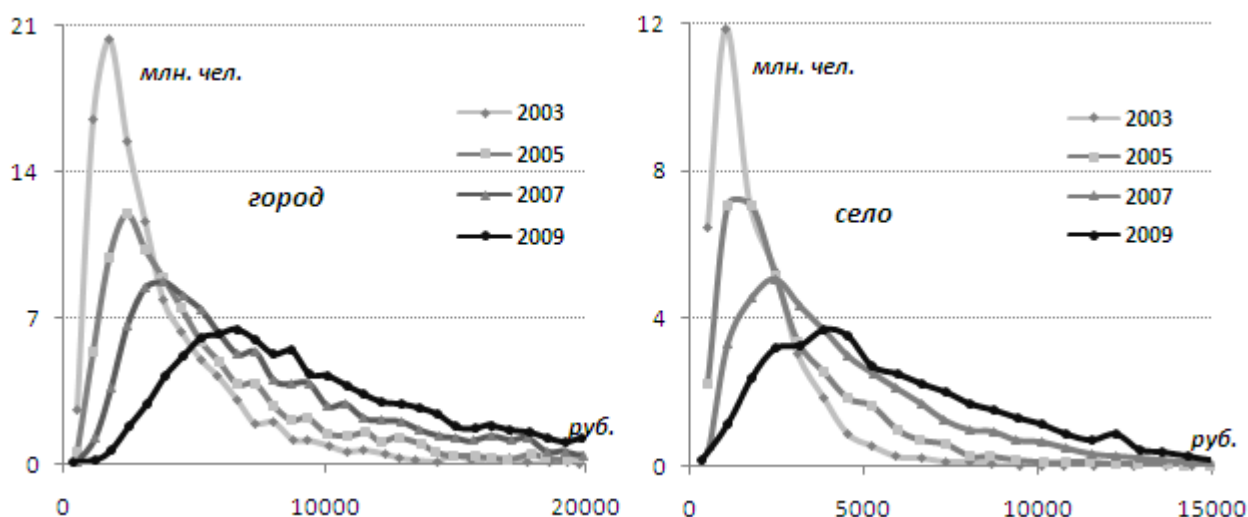

Рис. 2.5. Динамика эмпирических распределений городского и сельского населения по размеру месячного среднедушевого денежного дохода за 2003-2009 гг.

Визуальный анализ показывает, что кривые доходов, как по городу, так и по селу, с течением времени становятся более пологими и сдвигаются вправо. Происходит перенос вершины (моды) распределения вниз-вправо с одновременным поднятием хвоста распределения. Фактически это означает общий рост номинальных доходов, в значительной мере определяемый их ростом у наиболее многочисленной группы домохозяйств, расположенных в модальном интервале. Благодаря росту доходов в этой группе мода распределения смещается вправо. При

этом некоторая часть домохозяйств из модального интервала увеличивает свои доходы быстрее, и это способствует уменьшению сместившейся вправо вершины и поднятию хвоста. Распределение как бы растекается, «расползается» вдоль оси дохода.

Динамика, при которой распределения с течением времени «расползаются», а их вершины смещаются вправо по оси доходов, представляется наиболее естественной, учитывая, что в реальной жизни всегда происходит общий рост номинальных доходов, отражая либо рост уровня жизни, либо опережающий рост инфляции. Простое «расползание» графика, без его смещения вправо, означало бы одновременный рост номинальных доходов и неравенства. «Расползание со смещением» отражает ситуацию роста номинальных доходов и необязательно – роста неравенства. Формальные оценки доходов и неравенства приведены в табл. 2.6, из которой видно, что рост номинальных доходов в 2003-2005 гг. сопровождался ростом, а в 2007-2009 гг. – сокращением неравенства. Это означает, что в 2003-2005 гг. номинальные доходы семей из высокодоходных групп росли быстрее, чем номинальные доходы семей из низкодоходных групп: богатые становились богаче, бедные – беднее. Затем тенденция изменилась: доходы бедных стали расти быстрее. При этом показатели неравенства (коэффициенты вариации, фондов, Джини) в сельской местности практически всегда – и в периоды роста, и в периоды сокращения – были ниже, чем в городе: индекс Джини, вплотную приблизившись к «психологическому» уровню 0,4 в 2005 г., так и не преодолел его, отступив в дальнейшем. В селе меньше разница в уровне благосостояния самых богатых и самых бедных (за исключением 2003 г.), доходы меньше разбросаны вокруг среднего значения. В целом, однако, разница в степени неравенства селян и горожан весьма незначительна, хотя и стабильна. Разница в доходах гораздо существеннее, хотя и сокращается в последние годы: за период 2003-2009 гг. доходы горожан выросли в 3,36, селян – в 3,63 раза. Отметим также, что значения отслеживаемых показателей неравенства, рассчитанные отдельно по городу и по селу, оказываются несколько меньше, чем рассчитанные по РФ в целом.

Таблица 2.6. Динамика некоторых коэффициентов, характеризующих средний доход и неравенство по городской и сельской местности в 2003-2009 гг.

	среднедушевой денежной доход, руб. в месяц			коэффициент фондов			индекс Джини			коэффициент вариации		
	гор.	село	отн. села к гор.	РФ в целом	гор.	село	РФ в целом	гор.	село	РФ в целом	гор.	село
2003	3638	1868	0,51	14,4	13,6	13,9	0,429	0,411	0,392	0,97	0,91	0,87
2005	5770	2890	0,50	15,2	14,9	13,7	0,441	0,423	0,398	1,14	1,09	0,94
2007	9017	4717	0,52	14,3	14,0	13,5	0,434	0,418	0,393	1,11	1,06	0,93
2009	12209	6780	0,56	13,1	13,1	12,7	0,395	0,401	0,375	0,89	0,83	0,81

Анализ может быть более удобным, если сгладить кривые с помощью логарифмически-нормальных функций и перейти к логнормальной модели. Для этого проведем аппроксимацию интервальных распределений за 2003-2009 гг. логнормальными кривыми, получив функции плотности $LN(\mu, \sigma)$. Эти функции вместе с интервальными распределениями представлены на графиках на рис. 2.6.

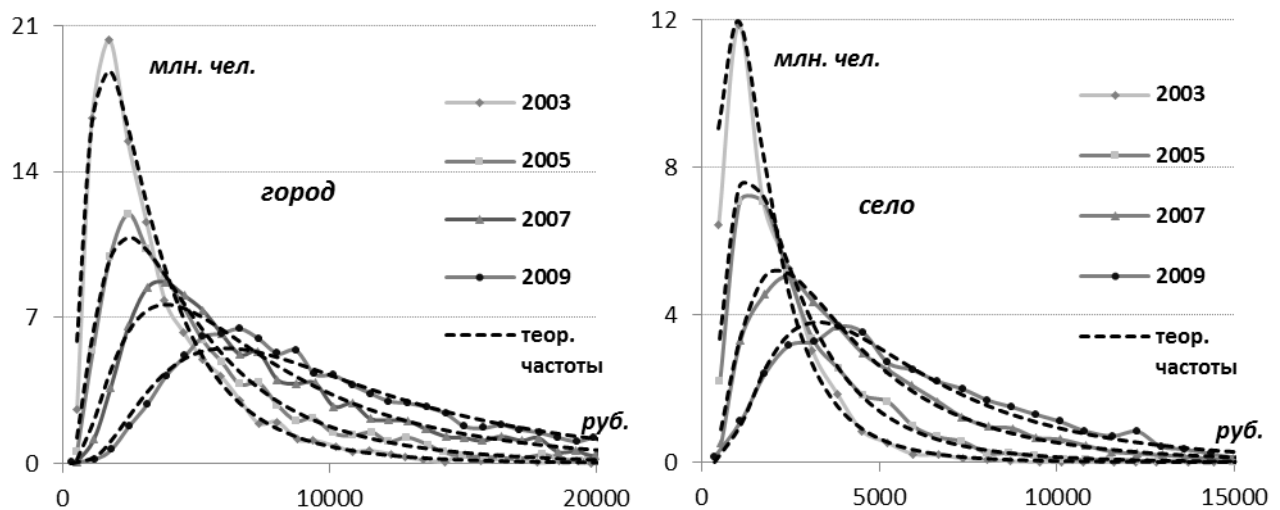

Рис. 2.6. Совместное представление эмпирических и теоретических распределений для городского и сельского населения по размеру месячного среднедушевого денежного дохода за 2003-2009 гг.

Замена эмпирических распределений на теоретические логнормальные не только облегчает визуальный анализ, но и дает новые возможности, в частности, параметрического анализа (табл. 2.7; см. также см. §1.2). В подтверждение адек-

ватности применения логнормальной функции для аппроксимации распределения доходов говорит сравнение реальных данных по средним значениям доходов с данными, полученными с использованием параметров логнормальной функции (ср. табл. 2.6 и 2.7). В половине случаев расхождение не превышает 1%; наибольшие расхождения составляют 2,1% и 4,4% (соответственно по городской выборке 2005 г. и по сельской выборке 2009 г.).

Таблица 2.7. Параметры логнормальных функций, аппроксимирующих интервальные ряды за 2003-2009 гг., и некоторые коэффициенты, рассчитанные на их основе

Год	μ	σ	среднедушевой денежной доход, руб. в месяц	коэффициент вариации	$\frac{M_o}{x}$
город					
2003	7,92	0,730	3590	0,839	0,450
2005	8,36	0,750	5649	0,869	0,430
2007	8,81	0,743	8838	0,858	0,437
2009	9,18	0,676	12191	0,761	0,504
село					
2003	7,28	0,708	1861	0,807	0,471
2005	7,70	0,725	2877	0,832	0,455
2007	8,19	0,723	4676	0,829	0,457
2009	8,55	0,673	6480	0,757	0,507

Параметры логнормальных кривых, рассчитанные на основе аппроксимации эмпирических данных показателя доходов, свидетельствуют о том, что реальная годовая динамика доходов представляет два случая, описанных выше (см. рис. 1.1): случай роста обоих параметров μ и σ (2003-2005 гг.), и случай уменьшения σ при опережающем росте μ (2005-2009 гг.). В обоих случаях кривая с течением времени сдвигается вправо по оси *номинальных* доходов, но в 2003-2005 гг. рост доходов сопровождался ростом, а в 2007-2009 гг. – снижением неравенства.

Отметим также, что доходы большинства составляют приблизительно половину от величины средних доходов (см. столбец $\frac{M_o}{x_{cp}}$), и это соотношение очень

стабильно. Модальный доход в сельской местности всегда ближе к среднему доходу, чем в городской.

Динамика отношения моды к среднему, как и следовало ожидать (см. §1.2), является противоположенной по отношению к динамике коэффициента вариации. С учетом того, что коэффициент вариации доходов сельского населения всегда ниже, чем городского, получается, что социальные процессы, характеризующиеся различными показателями неравенства, в сельской местности происходят медленнее, чем в городе.

Чтобы оценить качество роста номинального дохода – выяснить, действительно ли он отражает рост уровня жизни, или инфляционный рост поглощает его, необходимо сопоставление дохода с величиной ПМ. Подобное сопоставление позволяет снизить влияние инфляции, меняющей покупательную способность денег, и демонстрирует реальную динамику уровня жизни.

Так как размеры ПМ сильно различаются по регионам РФ, то для получения показателя реального дохода значения среднедушевого дохода по каждому домохозяйству были поделены на соответствующую *региональную* (а не на среднюю по РФ, как это делается в агрегированных показателях Росстата) величину ПМ, взятую за IV квартал рассматриваемого года.

На рис. 2.7 представлены кривые эмпирических распределений городского, сельского и всего населения РФ по показателю среднедушевых денежных доходов, соотнесенных с величиной ПМ, за 2003-2009 гг. По оси абсцисс откладывается показатель *фактического* (а не номинального, как всюду выше) среднедушевого дохода, выраженного в «количестве величин ПМ»; в такой форме он корректнее оценивает уровень жизни, чем номинальный доход.

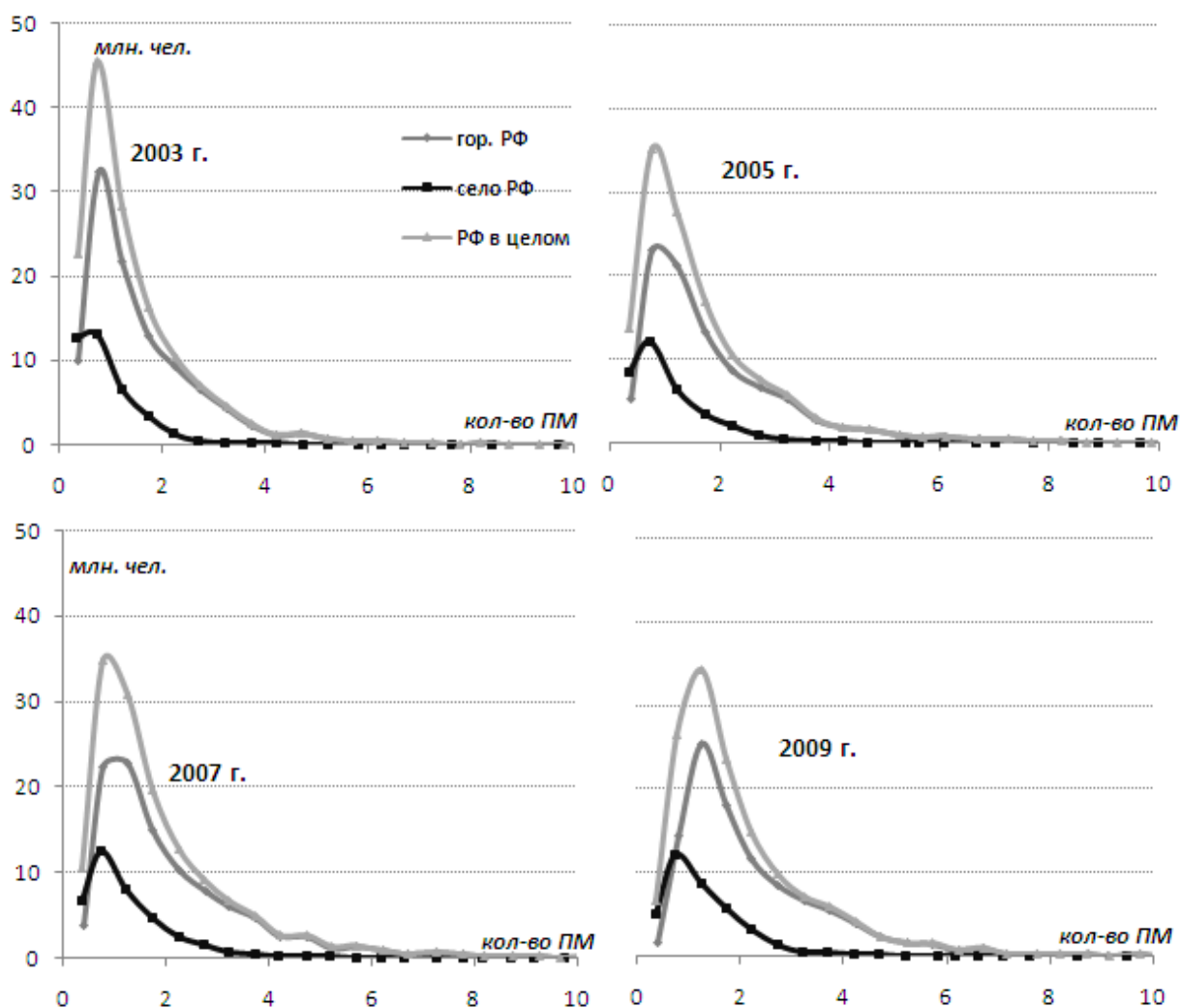

Рис. 2.7. Эмпирические распределения городского, сельского и всего населения РФ по размеру *фактического* месячного среднедушевого денежного дохода за 2003-2009 гг.

Визуальное сравнение рис. 2.7 и рис. 2.4 приводит к следующим выводам. Соотношение городских и сельских кривых – такое же, как и на рис. 2.4: модальные значения по сельской выборке ниже, чем по городской, но отдельного пика на совместном распределении они так же, как и на рис. 2.4, не образуют. То есть и по номинальным, и по фактическим доходам единый социум не распадается отдельно на городской и сельский. Группы графиков на рис. 2.7 слабо различаются, особенно за 2005-2009 гг. – в отличие от «расползающихся» и уменьшающихся с течением времени графиков на рис. 2.4.

На рис. 2.8 представлены те же кривые, что и на рис. 2.7, но сгруппированные таким образом, чтобы облегчить визуальный анализ их погодовой динамики.

Для удобства визуализации на графиках проведена вертикальная прямая, соответствующая уровню среднедушевых доходов в один ПМ.

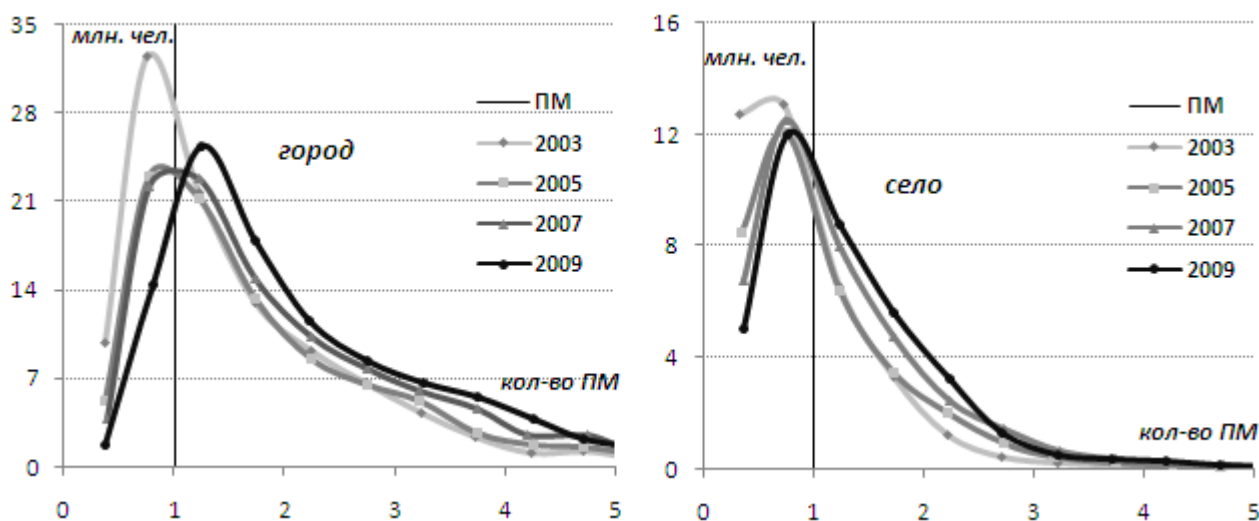

Рис. 2.8. Динамика эмпирических распределений городского и сельского населения РФ по показателю соотношения среднедушевого месячного денежного дохода и ПМ, раз

Очевидно, кривые на рис. 2.8 по сути аналогичны кривым на рис. 2.5: среднедушевые денежные доходы, сформировавшие кривые на рис. 2.5, были поделены на величину прожиточного минимума – свою для каждого региона. Такая нормировка данных привела к существенным изменениям как формы, так и поговой динамики кривых: высота вершины с течением времени меняется незначительно и не всегда в сторону уменьшения (например, по городу в 2009 г., по селу в 2007 г.); заметного сдвига кривых вправо, за редким исключением, не наблюдается. Подобная динамика свидетельствует о том, что *фактические* доходы и вместе с ними уровень жизни выросли не так значительно, как номинальные доходы (за 2003-2009 гг. в среднем в 1,46 раза у горожан и в 1,47 раза у селян, см. табл. 2.8). По сельской местности динамика в целом более медленная, чем в городе: наиболее многочисленная группа сельских домохозяйств практически не увеличивает свои фактические доходы, и ее численность почти не меняется. Судя по динамике кривых, особенно в 2007-2009 гг., горожане быстрее начали выходить из финансового кризиса, чем сельские жители.

Таблица 2.8. Динамика некоторых коэффициентов, характеризующих средний фактический доход и неравенство по городской и сельской местности в 2003-2009 гг.

	среднее			коэффициент фон- дов			индекс Джини			коэффициент вари- ации		
	гор.	село	отн. села к гор.	РФ в целом	гор.	село	РФ в целом	гор.	село	РФ в целом	гор.	село
2003	1,59	0,88	0,568	14,2	14,0	14,1	0,410	0,393	0,379	0,94	0,90	0,85
2005	1,92	1,07	0,557	14,5	14,2	13,8	0,431	0,420	0,388	1,18	1,08	0,88
2007	2,18	1,24	0,569	13,7	13,5	13,0	0,422	0,403	0,382	1,07	0,98	0,86
2009	2,26	1,29	0,571	13,1	13,0	12,3	0,364	0,352	0,349	0,86	0,80	0,78

В то же время тенденция сокращения численности крайне бедных и по городу, и по селу также проявляет себя при анализе как номинальных, так и фактических доходов (см. поведение крайних левых точек на графиках: они в каждый последующий год становятся ниже). Очевидно, часть крайне бедных переходит в группы более высокой доходности, способствуя подъему хвостов распределений.

Также отметим снижение показателей неравенства при переходе к фактическому доходу (табл. 2.8). То есть расчет величины ПМ по регионам РФ, учет региональных цен и особенностей в потреблении, способствует сближению уровня жизни в регионах. Это находит отражение в показателях неравенства, рассчитанных на основе фактического дохода, полученного путем нормирования номинального дохода величиной ПМ.

Итак, статистический анализ, проведенный на основе показателей среднедушевого денежного дохода и прожиточного минимума, привел к следующим выводам:

- номинальный и фактический доходы растут. При этом первый растет быстрее, чем второй, и оба вида доходов сельского населения растут быстрее, чем городского;
- неравенство и в городе, и в селе очень значительно. При этом неравенство городского населения несколько выше, чем сельского;

– разница в уровне доходов и неравенства не приводит к распаду социума: совместное распределение городского и сельского населения полностью «поглощает» их отдельные распределения.

2.2 Измерение динамики уровня жизни сельского населения с использованием показателей потребления и индекса предельной полезности потребительских благ

Для оценок уровня жизни по правилу Энгеля на основе формулы (13) будем использовать в качестве зависимой переменной y показатель среднедушевых расходов домохозяйства на продукты питания, включая как реальные расходы на них, совершенные в результате покупки, так и оцененные в стоимостной форме натуральные поступления.

Динамика значений индикатора $I_{ур.(прод.)}$, рассчитанного с использованием показателя расходов на продовольствие (табл. 2.9)¹³⁸, характеризует изменение уровня жизни в РФ за период 1997-2014 гг. Можно видеть, что в 1998 г. наблюдалось снижение уровня жизни как реакция на августовский кризис, после чего, в течение 3-4 лет происходило его восстановление. В 2002 г. докризисный уровень жизни был превышен, и продолжал расти до 2007 г., после чего последовала стабилизация и резкий спад в 2009 г., который сменился медленным подъемом, завершившимся в 2013 г.

Таблица 2.9. Индекс уровня жизни, рассчитанный по показателям расходов на питание (y) и конечных расходов (x), по РФ

Год	Уравнение регрессии	Индекс уровня жизни $I_{ур.(прод.)}$
1	2	3
1997	$y = 2,99 * x^{0,729}$	0,597
1998	$y = 1,90 * x^{0,821}$	0,498
1999	$y = 2,04 * x^{0,822}$	0,505
2000	$y = 2,75 * x^{0,776}$	0,565
2001	$y = 3,32 * x^{0,760}$	0,574

¹³⁸ В §2.2 источником данных, кроме тех, на которые есть ссылки, является **Российский** статистический ежегодник. 1998-2015. Раздел «Уровень жизни населения», таблица «Структура расходов на конечное потребление домашних хозяйств различных социально-экономических категорий (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств)»

Таблица 2.9 (продолжение).

Год	Уравнение регрессии	Индекс уровня жизни $I_{ур.(прод.)}$
1	2	3
2002	$y = 4,85 * x^{0,709}$	0,632
2003	$y = 5,92 * x^{0,683}$	0,665
2004	$y = 6,80 * x^{0,668}$	0,686
2005	$y = 8,35 * x^{0,642}$	0,720
2006	$y = 11,15 * x^{0,609}$	0,750
2007	$y = 16,51 * x^{0,566}$	0,784
2008	$y = 19,40 * x^{0,560}$	0,786
2009	$y = 11,25 * x^{0,627}$	0,752
2010	$y = 9,94 * x^{0,644}$	0,755
2011	$y = 11,95 * x^{0,627}$	0,768
2012	$y = 13,40 * x^{0,615}$	0,782
2013	$y = 14,31 * x^{0,610}$	0,785
2014	$y = 13,76 * x^{0,620}$	0,780

Приведенные в таблице данные интерпретируются как мера *насыщения потребности домохозяйства в продуктах питания*, как мера *доступности продовольствия для домохозяйства*; в последнее десятилетие она остается достаточно высокой даже в годы экономического спада.

Связывая совместную динамику показателей конечных расходов и расходов на питание с уровнем жизни, мы сталкиваемся с необходимостью стороннего, независимого от проверяемой закономерности Энгеля, подтверждения динамики уровня жизни. Это возможно с определенной условностью, о которой говорилось в §1.1, состоящей в отождествлении понятия «уровень жизни» с некоторым показателем или набором показателей, не относящихся к проверяемой закономерности. В качестве такового возьмем набор из 3-х показателей, связанных с прожиточным минимумом (ПМ) и реальными доходами. Их совместная с выведенным индексом динамика показана на рис. 2.9.

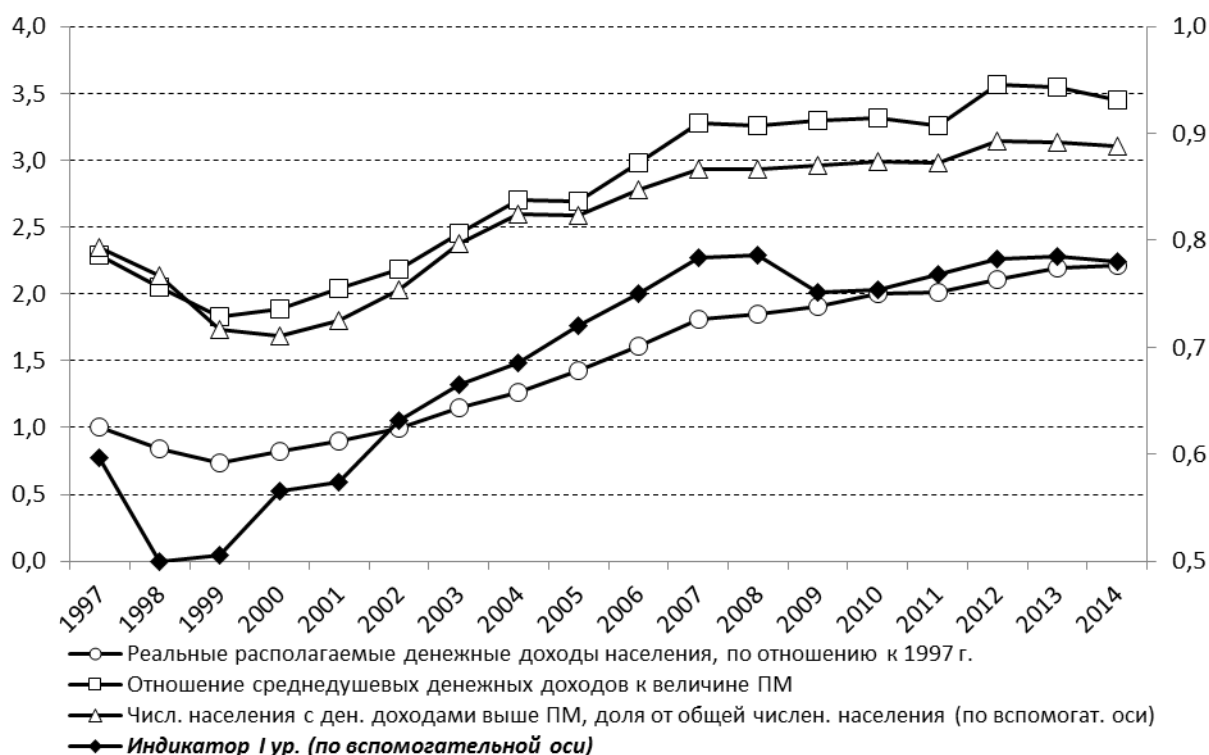

Рис. 2.9. Динамика индикатора уровня жизни $I_{ур.(прод.)}$ и ряда показателей уровня жизни, в 1997-2014 гг.

Представленные графики позволяют говорить о том, что динамика всех 4-х показателей в целом непротиворечива, что не исключает различий в отдельные годы – например, в 2009 г. можно видеть снижение индекса $I_{ур.(прод.)}$, не подтвержденное показателями Росстата. Однако все показатели, включая индекс $I_{ур.(прод.)}$, демонстрируют одинаковую общую направленность изменений и похожий темп этих изменений. Весьма характерно, что все 4 графика «дружно притормозили» в 2007 и 2012 гг., показав в последующие годы стабилизацию или снижение уровня жизни.

Таким образом, ряд общепризнанных показателей подтверждают адекватность представленной методики, формализующей правило Энгеля.

Близость методологических подходов к проведению бюджетных обследований в РФ и странах ЕС позволяет провести корректное сопоставление данных. В частности, в Германии ежегодное обследование охватывает 7,5 тыс. домохозяйств, образующих репрезентативную выборку; кроме того, раз в 5 лет проводится более широкое обследование 55 тыс. домохозяйств, включающее не только

основные показатели доходов, расходов и потребления, но и более подробные их группировки. Данные по потребительским расходам (Private Konsumausgaben) за 2003 и 2008 гг. были представлены в разрезе 8 групп населения, сформированных в зависимости от месячного дохода домохозяйства (nach dem monatlichen Haushaltsnettoeinkommen). Это позволило рассчитать индикатор уровня жизни с использованием показателя расходов на покупку продуктов питания, алкоголя и табачных изделий (не разделяемых в германском обследовании) и показателя потребительских расходов: он составил в 2003 г. 0,891, в 2008 – 0,887.¹³⁹ Очевидно, чем выше значение индикатора, тем медленнее он растет, что вытекает из самой формы степенной кривой с показателем степени в пределах от 0 до 1. Стабилизация значений индикатора около 0,9 означает, что продовольствие *почти одинаково доступно* населению Германии независимо от уровня его доходов. В России доступность продовольствия ниже – в 2008 около 0,8 – однако за предшествующие 5 лет наблюдался рост. В 2009 г. произошел спад, после которого темп роста не был таким быстрым, как до 2008 г.

Приведенные значения индикатора по Германии и России напрямую связаны с долей расходов на продовольствие в общих потребительских расходах: если в целом по РФ в 2003 она составила 40%, в 2008 снизилась до 30,7%, то в Германии она была стабильно низкой, составляя 13,9 и 14,3% соответственно.

Динамика значений индикатора $I_{ур.(прод.)}$ в РФ в разрезе города и села в 2003-2014 гг. (табл. 2.10)¹⁴⁰ свидетельствует о большей уязвимости сельских жителей перед последствиями кризисов. В частности, в 2009 г. в сельской местности наблюдался более глубокий, чем в городе, спад уровня жизни; в 2013 г. сельские жители почувствовали последствия кризиса на год раньше, чем горожане.

¹³⁹ за 2008: Statistisches Bundesamt, Statistisches Jahrbuch 2010, p. 552; за 2003: Statistisches Bundesamt, Statistisches Jahrbuch 2006, p. 552.

¹⁴⁰ За 2003-2007 гг. рассчитано с использованием агрегированных данных, см.: URL: <http://www.micro-data.ru> (Дата обращения – неоднократно в течение 2008-2011 гг.). За 2008-2014 гг. см.: **Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2009-2014 гг.** (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Фед. служба гос. статистики. – М., 2010-2015. – С.21-25.

Таблица 2.10. Индекс уровня жизни, рассчитанный по показателям расходов на питание (y) и конечных расходов (x), в разрезе города и села, по РФ

Год	Индекс уровня жизни $I_{ур.(прод.)}$	
	Город	Село
2003	0,690	0,544
2005	0,742	0,608
2007	0,803	0,687
2008	0,856	0,714
2009	0,836	0,667
2010	0,837	0,689
2011	0,843	0,703
2012	0,853	0,749
2013	0,864	0,735
2014	0,857	0,733

Рассмотрим другие показатели потребления, которые, наряду с показателем расходов на продовольствие, представлены в государственной статистике и могут быть использованы для оценок уровня жизни по представленной модели.

В рамках анализа структуры расходов на конечное потребление домашних хозяйств Росстат объединяет все основные блага в следующие категории. Первая – продукты питания, включая купленные и полученные домохозяйством в натуральной форме из личного подсобного хозяйства или в виде подарков – была использована в модели и доказала свою адекватность для правила Энгеля. Остальные три категории включают

- непродовольственные товары;
- алкогольные напитки;
- услуги – оплаченные и полученные от работодателя бесплатно или по льготным ценам.

На рис. 2.10 показана динамика долей расходов на три из 4-х перечисленных категорий благ – продукты питания, непродовольственные товары и услуги за 1997-2011 гг. – в конечных расходах (расходы на алкоголь не показательны, так как их доля в конечных расходах мала).

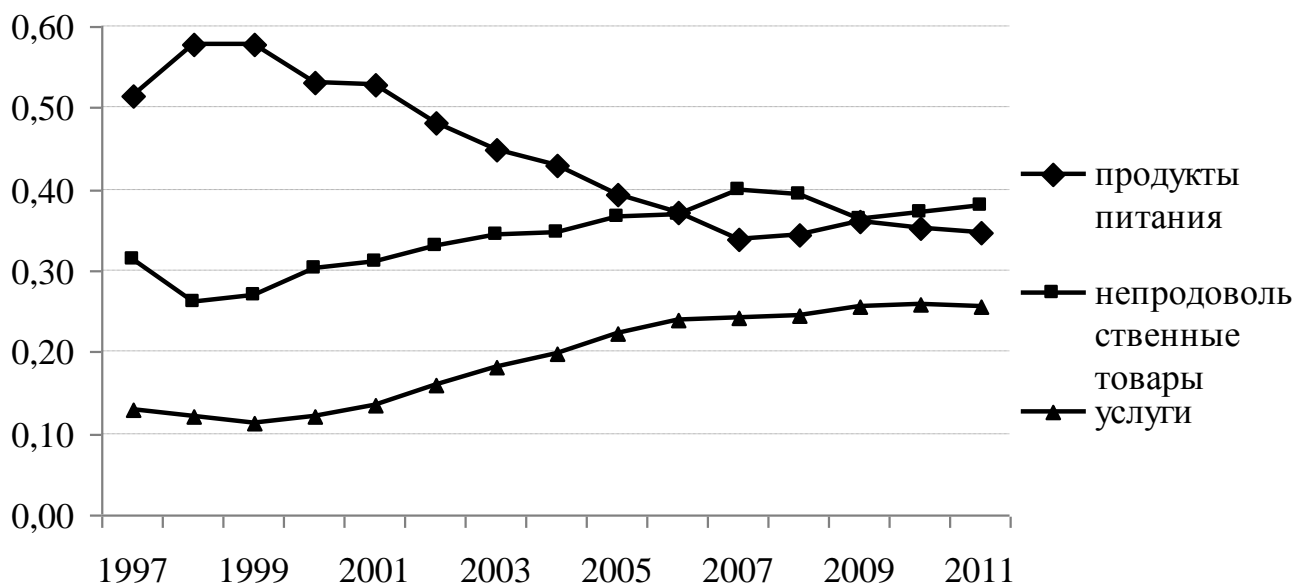

Рис. 2.10. Динамика долей расходов на продукты питания, непродовольственные товары и услуги в конечных расходах домохозяйства в 1997-2011 гг.

Можно видеть, что кривая, отображающая динамику доли продовольственных расходов в конечных расходах, возрастает в 1997-1999 гг., затем до 2007 г. с разным темпом убывает, после чего в течение последующих 4-х лет медленно колеблется, сначала возрастая, затем убывая. Одновременно с этим кривая доли расходов на непродовольственные товары в зеркальном отражении полностью повторяет кривую доли продовольственных расходов, то есть, будучи перевернутой, оказывается сонаправленной с ней в любом временном промежутке, вплоть до одинакового темпа возрастания / убывания. Можно сказать, что увеличение доли расходов на продовольствие происходит за счет уменьшения доли расходов на непродовольственные товары, и наоборот.

Кривая, отображающая динамику доли расходов на услуги, похожа по форме на кривую доли расходов на непродовольственные товары, но не повторяет ее полностью: есть периоды, когда ее направление совпадает с направлением кривой доли продовольственных расходов; особенно это заметно в 2007-2010 гг.

Таким образом, теоретически обоснованная в §1.2 и статистически подтвержденная выше модель уровня жизни, формализующая правило Энгеля с ис-

пользованием показателя продовольственных расходов, может быть применена для оценок уровня жизни с использованием показателя расходов на непродовольственные товары.

На рис. 2.11 изображена диаграмма, показывающая динамику долей продовольственных расходов и расходов на непродовольственные товары в конечных расходах по децильным группам располагаемых ресурсов, отмечаемым по оси абсцисс. Если смотреть на диаграмму сверху вниз, то пять верхних убывающих кривых представляют продовольственные расходы соответственно за 1999, 1997, 2003, 2007, 2011 гг., а пять нижних возрастающих кривых – расходы на непродовольственные товары соответственно за 2007 (выше 2011-го на верхних децилях), 2011, 2003, 1997, 1999.

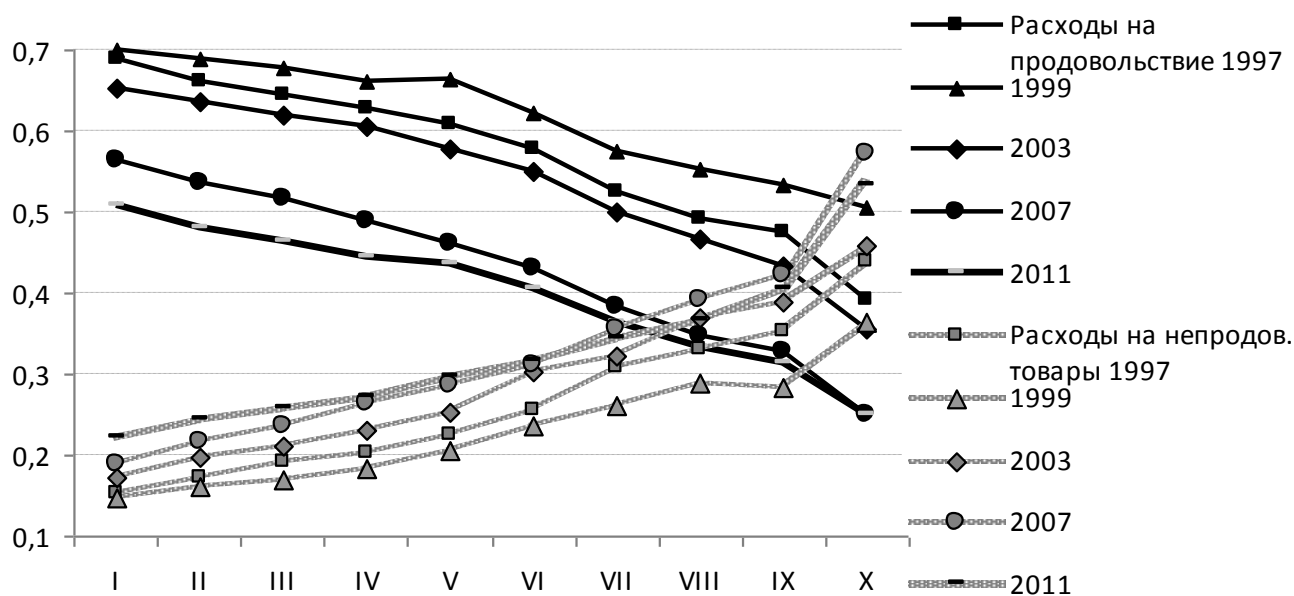

Рис. 2.11. Динамика долей расходов на продукты питания и непродовольственные товары в конечных расходах домохозяйства по децильным группам располагаемых ресурсов

Важно отметить, что все графики, представляющие динамику долей продовольственных расходов в конечных расходах («верхние убывающие»), демонстрируют их низкую эластичность по ним, а все графики, представляющие динамику долей расходов на непродовольственные товары («нижние возрастающие») – их высокую эластичность по ним. Следовательно, динамика индекса $I_{ур.(непрод.)}$,

рассчитанного по формуле (14), по-видимому, будет демонстрировать ту же логику, что и динамика индекса $I_{ур.(прод.)}$, рассчитанного по формуле (13) с использованием показателя продовольственных расходов (табл. 2.11).

Таблица 2.11. Индекс уровня жизни, рассчитанный для показателей расходов на непродовольственные товары (y) и конечных расходов (x), по РФ

Год	Уравнение регрессии	Индекс уровня жизни $I_{ур.(непрод.)}$		
		<i>всего</i>	<i>город</i>	<i>село</i>
1997	$y = 0,0090 * x^{1,536}$	0,416	–	–
1998	$y = 0,0092 * x^{1,499}$	0,335	–	–
1999	$y = 0,0106 * x^{1,451}$	0,341	–	–
2000	$y = 0,0092 * x^{1,471}$	0,389	–	–
2001	$y = 0,0084 * x^{1,471}$	0,400	–	–
2002	$y = 0,0066 * x^{1,487}$	0,432	–	–
2003	$y = 0,0059 * x^{1,493}$	0,441	0,450	0,391
2004	$y = 0,0052 * x^{1,497}$	0,451	–	–
2005	$y = 0,0046 * x^{1,504}$	0,477	0,484	0,432
2006	$y = 0,0045 * x^{1,498}$	0,481	–	–
2007	$y = 0,0041 * x^{1,500}$	0,526	0,527	0,514
2008	$y = 0,0046 * x^{1,476}$	0,517	0,517	0,510
2009	$y = 0,0049 * x^{1,462}$	0,473	0,480	0,439
2010	$y = 0,0070 * x^{1,417}$	0,486	0,490	0,465
2011	$y = 0,0058 * x^{1,434}$	0,506	0,509	0,487
2012	$y = 0,0072 * x^{1,410}$	0,526	0,534	0,521
2013	$y = 0,0075 * x^{1,404}$	0,521	0,522	0,505
2014	$y = 0,0085 * x^{1,386}$	0,508	0,512	0,488

Значения индекса $I_{ур.(непрод.)}$ интерпретируются как *предельная полезность, ценность, важность* непродовольственных товаров для домохозяйства (см. §1.2). Их динамика полностью повторяет динамику *насыщенности потребности домохозяйства в продуктах питания* (см. табл. 2.9) и свидетельствует о том, что индекс, составленный по формуле (14) на основе высокоэластичного показателя расходов на непродовольственные товары, позволяет давать корректные оценки уровня жизни.

Что касается расходов на услуги, то, судя по тому, как с течением времени меняется их доля в конечных расходах (рис. 2.10), они не могут быть однозначно определены в качестве низко- или высокоэластичных: если в 1999-2007 гг. доля расходов на услуги в конечных расходах возрастает так же, как доля расходов на непродовольственные товары, то в 2007-2011 гг. – снижается, как доля продовольственных расходов. По-видимому, агрегирование в одну категорию всех услуг, как слабо-, так и высокоэластичных, привело, в отличие от агрегирования непродовольственных товаров, к неоднозначности и к невозможности их использования в модели оценки уровня жизни. Так, расходы на коммунальные услуги слабоэластичны: чем беднее домохозяйство, тем больший удельный вес в конечных расходах они составляют – от 16,1-11,4% в нижней децильной группе (соответственно по городу и по селу) до 7-8,4% в верхней в 2014 г. Напротив, расходы на гостиницы, кафе и рестораны высокоэластичны: с ростом уровня жизни их доля в конечных расходах растет в ускоренном темпе – с 0,5-1% в нижней децильной группе (соответственно по городу и по селу) до 4,7-5% в верхней в 2014 г.

Детализируя обобщенные категории непродовольственных товаров и услуг, можно выявить конкретные виды благ, динамика расходов на которые однозначно определяет их в качестве высоко- или низкоэластичных по отношению к конечным расходам; они могут быть использованы для анализа уровня жизни с помощью рассматриваемого индекса. В частности, высокоэластичным благом является транспорт: доля расходов на покупку, ремонт транспортных средств и приобретение транспортных услуг непрерывно возрастает по мере роста благосостояния, причем, у самых богатых возрастает скачкообразно – с 6,8% в I децильной группе до 16,2% в IX и до 36,6% в X по городу, соответственно с 4,1% до 13,0% и до 29,8% по селу (по данным на 2014 г.). Динамика индекса предельной полезности транспортных средств и услуг за 2008-2014 гг. по городу и по селу, рассчитанного по формуле (14), представлена в таблице 2.12; она в целом не противоречит динамике индексов, рассчитанных для продуктов питания и непродовольственных товаров.

Таблица 2.12. Динамика индекса предельной полезности транспортных средств и услуг по городской и сельской местности, 2008-2014 гг.

год	город	село
2008	0,242	0,236
2009	0,213	0,182
2010	0,245	0,195
2011	0,261	0,221
2012	0,311	0,302
2013	0,283	0,256
2014	0,297	0,245

2.3 Анализ динамики уровня жизни сельского населения на основе качественных методов и субъективных оценок

Качественные методы – анализ документов (в частности, писем), «исследование случая»-case-study и др. – весьма эффективны при изучении уровня жизни, который в данном контексте оказывается тесно связан с понятием уклада жизни.¹⁴¹ Их ценность – в возможности использования «в ситуации практической нереализуемости репрезентативных методов», когда «акцент делается на исследовании отдельных случаев, репрезентирующих качественное разнообразие, но не определяющих его масштабность»¹⁴².

Качественные методы, наряду с бюджетными обследованиями, явились основными инструментами в исследованиях Центра крестьяноведения и аграрных реформ 1990-2001 гг. под руководством Т. Шанина.¹⁴³ Сбор и анализ бюджетной статистики домашних хозяйств исследователи Центра осуществляли по собственной методике ежемесячно с течение года. С ее использованием были

¹⁴¹ Белановский С.А. Глубокое интервью: Учебное пособие. - М.: Никколо-Медиа, 2001. – 320 с.

¹⁴² Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // Экономическая социология. – 2000. – Т. 1. – № 1. – С.13.

¹⁴³ Шанин Т. Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т.Шанина, А. Никулина, В.Данилова. – М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. – С.9-31.

получены оценки уровня и структуры доходов обследованных семей, мотивов их экономического поведения.¹⁴⁴

Биографическое изучение сельских семей, проводимое Центром, позволило реконструировать историю сельской России в XX веке, выявить ключевые события сельской повседневности, оценить, как менялись уклад и качество жизни сельского населения.¹⁴⁵ В монографии¹⁴⁶ излагаются результаты исследований «повседневных социально-экономических практик российского крестьянства», проводимых авторами в 1991-2012 гг., в том числе в период их работы в Центре, анализируются перемены в жизнедеятельности сельских сообществ, направление их эволюции течением времени. В монографии¹⁴⁷ приводятся 4 истории крестьян, «активная жизнь которых совпала с колхозной эпохой в СССР».

Изучение семейных историй посредством анализа писем за длительный период времени – информативный метод качественной социологии. В своей монографии «Российское село. Процессы постсоветской трансформации» П.П. Великий применяет такой метод для исследования сельской повседневности. В основе исследования – переписка автора 1988-2011 гг. с женщиной 48-70 лет, живущей в селе Улендыкуль Исилькульского района Омской области с дочерью, зятем и двумя внуками.¹⁴⁸ Достаточно длинный временной отрезок, включивший в себя последние «спокойные» советские годы, перестройку, реформы и послереформенный период, позволяет оценить влияние происходящих в стране перемен на жизнедеятельность сельских жителей, основываясь на их опосредованном восприятии деревенской женщиной.

В период перед реформами (1988-1989 гг.) особой удовлетворенности жизнью не наблюдалось, хотя тон писем был спокойным – в отличие от полных

¹⁴⁴ **Фадеева О.П.** Методика бюджетного обследования // Рефлексивное крестьяноведение... С.446-453; **Фадеева О.П.** Способы адаптации сельских семей к изменениям экономической среды (по результатам бюджетных обследований на Кубани и в Поволжье) // Рефлексивное крестьяноведение... С.161-215.

¹⁴⁵ **Ковалев Е.М.** Истории крестьянских семей: методика и первые результаты // Крестьяноведение. Теория. История, современность: Ежегодник. 1996 / Под ред. **В.Данилова, Т.Шанина.** – М.: Аспект Пресс, 1996. – С.285-291.

¹⁴⁶ **Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.П.** Крестьянские жизненные практики. Россия. 1991-2012: Монография. – Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ, 2013. – 168 с.

¹⁴⁷ **Виноградский В.Г.** Протоколы колхозной эпохи: Монография. – Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ, 2013. – 216 с.

¹⁴⁸ **Великий П.П.** Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов: Научная книга, 2012. – С.152-159.

драматизма писем 1992-1999 гг., в которых респондентка жалуется на «развал и воровство». «Такая была ферма! Все разобрали и растащили... Газ не возят: им задолжали, но мы-то заплатили... Свет отключают на 2-3 часа. Угля ... нет, топим дровами [с. 153, письмо от 1999 г.]. Из другого письма видно, что основную надежду респондентка возлагает на собственное приусадебное производство. «Пока можем, *для себя* будем держать корову и выращивать все, что нужно к столу... Дети у нас все в деревне живут, тоже все свое имеют» [с. 153, 1992 г.]. Респондентка жалуется на крайне низкие зарплаты зятя и дочери, на длительные задержки их выплат – составную часть действительности первой половины 1990-х гг., продлившуюся в сельской местности вплоть до конца десятилетия.

Из писем 1990-х гг. видно, что для «обычного», «среднего» сельского жителя характерна минимизация потребления по всему спектру потребностей и ставка на самообеспечение. Произошло упрощение социально-экономической жизни, возросла бедность. Также П.П. Великий делает важный вывод об «усилении процесса социальной эксклюзии и почти полном исчезновении статусных границ между группами населения: бывшая доярка с начальным образованием и агроном с высшим образованием сравнялись по образу жизни, полностью замкнувшись на семейное приусадебное хозяйство» [с. 154].

Письма 2000-х гг. свидетельствуют о постепенном преодолении шока и включении новых механизмов выживания, сложившихся на основе «рационализации ограниченных наличных ресурсов и использовании опыта типичной крестьянской жизнестойкости». «Зять работает на тракторе, зимой чистит дороги, а весной и осенью боронит, пашет. Дочь работала киномехаником, потом гардеробщицей в школе, а теперь сократили... Теперь дома доит коров, а их у нас 3 шт., и два молодняка, и 6 шт. овец. В мае возьмем поросят, 40 шт. курей... Огород 80 соток. Половину садим картошкой, а вторую половину засеяли люцерной. Это сено для телят... На 2 пая дают зерноотходы... Коровам косим, где найдем. Без молока не сидим. Масло заготавливаем... Из творога я варю сыр, и дочь возит [в город] и продает... Продаем все – и сметану, и масло» [с. 155-156, март 2003]. Приведенная выдержка свидетельствует о том, что семья преодолела

шок и научилась выживать. Во-первых, постоянная работа есть у зятя, хотя, как можно понять из письма от августа 2003 г., работа ненадежная – «не платят, [только] дали к школе по 500 рублей». Во-вторых, дочь, потеряв низкооплачиваемую, низкостатусную работу гардеробщицы, стала вести подсобное хозяйство, размер которого сильно увеличился. В-третьих, семья нашла возможность самостоятельно торговать молокопродуктами на рынке ближайшего города. Любопытно, что в письме приводится нехитрая калькуляция по доходам от продаж: «сыр стоит 40 р./кг, а творог – 12-15, а для получения 3 кг сыра требуется 4 кг творога». В-четвертых, семья нашла доступ к льготным источникам кормов: это арендная плата фуражом за 2 земельные доли, самостоятельное кошение и рациональное использование имеющегося в ее распоряжении участка земли, выращивая не только картофель для личного потребления, но и корма для телят. Естественно, эти источники обеспечивают не все потребности ЛПХ в кормах, но если бы их не было, семья не смогла бы содержать такое количество скота только на покупные корма.

Из писем 2010-2011 гг. мы узнаем, что одна внучка выбрала профессию в сфере бизнес-туризма, вторая стала учительницей, и обе покинули родное село. Здоровье оставшихся в селе членов семьи с течением времени ухудшилось, и семья постепенно утратила свои позиции: сократила количество голов скота в ЛПХ и перестала самостоятельно торговать производимой продукцией. Существование некогда многолюдного села с трудолюбивым населением, по мнению информанта, завершается: старшее поколение уходит, из-за отсутствия работы молодежь уезжает, а новые жители в село не едут [с. 159].

Итак, анализ писем показал, как менялись настроения сельской семьи в 1988-2011 гг., ориентацию на выживание в период реформ. Изменившиеся условия жизни после реформ 1990-х гг. заставили семью искать пути своей дальнейшей адаптации. В конце концов, рост уровня жизни для данной сельской семьи оказался связан с утратой сельского статуса – с отказом от сельскохозяйственной деятельности, от работы в селе – и с переездом в город младшего поколения.

Субъективистский подход к измерению уровня жизни, основанный на анализе самооценок, использует методы социологического опроса для получения данных.

Социологические опросы, проводимые в 1990-х гг., демонстрировали крайне негативные самооценки населением своего материального положения. В частности, в анкетировании сельского населения Саратовской области в 1992 г. (было опрошено 430 респондентов по случайной схеме; предельная ошибка выборки составила 4,9%), проведенного социологами ИСЭП АПК РАН (совр. ИАГП РАН), доминировал ответ об ухудшении материального положения (табл. 2.13).¹⁴⁹

Таблица 2.13. Распределение ответов на вопрос «Как изменилось Ваше материальное положение за последние годы?», %

вариант ответа	удельный вес
улучшилось	13,1%
осталось прежним	32,1%
ухудшилось	42,6%
трудно сказать	12,2%

В 1999 г. результаты полуструктурированных интервью 96 глав семей работников 12 сельхозпредприятий Энгельсского района, проведенных автором, как и прежде, продемонстрировали крайне негативные самооценки уровня материального достатка (табл. 2.14).

Таблица 2.14. Распределение ответов на вопрос «Как изменился Ваш реальный доход за последние три года?», %

вариант ответа	удельный вес
увеличился	7,3%
не изменился	27,1%
уменьшился	65,6%

¹⁴⁹ результаты социологических исследований 1992 и 1999 гг., приводимые здесь, см.: **Шабанов В.Л.** Домашние хозяйства и их роль в социально-экономической адаптации сельских семей (с учетом региональной специфики Российской Федерации). Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Саратов, 1992. – С.32-45.

Проводить прямое сопоставление результатов анкетирования 1999 и 1992 гг. нельзя из-за разных выборок. Однако общие – качественные – выводы возможны, и они оказываются весьма красноречивыми.

Кроме того, в интервью 1999 г. респондентам предлагалось оценить не только свой нынешний материальный достаток, но и то, каким он был за три года до опроса. Приведенные в таблице 2.15 распределения ответов на вопрос о потребительских возможностях, характеризующих материальный достаток, демонстрируют явный негативный тренд.

Таблица 2.15. Распределение ответов на вопрос «На что хватает Вашего семейного дохода», %

вариант ответа	удельный вес	
	в текущем году	три года назад
не хватает на питание	25,0	4,2
только на питание	36,5	28,1
на питание и одежду	30,2	38,5
на питание, одежду и товары длительного пользования	3,1	13,5
на питание, одежду, товары длительного пользования и накопления	5,2	14,6
хватает на все, что считаем нужным купить	–	1,0

Опрос 2010 г., проведенный автором в рамках совместного проекта ИАГП РАН и Новосибирского Института экономики и организации промышленного производства РАН (было опрошено 379 сельских респондентов из Саратовской и Новосибирской областей по случайной схеме; предельная ошибка выборки составила 5,1%),¹⁵⁰ показал положительную динамику в уровне жизни: распределение ответов на вопрос об изменениях благосостояния семьи респондента в ближайшем будущем показывает осторожный оптимизм по сравнению с тем, как на прямой вопрос отвечали респонденты в начале 1990-х (табл. 2.16).

¹⁵⁰ при поддержке гранта РГНФ № 10-03-00500а; руководитель с новосибирской стороны проф. О.В. Нечипоренко, с саратовской – проф. П.П. Великий.

Таблица 2.16. Распределение ответов на вопрос «Как изменится благосостояние Вашей семьи в ближайшем будущем?», %

вариант ответа	удельный вес
Изменится к лучшему	18%
Останется без изменений	26%
Изменится к худшему	18%
Затрудняюсь ответить	39%

Метод самооценок уровня жизни, основанный на субъективистском подходе, широко применяется в современных исследованиях. Сошлемся на статью А.М. Нагимовой, в которой приводятся результаты социологических исследований качества жизни населения Республики Татарстан в 2005-2009 гг.¹⁵¹ и на главу в коллективной монографии, написанную А.М. Сергиенко, в которой она проводит исследование «масштабов, глубины, динамики и форм» сельской бедности.¹⁵²

Выборочная совокупность социологического исследования А.М. Нагимовой превышала 2 тыс. респондентов, формировалась по случайной схеме, что позволяет оценить погрешность как очень низкую. Оценка уровня жизни производилась на основе ряда прямых вопросов об удовлетворенности населением своего материального положения, о социально-экономической ситуации в регионе, о возможности делать сбережения и т.д. По данным опросов, степень удовлетворенности населения Республики Татарстан своим материальным положением колебалась от 35% в 2007 г. до 42-45% в 2008-2009 гг. с небольшой тенденцией к снижению, очевидно, объясняемой начавшимся кризисом.

А.М. Сергиенко приводит результаты опроса 2011 г., проведенного среди сельских жителей Алтайского края по схеме «расширяющихся» альтернатив. К категории *бедных* автор относит тех респондентов, которые выбрали альтернативы «денег иногда не хватает даже на питание» (13,2% выборочной совокупности) и «денег хватает на питание и оплату коммунальных услуг» (39,6%). Анализ

¹⁵¹ **Нагимова А.М.** Социально-экономические условия жизнедеятельности и благосостояние населения Республики Татарстан в системе обеспечения качества жизни: социологический анализ // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 2. – С. 114-122.

¹⁵² Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ. ред. **А.М. Сергиенко** – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – С. 80-125.

большого числа распределений, дающих разностороннюю оценку респондентами собственного уровня жизни, позволяет А.М. Сергиенко сделать выводы о масштабах, глубине и формах сельской бедности в России, проследить ее динамику.

Схема «расширяющихся» альтернатив используется Росстатом для самооценок уровня жизни в бюджетных обследованиях. Список альтернатив вопроса о финансовом положении семьи был сформирован исходя из принципа «на что НЕ хватает имеющегося дохода»; каждая последующая альтернатива отрицала предшествующую. Распределения за 2004-2014 гг. позволяют сопоставить и оценить динамику самооценок уровня жизни городского и сельского населения (рис. 2.11, 2.12).¹⁵³

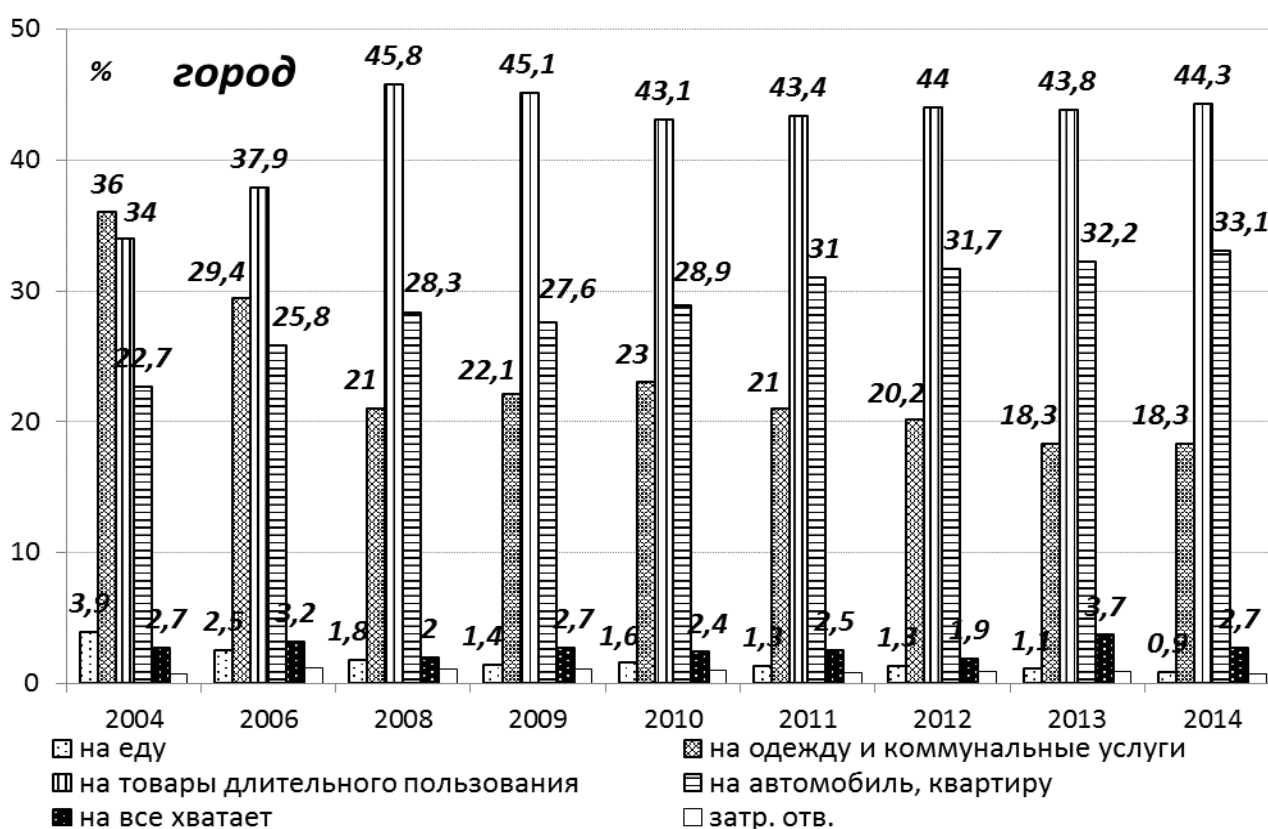

Рис. 2.11. Распределение ответов городских респондентов на вопрос об оценке своего финансового положения (на что НЕ хватает...), %

¹⁵³ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2007 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Фед. служба гос. статистики. – М., 2008. – С.40; Доходы ... 2010-2015. – С.168-189.

Рис. 2.12. Распределение ответов сельских респондентов на вопрос об оценке своего финансового положения (на что НЕ хватает...), %

Очевидно, общий рост уровня жизни характеризуется постепенным перераспределением ответов от «слабых» альтернатив к «сильным», которое наблюдалось в течение всего периода 2004-2014 гг. При этом в 2008-2010 гг. и в 2014 г. данная тенденция тормозилась или менялась на противоположную. Суммарная доля 2-х «слабых» альтернатив (связанных с нехваткой средств на еду, одежду и коммунальные услуги) в 2004-2014 гг. снижалась (с 39,9 до 19,2% по городу и с 45,4 до 21,8% по селу); соответственно возрастала доля остальных трех – «сильных» – альтернатив.

Разница в самооценках между горожанами и сельскими жителями по 2-м «слабым» и 3-м «сильным» альтернативам увеличивалась в 2008-2010 гг. (с 5-5,5 п.п. до 7-7,5 п.п.), затем, до 2012 г., снижалась (до 1,2-1,9 п.п.), после чего вновь начала расти (до 2,1-2,6 п.п.).

Необходимо добавить, что сравнение субъективных оценок уровня жизни с объективными данными дает значительное расхождение, причем, по сельским ре-

спондентам гораздо более существенное, чем по городским. Это объясняется заниженной планкой потребностей сельского населения по сравнению с городским. Так, оценки величины доходов, позволяющих жить «очень хорошо», «хорошо» и «удовлетворительно», сельскими респондентами были в 1,5-1,6 раза ниже, чем городскими.¹⁵⁴

Наряду со способом измерения уровня жизни на основе самооценок, следует выделить близкий к нему способ, основанный на сочетании объективистского и субъективистского подходов. Данный способ реализуется с использованием материалов Комплексного наблюдения условий жизни за 2011-2014 гг., в рамках которого Росстат проводит сбор объективной и субъективной информации о состоянии и качестве жилья, объективной информации о доступности домохозяйствам различных благ и субъективной информации об оценке этих благ домохозяйствами.

Наиболее общая характеристика жилищных условий связана с размером самого жилья. По данным обследования 2014 г., сельское жилье более просторное (27 кв.м общей и 19,5 кв. м жилой площади в расчете на человека против 23,5 и 15,8 кв.м в городе); сельские семьи реже испытывают стесненность, чем городские (18% против 25,3%).

Качеством жизни в самом жилье сельские семьи удовлетворены больше, чем городские: они меньше жалуются на недостаток тепла и солнечного света (16,4% и 8,8% против 16,9% и 12,3%), на плохую шумоизоляцию (26% против 31,1%). В большей степени их беспокоит только избыток влажности и сырость (15,5% против 12,4%).

Неудовлетворенность жильем у сельских жителей связана в основном с наличием и качеством коммунальных услуг.

Доступ к централизованным, сетевым услугам по распределению воды, в том числе горячей, газа, отопления, в сельской местности ниже, чем в городской. Недостающая потребность восполняется с помощью местных, индивидуальных ресурсов (артезианских скважин, колодцев, водонагревателей, сжиженного газа в

¹⁵⁴ Доходы... 2015. – С.199.

баллонах). Ситуация с доступом к услугам ЖКХ в многоквартирных домах в селах и городах близка, но, тем не менее, не одинакова (табл. 2.13).

Таблица 2.13. Обеспеченность сельских и городских домохозяйств основными услугами ЖКХ, %

Наличие	село		город	
	2011	2014	2011	2014
Водопровода:				
централизованного				
в целом	63,7	59,1	94,2	92,4
в многоквартирных домах	86,3	82,8	98,5	98,9
артезианской скважины, колодца	19,8	20,6	3,5	3,9
водопровод отсутствует	16,5	20,4	2,3	3,6
Горячего водоснабжения:				
централизованного				
в целом	9,3	9,5	69,0	65,0
в многоквартирных домах	29,5	34,7	79,7	78,9
индивидуального (водонагреватели)	44,0	31,5	21,0	21,2
горячее водоснабжение отсутствует	46,7	59,0	10,0	13,9
Газа:				
сетевого				
в целом	61,3	56,6	66,8	66,6
в многоквартирных домах	66,0	60,7	66,4	67,9
сжиженного газа в баллонах или привозного	23,3	26,7	5,8	4,4
нет возможности или нет необходимости	15,4	12,5	27,4	27,7
Отопления:				
центрального				
в целом	18,4	17,4	82,8	80,7
в многоквартирных домах	57,6	59,8	95,7	97,9
печного, котельного	80,9	81,7	17,0	19,1
другой способ	0,7	0,9	0,2	0,2

Кроме более низкой обеспеченности централизованными услугами ЖКХ сельских домохозяйств по сравнению с городскими, необходимо отметить отрицательную динамику обеспеченности в селе и положительную в городе за рассматриваемый период 2011-2014 гг.

Оценка качества услуг ЖКХ, получаемых из централизованных источников, в сельской местности ниже, чем в городе. Сельские семьи чаще жалуются на пе-

ребои с водой, с электроэнергией, чем городские; доля селян, не пользующихся газом и не имеющих средств на подключение к газораспределительной сети, почти вдвое выше, чем горожан (табл. 2.14). При этом почти по всем позициям за период 2011-2014 гг. наблюдается рост числа проблем, связанных с качеством услуг ЖКХ, как в городе, так и в селе.

Таблица 2.14. Удовлетворенность сельских и городских домохозяйств основными услугами ЖКХ, %

Проблемы	село		город	
	2011	2014	2011	2014
Перебои с подачей холодной воды у домохозяйств, имеющих централизованный водопровод				
в целом	55,7	59,0	32,3	37,9
в многоквартирных домах	51,7	57,8	30,9	36,0
Перебои с подачей горячей воды у домохозяйств, имеющих централизованное горячее водоснабжение				
в целом	47,7	72,6	38,7	45,6
в многоквартирных домах	47,6	74,7	38,7	45,5
Перебои с подачей электроэнергии				
в целом	36,1	39,4	17,8	23,4
в многоквартирных домах	34,6	38,9	15,0	19,5
Нет средств на подключение газа	16,5	15,5	9,6	7,4

Оценка прилегающей территории сельскими семьями, проживающими в многоквартирных домах, хуже, чем городскими. По данным обследования 2014 г., сельские многоквартирные дома реже оборудованы детскими площадками (40,2% против 69% в городе) и парковочными местами (16,1% против 38,3%); их состояние оценивается хуже, чем в городе.

Плохое состояние жилого помещения, низкий доступ к услугам ЖКХ и низкое качество этих услуг стимулируют сельские семьи активнее городских искать способы улучшения своих жилищных условий: о таких намерениях в 2014 г. заявили 17,4% сельских семей и 12,2% городских. Эти способы в селах и городах различаются существенно: из числа горожан, намеревающихся улучшить свои жилищные условия, 41% собираются купить новое жилье и 30,4% собираются

улучшить «каким-либо другим способом». Среди селян только 16,1% собираются купить новое жилье, а улучшить «другим способом» – 67,6%. Также у сельских жителей гораздо меньше возможностей, чем у горожан, вселиться в жилье, строящееся на основе долевого участия (8,7% против 12,7%) и получить жилье в связи со сносом или вступив в очередь (7% против 13,7%). Среди горожан, ведущих новое строительство, 45,6% использовали кредитные средства, 12,8% – средства материнского капитала; среди сельских жителей таковых соответственно 37,8 и 16,9%. Приведенные данные достаточно четко характеризуют различия возможностей горожан и сельских жителей по приобретению жилья. Можно также отметить достаточно высокую роль материнского капитала для улучшения жилищных условий сельского населения в условиях более низкой, чем в городе, доступности для него кредитных ресурсов.

Таким образом, объективные данные по наличию благ и субъективные оценки качества этих благ демонстрируют различия в условиях жизни городского и сельского населения, определяющие более низкий уровень жизни в сельской местности.

Итак, уровень жизни, понимаемый как мера удовлетворения потребностей в благах, ассоциируется как с *объективными* статистическими показателями доходов и потребления благ, так и с *субъективными* показателями, выражающими оценочные суждения относительно качества благ, условий жизни и уровня жизни в целом.

Анализ показал, что уровень жизни сельского населения в 2000-2008 гг. рос ускоренным темпом – более высоким, чем в городе. После 2008 г. темп роста затормозился, а в отдельные годы рост сменялся спадом. Такую динамику демонстрируют показатели доходов и, независимо от них, индексы, построенные на основе показателей предельной полезности различных благ. Полученная логика подтверждается и анализом самооценок сельским населением уровня и условий своей жизни.

Применение разных методов и разных подходов к анализу позволило получить целостную картину уровня жизни сельского населения. В частности, анализ

структуры ПМ показал, что в стоимостной структуре ПМ наблюдался выраженный тренд на понижение удельного веса продуктов питания, в том числе их натуральных поступлений, оцененных в стоимостной форме, и одновременно с этим, повышения удельного веса услуг. Подобное изменение пропорций в составе ПМ в пользу услуг и в ущерб продуктам питания, особенно получаемых в натуральной форме, свидетельствует о росте уровня жизни. В продолжение анализа структуры ПМ сделан вывод о том, что дополнительные возможности по продовольственному самообеспечению по крайней мере с середины 2000-х гг. не оказывают существенного влияния на уровень жизни сельских семей.

Динамика индикатора предельной полезности благ, рассмотренная в разрезе города и села в 2003-2014 гг., свидетельствует о том, что мера насыщения потребности в основных видах благ (мера их доступности) в сельской местности ниже, чем в городской; сельские жители более уязвимы перед последствиями кризисов. В частности, в 2009 г. в сельской местности наблюдался более глубокий, чем в городе, спад уровня жизни; в 2013 г. сельские жители почувствовали последствия кризиса на год раньше, чем горожане. Однако при этом с течением времени значения индикатора по городскому и по сельскому населению сближаются.

Модернизация структуры ПМ, более высокий темп роста фактических доходов в сельской местности, сближение индикаторов доступности различных благ в селе и в городе, свидетельствуют о наличии тренда на сближение уровней жизни городского и сельского населения, проявлению которого препятствует фактор бедности, которая затрагивает село гораздо сильнее, чем город. Ускоренный рост уровня жизни в сельской местности сопровождался возрастанием концентрации бедности, усиливавшейся по мере уменьшения людности населенного пункта, увеличения размера семьи и детности.

Показатели наличия благ, связанных с жизнедеятельностью домашних хозяйств, и самооценки качества этих благ, свидетельствуют о том, что более низкий уровень жизни в сельской местности подтверждается также и субъективными мнениями сельских и городских респондентов; различие в восприятии условий и

уровня жизни сельских жителей и горожан с течением времени не преодолевается.

Дальнейший анализ, проводимый в главе 3, дополняется «непрямыми» – косвенными – показателями уровня жизни. Наиболее важные и характерные среди них – показатели продолжительности жизни и состояния здоровья, показатели использования людьми своего суточного бюджета времени и показатели миграции.

Они, в отличие от показателей доходов и потребления, не ассоциированы с уровнем жизни, но связаны с ним опосредованно:

– по длительности рабочего времени, домашних дел и досуга, по способам проведения досуга можно сделать выводы об условиях и уровне жизни;

– более высокая продолжительность жизни и более низкая заболеваемость характеризует более высокий уровень жизни;

– в рамках неоклассической теории миграции внутренняя миграция из села в город объясняется неравенством в уровне оплаты труда.¹⁵⁵ Миграционный поток направлен в регионы, в которых заработная плата занятого населения выше, то есть в регионы с более масштабным и развитым рынком труда, с более высокими доходами населения, и, в конечном итоге – с более высоким уровнем жизни.

¹⁵⁵ **Harris J.R., Todaro M.P.** Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. The American Economic Review. 1970. № 1 (Vol. 60), pp. 126-142. URL: http://www.jstor.org/stable/1807860?seq=1#fndtn-page_thumbnails_tab_contents

ГЛАВА 3. КОСВЕННЫЕ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ БЮДЖЕТОВ ВРЕМЕНИ, СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

3.1 Структура затрат времени как характеристика уровня жизни сельского населения

Статистика бюджетов времени является эффективным инструментом для косвенных оценок уровня жизни. В частности, она позволяет реализовать на практике концептуальный подход А.Сена к уровню жизни как к характеристике «потока событий и процессов, разворачивающегося во времени». Проводимые Росстатом обследования бюджетов времени дают достаточно полную информацию о тех видах деятельности, которые в концепции А.Сена названы «способствующими осуществлению *самоценных* элементов бытия» – об уборке помещений, приготовлению пищи и др.¹⁵⁶ В их числе может быть рассмотрена и трудовая деятельность, приносящая доход. Затраты времени на нее могут интерпретироваться по-разному; одна из очевидных интерпретаций для трудоспособного населения – с точки зрения доступности оплачиваемой работы и – шире – состояния рынка труда.

К числу видов деятельности, имеющих *самостоятельную ценность*, можно отнести способы проведения свободного времени; большая их часть может быть интерпретирована в терминах доступности – финансовой (посещение кафе, ресторана) или территориальной (посещение театра, музея) – или свободного выбора (способы использования автомобиля, компьютера).

Масштабное обследование бюджетов времени населения РФ после длительного перерыва было возобновлено Росстатом в 2008 г. Доступ как к исходным бюджетным данным, так и к сгруппированным, позволил провести сравнительный анализ уровня жизни городского и сельского населения РФ.¹⁵⁷ Начиная с

¹⁵⁶ Sen A. The Standard... 1987, цит. по: Подузов А.А. Концепции. ... 2008. – С.79.

¹⁵⁷ Итоги пилотного выборочного обследования использования (бюджета) времени населением. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2010: URL: http://www.gks.ru/doc_2010/bul_dr/btime10.doc. Похозяйственные данные см. на сайте Росстата <http://www.micro-data.ru> (Дата обращения – неоднократно в течение 2011 г.)

2014 г. бюджетные обследования времени в РФ предполагается проводить на регулярной основе.

Половозрастной состав выборки обследования бюджетов времени 2008 г. в разрезе города и села приблизительно соответствует половозрастному составу РФ (табл. 3.1).

Таблица 3.1. Половозрастной состав выборки в разрезе города и села, %

Возрастная группа	Город		Всего	Село		Всего
	Мужчины	Женщины		Мужчины	Женщины	
до 15 лет	16,3	12,0	13,8	23,0	16,1	19,2
15-59 (54)	68,1	59,1	63,0	64,1	54,4	58,8
ст. 59 (54)	15,6	28,9	23,2	12,9	29,5	22,0

Объем выборки – 4720 человек, в т.ч. 3467 из города и 1253 из села. Так как бюджеты времени в настоящей работе анализировались для лиц трудоспособного и пенсионного возраста, то из общего объема выборки были исключены лица моложе 15 лет. Соответствующий пересчет возрастного состава респондентов показал почти полное его совпадение по сельской и по городской местности: доля лиц трудоспособного возраста составила 72,8-73,1%, доля лиц пенсионного возраста – соответственно 27,2-26,9%.

Анализ структуры бюджетов времени сельских и городских респондентов в будние и выходные дни приводит к следующим выводам (рис. 3.1, 3.2).

- В будни сельские и городские жители старше 14 лет в среднем затрачивают на работу соответственно 4 и 5 часов. Учитывая, что доли трудоспособного населения (исчисленные для лиц старше 14 лет) по городу и по селу совпадают, можно говорить о более высоком уровне безработицы в сельской местности;
- У сельских жителей, старших 14 лет, гораздо меньше свободного времени, чем у городских – 4,7 ч против 5,8 ч в выходные дни и 3,2 против 3,7 ч в будни;
- Домашние дела отнимают у сельских жителей, старших 14 лет, существенно больше времени, чем у городских – 6 ч против 2,6 ч в будни и 5,6 ч против 3,7 ч в выходные. Они дольше убирают помещения, готовят пищу; в отличие от горожан

– занимаются ведением ЛПХ. При этом они меньше времени тратят на покупку товаров и получение услуг – очевидно, из-за малого предложения.

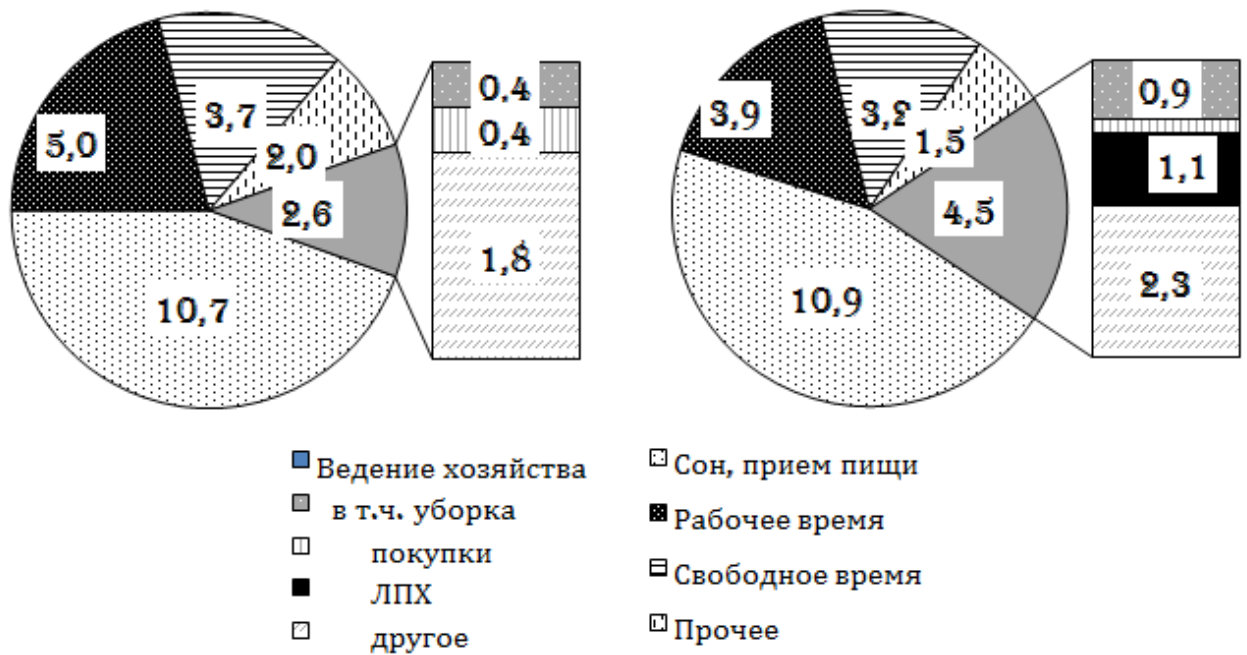

Рис. 3.1. Структура бюджета времени в будни, для городских и сельских жителей, часов в сутки

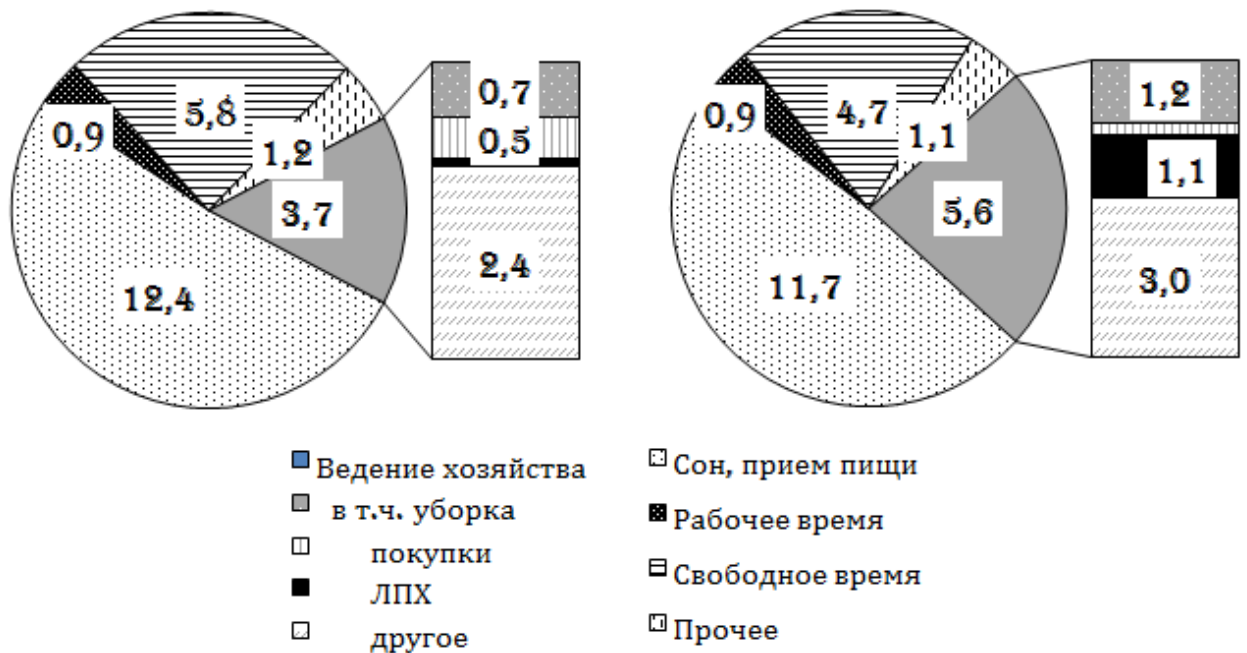
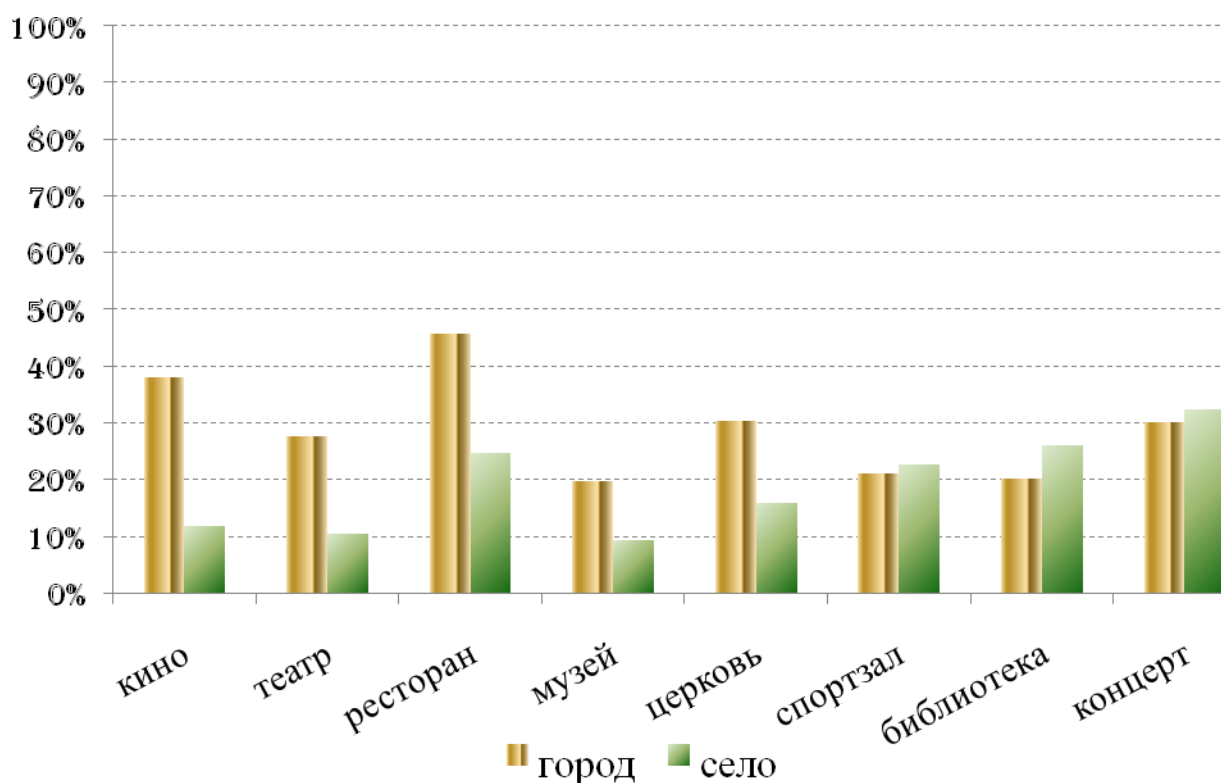

Рис. 3.2. Структура бюджета времени в выходные, для городских и сельских жителей, часов в сутки

Отметим, что сравнивать конкретные результаты обследований бюджетов времени, проведенных в 2008 и в 2014 гг., и говорить о каких-либо тенденциях в динамике затрат времени некорректно из-за различий в объемах и территориальном охвате выборок. Однако можно сравнивать соотношения в затратах времени между городскими и сельскими жителями (в терминах «больше»-«меньше») на различные виды деятельности: они не изменились, подтвердив выводы, полученные на материалах 2008 г. В частности, в 2014 г.:

- затраты времени на работу сельскими и городскими жителями старше 14 лет в будни составили соответственно 4,33 – 5,52 ч.;
- свободное время сельских жителей старше 14 лет составляет в выходные дни и в будни соответственно 4,4 и 2,7 ч против 5,2 и 2,9 ч у горожан старше 14 лет;
- на домашние дела у сельских жителей старше 14 лет уходит 5,52 ч в выходные дни и 4,32 ч в будни; у городских – соответственно 4,54 и 3,83 ч.

Свободное время и у городских, и у сельских респондентов в основном тратится на общение, отдых, спортивные игры, компьютерную деятельность, просмотр ТВ и чтение. О доступности различных видов досуга можно судить по рис. 3.3. Из представленных видов досуга сельские жители чаще городских бывали на концертах, посещали библиотеку и спортзал. Рестораны, кино, театр, музеи горожанам гораздо доступнее: они посещали их значительно чаще. По данным о посещении церкви можно сделать вывод о весьма невысокой религиозности сельских жителей даже по сравнению с городскими.

**Рис. 3.3. Посещение хотя бы один раз за год,
% от общего числа респондентов**

Итак, в сельской местности по сравнению с городской выше безработица. В то же время сельские жители имеют меньше свободного времени, и его труднее качественно заполнить. Наиболее длительный временной промежуток у них уходит на ведение домашних дел. Структура бюджета времени свидетельствует о большей архаичности уклада жизни.

Доступность работы и ее характер являются важнейшими факторами, определяющими уровень жизни.

По данным выборочного обследования бюджетов времени, в 2008 г. оплачиваемой работы не имели 18,1% городских и 25,7% сельских респондентов трудоспособного возраста. Без учета учащихся и студентов – в основном молодежи 15-22 лет – доли безработных среди городских и сельских жителей составили 10,1% и 17,2%.

Почти 20% работающих сельских респондентов имели работу вне сел проживания.

Среди всех опрошенных сельских жителей трудоспособного возраста доля занятых в сельском хозяйстве составила лишь 13,1%, что приблизительно соответствует данным официальной статистики занятости Росстата. Тенденция сокращения роли сельскохозяйственной отрасли в структуре занятости сельского населения является объективной и свидетельствует о поступательном развитии экономики. С течением времени село постепенно трансформируется, последовательно проходя через стадии, характеризующиеся степенью урбанизированности и невовлеченности населения в сельхозпроизводство.¹⁵⁸ При этом процесс замещения сельского хозяйства другими секторами экономики происходит гораздо медленнее, о чем свидетельствует не только высокий процент безработных и высокая доля селян, работающих вне сел проживания, но и сложившаяся структура занятости, в которой наблюдается явный дефицит рабочих мест, связанных с промышленностью и сферой услуг (табл. 3.2).

Таблица 3.2. Распределение сельских и городских респондентов по направлениям экономической деятельности, %

Направления экономической деятельности	Село	Город
Управление, безопасность, соцобеспечение	15,6	9,3
Образование	13,7	6,2
Сельское хозяйство	13,1	0,0
Здравоохранение	8,3	8,5
Розничная торговля	7,5	14,3
Энергетика	6,4	4,1
Обрабатывающая промышленность	5,6	16,4
Транспорт	4,8	5,4
Строительство	3,7	8,7
Прочее	21,3	27,1

Кроме того, обрабатывающая промышленность в сельской местности представлена главным образом деревообработкой (44% от числа всех занятых в обрабатывающей промышленности) и пищевым производством (33%). Среди горожан, наряду с занятостью в пищевой промышленности (19,2%), представлена

¹⁵⁸ **Калугина З.И.** От государственного патернализма к саморазвитию: контуры концепции сельского развития // Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса (Никоновские чтения 2008). – М.: ВИАПИ, «Энциклопедия российских деревень», 2008. – С.596-603.

занятость в металлургии (16,5%), в электронике (13,5%), легкой (10,5%), деревообрабатывающей (9,4%) и химической промышленности (8,6%).

Одновременно с этим значительная часть сельских респондентов охарактеризовала свою работу как «очень тяжелую» и «тяжелую» (табл. 3.3).

Таблица 3.3. Распределение сельских и городских респондентов по характеристике тяжести выполняемой работы, % от общего числа работающих

Характеристика работы по физическим затратам	Село	Город
очень тяжелая и тяжелая	17,1	11,7
средняя	50,1	48,0
легкая	32,8	40,3

Ограниченность сельского рынка труда ведет к ускоренной депопуляции и упрощению социальной структуры сельского населения. Согласно материалам обследования бюджетов времени, а также официальным данным демографической статистики Росстата,¹⁵⁹ наиболее существенные различия в возрастной структуре города и деревни связаны с тем, что в деревне наблюдается «провал» возрастных когорт 20-44 лет при значительном превышении относительных частот старших и младших возрастов (табл. 3.4).

Таблица 3.4. Возрастная структура сельского и городского населения, на 01.01.2010, %

Возрастные группы	По данным обследования бюджетов времени			По данным демографической статистики Росстата		
	Село	Город	Разница	Село	Город	Разница
до 20 лет	25,3	19,1	6,2	24,1	19,8	4,3
20-44	29,7	37,0	-7,3	35,2	39,6	-4,4
45-69	35,1	35,9	-0,8	29,7	31,3	-1,6
ст. 69 лет	9,9	8,0	1,9	11,0	9,3	1,7

Более высокая доля детей и подростков объясняется более высокой рождаемостью в селе по сравнению с городом.¹⁶⁰ Что же касается перекоса сельской воз-

¹⁵⁹ Российский ... 2010. – С.82.

¹⁶⁰ Российский ... 2010. – С.97.

растной пирамиды в пользу лиц старших возрастов, то причина этого – в отъезде из села наиболее экономически активной части населения: молодежь, получившая образование в городе, не возвращается в село, не видя возможностей для профессиональной самореализации и неудовлетворенная качеством жизни в селе. Отъезд людей средних возрастов обычно связан с неудовлетворенностью работой или ее потерей и нахождением работы в городе. Часто для них работа «вахтовым способом», отходничество завершается переездом в город.

В результате происходит не только перекося возрастная структура сельского населения, но и упрощение его социальной структуры: образованная молодежь не возвращается в село, так как не находит там работы и, с другой стороны, не возвращаясь, лишает село людей, которые могли бы способствовать эффективному развитию местной экономики. По данным обследования бюджетов времени, уровень образования и квалификации сельских респондентов трудоспособного возраста заметно ниже, чем городских (табл. 3.5, 3.6).

Таблица 3.5. Распределение сельских и городских респондентов трудоспособного возраста по уровню образования, %

Образование	Село	Город
Высшее, нез. высшее	20,2	37,0
Среднее специальное	44,3	39,4
Среднее общее и ниже	35,5	23,6

Таблица 3.6. Распределение сельских и городских респондентов трудоспособного возраста по роду занятий, %

Род занятий	Село	Город
Руководители всех уровней	10,2	12
Специалисты высшего и среднего уровня квалификации	32,5	35,4
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	2,1	6,1
Работники сферы обслуживания, ЖКХ, торговли	13,9	16,9
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства	4,4	0,3
Квалифицированные рабочие промышленных предприятий	10,5	12,9
Неквалифицированные рабочие, операторы, машинисты	26,4	16,4

Выборочное обследование бюджетов времени демонстрирует те же тенденции в развитии сельского рынка труда, сельской занятости, социальной и демографической структуры сельского населения, что и специальные исследования Росстата, посвященные этим проблемам. Результаты обследования бюджетов времени, оцениваемые с позиций *выбора определенного стиля жизни* сельскими индивидами, свидетельствуют о меньшем спектре возможностей, ограничивающим выбор в сфере занятости и в характере работы.

Анализ бюджетов времени показал, что ведение ЛПХ является отличительной чертой сельского образа жизни. С одной стороны, ЛПХ способствует выживанию сельских жителей в неблагоприятные периоды, с другой – связывает силы и время людей, и ограничивает их возможности, так как не может стать для них альтернативным источником занятости.

В дополнение к упрощенной структуре бюджета времени, особенно в части, касающейся домашних дел и проведения досуга, проблемы занятости, характера работы, демографической структуры свидетельствуют о слабой доступности современных благ и ограниченности их выбора для сельского населения, что препятствует росту уровня жизни в сельской местности.

3.2 Состояние здоровья как характеристика уровня жизни сельского населения

Показатели продолжительности жизни, заболеваемости и ее структуры могут служить косвенными характеристиками уровня жизни. Важность здравоохранения для жизнедеятельности общества обусловила внимание со стороны органов власти к его организации. Одним из наиболее заметных проектов, связанных со здравоохранением, в последние годы был приоритетный национальный проект «Здоровье». Он имел два приоритета – развитие первичной медицинской помощи и обеспечение населения высокотехнологической медицинской помощью. Он не

был нацелен на структурные изменения в системе здравоохранения, которые и не произошли.¹⁶¹

Основные денежные средства в сельское здравоохранение ориентировались прежде всего на борьбу с инфекционными заболеваниями. При этом система профилактических мероприятий на селе по предотвращению заболеваний сердечно-сосудистого профиля, хронических заболеваний в целом требует значительных капиталовложений, которых в госбюджете не находилось. В результате сворачивалась функция контроля за состоянием здоровья сельских жителей и снижалась эффективность программных мероприятий, направленных на сохранение и улучшение здоровья сельского населения.

Одним из общепризнанных показателей, характеризующих уровень здравоохранения, является показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Наиболее высоким в советский период по РФ этот показатель был в 1986-1987 гг., когда он преодолел планку в 70 лет. После 1987 г. продолжительность жизни в РФ снижалась до 1994 г. и с 1999 по 2004 гг.; минимум составил 63,9 лет в 1994 г. После 2004 г. продолжительность жизни растет; в 2014 г. она составила 70,9 лет, в том числе 71,4 года по городу и 69,5 по селу.

Потери в продолжительности жизни горожан и сельских жителей к 1994 г. были почти одинаковыми – соответственно 8,9 и 8,7% от уровня 1986 года. Но восстановительная тенденция, наметившаяся после 1994 г., в селе проявляется медленнее, чем в городе: за период 1995-2014 гг. разница в продолжительности жизни горожан и сельских жителей возрастала в течение 12 лет, а сокращалась – в течение 8. В 2010 г. разница составляла 4% и была наиболее глубокой с начала 1960-х гг. Затем, к 2014 г. она сократилась до 2,7%. В целом в 2014 г. по сравнению с 1994 г. горожане прибавили 11,5%, сельские жители – 10,1%.

Кроме ожидаемой продолжительности жизни, существует большое количество других медико-демографических показателей, характеризующих систему

¹⁶¹ Независимый доклад о доступности медицинской помощи для бедных и представителей других уязвимых групп в Российской Федерации / В.В. Власов, К.Д. Данишевский, Е.А. Корнышева, А.В. Северский. – С. 47-48: URL: <http://www.rspor.ru/mods/news/docs/VlasovVV.pdf> (Дата обращения – 15.02.2013).

здравоохранения.¹⁶² Одни из важнейших среди них – показатели смертности: общей и по классам причин.¹⁶³ Значения коэффициента смертности по городу и по селу были максимальными в 2003 г., составив 15,6 и 18,4 смерти на 1000 человек соответственно городского и сельского населения. Затем, в период 2003-2013 гг. его динамика была в целом нисходящей, хотя в отдельные годы (2005, 2008, 2010) снижение приостанавливалось или наблюдался рост. В 2014 г. снижение смертности и по городу, и по селу приостановилось или сменилось ростом. В целом за период 2003-2014 гг. коэффициент смертности снизился по селу до 12,6 смертей на 1000 человек (снижение составило 21,2%), по городу – до 14,5 (19,2%). Несмотря на более быстрый темп снижения коэффициента смертности в сельской местности, наблюдаемый после 2009 г., разница между городом и селом все еще остается значительной.

Среди «классов причин смерти» и в городе, и в селе преобладают болезни системы кровообращения, новообразования, внешние причины, однако их общий удельный вес с 2009 по 2014 гг. заметно снизился: по городу с 83 до 77%, а по селу – с 81 до 71% от общего числа смертей. Очевидно, по селу изменения в структуре причин смерти были более существенные, чем в городе: в селе произошел рост удельного веса смертей от болезней органов дыхания (с 4,7 до 5,3%), пищеварения (с 3,7 до 4,7%), нервной системы (с 0,7 до 2,2%), эндокринной системы (с 0,5 до 1,1%), от симптомов, признаков и отклонений от нормы, выявленных при клинических и лабораторных исследованиях (с 6,5 до 11,8%).¹⁶⁴

В 2014 г. в селе реже, чем в городе, происходили смерти от 5 из отслеживаемых 17 классов болезней (в 2009 г. – от 7) – от новообразований, инфекционных и паразитарных болезней, болезней уха, крови, кожи; чаще – от болезней глаза,

¹⁶² Прохоров Б.Б. Регионы России на пути в медико-демографическое будущее // Проблемы прогнозирования. 2011. – №1. – С.115-133; Рубцова В.Н. Стратегия долгосрочного развития системы сельского здравоохранения // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2006. – №1.

¹⁶³ Блинова Т.В., Былина С.Г. Социальные детерминанты сокращения смертности населения: типологический анализ // Социология. – 2012. – №4. – С.34-49.

¹⁶⁴ О медико-социальных проблемах на региональном уровне см., например: Липатова Л.Н., Градусова В.Н. Демографические основы формирования трудового потенциала сельского хозяйства: региональные аспекты // Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации (Никоновские чтения - 2015). – М.: ВИАПИ имени А.А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень», 2015. – С. 370-373. В данной статье проводится анализ взаимосвязи показателей смертности и демографических показателей на региональном уровне: рассматривается ситуация в довольно проблемном регионе России – республике Мордовия.

системы кровообращения, органов дыхания, пищеварения, болезней мочеполовой, нервной, эндокринной, костно-мышечной систем, от внешних причин, от психических расстройств, от осложнений беременности, от симптомов, выявленных при клинических и лабораторных исследованиях.

Наиболее *социально значимыми* являются смерти от внешних причин. И в городе, и в селе их удельный вес в 2000-2014 гг. снижался – соответственно с 14,6 до 9,5% и с 13,7 до 11%. В общей сложности снижение в городе было более значительным – на 44% (с 213,5 до 119,3 на 100 тыс. человек) против 32% в селе (с 234,1 до 160,4). Однако в последние 5 лет темп снижения в селе был выше, чем в городе – 18% против 11%.

Селяне чаще, чем горожане, погибают от ДТП (на 67,4% в 2014 г.), случайных утоплений (на 87,9%), а также от отравлений алкоголем (на 39%), от убийств (на 33,3%) и самоубийств (на 94,9%). Смертность от отравлений алкоголем в сельской местности начала снижаться только во второй половине 2000-х гг., от убийств и самоубийств – с середины 2000-х; в городе снижение смертности от названных причин началось с конца 90-х.

Среди других причин смерти, которые можно отнести к социально значимым, следует отметить смерти от некоторых инфекционных и паразитарных болезней; от осложнений беременности, родов и послеродового периода; от симптомов, признаков и отклонений от нормы, выявленных при клинических и лабораторных исследованиях. В селе чаще, чем в городе, умирают от кишечных инфекций и туберкулеза (на 27-30%), реже – от вирусного гепатита и от ВИЧ (на 52-54%). По этим классам причин наблюдается неправдоподобно большой рост по сравнению с 1995 г., объясняемый, вероятно, усовершенствованием технологий лабораторных исследований.

Весьма опасным было положение с туберкулезом. Эта «болезнь каторжников» в первой половине 2000-х гг. носила характер эпидемии: рост смертности от нее по сравнению с 1995 г. составлял 39% в городе и 62% в селе. После 2005 г. последовал спад, и к 2014 г. уровень смертности от туберкулеза составил 60% (по городу) и 77% (по селу) от уровня 1995 г. Разница в показателе смертности от ту-

беркулеза по сельской и городской местности росла в течение всех 2000-х гг. (за исключением 2008 г.); затем стабилизировалась на уровне 27-28%.

Отметим также, что в сельской местности в 2,9 раза чаще, чем в городской, умирают *просто от старости*, что можно объяснить либо особенным здоровьем селян, либо отсутствием у них привычки или возможности чаще обращаться к врачу.

Выявленная разница в продолжительности жизни и в структуре причин смертности вызвана худшим доступом к медицинским услугам в селе по сравнению с городом, который связан как с более низкими доходами сельских жителей, так и с недостатками и сложностью организации здравоохранения. В сельской местности «потребляют меньше услуг врачей-специалистов не только по заболеваниям, лечение которых требует определенной концентрации ресурсов (хирургия, урология, онкология и пр.), но и по наиболее распространенным заболеваниям, лечение которых должно осуществляться на местах (акушерско-гинекологическая помощь, отоларингология, травматология, неврология, стоматология). Все это является признаком нерациональной организации медицинской помощи ... Сохранение такой диспропорции недопустимо не только с точки зрения обеспечения справедливости, но и по экономическим соображениям. Слабость первичного звена и специализированной амбулаторной помощи в малых поселениях является фактором роста затрат в здравоохранении в целом: нехватку врачей-специалистов приходится возмещать наращиванием объемов стационарной помощи».¹⁶⁵

О доступности медицинских услуг можно судить по данным «выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения» за 2015 г. Они подтверждают выводы медиков и социологов о проблемах первичного звена в организации сельского здравоохранения. Так, сельские жители чаще получают стационарную медицинскую помощь в форме госпитализации: 14,5% сельских жите-

¹⁶⁵ Российское здравоохранение: мотивация врачей и общественная доступность / Отв. ред. С.В. Шишкин. – М.: Независимый институт социальной политики, 2008. – С.56.

лей 15 лет и старше имели случаи госпитализации в стационарном медучреждении против 12,2% горожан. Среди причин необращения за медицинской помощью при наличии потребности в ней проблема добраться до медучреждения чаще называлась сельскими жителями, чем городскими (16,1% случаев против 8%). Сельские жители, обращавшиеся за медицинской помощью в медучреждение за последние 12 месяцев, чаще городских указывали на отсутствие возможности выбора врача-терапевта (58,1% против 33%) и на отсутствие врача требуемой специализации (43,4% против 31,5%) и т.д.¹⁶⁶

Данные бюджетных обследований свидетельствуют о том, что среднестатистические расходы домашних хозяйств на медицинские услуги (включающие платную стационарную и амбулаторную помощь, стоматологические услуги, лекарства) в целом относительно невелики как в городе, так и в селе. В 2008-2011 гг. они составляли 2,5-3,5% от среднестатистических потребительских расходов. Но с течением времени их доля в потребительских расходах постепенно возрастает – за четыре года с 3,0 до 3,6% по городу и с 2,5 до 2,9-3% по селу в среднем по выборке. Это может быть связано как с удорожанием медицинских услуг, так и с ростом уровня жизни, при котором население чаще пользуется платными медицинскими услугами и приобретает более дорогие лекарства.

При рассмотрении динамики расходов по децильным группам, образованным на основе показателя среднестатистических располагаемых ресурсов, можно наблюдать рост доли расходов на медицинские услуги в первых 7-9 группах и последующее ее снижение в верхних 1-3 высокодоходных группах (табл. 3.7). В абсолютных величинах это означает ускоренный рост расходов на медицинские услуги по сравнению с общими потребительскими расходами на всем массиве домохозяйств, кроме самых богатых. Более состоятельные домохозяйства и в абсолютных, и в относительных величинах платят за медицинские услуги больше, чем менее состоятельные, но наиболее богатые домохозяйства платят за них в относительных величинах меньше: доля их медицинских расходов не выше, чем у домохозяйств со средним уровнем доходов.

¹⁶⁶ См.: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/quality15/index.html (статистические таблицы 20-25).

Таблица 3.7. Доля расходов на медицинские услуги в потребительских расходах городских и сельских домохозяйств, 2008-2011 гг., %

	в ср.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
город											
2008	3,0	2,1	2,3	2,5	2,7	2,8	3,2	3,5	3,3	3,3	2,7
2009	3,1	2,2	2,4	2,6	2,7	2,9	3,8	3,5	3,1	3,6	2,9
2010	3,3	2,4	2,5	2,7	3,1	3,0	3,2	3,6	3,8	4,6	2,6
2011	3,6	2,3	2,4	2,5	2,9	3,5	3,6	3,7	4,8	4,1	3,4
село											
2008	2,5	2,1	2,3	2,3	2,3	2,6	2,6	2,8	2,7	2,7	2,2
2009	2,7	2,4	2,5	2,5	2,7	2,8	2,9	2,9	3,0	2,8	2,5
2010	3,0	2,2	2,5	2,7	2,7	2,9	3,3	3,2	3,0	3,4	2,9
2011	2,9	2,3	2,6	2,7	3,0	3,3	3,2	3,0	3,4	3,2	2,4

Источник: URL: <http://www.micro-data.ru> (Дата обращения: 15.07.2012).

Несмотря на то, что наиболее богатые домохозяйства, представленные в высокодоходных группах, выбиваются из общей логики, это не влияет на характер степенной аппроксимации: степенные кривые получаются вогнутыми, с показателем степени больше 1 (рис. 3.4). Это означает, что медицинские услуги являются высокоэластичным благом: расходы на них растут быстрее, чем общие потребительские расходы, то есть в целом выполняется правило о том, что с ростом благосостояния у семей возрастают расходы на здравоохранение.¹⁶⁷ График на рис. 3.4 также демонстрирует, что степенные функции растут быстрее, чем реальные данные: на уровне последней децильной группы погрешность аппроксимации увеличивается. Это означает, что наиболее состоятельные семьи тратят на медицинские услуги меньше средств, чем ожидается теоретически.

¹⁶⁷ Шабанов В.Л. Уровень и уклад жизни сельского населения: оценка трансформации на основе анализа структуры потребления // Вопросы статистики. – 2012. – №7. – С.72-77.

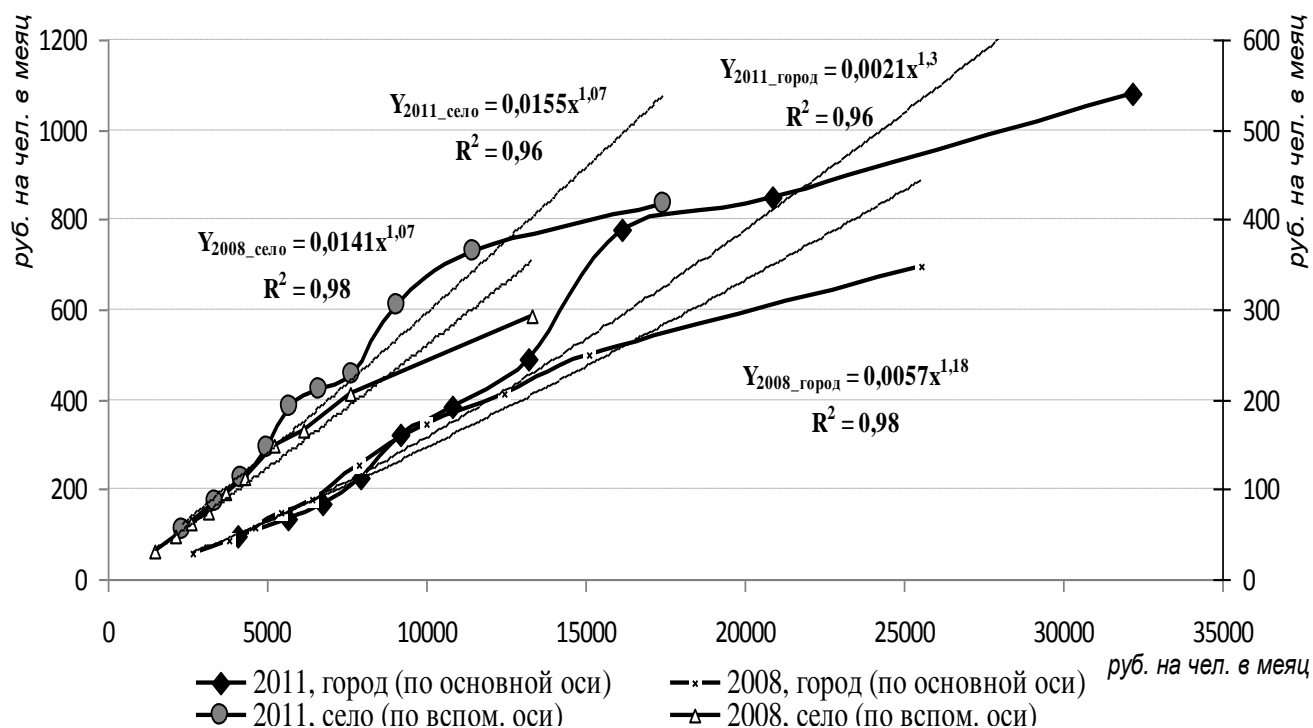

Рис. 3.4. Графики зависимости среднедушевых расходов городских и сельских домохозяйств на здравоохранение (ось ординат) от их среднедушевых потребительских расходов (ось абсцисс)

Очевидно, в селе и в относительных, и в абсолютных величинах расходы на медицинские услуги ниже, чем в городе. Меньшая эластичность (см. показатель степени в формулах на графиках) свидетельствует о более медленном темпе возрастания медицинских расходов в селе по сравнению с городом по мере роста благосостояния. Все это является подтверждением более низкого уровня жизни в селе по сравнению с городом, а также свидетельствует о худшем доступе сельских жителей к медицинским услугам.

Наряду с данными Росстата, доступность медицинских услуг может быть оценена на основе региональной статистики по фельдшерско-акушерским пунктам (ФАПам). В рамках настоящей работы была собрана информация об их состоянии в 32 районах Саратовской области из 38.¹⁶⁸ Сплошное обследование охватывало 304 сельских поселения (СП) области из общего их числа 355. Всего ФАПы имелись в 727 селах с населением около 360 тыс. чел., что составляло 63,2% от всего сельского населения обследованных районов.

¹⁶⁸ См.: Быченко Ю.Г., Долгова Е.М., Шабанов В.Л. Система сельского здравоохранения как фактор развития демографических ресурсов сельского сообщества // Вестник СГСЭУ. – 2013. – №2. – С.122-126.

В Приказе Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации № 543н от 15.05.2012 г. (Приложение 15) приводятся правила организации ФАПа, рекомендуемый список помещений в его структуре и задачи, которые характеризуют назначение ФАПа в качестве «пункта для оказания первичной доврачебной медико-санитарной помощи и паллиативной медицинской помощи населению в сельских населенных пунктах».

В Приказе отмечается, что «рекомендуемая численность обслуживаемого ФАПом населения от 300 до 700 человек, включая детское население». В то же время в ряде случаев (при низкой плотности населения в регионе, в 3 раза ниже среднероссийской, при наличии водных и других преград, удаленности от ближайшей медицинской организации) «численность обслуживаемого населения может корректироваться».

В Саратовской области в среднем приходится 783 сельских жителя на ФАП, в том числе в 14 районах из 32-х обследованных – до 700, в 18 – больше 700, в том числе в 7 районах – больше 1000.

Среди задач, перечисленных в Приказе, следует отметить обязанность ФАПа не только обеспечивать самостоятельное «лечение неосложненных острых заболеваний, хронических заболеваний и их обострений, других состояний, травм», проводить «различные медицинские, санитарно-гигиенические ... мероприятия» и т.д., но и осуществлять направление пациентов в медицинские организации для оказания специализированной врачебной помощи и госпитализацию больных, нуждающихся в оказании стационарной медицинской помощи. Отмеченная задача ФАПа может осуществляться при наличии достаточного финансирования. В исследованиях экспертов говорится, что госпитализация часто проводится за счет больных, что, учитывая более низкий, чем в городе, уровень жизни сельского населения, делает медицинские услуги менее доступными для них.¹⁶⁹ В исследовании отмечается также, что сельские жители вынуждены чаще, чем го-

¹⁶⁹ Доступность медобслуживания / Публикации независимого института социальной политики: URL: <http://www.socpol.ru/publications/inc&ben/ch5.pdf> (Дата обращения – 12.02.2013).

рожане, обращаться за платной медицинской помощью из-за недоступности квалифицированной бесплатной.

В таблице 3.8 обследованные районы ранжированы по степени доступности для сельского населения медобслуживания в ФАПе в режиме шагового доступа (считая, что таковая доступность характерна для населения, живущего в поселке с ФАПом). По ее данным можно судить о том, что разброс вокруг среднего значения показателя доступности ФАПа для сельского населения в режиме шагового доступа (63,2%), сильно варьируется по районам области.

Таблица 3.8. Доля сельского населения района, которому ФАП доступен в режиме шагового доступа

Районы	Доля
Калининский, Дергачевский, Озинский, Советский, Ал-Гайский	90% и выше
Краснокутский, Краснопартизанский, Балашовский	80-89%
Федоровский, Лысогорский, Марксовский, Аркадакский	70-79%
Петровский, Новобурасский, Красноармейский, Ершовский, Питерский, Самойловский, Ртищевский, Балаковский, Турковский, Пугачевский	60-69%
Перелюбский, Ивантеевский, Вольский, Хвалынский, Балтайский	50-59%
Энгельсский, Татищевский, Саратовский, Новоузенский, Базарно-Карабулакский	25-49%

Центральная районная больница (ЦРБ) являются следующим, после ФАПа, звеном в системе оказания медпомощи сельскому населению. В этой связи доступность ЦРБ представляется одним из важнейших элементов системы организации здравоохранения в сельской местности.

Рассматривая сеть ФАПов в районе и ЦРБ в райцентре как единую систему оказания первичной медицинской помощи сельскому населению, оценим меру доступности ЦРБ для жителей населенных пунктов, в которых имеется ФАП, на основе «усредненного расстояния» следующим образом. Расстояния от каждого населенного пункта с ФАПом до райцентра, взвешенные числом их жителей, суммируются; полученное значение делится на общее число жителей этих населенных пунктов. В таблице 3.9 обследованные районы ранжированы по степени доступности ЦРБ для среднего жителя района.

Таблица 3.9. Усредненное расстояние до ЦРБ, которое необходимо преодолеть среднему жителю района (из поселков, в которых имеются ФАПы), км

Районы	Расстояние, км
Питерский, Балтайский	до 20
Татищевский, Петровский, Аркадакский, Краснокутский, Ал-Гайский, Балашовский	20-24
Советский, Турковский, Ивантеевский, Ртищевский, Новоузенский, Ершовский, Новобурасский, Базарно-Карабулакский, Федоровский	25-29
Пугачевский, Марковский, Калининский, Хвалынский, Балаковский, Красноармейский, Лысогорский, Самойловский	30-34
Краснопартизанский, Дергачевский, Саратовский, Озинский	35-39
Перелюбский, Вольский, Энгельсский	40 и выше

Жители Питерского, Балтайского, Татищевского, Петровского, Аркадакского, Краснокутского, Алгайского, Балашовского районов должны преодолеть в среднем от 14 до 25 км, чтобы добраться до ЦРБ – против 35-58 км, которые должны преодолеть жители Энгельсского, Вольского, Перелюбского, Краснопартизанского, Дергачевского, Саратовского, Озинского районов. Можно заметить, что в правобережных районах области доступность ЦРБ, как правило, выше, чем в левобережных; это связано с особенностями сельского расселения в степном Заволжье: здесь большие по размеру села, большая разреженность населенных пунктов и более низкая плотность населения.

В целом же 20,4% обследованного населения живет на расстоянии 1-10 км до ЦРБ, а 12,1% – на расстоянии свыше 50 км. Медианное расстояние (то есть расстояние, которое преодолевает *до половины* обследованного населения) составляет чуть больше 20 км.

Таким образом, доступность ЦРБ для сельского населения Саратовской области можно охарактеризовать как среднюю: в указанный норматив (доступность в течение 30-40 минут) укладывается 3/4 обследованного сельского населения, в том числе половина успевает добраться за 20 минут (если считать среднюю скорость автомобиля 60 км в ч). В то же время только 21,2% ФАПов области имеют в наличии автотранспорт; это означает, что значительное большинство сельских больных самостоятельно решают задачу своей доставки до ЦРБ.

Итак, состояние здоровья городского и сельского населения по сравнению с серединой 1990-х гг. значительно улучшилось. При этом темп улучшения в сельской местности был ниже, чем в городе, за исключением отдельных лет, включая период 2011-2014 гг., когда многие показатели здоровья сельских жителей и горожан сближались. Однако несмотря на сближение по ряду позиций, расхождение остается заметным и едва ли может быть преодолено в обозримом будущем по системным причинам и из-за конкретных проблем в сельском здравоохранении. Недостатки его организации на сегодняшний день являются одной из ключевых причин разрыва в медико-социальных показателях между городом и селом; они оказывают негативное влияние на уровень жизни сельского населения.

3.3 Демографическое развитие и миграционные тенденции сельского населения как характеристики его уровня жизни

Миграция населения и – шире – его демографическое развитие косвенным образом характеризует уровень жизни.

Демографическое развитие села зависит от двух факторов – естественного прироста населения и миграции. В 1991-2011 гг. *естественный прирост* сельского населения в России был отрицательным, и более высокая, чем в городе, рождаемость не обеспечивала его простого воспроизводства. Рождаемость впервые после 1991 г. выросла в 1998 г., в следующем году снова снизилась, а затем, с 2000 г., стала постоянно расти (исключение составили только 2004 и 2005 гг.). Эта тенденция постепенного роста рождаемости привела к тому, что с 2012 г. чистый коэффициент воспроизводства сельского населения превысил 1 и стал обеспечивать его естественный, а затем и *общий прирост*.¹⁷⁰

Кроме последних лет, положительный общий прирост сельского населения России с 1990 г. наблюдался – несмотря на естественную убыль – только в 1991–1994 гг.: основной вклад в него вносила миграция. Причем в 1991–1993 гг. сель-

¹⁷⁰ Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 94, 108; Демографический ... 2015. – С.45.

ский миграционный прирост обеспечивался как за счет передвижений в пределах РФ (38%), так и за счет миграционного обмена с зарубежными странами (62%).

В самом общем виде под миграцией населения понимают его территориальные перемещения. В советской науке существовали многочисленные ее трактовки. Например, согласно одной из них, миграцией считались только те перемещения, которые были связаны «со сменой мест предложения труда», причем, без учета «эпизодических поездок».¹⁷¹ Л.Л. Рыбаковский ввел в научный оборот расширенную трактовку миграции за счет включения в нее временных форм миграционного движения, дав следующее определение: «Территориальные перемещения, совершающиеся между разными населенными пунктами или регионами, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности, представляют собой миграцию в широком значении этого слова»¹⁷². В отечественной науке Л.Л. Рыбаковский первым включил в классическое определение миграции те ее виды, которые исключались из нее по причине временности (эпизодические, маятниковые и др.). В настоящее время считается общепринятым, что миграция может включать в себя самые разные виды передвижений (коммерческие, туристические, учебные поездки), которые носят временный характер и не связаны со сменой места жительства.¹⁷³

В советский период значительная часть исследований была посвящена тенденциям в миграционном поведении населения, методам анализа миграционной подвижности, методологии и классификации миграций.¹⁷⁴ В исследованиях миграций после 1990 г. можно проследить следующие устоявшиеся направления, четко очерченным полем исследования и сложившимися традициями:

¹⁷¹ Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения: статистико-географические очерки. – М.: Мысль, 1978. – С.27.

¹⁷² Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика (монография). – М.: Наука, 1987. – С.19.

¹⁷³ Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Временная миграция в России: понятийный аппарат, классификация и статистический учет // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2014. – №4 (16). – С.52-57.

¹⁷⁴ Миграция сельского населения. – М.: Мысль, 1970; Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы ... 1978; Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. – 1978. – № 1. – С. 56-65; Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. – Новосибирск: Наука, 1982; Рыбаковский Л.Л. Миграция ..., 1987; Шабанова М.А. Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: Комплексное социолого-статистическое исследование. – Новосибирск: Наука, 1991.

- исследования вынужденных миграций населения, вызванных политическими и экономическими потрясениями¹⁷⁵;
- исследования принудительных миграций – междисциплинарное направление, лежащее на стыке истории и социологии¹⁷⁶;
- анализ миграционной политики государств, принимающих значительное количество трудовых мигрантов¹⁷⁷;
- исследования трудовых миграций¹⁷⁸;
- работы, посвященные отношению принимающего общества к мигрантам, в том числе исследования толерантности и ксенофобии со стороны как местных жителей, так и мигрантов¹⁷⁹;
- совершенствование методов статистического учета мигрантов, разработка новых методик, оценки количества мигрантов, социально-демографической структуры мигрантских сообществ и т.п.¹⁸⁰

С точки зрения экономической социологии миграцию можно считать одним из наиболее адекватных индикаторов социально-экономического благосостояния общества. Как правило, миграционные потоки ориентированы из экономически менее развитых регионов в более развитые регионы с высоким уровнем заработной платы, лучшими социально-экономическими условиями, более высоким уровнем жизни. Среди них рассмотрим два типа, наиболее значимых для нашего исследования – временную трудовую и учебную (маятниковую, сезонную) и постоянную миграцию сельского населения в города.¹⁸¹ Следует отметить, что пре-

¹⁷⁵ Вынужденные мигранты: Интеграция и возвращение / под ред. **В.А. Тишкова**. – М., 1997; Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. **Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля**. – М.: Центр миграционных исследований, 2007; **Миграция** населения в постсоветских государствах. – М.: Московский Центр Карнеги, 1998.

¹⁷⁶ **Полян П.М.** Не по своей воле. – М.: ОГИ-Мемориал, 2001; **Полян П.М.** Насильственные миграции и география населения // Мир России. – 1999. – №4.

¹⁷⁷ Миграция и безопасность в России / под ред. **Г. Витковской и С. Панарина**. М.: Московский Центр Карнеги, 2000; Миграция и национальное государство / под ред. **Т. Бараулиной, О. Карпенко**. – СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004.

¹⁷⁸ Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / отв. ред. **Ж.А. Зайончковская**. – М.: *****, 2003; **Дмитриева А.В., Пядухов Г.А.** Этнические группы трудящихся мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность, конфликты // Социологические исследования. – 2006. – №9. – С. 86-94.

¹⁷⁹ **Тюрюканова Е.** Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. – Женева: Международное бюро труда, 2006.

¹⁸⁰ **Вишневский А.Г.** Россия: демографические итоги двух десятилетий // Мир России. – 2012. – №3. – С.3-40.

¹⁸¹ **Немерюк Е.Е., Аникин Л.С.** Теоретические подходы к исследованию причин миграции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2014. – № 3 (Т. 14). – С. 23-28.

обладающая миграция из сел в города – характерная черта любого поступательно развивающегося общества, при этом рост сельского населения обеспечивается за счет естественного прироста. Преобладание противонаправленного потока, как наблюдалось в 1991–1993 гг., свидетельствует о системном кризисе, при котором масса горожан, как правило, недавних сельских жителей, устремляется обратно в село, чтобы пережить там трудные времена.

С 1994 г. в пределах РФ отмечалась миграционная убыль из села, перекрывавшаяся до 1999 г. значительным по величине миграционным притоком из зарубежных стран. Пик последнего пришелся на 1994 г., когда в российские села из-за рубежа прибыло почти 324 тыс. чел., после чего переселение стало сокращаться, достигнув минимума в 2003 г. (8,6 тыс. чел.); последовавший затем рост (до 80,5 тыс. чел. в 2011 г. и 67-69 тыс. в 2012-2014 гг.) уже не превысил масштаба отъезда сельского населения в города, как это наблюдалось в 1994–1999 гг.¹⁸² Отмеченные тенденции воспроизводства населения и его миграционной активности характерны не только для страны в целом, но и для ее регионов.¹⁸³

Необходимо отметить и такой искусственный вклад в динамику численности сельского населения, как перемена категории населенных пунктов. В течение 1990–2009 гг. административно-территориальные преобразования только трижды (в 1990, 1998 и 2007 гг.) были произведены «в пользу» города; они способствовали механическому росту городского населения на 158,3 тыс. чел. Село же за указанный промежуток времени «приросло» почти 2,3 миллионами жителей (около 6% от численности сельского населения на 2009 г.). Именно административными решениями объясняется рост сельского населения в 2004 г. – неожиданный в условиях отрицательного естественного и миграционного приростов: в этот год около 694 тыс. горожан, не меняя местожительства, стали сельскими жителями.¹⁸⁴ Рассматривая ситуацию на региональном уровне, З.А. Капелюк и С.Д. Капелюк,

¹⁸² Демографический ... 2015. – С. 204-205.

¹⁸³ Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2020 гг.): монография. – Барнаул: АЗБУКА, 2011. – С.188-189; Поросенков Ю.В., Белова В.А. В проблеме депопуляции населения Воронежской области // Вестник Воронежского гос. университета. Сер.: География. Геоэкология. – 2003. – №2. – С.55-58.

¹⁸⁴ Демографический ... 2010. – С. 94, 28, 406–407.

собрали и обработали статистику по 414 случаям перемены категории населенных пунктов за 2002-2010 гг. и пришли к аналогичному выводу: в большинстве регионов страны прирост численности сельского населения обусловлен массовым административным преобразованием поселков городского типа в сельские населенные пункты.¹⁸⁵

Прогнозные оценки численности сельского населения РФ, сделанные демографами, существенно разнятся. Наиболее оптимистичную оценку дает Росстат: согласно среднему варианту его прогноза, основанного на методе «передвижки по возрастам», численность сельского населения России к 2030 г. составит 37 млн., то есть снизится на 3% по сравнению с 2010 г.¹⁸⁶ Прогноз ООН, по-видимому, наиболее пессимистичный: по оценкам ее экспертов, российское село ждет существенная убыль населения – до 27 млн. к 2050 г.¹⁸⁷ Сценарный прогноз, представленный Т.В. Блиновой, Р.П. Кутенковым, С.Г. Былиной,¹⁸⁸ как и прогноз Росстата, основан на методе «передвижки по возрастам». Базовый, пессимистический и оптимистический сценарии в нем даются в зависимости от предполагаемых тенденций изменения показателей рождаемости и смертности во всех возрастных группах. Полученные прогнозные значения варьируются от 28,3 млн. до 35,2 млн. сельских жителей в 2035 г.

Одним из наиболее существенных факторов, ухудшающих точность прогнозов численности населения, является сложность учета миграции, значения которой гораздо менее предсказуемы, чем значения рождаемости и смертности. В модели Росстата, наряду с оценками тенденций рождаемости и смертности, также производится оценка тенденций миграции. В цитируемой выше работе Т.В. Блиновой и др. миграция фиксируется на уровне года начала прогноза (2004 г.) и подчеркивается, что ее прогнозирование «представляет самостоятельную задачу».

¹⁸⁵ Капелюк З.А., Капелюк С.Д. Статистическая оценка региональных факторов социально-демографического развития села // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2012. – №1. – С.162–168.

¹⁸⁶ Демографический ... 2010. – С. 25, 499.

¹⁸⁷ World Population Prospects / The 2000 Revision. Highlights.Draft. Doc. № ESA / P/WP.165.28 February 2001. P.29.

¹⁸⁸ Блинова Т.В., Кутенков Р.П., Былина С.Г. Сценарное прогнозирование демографической динамики российского села // Вестник Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова. – 2007. – №6. – С.79-81.

Безусловно, убыль населения в сельской местности происходит неравномерно и неодинаково затрагивает различные социально-демографические группы; между размером села и потерей им населения существует обратная зависимость, также наблюдается тенденция к концентрации сельского населения в более крупных селах.

В таблице 3.10 и на рис. 3.5 с использованием результатов переписей населения 1989, 2002, 2010 гг. приведены группировки 2-х показателей – количества сел населения в селах – в зависимости от их людности (от числа жителей). Для удобства восприятия показатель людности, откладываемый по оси абсцисс, представлен в логарифмической шкале. В противном случае левая часть кривых показателя «количество сел», соответствующая самым малолюдным населенным пунктам, была бы резко устремлена вверх *на очень малом интервале*, демонстрируя их непропорционально значительное количество по сравнению с более людными населенными пунктами.

Таблица 3.10. Группировки количества сел и населения в них в зависимости от людности

Интервал людности, чел.	1989			2002			2010		
	ср. людность села в интервале	кол-во сел в интервале	население сел в интервале, тыс. чел.	ср. людность села в интервале	кол-во сел в интервале	население сел в интервале, тыс. чел.	ср. людность села в интервале	кол-во сел в интервале	население сел в интервале, тыс. чел.
до 11	5	30170	155	4	47089	168	3	55641	167
11-25	17	24735	423	17	22303	377	17	19225	324
26-50	36	19939	727	36	15770	573	37	13522	494
51-100	73	18094	1312	73	14901	1082	73	13798	1006
101-200	145	17895	2595	145	15833	2302	145	14682	2133
201-500	321	22177	7116	323	20475	6618	323	18729	6053
501-1000	702	11524	8087	699	10836	7571	698	9720	6780
1001-2000	1357	5718	7759	1360	5182	7050	1370	4737	6492
2001-3000	2417	1266	3060	2415	1220	2946	2422	1217	2947
3001-5000	3819	803	3067	3804	873	3321	3836	979	3756
св. 5000	7923	601	4762	8340	807	6730	8457	874	7391
всего	255,4	152922	39063	249,5	155289	38738	245,2	153124	37543

Источники данных: **Российский статистический ежегодник**. 2010: Стат.сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 94; База данных Росстата по итогам переписи 2010 г. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения – март 2012 г.)

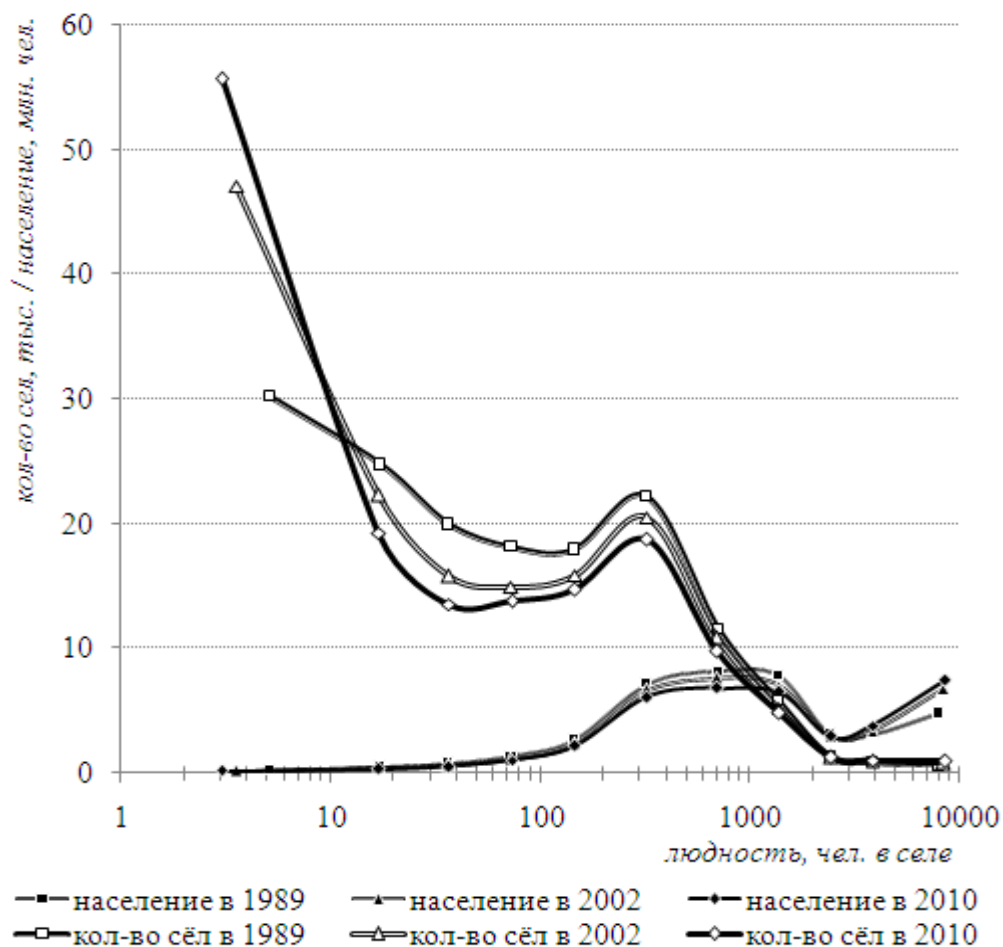

Рис. 3.5. Кривые зависимости показателей «количество сёл» (расположены «выше») и «население в сёлах» (расположены «ниже») от показателя «людность села»

Как видно на рис. 3.5, с течением времени сильно возрастает число самых мелких сел с населением до 10 чел. – из-за частичного учета сел без населения во время переписей и за счет измельчания сел большего размера (от 10 до 2–3 тыс. чел.). При этом чем крупнее село, тем выше его шансы не оказаться в более низкой интервальной группе: количество сел с 2–3 тыс. жителей почти не изменилось, а число более крупных даже возросло (хотя решающий вклад в этот рост, скорее всего, внесли административные решения по смене категории населенных пунктов).

Несмотря на значительный рост числа мелких сел, суммарное количество жителей в них и их общий вклад в сельское население возросли несущественно и остаются крайне незначительными. В остальном общая потеря населения селами

разной людности идет по такой же схеме: теряют население села с числом жителей от 10 до 2–3 тыс. чел., причем, чем крупнее село, тем этот процесс идет медленнее; при этом растет население более крупных сел.

Показатель людности села тесно связан с показателем его административного статуса: как правило, центрами сельских поселений (муниципальных округов – МО) становятся села большего размера. В рамках общероссийской статистики подобное разделение при анализе может оказаться «заинтегрированным», так как в разных регионах понятия «большая» и «малая» людность могут сильно различаться. Статистика одного взятого региона – Саратовской области – позволяет четко выделить два типа сел – «административные центры МО» и «прочие». Каждый из типов образует собственное распределение, а их совместное распределение является 2-модальным, причем, такая структура сохраняется при достаточно значительной вариации шага (длины интервала людности) – от 130 до 240 чел. (на рис. 3.6 показаны распределения с шагом 150 чел. для 2002 г., 180 чел. для 2010 г.).

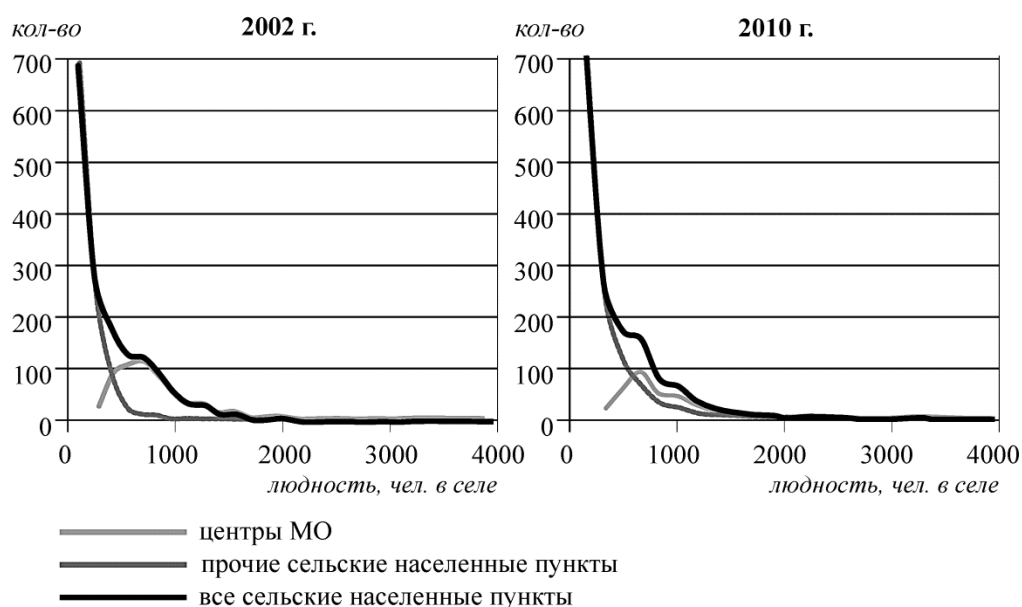

Рис. 3.6. Распределения количества сельских населенных пунктов разного статуса в зависимости от людности, за 2002 г. (слева) и 2010 г. (справа)

Как показано на рис. 3.6, в 2010 г. по сравнению с 2002 г. распределение центров МО в Саратовской области стало ниже и «меньше», на нем исчезла «вы-

пуклость» слева; распределение «рядовых» поселений стало выше и сдвинулось вправо. Эти изменения являются отражением серьезных изменений в административном устройстве сельских территорий, осуществленных после 2002 г.: число МО было уменьшено почти вдвое, аналогично сократилось число центров МО, и за их счет возросло число «рядовых» сел (табл. 3.11). Соответственно, произошло перераспределение населения в пользу «рядовых» сел: их средняя людность существенно увеличилась. Укрупнение МО способствовало сокращению аппарата управления, но оно только усилило неоднородность МО по числу жителей (в 2002 г. коэффициент вариации составил 0,76, в 2010 г. – 0,84) и, безусловно, не могло остановить процесса исчезновения малых сел. Если в 2002 г. 3% всех сел были безлюдными, то в 2010 г. – 5,4%.

С 1989 г. по 2002 г. удельный вес сельского населения, проживающего в центрах МО Саратовской области, увеличился с 70,5% до 76,6% (до 73%, если не считать новые сельские МО, которые были образованы бывшими поселками городского типа, превращенными в села). К 2010 г. из-за административных решений он снизился до 54,8%, однако сопоставление населения сел, которые являлись центрами МО и в 2002 г., и в 2012 г., показывает, что они теряли население медленнее, чем села, остававшиеся в эти же годы «рядовыми» – на 7% и 12% соответственно. Это означает, что процессы обезлюдения малых, «рядовых» сел и концентрации сельского населения в центрах МО продолжаются; за период 2002–2010 гг. индекс Джини, рассчитанный по всему массиву сельских поселений (за исключением безлюдных) вырос с 0,588 до 0,617.

Таблица 3.11. Показатели количества и населения сельских поселений разного административного статуса по Саратовской области

	1989	2002	2010
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Сельское население, всего, чел.	694342	704452	642327
Кол-во сельских населенных пунктов	1768	1789	1778
в т.ч. без населения	нет данных	54	95
в среднем на населенный пункт (без учета нас. пунктов, не имеющих населения), чел.	–	406	382

Таблица 3.11 (продолжение).

	1989	2002	2010
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Кол-во МО	572	634	378
население, в среднем на МО, чел.	1214	1111	1700
Кол-во центров МО ^{*)}	572	614	356
население в них, чел.	489596	539945	351942
в среднем на центр МО, чел.	856	879	989
Кол-во «рядовых» сел	1196	1175	1422
население в них, чел.	204746	165031	290385
в среднем на «рядовое» село, чел.	171	140	204

^{*)} Количество центров МО не совпадает с количеством МО из-за существования 20-22 МО, образованных селами, административно подчиненными райцентрам или, реже, крупным поселкам городского типа. Источники данных: за 1989 г. – Сельские населенные пункты РСФСР по данным всесоюзной переписи населения 1989 года. – М.: Госкомстат РСФСР, 1991. – С. 214–215; за 2002 г. – Сельские населенные пункты. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. – Саратов, 2005; за 2010 г. – Численность и размещение населения Саратовской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. – Саратов, 2012.

Следует отметить, что прирост сельского населения в Саратовской области в 1989–2002 гг., составивший 10 тыс. чел., был достигнут искусственно, благодаря административным решениям по переводу трех поселков городского типа в категорию сел (Александрова Гая, Ивантеевки, Питерки) с общим населением 21 тыс. чел. Без их учета наблюдалась бы убыль сельского населения, хотя в 22 из 38 районов области оно действительно возросло. Однако последний межпереписной период по сравнению с предыдущим демонстрирует ускоренную депопуляцию села: в период 2002–2010 гг. рост сельского населения происходил только в 3 районах области. Население самых мелких сел в основном состояло из стариков: хуторская жизнь в России по разным причинам распространения не получила.

Необходимо подчеркнуть, что миграция из мелких сел в центры МО представляет собой один из заметных и важных локальных миграционных потоков внутри сельской местности. Из небольших сел семьи с детьми стараются уехать в более крупные села, в центры МО, где существует минимальная инфраструктура, способная улучшить качество жизни: детские сады, школы в шаговой доступности и т.п.

После того, как дети вырастают и заканчивают школу, они отправляются в город продолжать образование, где, как правило, и остаются. Кроме учащейся молодежи, в поисках работы и более высокого качества жизни село покидают люди, находящиеся в активном трудоспособном возрасте. Многие из них находят работу «вахтовым способом» в городах, формируя армию временных и сезонных мигрантов и пополняя городской прекариат¹⁸⁹. Центрами притяжения сельских мигрантов часто становятся близлежащие областные города. Ж.А. Зайончковская и Н.Н. Ноздрин отмечают, что «региональные столицы вытягивали население из городов меньших размеров и более низкого статуса, создавая там нишу для сельских мигрантов».¹⁹⁰ Внутрирегиональная миграция составляет 75-85% общего объема миграции сельского населения в зависимости от федерального округа (против 55-81% – городского населения).¹⁹¹

Вышеуказанные миграционные потоки ведут к ухудшению возрастной структуры сельского населения, способствуют его старению: анализируя сельскую половозрастную пирамиду по РФ, можно видеть «провал» возрастных когорт 20–44 лет при значительном превышении относительных частот старших и младших возрастов среди сельского населения по сравнению с городом (рис. 3.7).

¹⁸⁹ Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994-2013) // Социологические исследования. – 2015. – №12 (380). – С.99-110; Голенкова З.Т., Голусова Ю.В. Прекариат как новая группа наемных работников // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – №1 (195). – С.47-57; Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Потенциальная трудовая мобильность населения (региональный аспект) // Россия реформирующаяся. – 2010. – №9. – С.140-150; Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Орехова И.М., Черевко Ю.В. Трудовая занятость в регионе: социальные характеристики и тенденции развития // Россия реформирующаяся. – 2009. – №8. – С.168-183.

¹⁹⁰ Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. – 2008. – №4. – С.107.

¹⁹¹ Казакбаев Р.Х., Казакбаева Г.М. Социально-трудовая сфера села как составная часть миграционной привлекательности российских регионов // Вестник ВЭГУ. – 2012. – №4. – С.42-46.

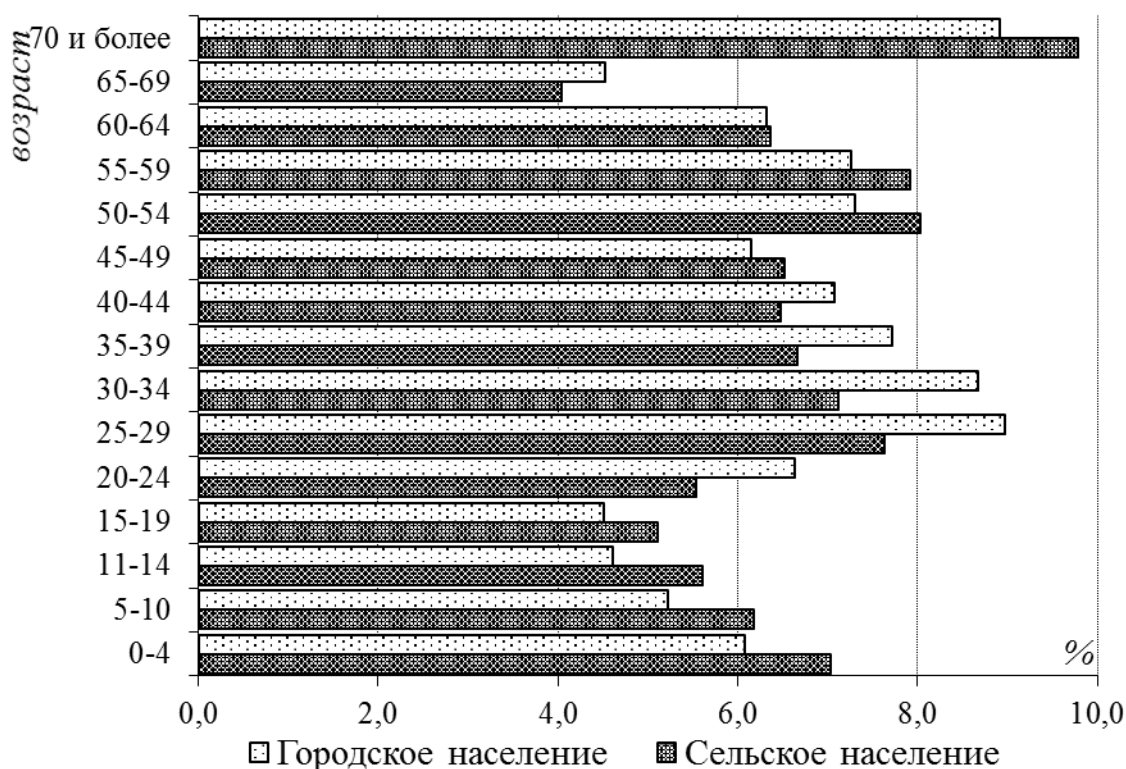

Рис. 3.7. Распределение показателя удельного веса населения по возрастным когортам по городской и сельской местности, %, на 01.01.2015

Кроме того, в миграции из села выражен гендерный аспект – молодые женщины покидают село активнее мужчин: если в городах численность женщин начинает превышать численность мужчин с возрастной когорты 25–29 лет, то в сельской местности подобное превышение начинается только с 40 лет. Более того, на возрастную когорту 20–24 лет – наиболее репродуктивный возраст – приходится наибольший дисбаланс (858 женщин на 1000 мужчин); в городе столь сильная диспропорция в численности появляется только с 40 лет, причем, «в пользу» женщин (рис. 3.8).¹⁹²

¹⁹² Быченко Ю.Г., Шабанов В.Л. Современная миграция сельского населения: особенности, направления, последствия // Вестник СГСЭУ. – 2012. – №2. – С.122-126.

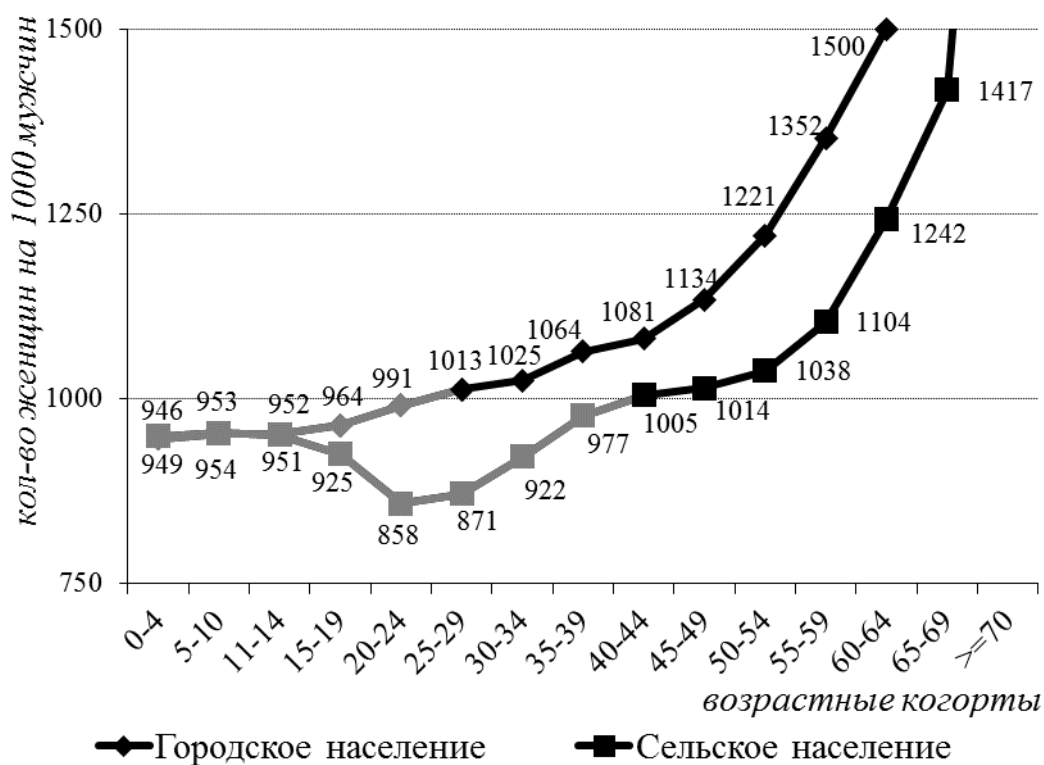

Рис. 3.8. Распределение показателя количества женщин на 1000 мужчин по возрастным когортам по городской и сельской местности, на 01.01.2015 г.

Анализируя этническую структуру миграции в Россию из стран ближнего зарубежья, социологи обратили внимание на постепенное исчерпание миграционного потенциала русских и представителей других народов России. А.Г. Вишневский отмечает, что миграции 1990-х гг. и, в значительной степени, 2000-х, были, по преимуществу, «возвратными»: по большей части они имели характер репатриации, возвращения соотечественников. И только со второй половины 2000-х гг. положение стало заметно меняться: с 2004 г. удельный вес народов РФ в миграционном приросте стал уменьшаться, причем, в 2006–2007 гг. снижение носило обвальный характер.¹⁹³ После 2007 г. данные по этническому составу мигрантов публиковаться перестали.

К сожалению, данные по этнической миграции, касающиеся сельской местности, отсутствуют. Но предполагая, что в отношении ситуации с сельской миграцией действуют те же тенденции, как и для страны в целом, можно говорить об

¹⁹³ Вишневский А.Г. Россия: демографические итоги двух десятилетий // Мир России. – 2012. – №3. – С.3-40.

изменении со второй половины 2000-х гг. этнического состава миграции в сельскую местность.

Анализируя ситуацию в Саратовской области, прежде всего отметим значительность миграционного притока «титulyных» народов стран СНГ, что объясняется, вероятно, ее пограничным положением: в 1990-е гг. они давали почти четверть миграционного прироста – в среднем на 5 процентных пунктов больше, чем в большинстве других регионов Приволжского федерального округа. Во второй половине 2000-х гг. миграционный поток в округ, как и предполагали исследователи, стал «гораздо более пестрым».¹⁹⁴ Масштаб этого потока пока не привел к радикальным изменениям в этнической структуре населения Саратовской области – городского и сельского – но можно говорить о появлении некоторых новых тенденций: в частности, миграция оказала решающее влияние на изменение состава и структуры группы из 10 наиболее многочисленных народов области (см. табл. 3.12), укрупнились и стали заметными некоторые, прежде малочисленные, этнические общины, в сельской местности возникли новые мононациональные поселки и хутора. В целом, процессы, обозначившиеся в прежний межпереписной период в 1989–2002 гг.,¹⁹⁵ продолжились и в 2002–2010 гг.

За 2002–2010 гг. численность каждого из 10 наиболее многочисленных народов, проживающих на территории области, сократилась в сельской местности, при этом численность армян, азербайджанцев и русских сокращалась медленнее сельского населения в целом. Отметим, что значительный вклад в относительно медленное снижение численности русского населения вносит ассимиляция представителей других народов, особенно тех, кто проживает в смешанных селах. Однако этот источник пополнения русского населения постепенно исчерпывается из-за старения и значительного сокращения численности народов, традиционно относимых к «русскоязычным».

¹⁹⁴ Мкртчян Н.В. Миграция и регион: на примере Приволжского федерального округа // Мир России. – 2004. – №2. – С.33.

¹⁹⁵ Телятников Н.Б. Народы Саратовского Поволжья: современная демография // Вопросы статистики. – 2007. – №4. – С.64-67.

В целом, несмотря на рост удельного веса армян, азербайджанцев и русских, суммарный вклад 10 наиболее многочисленных народов Саратовской области в ее сельское население уменьшился с 95,9% до 94,4% (табл. 3.12), что свидетельствует о росте других, прежде малочисленных этнических общин.

Таблица 3.12. Динамика численности и среднего возраста 10 наиболее многочисленных народов Саратовской области, по сельской местности, за 2002-2010 гг.

Народ	Численность			Доля в сельском населении		Средний возраст	
	2002	2010	Изменение в 2010, %	2002	2010	2002	2010
Русские	531231	489370	-7,9	75,41	76,19	38,9	40,3
Казахи	61604	55555	-9,8	8,74	8,65	31,8	35,5
Татары	19762	17346	-12,2	2,81	2,70	37,7	41,6
Украинцы	22026	13161	-40,2	3,13	2,05	49,6	56,2
Армяне	6846	6799	-0,7	0,97	1,06	30,5	34,2
Азербайджанцы	5322	5062	-4,9	0,76	0,79	26,4	30,9
Чуваши	9260	6877	-25,7	1,31	1,07	42,8	48,4
Мордва	7778	5376	-30,9	1,10	0,84	48,6	53,5
Белорусы	4447	2866	-35,6	0,63	0,45	50,5	58,2
Немцы	7054	4206	-40,4	1,00	0,64	33,8	41,3
Итого	675330	606618	-10,2	95,86	94,44	38,6	40,4
Сельское население, всего	704452	642327	-8,8	100,00	100,00		

Источник: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения март 2013 г.)

Анализ этноструктурной ситуации на местном уровне дает понимание того, каким образом мигранты заполняют лакуны, образованные убылью местного населения. Сельский рынок труда очень ограничен: занятость в аграрной отрасли снижается, а диверсификация сельской экономики происходит крайне медленно. Основные ниши, которые может предложить этническим мигрантам современное российское село, связаны, прежде всего, с неквалифицированным трудом в сельском хозяйстве и с предпринимательством. Неквалифицированная, сезонная, временная работа у сельхозтоваропроизводителя часто предлагается мигрантам, готовым работать без оформления и за низкую зарплату. В настоящей работе мы подробно остановимся на других категориях этнических мигрантов – ставших гражданами РФ, на постоянной основе поселившихся в сельской местности, для

которых едва ли не единственной свободной лакуной является предпринимательство.

Среди стратегий кросс-культурного взаимодействия, вырабатываемых местным населением и мигрантскими сообществами, исследователи выделяют интеграцию, (само)сегрегацию, ассимиляцию, маргинализацию.¹⁹⁶ Примеры всех этих типов можно найти и в селах Саратовской области: в частности, этнически неоднородная русскоязычная миграция 1990-х гг., стремившаяся к ассимиляции и быстро ассимилировавшаяся, помогла решить проблему нехватки квалифицированных специалистов в сельской местности, в частности, школьных учителей.

Примеры успешной интеграции этнических мигрантов интересны и могут оказаться полезными: мигранты встраиваются в новую для себя среду обитания, занимая свободные ниши и создавая новые. Также интересны примеры (само)сегрегации, в городских условиях часто ведущие к маргинализации, а в сельских – к созданию обособленных, относительно замкнутых поселений со своей экономикой, традициями, нравами и т.д. И оттого, какой тип взаимодействия будет превалировать, зависит будущее российского села.

Сравнивая сельскую жизнь в районах, различающихся по этническому составу, Т.Г. Нефедова отмечает, что «анклавы мусульманских народностей, немцев, корейцев представляют собой иной мир с более активным населением и устойчивым сельским хозяйством». Пытаясь найти объяснение этому, Т.Г. Нефедова задается вопросами, позволяющими уйти от спекулятивных рассуждений о национальных особенностях и перевести разговор в рациональную плоскость. В чем кроется «секрет большей устойчивости нерусских хозяйств? – В сочетании демографического здоровья с разнообразием занятий? В крепких родственных связях, перерастающих в экономические отношения? В ответственности мужчин за семью, в четком разделении мужских и женских ролей, меньшей приверженности алкоголю?...»¹⁹⁷.

¹⁹⁶ Мокин К.С. Балаково: миграционные истории армян // Социологические исследования. – 2006. – №2. – С.94-101.

¹⁹⁷ Нефедова Т.Г. Социальная география сельского хозяйства // Региональные исследования. – 2006. – №4.

Мы проведем исследования двух сельских поселений (муниципальных образований, МО), в одном из которых армянская община, составляющая около 15% населения, интегрирована в жизнь села; в другом же образовался относительно замкнутый мононациональный курдский поселок с тенденцией к самосегрегации.

Исследования базируются на статистических данных из похозяйственных книг МО, которые можно сравнить с материалами поголового обследования населения МО по вопросам занятости, половозрастным характеристикам и др. Они достаточно достоверны, поскольку образ жизни каждого жителя на виду у всех.¹⁹⁸ Консультации у специалистов администрации, полученные в ходе сбора данных из похозяйственных книг, позволили внести необходимые уточнения в устаревшую или ошибочную информацию.

Село Казачка Калининского района правобережной части Саратовской области с населением в 1,7 тыс. чел. является центром МО: в нем расположена администрация и все объекты инфраструктуры (амбулатория, школа, детсад и т.п.), в них занято 18% трудоспособного населения села. Аграрная отрасль представлена 5 хозяйствами, в которых занято 20–25% трудоспособных жителей. Частный бизнес включает в себя 10 магазинов и торговых точек, пекарню, авторемонтную мастерскую, кафе; здесь занято около 10% трудоспособного населения. Еще 15–20% работают «вахтовым» способом, выезжая в города на заработки и возвращаясь по окончании смены. Безработные (те, кто не имеет официальных постоянных занятий или чей род деятельности не отражен в похозяйственных книгах) составляют 30%.

Село преимущественно русское; украинцев, чувашей, белорусов и лиц других национальностей, проживающих в селе, условно можно отнести к «русскоязычным». Доля армян – около 15%, большинство из них обосновались в селе после распада СССР: часть бежали от войны из Нагорного Карабаха, но большинство являются выходцами из Армении. Практически все армяне-мигранты двуязычны, сохраняют свои традиции, поддерживают тесные связи с соплеменниками и держатся своей общиной, а смешанные браки практически не встречаются.

¹⁹⁸ **Овчинцева Л.А.** Занятость жителей села: трудности измерения // Мир России. – 2000. – №3. – С.116–137.

Одновременно с этим армяне встроены в местную социальную среду: большинство трудоспособных занято, безработных среди мужчин почти нет, основные занятия – сельское хозяйство и предпринимательство. До 15% трудоспособных армян заняты в сельском хозяйстве – работают в основном механизаторами, комбайнерами, трактористами; некоторые имеют собственный бизнес, который часто также можно отнести к сельскохозяйственному. Например, один из занятых, 50 лет, владеет собственным трактором и нанимается на выполнение конкретных сельскохозяйственных работ (в основном, к фермерам), его 26-летний сын официально работает в местном сельхозпредприятии. Многие имеют крупные личные подворья, некоторые занимаются скупкой продукции личных подсобных хозяйств. Из 10 частных сельских магазинов и торговых точек армяне владеют двумя; кроме того, армянам принадлежат придорожное кафе и автомастерская. Не менее 25% трудоспособного армянского населения либо сами являются предпринимателями, либо в той или иной форме связаны с предпринимательством, зачастую официально не регистрируя свои занятия. Как и в целом по селу, до 20% трудоспособных армян работает вахтовым способом в городах, в основном, по рабочим специальностям.

Уровень жизни армян выше, чем в целом по селу, что объясняется не только высокой занятостью, низким уровнем безработицы, умением вести дела, но также большими семьями и развитой взаимной поддержкой. Добавим к этому, что у армян совершенно не распространены «вредные привычки», у них крепкие патриархальные семьи, в которых принято, чтобы мужчины работали и содержали семью. Большинство детей армян-мигрантов 17–22 лет продолжают образование в городах, практически треть из них учатся в саратовских вузах. Необходимо отметить, что отток армян из села в город находится примерно на таком же уровне, как у русских и представителей других национальностей, но более высокая рождаемость, расширенное воспроизводство способствуют тому, что численность армян в сельской местности сокращается медленнее, чем численность других национальностей (см. табл.3.12).

Таким образом, армяне-мигранты, обосновавшиеся в сельской местности, в целом успешно интегрированы в местную социально-экономическую среду; по своему социальному поведению они мало отличаются от местного населения; при этом они сохраняют свою идентичность и держатся своей среды.

Другое муниципальное образование, Целинное сельское поселение Перелюбского района Саратовской области, обладает характерной особенностью – разделением сосуществованием с 1993 г. двух общин, условно называемых *местной* или «принимающей» и *мигрантской*, представленной этническими курдами – вынужденными переселенцами из Киргизии. В Целинный муниципальный округ входят два населенных пункта – центр МО поселок Целинный и поселок Новый. *Местное* население поселка Целинный представлено преимущественно русскими, а также украинцами, белорусами, казахами, татарами, чувашами и др. На лето 2012 г. в Целинном постоянно проживали 750 чел. (включая тех, кто работал «вахтовым способом» по несколько месяцев в году, проходил срочную службу в армии, получал образование в городе); среди них почти 93% относятся к *местному* населению. Поселок Новый – полностью *мигрантский*; в нем постоянно живут 144 чел. Таким образом, общее население Целинного МО на лето 2012 г. составляло 894 чел., из которых 198 чел. (или 22%) – этнические мигранты-курды.

Адаптация этнических мигрантов, их успешное включение в состав принимающего общества – одна из ключевых проблем, к которой обращаются многие исследователи.¹⁹⁹ В качестве причин, противодействующих успешной адаптации мигрантов, наряду с низким уровнем толерантности принимающего населения, отсутствием внятной миграционной политики, сворачиванием программ поддержки мигрантов и т.п., исследователи называют также «отсутствие четких адаптационных установок на интеграцию и проявление «прагматичной культуры», под которой автор понимает «доминирование в структуре ценностно-мотивационных установок ориентаций на временное пребывание, стремление только к зарабаты-

¹⁹⁹ Савоскул М.С. Станут ли этнические мигранты второй Россией? (Стратегии социального поведения этнических мигрантов) // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация. – М.: Издат дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – С.202-237; Романовская О.А. Идиосинкратический контекст этничности: авторский опыт полевого исследования // Вестник Поволжского института управления. – 2012. – №2. – С.127-131.

ванию денег, отсутствие желания (действий) на интегративное сосуществование, тяга части мигрантов к самосегрегации».²⁰⁰

Рассматривая этнокультурную ситуацию в Саратовской области, исследователи выявляют тенденцию формирования «разделенного рынка» по этническому признаку, ярко выраженное социально-экономическое расслоение населения по уровню образования, доходов, социальному статусу, а также растущую этническую сегрегацию, в качестве примера которой называют появление моноэтнических поселений.²⁰¹ Мы рассматриваем здесь именно такой пример.

В.Н. Петров приводит подробную классификацию этнических миграций, включающую 17 типов.²⁰² Поселение курдов в Саратовском Заволжье относится к одному из выделенных типов, который назван «выездом из мест депортации и въездом не на территорию депортационного выезда этносов и этнических групп, подвергшихся депортациям в период 1937–1940-х гг.».

Материал об истории курдской общины, предыстория появления курдов в заволжском селе были получены из разговоров с дальними родственниками – Усеном А. (1966 г.р.) и Фазидой А. (1972 г.р.). По их словам, до 1937 г. их семьи жили в Армении, затем вместе с другими курдскими семьями были высланы из мест традиционного проживания главным образом в Среднюю Азию; часть курдов эмигрировала за рубеж, в основном в мусульманские страны; семьи наших собеседников оказались в Киргизии. Факт насильственной миграции курдов из окраин СССР в числе других депортаций 30–50-х гг. находит подтверждение у авторов, занимающихся данной тематикой; Киргизия названа ими в числе одного из принимающих регионов.²⁰³

Семьи Усена и Фазиды проживали в Киргизии до 1993 г., когда политические и другие обстоятельства заставили их вновь искать убежища. Собеседники

²⁰⁰ Мокин К.С. Балаково... 2006. – С.94.

²⁰¹ Амелин В.В., Мокин К.С. Региональная картина: Приволжский ФО // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. – С.240-280.

²⁰² Петров В.Н. Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология // Социологические исследования. – 2009. – №10. – С.48–57.

²⁰³ Полян П.М. Насильственные миграции и география населения // Мир России. – 1999. – №4. – С.102–113; Земсков В.Н. Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных (30–50-е годы) // Мир России. – 1999. – №4. – С.114–124.

отметили экономические трудности, возникшие после распада Советского Союза, с которыми столкнулось все население, и специфические проблемы, с которыми столкнулись национальные меньшинства в новых независимых государствах. Рост национализма сделал их жизнь в инациональной среде неудобной и опасной и заставил задуматься о переселении в другое, более безопасное место.

Семья Фазиды уехала из Киргизии в 1994 г.; большая часть семьи обосновалась в Ставрополе, где один из ее братьев сделал карьеру в прокуратуре, другие занимаются предпринимательством, сама же Фазида с другой частью семьи оказалась в поселке Целинный. В период жизни в Киргизии отец Фазиды работал вахтовым методом на нефтяных вышках, мать занималась домашним хозяйством.

Часть семьи Усена переехала в поселок Целинный в 1993 г. Отец (1927 г.р.) во время войны работал в сельском хозяйстве, занимался полеводством, потом трудился на шахте в Киргизии; мать Усена занималась домашним хозяйством; семья была многодетной и состояла из 17 человек.

В нашем исследовании проводится сопоставление укладов жизни *местного*, *принимающего* населения и *этнических мигрантов* по показателям социально-демографической и производственно-хозяйственной сферы, позволяющим оценить адаптированность различных групп к условиям жизни в сельской местности. Состав домашних хозяйств, описанных в похозяйственных книгах, свидетельствует о том, что семьи *местного* населения значительно меньше по размеру, чем семьи *мигрантов*. Типичная *местная* семья представляет собой «осколок» прежде большой семьи. Можно перечислить основные типы таких «осколков»:

– домохозяйство, состоящее из одного пожилого человека или двоих пожилых людей пенсионного или предпенсионного возраста, дети которых давно отделились и уехали из села;

– домохозяйство, состоящее из двоих взрослых зрелого возраста с двумя детьми 17–25 лет, которые учатся или работают («вахтовым методом» или постоянно) в городе и, скорее всего, в село не вернуться;

– неполная семья, включающая молодую разведенную женщину и одного-двух детей.

Перечисленные типы домохозяйств свидетельствуют о современном демографическом поведении сельского населения, отнесенного нами к категории *местного*; оно мало чем отличается от демографического поведения городского населения. Полноценных семей, состоящих из обоих родителей и, как минимум, одного ребенка, среди *местных* приблизительно 20–25%. В целом 696 чел., условно относящихся к *местному* населению, объединены в 262 домохозяйства, т.е. на одно домохозяйство приходится в среднем 2,67 чел., в том числе 0,4 детей (до 14 лет включительно) и 2,27 взрослых.

Нельзя утверждать, что курдская молодежь не отделяется от родителей, но благодаря многодетности их семей и большой разнице в возрасте между старшими и младшими детьми среди курдов редко встречаются семейные «осколки»: как правило, с 40–50-летними родителями живут младшие 10–15-летние дети. Поэтому типичная *мигрантская* семья состоит из двоих родителей и 1–5 детей. В 44 курдских домохозяйствах в Целинном МО живут 198 чел. – в среднем по 4,5 чел., в том числе 1,9 детей и 2,6 взрослых.

На рис. 3.9 приведена демографическая структура *местного* и курдского населения.

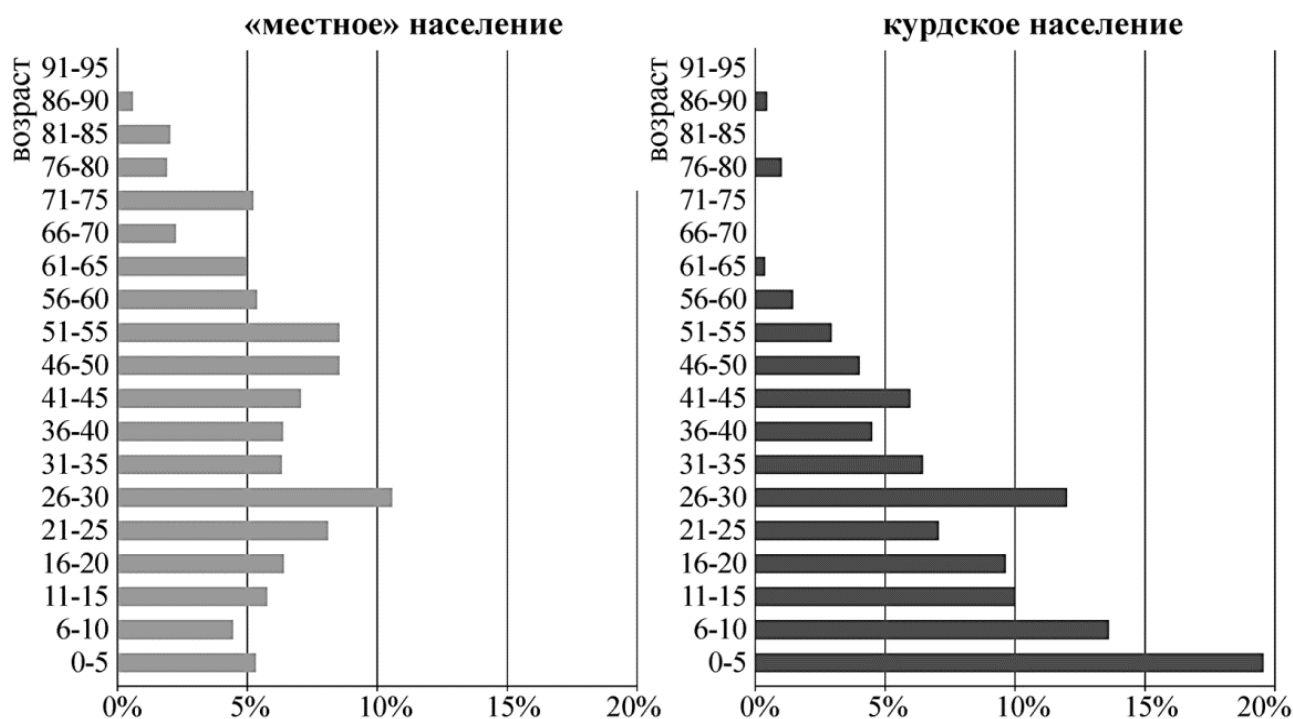

Рис. 3.9. Возрастные пирамиды местного (слева) и курдского (справа) населения, по данным похозяйственных книг, на 2012 г.

За счет большого числа детей курдское сообщество очень молодое – средний возраст составляет 22,1 года против 38,8 лет у *местного* населения, при этом курдские дети образуют одну треть учащихся средней школы Целинного МО. Для курдского сообщества характерны ранние браки, заключающиеся вскоре после окончания средней школы – 20 лет у мужчин, 18 лет у женщин.

Возраст вступления в брак представителей *местного* населения значительно выше и практически не отличается от средних показателей по стране, которые в 2009 г. составляли, как минимум, 28 лет у мужчин и 25 лет у женщин.²⁰⁴

Анализ похозяйственных книг показал, что приблизительно 55 чел. из числа *местного* населения обоего пола в возрасте 22–30 лет из 131 (42%) либо холостые/незамужние, либо разведенные, что в курдской среде встречается гораздо реже – 5 из 38 чел. (13%). *Местная* молодежь не торопится обзаводиться семьями и обременять себя детьми; их система ценностей абсолютно современна: прежде всего они стремятся получить образование и «встать на ноги», что для *местной* молодежи означает обосноваться в городе, устроиться там на работу, хорошо зарабатывать и т.п.

Кроме отчетливой разницы в демографической структуре обеих рассматриваемых групп населения «в пользу» группы *мигрантов*, на демографические перспективы Целинного МО влияют и современные миграционные процессы: ежегодно в поселение прибывают и убывают из него несколько десятков человек, относящихся к *местному* населению, причем, численность убывающих заметно превышает количество прибывающих (табл. 3.13), а с учетом низкой рождаемости среди *местного* населения данная миграционная тенденция только усиливает его депопуляцию.

²⁰⁴ рассчитано по: Демографический ... 2010. – С. 124–125.

Таблица 3.13. Динамика прибытия/убытия «местного» населения Целинного МО в 2007-2011 гг., чел.

Год	Прибыло	Убыло	Разница
2007	15	41	-26
2008	15	21	-6
2009	26	35	-9
2010	13	23	-10
2011	17	35	-18

Можно выделить 3 основные категории уезжающих:

– молодежь 17–23 лет, поступившая в высшие и средние специальные учебные заведения в городах; чаще всего по окончании учебы в село не возвращается;

– лица 30–50 лет, нашедшие работу в городе; как правило, начинают работать «вахтовым методом», выезжая на срок от 2–3 недель до полугода в город и возвращаясь домой по окончании смены. Постепенно закрепляются в городе, снимают жилье, перевозят семью. Дети начинают ходить в городскую школу, остальные члены семьи также находят работу. При этом в селе у них остаются квартиры, которые либо пустуют, либо там живут представители старшего поколения семьи. В этих квартирах они имеют постоянную регистрацию, превращаясь в «мертвых душ» села и способствуя завышению статистики сельского населения. По нашим оценкам, основанным на материалах похозяйственных книг, как минимум 43 чел. из поселка Целинный (5,7%) постоянно живут за пределами поселка, числясь при этом его жителями;

– уезжающие по семейным обстоятельствам – к мужу/жене, к детям или родственникам и т.п.

Представляется, что третья из перечисленных категорий существовала всегда: во все времена случались «экзогамные» браки, когда женщина или мужчина находили спутника жизни в другом населенном пункте и переезжали к нему. Также нередки были случаи, когда пожилые люди переезжали к детям, уехавшим из села. Первая и особенно вторая категории, хотя также не являются новыми, но именно в наши дни получили наибольшее распространение.

Что касается прибывающих в село на постоянное место жительства, то следует выделить следующие категории:

- приехавшие по семейным обстоятельствам;
- бывшие сельские жители, в течение какого-то времени жившие в городе, но не сумевшие или не захотевшие закрепиться в нем.

Помимо этого, исследователи называют еще несколько категорий, охватывающих сравнительно небольшое количество приезжих, и практически не представленных в Целинном МО. Это прежде всего пенсионеры, часто из числа бывших сельских жителей, решившие дожить свой век в селе; дети фермеров и сельских предпринимателей, вернувшиеся в село после окончания учебы, чтобы участвовать в бизнесе родителей, а также те, кто сознательно выбрал село для жизни и работы.²⁰⁵

Что касается статистики миграционной активности курдов, то она свидетельствует о притягательности выбранного для жизни почти 20 лет назад села: оно ежегодно принимало на постоянное жительство по 4–6 родственников и знакомых. С учетом высокого естественного прироста общее увеличение курдского населения после 1993 г. составляло почти 150 чел. При этом убыль *местного* населения за это время приблизилась к цифре 220–250 чел., образующей четверть всей его численности.

Значительная доля *местного* населения поселка Целинный занята в сельском хозяйстве (12,4% от числа жителей поселка трудоспособного возраста без учета мигрантов), представленном бывшим колхозом, ныне – местным филиалом многопрофильного агрохолдинга с центром в Москве, и в бюджетной сфере, представленной средней школой, детским садом, социальной службой, ФАПом, ДК (11,9%). Около 19% жителей села трудоспособного возраста нашли работу за пределами села или вообще уехали, сохранив регистрацию поселкового местожительства; 4,5% *местного* населения трудоспособного возраста являются предпринимателями и работниками ИП (табл. 3.14).

²⁰⁵ Хагуров А.А. Социально-экономическая структура российского села // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. – Уфа, 2012. – С.5194–5200.

Таблица 3.14. Структура занятости «местного» населения поселка Целинный, 2012 г.

Направление занятости, место работы	кол-во	% от числа трудоспособных
Сельхозпроизводство (агрохолдинг)	55	12,4
Бюджетная сфера	53	11,9
Работа вне села «вахтовым методом»	41	9,2
Работа и жизнь вне села	43	9,7
Владельцы и работники ИП	20	4,5
Безработные	174	39,1
Студенты	27	6,1
Учащиеся средней школы	84	3,8 (17 уч-ся 15-17 лет)
Дошкольники	43	-
Неработающие пенсионеры	141	-
Прочие	15	3,3
Всего	696	-
в т.ч. в трудоспособном возрасте	445	100,0

Необходимо отметить явно завышенный удельный вес безработных. Это объясняется отсутствием данных в похозяйственных книгах по тем жителям, чья занятость носит неформальный характер. Здесь в основном преобладают три категории лиц: во-первых, это сезонные рабочие в сельском хозяйстве, численность которых, как правило, составляет до 30% от численности постоянно занятых в отрасли; в нашем случае это 4–5% от численности всех трудоспособных. Во-вторых, это лица, нанимающиеся на временную работу к соседям – вспахать огород, починить крышу или изгородь, провести ремонт в квартире (1–2%). Третья, наиболее значительная часть безработных – те, кто ведет мелкотоварное приусадебное хозяйство. Среди них есть и очень крупные сельхозтоваропроизводители, масштаб деятельности которых сопоставим с масштабом деятельности среднего фермерского хозяйства, но большинство являются весьма небольшими. Они обеспечивают продуктами питания свои семьи и имеют относительно невысокий доход от продаж. Следует обратить внимание на тот факт, что среди этой категории безработных много женщин, которые при работающих мужьях сознательно выбрали ведение домашнего и приусадебного хозяйства в качестве основного вида деятельности, заменяющего им работу.

Таким образом, приведенная структура занятости свидетельствует о том, что *местное* население поселка Целинный *существенно зависит от государства и от внешнего работодателя*: более трети трудоспособных жителей поселка работают в «колхозе» (вошедшим в состав агрохолдинга) или являются бюджетниками, то есть *вся* аграрная отрасль представлена одним «внешним» хозяйством при полном отсутствии фермеров. *Самостоятельно* и притом *достаточно успешно* адаптировались к современным условиям жизни от четверти до трети жителей трудоспособного возраста (мы условно отнесли к таковым предпринимателей – формальных и неформальных, а также работающих за пределами села «вахтовым» методом или на постоянной основе).

Что касается социальной структуры *мигрантского* общества, то она в значительной степени однородна: все курдские семьи образуют несколько бизнесов, часто не регистрируемых: скупка сельхозпродукции у населения, скотоводство и мясомолочное производство, частный извоз. Производимую продукцию они, как правило, сдают своим же оптовикам наравне с *местным* населением. Необходимо отметить, что курдская община сама обеспечивает работой своих членов: все являются близкими и дальними родственниками (относятся к нескольким большим, расширенным семьям) и поддерживают друг друга; дети, окончив школу, не стремятся переселиться в город, а создают семьи и присоединяются к бизнесу родителей, а затем открывают собственное дело.

Итак, анализ сферы деятельности населения Целинного МО свидетельствует о том, что *местное* население встроено в «большое» общество, живет его ценностями, тогда как *мигранты* живут своим «малым» сообществом со своей, отличающейся системой ценностей. *Местные* зависят от стороннего работодателя (часто вообще не местного и не сельского), *мигранты* привыкли полагаться только на себя. Между обеими общинами существуют хозяйственные связи, в которых заинтересованы обе стороны: *мигранты* выступают в роли предпринимателей-торговцев, *местные* – в роли мелкотоварных производителей сельхозпродукции.

Таким образом, к числу важнейших функций сельского населения относится не только производство сельхозпродукции, но и поддержание в хозяйственном

и культурном обороте обширных сельских территорий. Именно успешная реализация этой функции в наше время оказывается под угрозой ввиду ускоренного сокращения сельского населения и ухудшения его социально-демографической структуры по причинам естественной и миграционной убыли.

Сокращение сельского населения для слабозаселенной по сравнению с европейскими странами России чревато опустыниванием значительных территорий. Сложившийся каркас сельского расселения утончается: из его состава в большом количестве выводятся мелкие периферийные села, которые могли бы быть заменены хуторами и поселениями фермеров, ведущих небольшие семейные хозяйства, но этого не происходит из-за утраты соответствующей традиции и аграрной политики государства, сделавшего ставку на крупное вертикально интегрированное сельскохозяйственное производство.

Оба противонаправленных миграционных потока – в сельскую местность и из нее – различаются по своей этнической структуре. Если в 1990-е гг. миграция в РФ была в значительной степени возвратной – Россия собирала соотечественников, то к 2000-м гг. миграционный потенциал русских и других народов России в основном исчерпал себя, и с середины 2000-х этнический состав мигрантов стал более разнообразным. В сельской местности возросли численность и удельный вес этнических меньшинств, появились обособленные в культурном и хозяйственно-экономическом отношении мононациональные поселки, население которых демонстрирует высокую адаптированность к жизни в условиях сельской местности. Ранние браки, высокая рождаемость, большие семьи-кланы с взаимной поддержкой родственников, доминирование традиционных ценностей, приверженность самостоятельной занятости в малом и среднем бизнесе и, соответственно, меньшая зависимость от стороннего работодателя и от государства и т.п. делают этнических мигрантов весьма приспособленными к условиям сельской среды обитания.

Можно замедлить миграцию местного, принимающего сельского населения в города, если сместить акценты в аграрной политике государства, сделав ставку на развитие семейного фермерства и предпринимательства, особенно несельско-

хозяйственного. Успешное решение сложнейших задач диверсификации сельской экономики и модернизации инфраструктуры села также будет способствовать закреплению населения в сельской местности.

В ситуации неизбежного роста этнической миграции обозначенная смена акцентов в государственной политике и успешное проведение структурных реформ улучшат социально-демографическую структуру принимающего сельского населения, усилят его адаптивный потенциал и конкурентоспособность. Это, в свою очередь, будет способствовать более активному включению этнических мигрантов в хозяйственную и культурную жизнь принимающего общества. Адаптации этнических мигрантов будет способствовать и соответствующая политика по отношению к сельским школам, активизация деятельности государства по привлечению мигрантов-граждан РФ на армейскую или альтернативную гражданскую службу, учитывая высокую роль данных социальных институтов в социализации молодежи.

Итак, анализ уровня жизни по ряду косвенных показателей (демографии и миграции, состояния здоровья, структуры затрат времени) продемонстрировал, что отставание уровня жизни в сельской местности от уровня жизни в городе носит системный характер и определяется более низкой продолжительностью жизни, более высокой заболеваемостью, более архаичной структурой бюджета времени, большей продолжительностью домашних дел, ограниченными возможностями проведения досуга. Разница в уровне жизни между сельскими жителями и горожанами с течением времени постоянно воспроизводится – независимо оттого, растет она или сокращается; этому способствуют проблемы занятости и характера работы в сельской местности, проблемы в организации сельского здравоохранения, миграция более молодого и активного сельского населения в города.

ГЛАВА 4. СОДЕРЖАНИЕ И ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛА С 1990 Г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, И ИХ СВЯЗЬ С ДИНАМИКОЙ УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

4.1 Институциональные реформы 1990-2010-х гг. в сельской местности и их влияние на динамику уровня жизни сельского населения

Формальные оценки уровня жизни в период после 1990 г. естественным образом связываются с результатами реформ. Цели аграрной и земельной реформ отражали необходимость модернизации социально-экономической жизни в сельской местности. Это достигалось повышением эффективности сельской экономики, особенно ее ведущей отрасли – сельского хозяйства – и рыночной трансформацией социально-экономических институтов села. Следствием реформ должен был стать рост уровня жизни. Социальные и экономические издержки реформ предполагались – так же как и последующий компенсаторный рост на уже качественно новой – рыночной – основе. Заложенные в начале 1990-х гг. новые социально-экономические основы задали вектор развития сельского социума на длительную перспективу.

К важнейшим институтам, составляющим социально-экономический каркас советского села, следует отнести систему колхозов и совхозов (в рамках которой существовала и функционировала социальная сфера), личные подсобные хозяйства (ЛПХ) сельского населения, а также весьма устойчивую систему неформальных связей и отношений внутри сельского сообщества. Глубокая рыночная трансформация социально-экономических институтов села являлась составной частью системных преобразований 1990-х годов и началась с земельной и аграрной реформ, юридической базой которых стали Законы РФ «О земельной реформе» (№ 374-1 от 23.11.1990) и «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (№ 348-1 от 22.11.1990), Постановление Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» (№86 от 29.12.1991).

В основе реформ лежала приватизация земель сельскохозяйственного назначения, реорганизация коллективных хозяйств со сменой формы хозяйствования и собственности и, как следствие, образование фермерского сектора, кото-

рый, по замыслу, должен был стать основным производителем сельскохозяйственной продукции в стране и социальной базой реформ в селе.

Под давлением со стороны съезда колхозников, протестовавших против насильственной приватизации, правительство в феврале 1992 г. было вынуждено изменить свои первоначальные намерения и оставило за сельскохозяйственными предприятиями право сохранять прежние формы хозяйствования. Два года спустя, к концу периода реорганизации, третья часть коллективных хозяйств воспользовались этим правом.²⁰⁶

Основным инструментом приватизации земли стало распределение среди работников и пенсионеров АПК и социальной сферы села земельных долей путем передачи их в собственность. Согласно Указу Президента РФ от 27 октября 1993 года «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» новые собственники получали документы, удостоверяющие их права на земельные доли. В Указе были перечислены возможные направления использования земельных долей – передача по наследству, получение в натуре при выходе из хозяйства, внесение в уставный капитал сельхозпредприятий, сдача в аренду, а также продажа и покупка, права на которые были вскоре «заморожены» сроком на 10 лет. В реальности запрет на куплю-продажу земель сельскохозяйственного назначения держался дольше – вплоть до второй половины 2000-х годов: в Саратовской области, чье местное законодательство еще в 1999 г. предусмотрело возможность торговли земельными участками, первые сделки по купле-продаже земельных долей состоялись в 2007 г. Выделение земельных долей не только документально, но и в натуре происходило в случае принятия собственниками решения о передаче своей доли в аренду другому землепользователю или о создании на ней фермерского хозяйства.

К 2000 г. около 73% владельцев земельных долей передали свои доли в аренду какому-либо сельхозпроизводителю, около 20% – в уставный капитал сельхозпредприятий. Только 4,1% получили земельный участок в счет земельной

²⁰⁶ **Кирчик О.** Земельная реформа: 1990-2002 // Отечественные записки. – 2004. – № 1 (16); **Калугина З.И.** Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. 2-е изд. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С. 6-10.

доли для организации крестьянского (фермерского) хозяйства. Таким образом, сдача в аренду стала наиболее частым направлением использованием земельных долей. Именно аренда долей стала основным инструментом рыночного оборота земель сельскохозяйственного назначения в РФ после 1993 г. вплоть до сегодняшнего дня. Несмотря на ограниченное право частной собственности, приватизация земли дала сильный толчок к необратимым рыночным преобразованиям в сельском хозяйстве и к институциональным изменениям в сельской местности.

Договоры аренды, заключаемые между собственниками земельных долей и сельхозпредприятиями, стали юридическими документами, в которых фиксировались права и обязанности сторон, оговаривался размер арендной платы. Большинство договоров были заключены на этапе реорганизации колхозов и совхозов, завершившейся к началу 1994 г., сроком на 3 года; в 1996-1997 гг. они были перезаключены.

Одновременно с этим к 1994 г. возникло 270 тыс. крестьянско-фермерских хозяйств. Именно в эти годы – 1993-1994 – в начальный период проведения земельной и аграрной реформ создание фермерских хозяйств проходило наиболее активно. Это объясняется двумя факторами: финансовой и политической поддержкой, которую оказывало государство нарождающемуся фермерскому сектору, и стремлением к самостоятельному хозяйствованию со стороны наиболее подготовленных и энергичных сельских жителей.

Таким образом, в результате реорганизации коллективных хозяйств, проведения земельной реформы, особенно введения института земельных долей, образования фермерского сектора был сделан первый шаг на пути создания многоукладной аграрной экономики на базе равноправия всех форм собственности и способов хозяйствования на земле.²⁰⁷ Проведенные за короткий срок системные реформы создали принципиально новые социально-экономические условия жизни

²⁰⁷ Калугина З.И. Парадоксы ... 2001. – С. 11; Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. – 264 с.

в сельской местности, оказавшие существенное влияние на динамику уровня жизни сельского населения.²⁰⁸

Выделение земельных долей, раздел земель сельскохозяйственного назначения между пайщиками дали юридические основания и практическую возможность процессу земельного оборота, способствовали созданию и росту фермерского сектора, становлению и развитию арендных отношений.

В первые 2-3 года после получения земельных долей в собственность большинство владельцев предпочли оставить их в аренде «по месту работы» – в реорганизованных сельхозпредприятиях с коллективно-долевой формой собственности (часто называемых в научной публицистике «крупхозами»). Для договоров аренды была характерна стоимостная оценка арендной платы, как правило, выплачиваемой продукцией сельхозпредприятия. Подобный тип аренды, при котором арендатор отдает часть продукции собственнику земельного участка, в большинстве случаев сохраняется в РФ и по сей день; она нетипична для развитых стран и свидетельствует о сохранении архаичных черт в укладе сельской жизни.²⁰⁹

В целом адаптация сельскохозяйственных предприятий к новым рыночным условиям проходила достаточно тяжело. Будучи сформированными в нерыночных условиях, работая в прежние годы на нерыночных принципах, бывшие колхозы и совхозы приобрели характерные «родовые черты», которые не способствовали их успешной адаптации. Эффективному хозяйствованию мешало не только «советское прошлое», но и вполне рациональные причины, в том числе финансирование сельской социальной инфраструктуры (от которого сельхозпредприятия смогли отказаться через 3-4 года после начала реформ), неэффективное управление, раздутый штат работников.

Как результат, за период 1990-1999 гг. сельхозпроизводство в целом сократилось на 42,8%, в том числе в сельхозпредприятиях разной формы собственности и хозяйствования – ТОО, АО, колхозах и др. – на 63% в сопоставимых ценах. В то же время частный сектор, представленный вновь образованными крестьянско-

²⁰⁸ Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов: Научная книга, 2012.

²⁰⁹ Трейси М. Сельское хозяйство и продовольствие в экономике развитых стран: Введение в теорию, практику и политику / Пер. с англ. – СПб.: Экономическая школа, 1995. – С.35.

фермерскими хозяйствами, а также хозяйствами населения, демонстрировал рост – соответственно на 57% (с 1993 г.) и на 15,5%. В результате за 1990-1999 гг. доля сельхозпредприятий в производстве сельхозпродукции в стоимостном выражении снизилась с 73,7 до 41,2%, доля хозяйств населения возросла с 26,3 до 56,3%, на фермерские хозяйства в 1999 г. приходилось 2,5%.²¹⁰

Можно видеть, что, несмотря на высокие темпы роста производства в фермерских хозяйствах, их доля в общем производстве сельхозпродукции к концу 90-х гг. все еще оставалась незначительной. Торможение в развитии фермерского сектора началось после 1993 г. и во-многом объяснялось прекращением действия двух названных выше факторов – завершением льготного кредитования и исчерпанием социально-демографической базы фермерства, которые сделали невозможным его дальнейший столь же быстрый рост.

Статистика производства по видам продукции в физическом объеме за 1990-е гг. также свидетельствует о трудном приспособлении сельскохозяйственных предприятий к рыночным условиям. Снизились посевные площади основных сельскохозяйственных культур, причем, более значительно, чем общая земельная площадь – в целом на 35%, в том числе на 35-37% по зерновым и техническим культурам, на 78% по картофелю и овощебахчевым культурам. Это означает, что значительная часть угодий сельхозпредприятий ими не использовалась, пустовала. Производство зерна и сахарной свеклы снизилось на 57-58%, картофеля, овощей и мяса – соответственно на 80, 65 и 77%. За период 1995-1999 гг. снижение по названным категориям составило соответственно 14-18%, 39, 8 и 41%.

Справедливости ради следует отметить, что снижение производства было характерно для большинства отраслей российской экономики в 1990-е гг., особенно *традиционных*. Однако снижение производства в сельскохозяйственных предприятиях-«крупхозах» было более глубоким и более длительным – по многим категориям оно продлилось до середины 2000-х гг., что особенно контрастирует с положением дел в частном секторе – в КФХ и ЛПХ. В КФХ за период 1995-1999 гг. производство овощей, зерна сахарной свеклы возросло соответственно на

²¹⁰ Российский ... 2004. – С. 418.

73, 29 и 24%, производство картофеля и мяса, хотя и снизилось, но не так значительно, как в «крупхозах» – соответственно на 13 и 16%.²¹¹

После примерно десяти лет кризиса наступила некоторая стабилизация экономического положения сельскохозяйственных предприятий. Основные способы их успешной адаптации к рыночным условиям были связаны с вхождением в состав многопрофильных «интегрированных формирований»-холдингов или с нахождением инвестора в лице крупного концерна (например, «Газпрома»), банка или министерства.

Те, что смогли успешно адаптироваться, перезаключили договоры с арендодателями. В перезаключенных договорах аренды большинство земельных долей были оценены в весьма незначительные суммы, и количество натуральных выплат почти повсеместно урезано.

В качестве типичного примера успешной адаптации рассмотрим одно из сельскохозяйственных предприятий, находящееся в Энгельском районе Саратовской области – АО «Без-е». Оно смогло обеспечить себе гарантированный сбыт, заключив договор с Министерством юстиции, которое, по условиям договора, приобретает выращенный урожай зерновых для нужд пенитенциарной системы. Договор с министерством позволил хозяйству работать с прибылью.

Сельхозпредприятие акционировалось в конце 1996 г.; бывшие колхозники (в том числе работающие, пенсионеры, а также работавшие ранее в колхозе или в социальной сфере села) получили земельные доли и стали пайщиками вновь образованного АО. Согласно договору, АО должен был выплачивать пайщикам арендную плату в натуральной форме, которая составляла 40 кг зерна на 1 га пашни – чуть больше 4 ц на земельную долю, а также грубые корма и некоторые услуги (поливной огород в поле и др.). В 2002 г. количество зерна, являющегося основой арендной платы, было урезано до 20 кг на 1 га пашни. Арендные выплаты в 1997-1999 гг. составляли от 5 до 8% урожая зерновых; после 2000 г. снизились до 3-5%.

²¹¹ Российский ... 2004. – С. 425, 426.

Сельхозпредприятия, большинство из которых в конце 1990-х гг. были убыточными, очень неохотно отказывались от части урожая – пусть даже очень небольшой – и делали все возможное, чтобы минимизировать свои расходы на арендную плату пайщикам. Расчеты на основе данных бухгалтерских документов рассматриваемого АО свидетельствуют, что семья, двое членов которой работают в АО и сдают ему в аренду две земельные доли, получала в счет арендной платы продукции на общую сумму, составляющую не более 8% от их суммарной годовой заработной платы. Очевидно, для пайщиков сдача земельных долей в аренду сельхозпредприятиям не приносила сколько-нибудь заметной выгоды. «Простое» владение землей сельскохозяйственного назначения без самостоятельного хозяйствования на ней дает очень несущественную добавку к семейному бюджету арендодателей и для владельца фактически теряет экономический смысл.

На этом фоне в течение 1990-х гг. произошли следующие институциональные изменения в сельской местности, характеризующиеся движением земельных долей в аграрном секторе.

Во-первых, из-за текучести и общей тенденции к сокращению численности занятых в сельскохозяйственном производстве доля земельных долей, принадлежащих работникам сельхозпредприятий, год от года сокращалась. В рассматриваемом АО из 879 земельных долей, сданных ему в аренду в год акционирования, работавшим принадлежало 195 (или 22%). В конце 2001 г. – к моменту заключения нового договора аренды – из 729 пайщиков в АО работали 83 чел. (11,4%). Можно видеть, что, во-первых, число арендодателей сельхозпредприятия за 5 лет уменьшилось на 17%, и соответственно уменьшилась площадь арендованной им земли (с 12416 до 10109 га), во-вторых, заметно снизилось количество работников-собственников. Явно прослеживается тенденция превращения сельскохозяйственного предприятия, построенного на коллективных принципах, в «обычное» акционерное общество. Происходит отчуждение работников от собственности –

процесс, давно произошедший на акционированных городских предприятиях, и к началу 2000-х гг. естественным образом практически завершившийся в селе.²¹²

Во-вторых, значительная часть земельных угодий «перетекала» от сельскохозяйственных предприятий к фермерским хозяйствам. Это чаще всего происходило при их банкротствах и юридическом оформлении на их месте фермерских хозяйств и за счет перевода от них к фермерским хозяйствам земельных долей. Так, с 1990 по 1999 гг. площадь сельскохозяйственных угодий, находившихся в распоряжении сельхозпредприятий, уменьшилась почти на четверть – с 209,8 до 161,8 млн. га.²¹³ Часть «потерянной» земли вообще выбыла из состава сельхозугодий, часть стала муниципальной собственностью; около 30% этой земли перешло в личное пользование граждан и в фермерский сектор, в том числе 2/3 – в форме аренды фермерами земельных долей граждан.²¹⁴

Процесс, запущенный оборотом земель сельскохозяйственного назначения в 1990-е гг., инициировал институциональные преобразования в сельской местности. Они были связаны прежде всего с изменениями в отношениях собственности, реорганизацией колхозов и совхозов в рыночные сельхозпредприятия, ростом фермерского сектора.

К началу 2000-х гг. большинство сельскохозяйственных предприятий либо решили задачу выживания самостоятельно, либо вошли в состав многопрофильных интегрированных формирований, либо разорились и распались на фермерские хозяйства. К 2007-2010 гг. 72-79% сельхозпредприятий страны работали с прибылью – против 45-55% в 1999-2003 гг.²¹⁵ Адаптировавшись к современным экономическим условиям, сельскохозяйственные предприятия стали наращивать производство и постепенно возвращать утраченные ранее позиции: если среднегодовое производство картофеля, овощей, мяса, молока и яиц в сельхозпредприя-

²¹² см.: Кузник Н.П., Шабанов В.Л. Ресурсное обеспечение приусадебного сельскохозяйственного производства // АПК: экономика, управление. – 2004. – №3. – С.62-68.

²¹³ Российский ... 2004. – С. 417.

²¹⁴ Оценочно: см. Кузник Н.П., Шабанов В.Л. Развитие земельного оборота в фермерских хозяйствах (на материалах Саратовской области) // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы (Никоновские чтения - 2000). – М.: Энциклопедия российских деревень, 2000. – С.67-69.

²¹⁵ Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – С.119; Сельское ... 2004. – С.121.

тиях в 2000-2003 гг. составляло 18-38% от уровня 1989-1990-х гг., то среднегодовое производство в 2009-2011 гг. по сравнению с 2000-2002 гг. – 118-123% для овощей и яиц, 195% для картофеля, 236% для мяса. В отношении производства зерновых культур, подсолнечника, сахарной свеклы, по которым сельхозпредприятия конкурируют с фермерскими хозяйствами, также наметилась восстановительная тенденция: среднегодовые показатели в 2009-2011 гг. по сравнению с 2000-2002 гг. составили соответственно 100, 212, 203%. В целом доля бывшего коллективного сектора в общем объеме сельхозпродукции в стоимостном выражении, которая в 1980-х гг. превышала 70% (около 30% давали ЛПХ), к 2002-2003 гг. снизилась до 40%, после чего возросла до 45-48% и стабилизировалась на этом уровне. Дальнейшему ее росту «мешают» главным образом фермерские хозяйства, производство в которых растет быстрее. В течение 2000-2011 гг. доля КФХ в общем объеме сельхозпроизводства в стоимостном выражении выросла с 3,2 до 9,0%; в том числе наиболее заметно – по видам продукции, традиционной для сельхозпредприятий – зерну (с 8,4 до 22,1%), семенам подсолнечника (с 14,5 до 27,7%), сахарной свекле (с 4,9 до 13,1%).²¹⁶ Несмотря на наиболее высокие в аграрном секторе темпы роста, развитие фермерского сектора шло медленнее, чем ожидалось, и к настоящему времени фермеры так и не смогли полностью заменить бывший коллективный сектор аграрного производства, который в течение 1990-х гг. решал задачи своей трансформации и выживания в рыночных условиях, а в течение 2000-х гг. восстанавливал свой потенциал.

Помимо ожидаемых результатов реформирования в экономической и институциональной сфере, аграрные преобразования 1990-х гг. привели и к побочным социальным последствиям. В числе позитивных следует назвать появление новой социальной группы частных сельхозтоваропроизводителей – фермеров и создание многомиллионного слоя собственников земли путем наделения земельными долями всех, имеющих прямое или косвенное отношение к сельскохозяйственной отрасли.

²¹⁶ Российский ... 2004. – С.425; Российский ... 2012. – С.428.

В то же время, превращение бывших колхозников и рабочих совхозов в современных «сельских хозяев» – совладельцев реформированных сельхозпредприятий, не состоялось или произошло не совсем так, как задумывалось. Большинство из них стали «просто» наемными работниками; произошло упомянутое выше естественное и довольно быстрое отчуждение работников сельхозпредприятий от собственности. Отношения социального партнерства не пришли на смену отношениям, характерным для колхозно-совхозной системы.

Значительное большинство собственников земли не воспользовались новыми возможностями – не только не создали свое фермерское хозяйство, но и не смогли «по-хозяйски» эффективно распорядиться земельными долями. Статусная дифференциация в селе и неравенство сельского населения по уровню благосостояния оказались гораздо выше, чем ожидалось.

В фермерском секторе вместо ожидаемых реформаторами (и опровергаемых экономистами-аграрниками) миллионов семейных хозяйств-производителей продовольствия появилось только 270 тысяч КФХ, среди которых доминируют крупные, а не семейные хозяйства.

Хотя в законах и говорилось о равноправии всех форм собственности, сложившихся в сельском хозяйстве – коллективной, государственной и частной – но предпочтение в начальный период, очевидно, отдавалось частной. Предполагалось, что основой новой аграрной отрасли России станут крестьянско-фермерские хозяйства. Когда стало ясно, что развитие фермерского сектора по объективным причинам тормозится, и после реорганизации колхозов и совхозов процессы реформирования вошли в спокойное русло, отношение государства ко всем сельхозтоваропроизводителям – как новым, так и обновленным традиционным – выровнялось. В 2000-е гг. приоритеты государства изменились: оно сделало ставку именно на крупные, вертикально организованные структуры, и поддерживает их независимо от того, к какой организационно-правовой форме они относятся – АО, ТОО, КФХ или другой.

Следующие последствия аграрных преобразований 1990-х гг. можно считать социальными издержками модернизации:

– рост безработицы в сельской местности, уход большого числа сельских семей в неформальную занятость;

– общее снижение уровня жизни, рост сельской бедности и неравенства.

Модернизация аграрного сектора являлась одной из главных целей аграрных реформ. Создание современной эффективной сельскохозяйственной отрасли неизбежно вело к высвобождению большого числа занятых в ней. Сокращение сельскохозяйственной занятости должно было бы сопровождаться диверсификацией сельской экономики, развитием в селах местной промышленности и сферы услуг, способных аккумулировать труд высвобожденных из аграрной отрасли. Но эта крайне трудная задача не могла быть успешно решена в условиях системных реформ 1990-х гг. В результате произошло снижение уровня жизни, возросли безработица и бедность.

Кризис традиционных отраслей промышленности в 1990-е гг. затронул и сельскую местность, в которой многие крупные предприятия открывали свои филиалы, мастерские и проч. Большинство из них было закрыто, промышленность ушла из села. Это также способствовало росту сельской безработицы и бедности, увеличению разрыва в уровне жизни между городом и селом.

Сельское население нашло для себя наиболее простой и естественный в условиях сельской местности способ выживания – приусадебное производство в рамках личных подсобных хозяйств (ЛПХ) ради обеспечения личного потребления и получения денежных доходов от продажи произведенной продукции. В первой половине 1990-х гг. наблюдается резкий рост приусадебных хозяйств, на которые правительство страны возлагало надежды как на зарождающийся частный сектор сельскохозяйственного производства, способный в соединении с фермерским стать основой нового сельского хозяйства страны. Однако, в силу ряда причин, очевидных для исследователей, но не взятых в расчет реформаторами, массового превращения ЛПХ в мелкотоварные хозяйства, перерастания ЛПХ в КФХ не произошло.²¹⁷ Для большинства сельских семей ЛПХ стало источником

²¹⁷ См., например: **Калугина З.И.** Личное подсобное хозяйство в СССР: Социальные регуляторы и результаты развития. - Новосибирск: Наука, 1991. – 238 с.; **Калугина З.И.** Реформирование аграрного сектора: итоги и

выживания, амортизировало неблагоприятные социальные последствия рыночных реформ. Именно выживание, а не осознанное желание самостоятельного хозяйствования в условиях развивающегося рынка, было основным побудительным мотивом деятельности сельского населения в сфере ЛПХ в первой половине 1990-х гг. Резкий скачок приусадебного сельскохозяйственного производства в те годы отражает вовсе не возрождение крестьянского начала в сельских жителях, а фактический рост безработицы и снижение уровня жизни. На долгое время ЛПХ стало наиболее доступным, характерным для села, источником дохода, как денежного, так и натурального, позволяющим отчасти компенсировать социальные издержки рыночных преобразований.

К середине 2000-х гг., относятся наиболее значимые результаты реформирования аграрного сектора, начатого в предыдущее десятилетие. Появляется потребность в новых законах и проектах, направленных на дальнейшее развитие российского села, которые не замедлили появиться. Они не были революционными, как в 1990-е; их отличала направленность на решение конкретных проблем села – экономических и социальных.

В 2006 г. Правительством РФ принимается национальный проект «Развитие АПК», который не ставит цель возрождения всего села, а концентрируется на трех конкретных направлениях – ускорении развития животноводства, стимулировании развития малых форм хозяйствования и обеспечении жильем молодых специалистов. Финансовым стержнем нацпроекта стала схема кредитования через частные банки с субсидированием процентной ставки из бюджета, уже известная и действовавшая с начала 2000-х гг. Заслуга нацпроекта состояла во включении в схему кредитования личных подсобных хозяйств и кооперативов и отладке технической стороны кредитования, благодаря которой увеличился объем льготного кредитования и возросла возвратность кредитов.²¹⁸ Необходимо отметить, что в рамках нацпроекта были поставлены не только экономические, но и социальные задачи, чего не наблюдалось в законах об аграрной сфере, принимаемых в 1990-е

проблемы (взгляд социолога) // Регион. – 1995. – №3. – С.66-84; Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. – М.: Наука, 2000. – 255 с.

²¹⁸ Барсукова С.Ю. Вехи аграрной политики России в 2000-е годы // Мир России. – 2013. – №1. – С.3-28.

гг., не уделявших социальным проблемам достаточного внимания. Речь идет о решении жилищной проблемы и о поддержке ЛПХ, стимулирующей мелкотоварное сельскохозяйственное производство сельских семей.

Поддержка ЛПХ в нацпроекте вызвала споры: весьма аргументированной представляется точка зрения, согласно которой она консервирует непродуктивную деятельность населения и не способствует развитию несельскохозяйственной занятости в сельской местности.²¹⁹ Согласно другой устойчивой точке зрения, приусадебное производство играет важную роль в выживании населения в отдаленных периферийных селах, социально слабых групп и т.д., поэтому его государственная поддержка необходима.²²⁰ В любом случае бесспорно, что высокая роль приусадебного производства в жизнедеятельности сельских семей в той или иной форме (с потребительскими, товарными или реципрокными целями) останется в течение длительного периода времени независимо от темпов развития экономики страны.²²¹ Несмотря на заявленную в нацпроекте поддержку, реальный охват ЛПХ был незначительным.

Национальный проект «Развитие АПК» действовал в годы общего экономического подъема (2006-2007 гг.), и его в целом успешная реализация способствовала поступательному развитию сельского хозяйства (особенно животноводства, на поддержку которого нацпроект и был направлен) и получению практически бесплатного жилья тысячам семей молодых специалистов в сельской местности.

По окончании действия национального проекта «Развитие АПК» была принята Государственная программа развития сельского хозяйства на 2008-2012 гг. (постановление Правительства РФ от 14.07.2007 № 446), фактически ставшая его продолжением. Кроме нацеленности на решение экономических проблем сельского хозяйства, программа с 2008 г. включила в себя Федеральную целевую про-

²¹⁹ Серова Е.В., Шик О.В. Национальный проект «Развитие АПК»: состояние и перспективы // Национальные проекты. – 2007. – №1.

²²⁰ Оберемко О.А. Что поддерживает ПНП «Развитие АПК», поддерживая ЛПХ? // Мир России. – 2008. – №2. – С.92-107.

²²¹ Рощина Я.М., Сухова А.С. Факторы частного сельскохозяйственного производства российских домохозяйств // Экономическая социология. – 2010. – №2. – С.21-54.

грамму «Социальное развитие села до 2013 г.», принятую в 2002 г. (постановление Правительства РФ от 03.12.2002 № 244).

В начале 2010 г. Указом Президента России была принята Доктрина продовольственной безопасности РФ.²²² В ней понятие «продовольственная безопасность» впервые перестало трактоваться как «независимость от импорта»: речь шла о пороговых значениях самообеспечения по видам продукции. Помимо задания конкретных показателей импортозамещения, понятие «продовольственная безопасность» объединило показатели качества и доступности (ценовой и территориальной) продовольствия населению. В целом эксперты оценивают Доктрину как декларативный документ, не ставший действенным элементом аграрной политики. Ее заслуга состояла в том, что она «осовременила» понятие «продовольственная безопасность» и придала аграрным проблемам статус национальных, а не отраслевых.²²³

В конце 2012 г. была утверждена Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года».²²⁴ Программа явилась продолжением и обобщением Доктрины продовольственной безопасности РФ и государственной Программы социального развития села до 2013 года. Ее отличает системность: акцент ставится не столько на решении отраслевых проблем сельского хозяйства, сколько на комплексном решении экономических, социальных и экологических проблем села, которое обеспечивает его устойчивое развитие.

Применительно к сельской территории устойчивое развитие подразумевает:

- выполнение селом его народнохозяйственных функций;
- расширенное воспроизводство населения, рост уровня и улучшение его качества жизни;
- поддержание экологического равновесия в биосфере.

²²² Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности России» от 01.02.2010: URL: http://state.kremlin.ru/security_council/6752, а также <http://www.mcx.ru/documents/document/show/12214.19.htm> (Дата обращения – 01.08.2015).

²²³ Барсукова С.Ю. Вехи ... 2013.

²²⁴ Распоряжение Правительства РФ от 08.11.2012 № 2071-р: URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70319016> (Дата обращения – 01.08.2015).

Необходимо отметить, что в числе народнохозяйственных функций, кроме ожидаемого производства продовольствия и сельскохозяйственного сырья, упоминаются и другие, не связанные непосредственно с сельскохозяйственной отраслью – производство несельскохозяйственных товаров и услуг, предоставление рекреационных услуг, сохранение сельского образа жизни и сельской культуры, социальный контроль над территорией, сохранение исторически освоенных ландшафтов. В качестве условий достижения устойчивого развития сельских территорий указывается не только макроэкономическая стабильность и экономический рост в сельском хозяйстве, но и развитие несельскохозяйственной занятости в сельской местности, уравнивание возможностей сельского населения с городским в получении доходов и общественных благ, формирование в сельской местности институтов гражданского общества и т.д. В числе основных мероприятий стратегии устойчивого развития сельских территорий, кроме государственного регулирования АПК и формирования эффективных, рыночно ориентированных сельскохозяйственных организаций, названы стимулирование диверсификации сельской экономики, способствующее росту занятости и повышению доходов сельских жителей, развитие предпринимательства в несельскохозяйственной сфере. Все это свидетельствует о понимании того, что современное село меняется под влиянием социально-экономического роста и прогресса общества в целом, и решение его проблем требует комплексного, системного подхода, при котором развитие аграрного сектора и достижение продовольственной безопасности является лишь одной из многих задач, стоящих перед современным селом.

Село рассматривается не в узкоотраслевом смысле – как поставщик продовольствия – но как единый социально-экономический, территориальный, природный и культурный комплекс, выполняющий не только производственные (хотя они и поставлены первыми), но и социально-демографические, культурные, природоохранные и рекреационные функции.

В концепции устойчивого развития сельских территорий также перечисляются меры по снижению сельской безработицы и закреплению квалифицированных кадров на селе, по совершенствованию системы расселения сельских жителей

и т.д. Тенденции в системе расселения напрямую связаны с тенденциями демографического развития села и сельско-городской миграцией. Концепция предлагает следующие меры по развитию системы сельского расселения: выделение опорных поселений, выполняющих функции центров обслуживания группы населенных пунктов, обеспечение взаимосвязи сельских поселений между собой и с городами, особенно райцентрами, преодоление изолированности сельских поселений, поддержка малых городов и т.д.

4.2 Динамика хозяйственно-экономических институтов села под влиянием реформ и ее связь с динамикой уровня жизни сельского населения

Анализ институциональных изменений в сельской местности, связанных с динамикой основных хозяйственных институтов села – сельхозпредприятий и крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ) – можно провести с использованием одного из наиболее достоверных показателей – размера землепользования. Данный анализ будет проведен на первичном уровне сельской местности – уровне сельского административного района. Показатели размеров землепользования и аренды за 15-летний период (с 1995 по 2010 гг.) позволят оценить направления и результаты социально-экономической трансформации села.

Динамика размера землепользования является наиболее объективным показателем степени успешности деятельности сельхозпроизводителя за длительный период времени – более объективным, чем динамика объема производства и тем более его стоимостная оценка. В отличие от них, землепользование невозможно скрыть или провести ошибочную оценку его размера из-за некорректной методики. В этой связи анализ динамики земельного оборота между разными категориями землепользователей позволит получить объективную картину социально-экономической трансформации российского села в 2000-е гг. по сравнению с 1990-ми. Эмпирической основой анализа будет полный свод статистических данных по показателям землеустройства по всем землепользователям 3-х районов Саратовской области, выбранных *случайным образом* в качестве кластеров (гнезд)

гнездовой выборки. В составе статистических данных по землеустройству, называемых земельной экспликацией, фиксируются все изменения в размерах их землепользования за истекший год, включая изменения собственной и арендованной площади с указанием источника аренды.

Прогнозы перспективного развития сельскохозяйственных предприятий по итогам первых лет аграрной реформы делались как российскими, так и зарубежными исследователями.²²⁵ В частности, применительно к землеустройству отмечалось, что реорганизованное сельскохозяйственное предприятие «должно быть существенно меньше по размеру, чем существующие коллективные хозяйства» и оно «не должно иметь долгосрочного права на землю».²²⁶ Развитие сельскохозяйственных предприятий в 2000-е гг. действительно шло по пути уменьшения размера землепользования, происходящего по причинам отвода земельных долей другим арендаторам и собственникам, реже – дробления предприятий и их банкротства. При этом активное движение земельных долей оказалось возможным именно благодаря ограничению земельных прав сельхозпредприятий.

Большая часть происходящих изменений в землепользовании определялась движением земельных долей, сдаваемых в аренду, от одного арендатора к другому. Меньшая часть – перераспределением земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности. И наконец, с конца 2000-х гг. некоторая, постоянно растущая, часть изменений определяется куплей-продажей земельных долей. Базовые материалы земельной экспликации по сельским районам, в отличие от обычно используемых в подобных исследованиях агрегированных данных или данных, полученных на основе простой случайной выборки, позволяют провести более детальный анализ. Три района Саратовской области, выбранные в качестве «гнезд», относятся к разным природно-климатическим зонам и существенно различаются по социально-экономическим условиям – Краснокутский с разви-

²²⁵ Социально-экономический анализ результатов реорганизации сельскохозяйственных предприятий / Под науч. ред. **В.Я. Узуна**. – М.: Энциклопедия российских деревень, 1999. – 187 с.; **Постерман Р.Л., Рольфес Л., Дункан Дж.** Видение реформы сельскохозяйственных земель в России / Институт сельского развития, ноябрь 1999. – 16 с.

²²⁶ **Постерман Р.Л.** и др. Видение ... 1999. – С. 15.

тым сельским хозяйством в степном Заволжье, Аткарский, расположенный недалеко от областного центра, и отдаленный Турковский.

В экспликации земли ведется учет 6 типов сельскохозяйственных предприятий, которые при анализе землепользования можно рассматривать совместно, назвав для определенности «сельскохозяйственными предприятиями» или «крупхозами». При этом для большей корректности в число «крупхозов» будут включены только те, размер которых превышал 1000 га. Учет более мелких сельскохозяйственных предприятий значительно увеличивает вариацию земельных площадей и приводит к искажению средних размеров хозяйств; их же влияние на общую динамику земельных площадей незначительно: во всех рассматриваемых районах они занимают менее 10% площади всех зарегистрированных сельхозпредприятий.

На начало 1995 г. в Турковском районе действовало 16 крупных сельхозпредприятий размером от 3,2 до 12,7 тыс. га; в среднем – 6,6 тыс. га. К 1998 г. ни одно из 16 выделенных сельхозпредприятий Турковского района не прекратило существование; также не появились новые хозяйства с площадью свыше 1000 га. В то же время их общий размер уменьшился на 7,5%: из 16 хозяйств 11 уменьшились в размерах, средний размер хозяйства сократился до 6,16 тыс. га. В целом доля крупных сельхозпредприятий в общей площади землепользования Турковского района снизилась с 75,1 до 69,4%.

В 2005 г. число крупных сельхозпредприятий не изменилось. Но при этом появилось еще 5 новых, сравнительно небольших, хозяйств размером от 500 до 1000 га; в 1998 г. таких небольших хозяйств было только одно. Очевидно, в истекший период происходило *дробление крупных хозяйств*: практически у всех сократился размер землепользования, а средняя площадь хозяйства уменьшилась почти в полтора раза – до 4,69 тыс. га. Общее же землепользование сельхозпредприятий по сравнению с 1995 г. уменьшилось приблизительно на 25%, а их доля в общей площади землепользования в районе составила 53%.

К 2008 г. число крупных сельхозпредприятий возросло до 18, но при этом их общая площадь несколько уменьшилась – с 75 до 74,5 тыс. га; очевидно, уменьшился и средний размер хозяйства – до 4,14 тыс. га.

Аналогичные процессы можно наблюдать и в других районах (табл. 4.1).

Таблица 4.1. Динамика землепользования сельхозпредприятий трех районов (на 01.01)

показатели	Турковский			Аткарский		Краснокутский	
	1995	2005	2008	2002	2007	2003	2007
Кол-во с/х предприятий площадью св. 1000 га	16	16	18	34	36	32	33
Площадь землепользования, га	101580	75038	74535	152625	146397	154292	143449
Доля в общей площади землепользования всех с/х предприятий, %	98,3	94,3	94,9	93,8	93,6	97,7	96,2
Доля в общей площади землепользования района, %	72,2	53,3	52,9	60,6	54,6	52,7	49,0
Средний размер с/х предприятия, га	6599	4690	4141	4489	4067	4822	4347
Кол-во с/х предприятий площадью 500-1000 га	-	5	4	8	8	3	5
Площадь землепользования, га	-	3551	3008	6075	6463	2201	3322

Естественно, наиболее заметной динамика становится на достаточно длительном временном промежутке (ср.: 1995 и 2005 гг. по Турковскому району).

Дробление крупных хозяйств является естественным процессом оптимизации их размера в условиях рыночных отношений. В частности, по Турковскому району после 1998 г. наиболее значимыми изменениями были следующие. Три колхоза («Рассвет», «Родина», им. Ленина) разделились на 5 новых сельхозпредприятий (одно из которых в 2008 г. само распалось на два) и 3 фермерских хозяйства (в том числе одно – с площадью св. 4000 га). Из СХА «Каменка» в разные годы выделилось 5 фермерских хозяйств площадью от 11 до 1300 га; сама артель при этом не перестала существовать, хотя ее площадь в результате уменьшилась почти в 3 раза – с 5,4 до 1,9 тыс. га.

От половины (в Краснокутском районе) до 80% (в Турковском) используемой сельхозпредприятиями земли составляют земельные доли граждан; осталь-

ные 20-50% – земля, находящаяся в собственности муниципалитета. Установившееся соотношение с течением времени постепенно меняется: в Турковском районе в пользу земельных долей, в Аткарском и Краснокутском – в пользу муниципальной земли (табл. 4.2). Это означает, что в 2-х из 3-х рассматриваемых районов наблюдается тенденция постепенного ухода собственников земельных долей из сельхозпредприятий.

Интересны условия, на которых сельхозпредприятия получают земельные доли. Естественно, в большинстве случаев это аренда; однако, наблюдается выраженная тенденция к росту количества земли с неясным юридическим статусом, которую сельхозпредприятия используют без оплаты аренды. В основном это так называемые «не востребованные доли»²²⁷, процент которых в Турковском районе за 2005-2008 гг. возрос в 2,5 раза, в Аткарском за 2002-2007 – в 1,3 раза, достигнув 27-30% (табл. 4.2; по Краснокутскому району нет данных). Фактически каждую третью-четвертую земельную долю сельхозпредприятие получает в пользование, не арендуя, и использует ее на свой риск.²²⁸

Таблица 4.2. Распределение земли, используемой крупными сельскохозяйственными предприятиями, по категориям собственников, %

Структура землепользования	Турковский		Аткарский		Краснокутский	
	2005	2008	2002	2007	2003	2007
Земля собственников земельных долей	80,7	81,2	50,3	48,8	72,4	72,1
в т.ч.						
арендуемая	89,8	73,8	77,7	71,1	-	-
не востребованная или переданная на праве пользования	10,2	26,2	22,3	29,9	-	-
Муниципальная земля	19,3	18,8	49,7	51,2	27,7	27,9

²²⁷ Пашута А.О., Солодовникова М.П. К вопросу о не востребованных земельных долях // Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации (Никоновские чтения - 2015). – М.: ВИАПИ имени А.А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень», 2015. – С. 38-40.

²²⁸ Кресникова Н.И. Механизм рыночного перераспределения земель сельхозназначения // АПК: экономика, управление. – 2008. – № 5. – С. 11-13; Шагайда Н.И. Новые подходы к аренде участка в общей долевой собственности // Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса: Никоновские чтения-2008. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2008. – С. 310-312.

Наличие достаточно подробной статистики по Турковскому району, позволяющей не только проследить изменения размера землепользования, но и оценить их механизм на основе динамики земельных долей (табл. 4.3).

Таблица 4.3. Изменения в динамике земельных долей у крупных сельскохозяйственных предприятий Турковского района

Сельскохозяйственное предприятие	Площадь в 2005 г., га	Изменения в динамике, га		Баланс	Площадь в 2008 г., га
		арендуемых долей	невостребованных долей		
СХА "Студенка"	3007	+ 750	0	+ 750	3757
СХА "Борьба за мир"	4113,5	- 717	+ 950	+ 233	4346,5
СХА "Карай"	6588	- 2265	+ 2350	+ 85	6673
СХА "Рязанка" **)	4218	- 1007,5	+ 1070	+ 62,5	4280,5
СХА "Хопер"	6142	- 97	+ 113	+ 16	6158
СХА "Искра"	1844	- 211	+ 211	0	1844
СХА "Октябрь"	3107,5	- 34	0	- 34	3073,5
СХА "Чернавка" **)	7026,5	- 1490	+ 1450	- 40	6466,5*)
СХА "Маяк"	4450	- 100	0	- 100	4350
СХА "Каменка"	2004	- 281	+ 130	- 151	1864*)
СХА "Прихоперская"	3293	- 443	+ 187	- 256	3037
ПК "Перевесинский"	12613,5	- 3812	+ 3252	- 560	12053,5
Остальные 4 хозяйства	16631	0	0	0	16631
Всего	75038	- 9707,5	+ 9713	+ 5,5	74534,5*)

*) Для двух сельхозпредприятий, приведенных в таблице, нарушение баланса земельной площади объясняется ростом или сокращением использования муниципальной земли из запаса: СХА "Каменка" получила в пользование 11 га земли от муниципалитета; СХА "Чернавка" перестала арендовать 520 га земли у муниципалитета.

**) после 2005 г. СХА "Чернавка" и СХА "Рязанка" распались каждое на 2 хозяйства. Для сопоставимости с данными 2005 г. площади соответствующих новых хозяйств в 2008 г. рассматриваются в сумме.

Можно видеть, что за 3 года изменения в условиях использования земельных долей произошли у 12 крупных сельскохозяйственных предприятий из 16. В том числе у 9 возросла площадь невостребованных долей при одновременном снижении площади аренды; переход арендуемых земельных долей в категорию «невостребованных» был довольно активным – не менее 20% за 3 года по 9-и хозяйствам (9,7 из 47,8 тыс. га).

Если в хозяйстве уменьшение площади аренды земельных долей полностью (с избытком) компенсируется увеличением площади невостребованных долей (см. строки таблицы 4.3 с положительным балансом), то это означает, что, кроме пе-

рехода части земельных долей в категорию невостребованных, хозяйство получило в аренду еще некоторое количество долей, общая площадь которых соответствует значению в столбце «Баланс». И наоборот, если рост площади невостребованных долей не компенсирует сокращения арендуемых площадей, то речь идет об отводе из аренды части долей (см. строки таблицы 4.3 с отрицательным балансом). Отсюда следует, что 5 хозяйств из 12 увеличили свое землепользование за счет дополнительной аренды долей (всего на 1146,5 га), 6 – уменьшили за счет ухода части арендодателей (на 1141 га).

Несмотря на то, что в основе как увеличения, так и уменьшения землепользования лежит аренда, механизмы привлечения и потери земельных долей крупными сельхозпредприятиями различаются. Так, 5 крупных сельхозпредприятий, чье землепользование возросло, стали арендовать дополнительные земельные доли у восьми фермерских хозяйств, шесть из которых прекратили свою деятельность, а два, хотя и продолжают ее, но в урезанном виде – только на собственной земле, полностью отказавшись от аренды. Только одно из этих фермерских хозяйств было достаточно крупным (662,5 га); размеры еще 4-х были в пределах от 100 до 200 га, и размеры 3-х остальных не превышали 90 га.

Таким образом, владельцы земельных долей оказались вынуждены забирать землю от фактически обанкротившихся фермеров, и других вариантов новой аренды, кроме как местному сельхозпредприятию, у них, по-видимому, не было. Из описанных 8 случаев передачи аренды от фермерских хозяйств сельхозпредприятиям, возможно, не было ни одного, когда бы речь шла о сознательном выборе нового арендатора взамен старого. Во всех рассмотренных случаях крупное сельхозпредприятие как бы абсорбирует земельные доли, оставшиеся без аренды.

Из 3-х сельхозпредприятий, сокративших свое землепользование, выделились земельные доли, на которых образовались 9 новых фермерских хозяйств; все сравнительно небольшого размера: 7 – от 34 до 60 га и 2 – 220 и 240 га. Еще 3 сельхозпредприятия «просто» лишились части земельных долей, владельцы которых передали их в аренду 4-м фермерским хозяйствам, причем, размеры 3-х из

них сопоставимы с размерами некоторых сельхозпредприятий – 737, 1024 и 1026 га (площадь 4-го – 380 га).

Таким образом, сокращение землепользования сельхозпредприятий определяется двумя основными факторами: отводом из хозяйства части земельных долей для образования на них новых фермерских хозяйств и – чаще – передачей части земельных долей другим арендаторам – как правило, крупным фермерским хозяйствам. Последние оказываются более конкурентоспособными по сравнению со «старыми» сельхозпредприятиями.

Можно предположить, что ситуация, когда часть крупных сельхозпредприятий остается привлекательной для потенциальных арендодателей в лице собственников земельных долей, характерна для любого сельскохозяйственного региона. Однако *положительная* динамика в общей площади арендуемых долей крупными сельхозпредприятиями, отмеченная в Турковском районе (даже чисто символическая – 5,5 га, соответствующих одной земельной доле), встречается значительно реже. Так, в Аткарском районе площадь земельных долей, арендуемых крупными сельхозпредприятиями, за 2002-2007 гг. сократилась на 5328 га, в Краснокутском за 2003-2007 гг. – на 8396 га.

Кроме передачи в аренду и организации собственного фермерского хозяйства, для собственников земельных долей в середине 2000-х гг. появилась возможность продажи. О масштабах купли-продажи земельных участков сельскохозяйственного назначения можно судить по следующим данным по Базарно-Карабулакскому району, находящемуся недалеко от Аткарского. В течение первой половины 2008 г. сделки были зафиксированы в 4-х муниципальных округах района из 22. Всего было продано 185 земельных долей из 2582, находящихся в собственности граждан этих муниципальных округов (то есть 7,2%), или 1562 га из 28402 га (5,5%). (Объектом сделки, как правило, являлась не вся земельная доля, а только ее часть, состоящая из пашни, размером от 6 до 9 га; пастбища и сенокосы не покупались. Поэтому процент купленной площади оказывается ниже, чем процент купленных долей). Таким образом, в течение полугода 5,5% земель сменило собственника в результате сделок купли-продажи.

Стоимость продаваемой части земельной доли составляла 35-50 тыс. в зависимости от ее размера. Это приблизительно в 10 раз превышало стоимостную оценку годовой арендной платы за земельную долю, равную 3-5 тыс. руб. и выплачиваемую продукцией предприятия и услугами, связанными с организацией приусадебного сельхозпроизводства. Однако, несмотря на невысокую арендную плату, наличие земельной доли дает определенные гарантии и преимущества тому ее владельцу, который работает на предприятии-арендаторе. Поэтому среди лиц, занятых в сельскохозяйственном производстве, продавцы земельных участков практически не встречаются. Но после увольнения или выхода на пенсию владелец земельной доли постепенно теряет преимущества и остается на «чистой» небольшой арендной плате, которая, являясь к тому же натуроплатой, может оказаться ненужной из-за возможного сокращения подсобного хозяйства. Этим объясняется то, что большинство продавцов земельных участков были пенсионерами.

Учитывая складывающиеся социально-демографические тенденции на селе – увеличение процента пенсионеров в социально-демографической структуре сельского населения и рост числа пенсионеров среди владельцев земельных долей, постепенный уход работающего населения из аграрного в другие сектора экономики и сокращение числа занятых в сельском хозяйстве – можно прогнозировать всплеск количества желающих продать свои земельные участки и постепенный рост количества сделок по их купле-продаже, который будет сдерживаться только ограниченностью спроса.

Примечательно, что среди покупателей земельных участков не было ни одного местного фермера, ведущего сравнительно небольшое семейное хозяйство и почти не было местных сельскохозяйственных производителей из числа крупных фермерских хозяйств или сельхозпредприятий. Очевидно отсутствие объективных причин, способствующих покупке земли местными фермерскими хозяйствами в условиях и без того избыточного предложения земли на условиях очень необременительной для фермеров аренды.

Практически все покупатели земельных участков были представителями многопрофильных фирм из Саратова и Москвы, которые, видимо, хотели расши-

рять свою деятельность за счет организации или увеличения собственного производства сельскохозяйственной продукции. Однако, создание сверхкрупных структур в сельском хозяйстве, в прямом управлении которых находятся десятки тысяч гектаров земли и обезземеливание непосредственных товаропроизводителей несет в себе серьезные негативные последствия. Анализ положения дел в сельском хозяйстве регионов, в которых ставка была сделана на формирование крупных интегрированных структур (Белгородская, Орловская области), показал, что «наиболее эффективными оказываются небольшие агрофирмы, неинтегрированные независимые предприятия, и лишь затем – агрохолдинги».²²⁹ Таким образом, пассивность фермеров на земельном рынке, их незаинтересованность в увеличении масштабов своей собственности на землю не способствует росту эффективности сельскохозяйственного производства.

Для значительного большинства сельских жителей появление земельного участка в формальной собственности и заключение договора привело лишь к появлению дополнительной бесплатной сельскохозяйственной продукции на сравнительно небольшую сумму, то есть прошло почти незаметно. Первые заметные результаты земельных преобразований стали чувствоваться тогда, когда фермерский сектор «встал на ноги» и начал развиваться по собственной логике, привлекая все больше земельных долей и постепенно переориентируя на себя земельную собственность граждан – приблизительно с конца 1990-х гг.

Фермерский сектор с начала 1990-х гг. становится заметным фактором социально-экономического развития села. Начальный этап его формирования пришелся на 1990-1994 гг., когда для многих сельских семей уход из коллективного хозяйства и образование на собственных и арендованных земельных долях своего КФХ было естественным делом.

Социологические исследования тех лет, проводимые при участии автора, дают материал по социально-демографическим, образовательным характери-

²²⁹ **Петриков А.В.** Тенденции развития интегрированных агропромышленных формирований // АПК: экономика, управление. – 2005. – №1. – С.30. См. также: **Узун В.Я.** Агрохолдинги России: идентификация, классификация, роль, концентрация землепользования // Земельная аккумуляция в начале XXI века: глобальные инвесторы и локальные сообщества. – М.: Издат дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – С.126-143; **Козлов В.** Будущее за фермерством или за агрохолдингами? // Земельная аккумуляция в начале XXI века: глобальные инвесторы и локальные сообщества. – М.: Издат дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – С.169-179.

кам фермеров. В частности, в 1994 г. под эгидой Всемирного банка на базе саратовского Института аграрных проблем РАН (на тот момент – Института социально-экономических проблем АПК РАН) и научных учреждений других регионов было проведено масштабное выборочное обследование 1030 крестьянско-фермерских хозяйств Саратовской (273 КФХ), Орловской (177), Новосибирской (250), Псковской (130), Ростовской (200) областей.

Столь внушительная по объему и распределенная по территории выборка позволяет говорить о ее достаточно высокой репрезентативности с ошибкой выборки не более 2,5%.²³⁰ Сравнение распределения фермерских хозяйств, включенных в выборочную совокупность, по образовательным и возрастным характеристикам владельцев и членов их семей с аналогичным распределением сельского населения в целом (рис. 4.1) позволяет сделать вывод о том, что фермерский сектор как бы «оттянул» на себя наиболее образованную часть сельского социума, находящуюся в активном трудоспособном возрасте. Иными словами, те сельские жители, которые больше других были способны к проявлению экономической инициативы, не только легче адаптировались к новым рыночным условиям жизни, но и смогли в полной мере использовать новые возможности, предоставленные аграрной и земельной реформами.

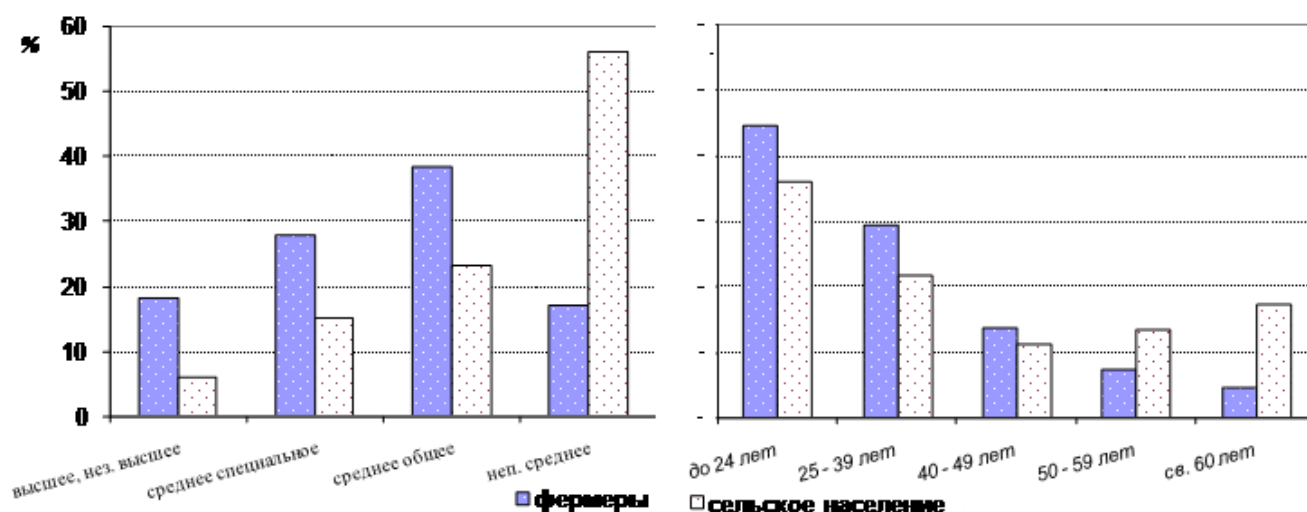

Рис. 4.1. Распределение фермеров и членов их семей и сельского населения в целом по уровню образования (слева) и по возрастным группам (справа), %

²³⁰ Кокрен У. Методы ... 1976. – С. 33-63, 86-92; Толстова Ю.Н. Математико-статистические ... 2007. – С. 82-95.

Анализ показал также ожидаемую сильную взаимосвязь между уровнем образования и социальным статусом респондентов: среди имеющих высшее образование преобладали руководители (35,9% от числа всех респондентов с соответствующим образованием), специалисты (23,4%), среди имеющих среднее специальное образование – специалисты (30,9%), квалифицированные рабочие (36,4%), с образованием ниже среднего – квалифицированные рабочие (58,8%), разнорабочие (21,1%).

С середины 1990-х гг. фермерские хозяйства, как правило, организуются на землях, составляющих земельные доли самих фермеров и членов их семей, на арендованных у граждан земельных долях и на землях, принадлежащих муниципальному фонду перераспределения, который формировался на основе Постановления Правительства РФ «О реорганизации колхозов и совхозов и приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий» с конца 1992-го г. Земли фонда перераспределения активно предоставлялись фермерам в начале аграрной реформы, когда еще не были отрегулированы все необходимые юридические нормы, касающиеся прав собственности. Согласно данным того же обследования, по итогам 1993 г. ровно половина земли, на которой осуществляли свою деятельность фермерские хозяйства, была муниципальной. Ее арендовали за плату, равную величине земельного налога, который до 2002 г. был очень небольшим, или получали в пользование. Почти половины земли (47,8%) была получена фермерами от сельхозпредприятий; почти вся – в собственность. Впоследствии, с юридическим оформлением и практической реализацией института земельных долей, для расширения фермерской деятельности чаще стала использоваться аренда земли у частных лиц.

С 2002 г. земельный налог сильно повысился, однако по-прежнему остался значительно ниже, чем сложившийся размер платы за аренду земельных долей у частных лиц. Тем не менее, фермеры отдадут предпочтение именно аренде долей из-за более высокого и разнообразного предложения, лучшего качества предлага-

емой земли, более выгодной форме оплаты аренды (продукцией и услугами, а не наличными деньгами).²³¹

В продолжение исследований фермерского сектора Институтом аграрных проблем РАН при участии автора был проведен опрос крестьянских (фермерских) хозяйств и владельцев земельных долей по итогам 1999 г. Выборка была двухступенчатой и охватывала 193 случайно отобранных крестьянско-фермерских хозяйств из 4-х районов Саратовской области – Аткарского (11 КФХ), Краснокутского (63), Лысогорского (21), Энгельсского (98). Всего было обследовано около 10% КФХ Аткарского района и по 20-25% КФХ остальных районов. В выборочную совокупность попали многие КФХ, которые были включены в выборку 1993-го г. Кроме того, было опрошено 186 владельцев земельных долей; целью опроса было получение информации, характеризующей условия передачи долей в аренду фермерам и позволяющей оценить влияние земельных преобразований на уровень материального благосостояния сельской семьи.

Обследование показало, что основным механизмом, позволяющим увеличить земельную площадь крестьянских хозяйств, стала аренда. На рисунке 4.2 можно видеть, что землепользование наиболее крупных КФХ прирастает именно за счет аренды долей; чем крупнее КФХ, тем выше у него доля арендованной земли.²³²

²³¹ Сазонова Д.Д. Ретроспективный экономический анализ деятельности фермерских хозяйств: результаты обследования в Тамбовской области. – М.: МОНФ, Независимый экономический аналитический центр по проблемам деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств, 2007. – С.11-26; Сазонов С.Н., Сазонова Д.Д. Динамика землепользования и оснащения техникой фермерских хозяйств // Достижения науки и техники АПК. – 2004. – №7. – С.38-40.

²³² Кузник Н.П., Шабанов В.Л. Особенности землепользования в крестьянских (фермерских) хозяйствах // АПК: экономика, управление. – 2002. – №12. – С.68-74.

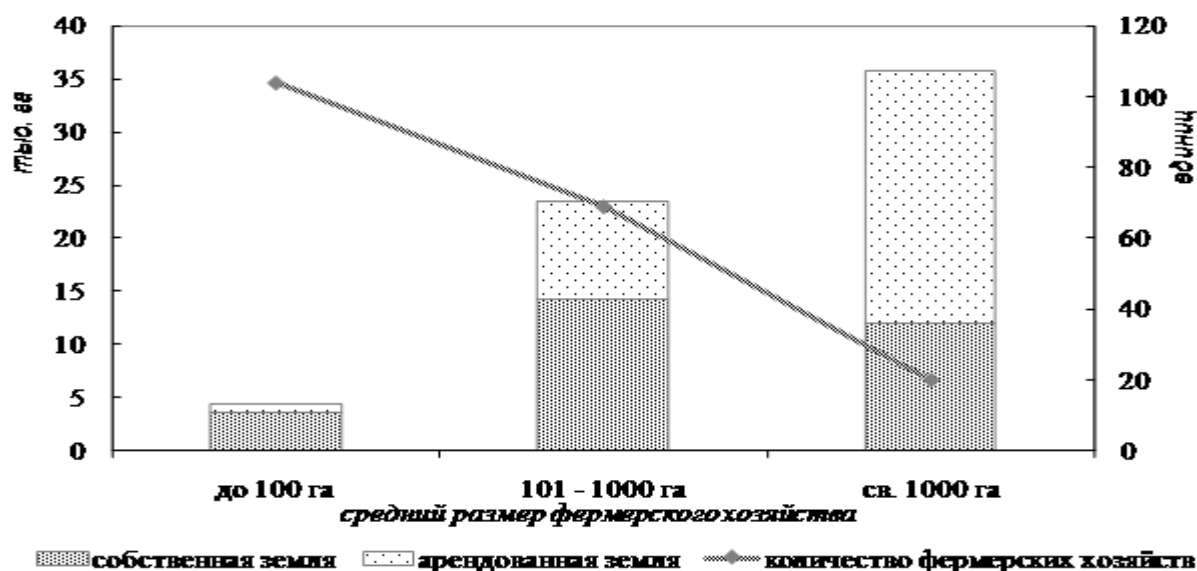

Рис. 4.2. Соотношение собственной и арендуемой площади в структуре земельных площадей фермерских хозяйств Саратовской области (по материалам обследования 1999 г.)

При этом с течением времени масштабы аренды возрастают. Так, если в годы своего образования 41% опрошенных фермерских хозяйств арендовали в среднем 43% земли, то в 1999 г. арендаторами были уже 49% фермеров, и доля арендованной земли составляла 53% всего фермерского землепользования. В качестве арендодателей стали чаще всего выступать собственники земельных долей: от них было получено около 91% всей арендованной земли. Остальные 9% было арендовано у муниципалитета из фонда перераспределения.

Результаты земельной экспликации по Аткарскому, Краснокутскому и Турковскому районам демонстрируют те же тенденции роста масштаба аренды в последующие – 2000-е – годы.

Как показал анализ, производственная деятельность фермерских хозяйств в 2000-х гг. происходила в основном на собственной земле и на арендованных у граждан земельных долях. Доля муниципальной земли невысока (кроме Аткарского района), хотя в ряде случаев наблюдается тенденция к ее росту (рис. 4.3).

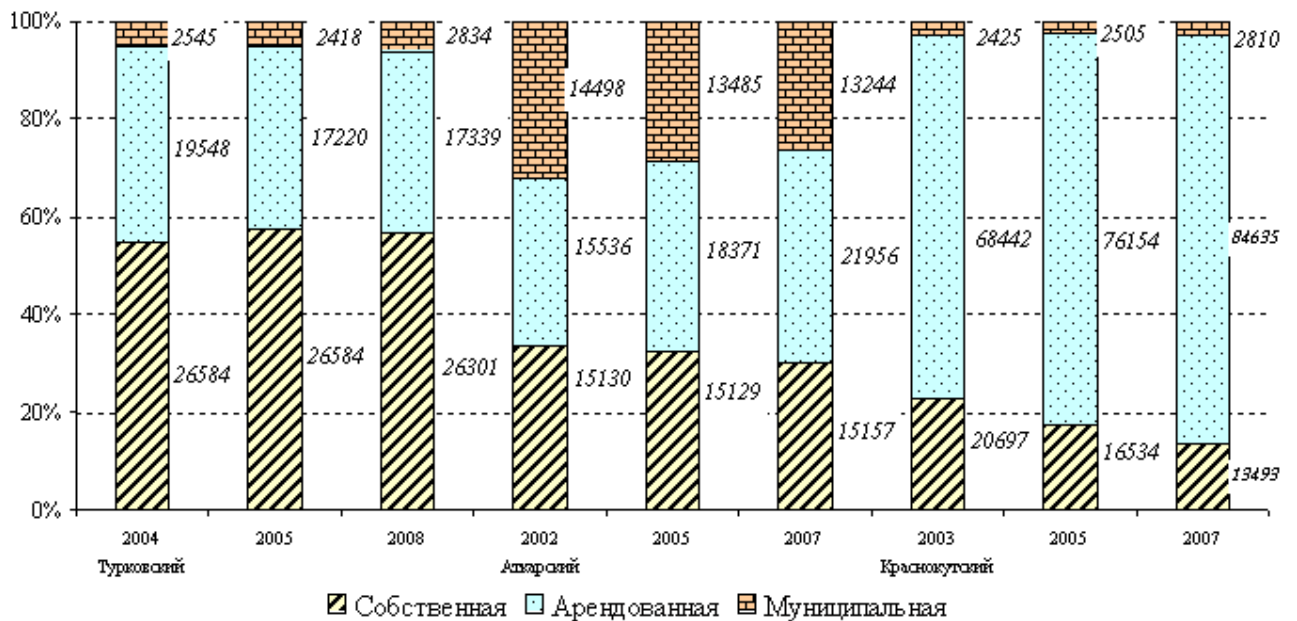

Рис. 4.3. Распределение земли фермерских хозяйств по категориям, га

В Турковском и Аткарском районах размеры земли, являющейся собственностью фермерских хозяйств, почти не меняются по годам; в Краснокутском они сокращаются, что связано с юридическими особенностями переоформления прав собственности в этом районе.

В Краснокутском и Аткарском районах наблюдается рост масштабов аренды земельных долей фермерскими хозяйствами, которая в этих районах является основной причиной общего роста фермерского землепользования. В Турковском районе развитие фермерского землепользования не столь однозначное: в нем в середине 2000-х гг. фермерское землепользование уменьшалось и, прежде всего, за счет сокращения масштабов аренды земельных долей. Общее сокращение за 2004-2008 гг. составило 2,21 тыс. га; одновременно с этим произошел рост землепользования крупных сельскохозяйственных предприятий – на достаточно близкую величину в 2,54 тыс. га. Иными словами, в Турковском районе в середине 2000-х гг. землепользование менялось в пользу сельхозпредприятий; владельцы земельных долей забирали их из фермерских хозяйств и передавали в сельхозпредприятия. Как уже говорилось, это было связано с разорением фермерских хозяйств, арендующих земельные доли, и последующей передачей земельных долей в новую аренду сельхозпредприятиям.

Итак, масштаб сельскохозяйственного землепользования постепенно меняется в пользу фермерского сектора. Как правило, собственники земельных долей стремятся сдать их в аренду именно фермерским хозяйствам – там, где это возможно – так как условия аренды и фактическое выполнение арендных обязательств со стороны фермеров делают КФХ более предпочтительными арендаторами по сравнению с сельскохозяйственными предприятиями. Однако, это возможно далеко не везде: в сельских поселениях, в которых фермерский сектор недостаточно хорошо развит, в отдаленных регионах сельхозпредприятия часто оказываются наиболее надежным или даже единственно возможным арендатором земельных долей граждан.²³³ В целом по РФ за период 1998-2006 гг. слабость фермерского сектора, выразившуюся в отрицательном приросте землепользования, демонстрировали 28 регионов (более трети), в том числе республика Тува (снижение составило 11 раз), Камчатская область (2,1 раза), Псковская (40,6%), Томская (39,2%), Тюменская (37,5%), Читинская (24,1%) области. Анализ показывает, что даже в развитых сельскохозяйственных регионах, в частности, в Саратовской области, не менее чем в четверти сельских округов площадь арендованных сельхозпредприятиями земельных долей граждан увеличивается. Однако в целом сельхозпредприятия проигрывают фермерским хозяйствам конкуренцию за земельные ресурсы: при общем снижении площади сельхозугодий у всех категорий землепользователей за 1998-2006 гг. на 7%, фермерское землепользование выросло на 49%, в том числе в Башкирии в 5,4 раза, Татарстане в 5,2 раза, Воронежской области в 3,5 раза, Дагестане в 3,1 раза, Астраханской области в 3 раза, Саратовской области – на 89% (18 место среди 77 рассматриваемых регионов РФ).²³⁴

За период 2002-2011 гг. посевная площадь в фермерских хозяйствах возросла на 86%. Это выглядит особенно заметно на фоне сокращения посевных площадей в хозяйствах других категорий: сельхозпредприятия сократили посевные площади на 20%, ЛПХ – на 29%. Как результат – доля КФХ в общей посевной

²³³ Шабанов В.Л. Тенденции оборота земель сельскохозяйственного назначения // АПК: экономика, управление. – 2009. – №12. – С.77-83.

²³⁴ Агрпромышленный комплекс России / Минсельхоз РФ – М., 1999-2007.

площади РФ за рассматриваемый период возросла с 10,5% до 21,6%.²³⁵ Все это свидетельствует о постепенном нарастании интенсивности перераспределения земельных участков в пользу фермерского сектора.

Фермерский сектор очень неоднороден, и внутри него наблюдается выраженная тенденция к росту дифференциации, которая характерна для многих активно развивающихся социально-экономических структур, функционирующих в незарегулированной среде. В случае фермерских хозяйств такой средой является рынок, и их дифференциация по размеру землепользования имеет те же тенденции, что и дифференциация предприятий по объему производства и размеру выручки, дифференциация работников по размеру заработной платы и т.д.

Большинство обследованных в 1999 г. фермерских хозяйств (около 54%) были сравнительно небольшого размера (до 100 га); в то же время они осуществляли свою деятельность лишь на 6,7% всей площади, вовлеченной в фермерское землепользование. Доля крупных фермерских хозяйств (свыше 1000 га – фактически "мини-колхозов" или хозяйств, объединивших несколько, иногда десятки, семей) составила 10,4%, а доля контролируемой ими площади – 56,4%. На долю остальных 35,6% хозяйств – средних по размеру (от 100 до 1000 га) – приходилось 37% фермерских земельных угодий (рис. 4.2).

Средними по размеру чаще всего являются семейные КФХ, которые ведут хозяйство на собственных земельных долях, с привлечением небольшого количества долей, принадлежащих родственникам или знакомым. Попадая в сложную ситуацию, они отказываются от аренды и стараются выжить, сокращая производство и натурализуясь, а земельные доли переходят в аренду к более крупным КФХ.

Чтобы выжить в рыночной среде без достаточной государственной поддержки, небольшие семейные КФХ часто объединяются для совместного хозяйствования или присоединяются к наиболее успешному фермеру. При этом документального объединения не происходит по разным причинам, в том числе из-за стремления фермеров остаться формально самостоятельными, не потерять соб-

²³⁵ Российский ... 2003. – С.411; Российский ... 2013. – С.432.

ственный участок земли. Отчетность таких «многосемейных» КФХ ведется каждым участником по-отдельности. За счет этого показатели фермерской дифференциации на официальном уровне оказываются приуменьшенными. В обследовании 1999 г. «многосемейных» КФХ было около 40 (из 193-х). Среднее число семей в КФХ составило 4,0, причем, на момент организации КФХ среднее число семей в них было ниже – 3,8. Также за время существования возросло среднее число работников в КФХ – с 4,8 до 5,7 человек (не считая нанятых на постоянной или временной основе). Типичное фермерское хозяйство уже в 1990-х гг., в начале возникновения фермерского сектора, представляло собой небольшой коллектив, состоящий из нескольких работающих семей и арендующий значительную часть своей земли за сравнительную небольшую плату продукцией. В последующие, 2000-е гг., эта тенденция укрупнения КФХ стала усиливаться.

По данным земельной экспликации можно проследить, как происходит процесс дифференциации КФХ на первичном уровне. Анализ дифференциации в 1990-х гг. проводился в рамках экспедиционного исследования в Аткарском и Краснокутском районах в 1999 г. Полученные данные (табл. 4.4) свидетельствуют о росте среднего размера КФХ – в 1,9 и 3,8 раза – который достигается ускоренным ростом крупных КФХ и разорением мелких. Рост крупных КФХ происходил за счет увеличения масштабов аренды и за счет присоединения земли мелких КФХ (через фонд перераспределения или путем создания «многосемейного» хозяйства).

Таблица 4.4. Некоторые характеристики фермерского землепользования в Краснокутском и Аткарском районах, по состоянию на 01.01

показатели	1994	1995	1996	1997	1998	1999
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
<i>Краснокутский район:</i>						
Средняя площадь фермерского хозяйства, га	87	94	132	148	283	332
Доля к(ф)х с площадью не больше 80 га, %	71,4	70,0	58,2	54,2	50,3	49,2
Доля контролируемой ими площади, %	33,9	31,1	20,0	16,5	7,9	7,6

Таблица 4.4 (продолжение).

показатели	1994	1995	1996	1997	1998	1999
<i>I</i>	2	3	4	5	6	7
Доля к(ф)х с площадью свыше 200 га, %	8,3	8,5	15,8	18,2	23,4	26,0
Доля контролируемой ими площади, %	40,5	43,5	56,2	61,4	81,1	82,0
<i>Аткарский район:</i>						
Средняя площадь фермерского хозяйства, га	57	59	64	64	71	109
Доля к(ф)х с площадью не больше 80 га, %	78,1	78,8	76,2	76,4	71,2	65,9
Доля контролируемой ими площади, %	50,0	49,6	45,4	44,6	39,0	23,9
Доля к(ф)х с площадью свыше 200 га, %	2,1	2,6	3,4	3,6	5,1	10,3
Доля контролируемой ими площади, %	10,3	13,2	17,2	17,7	21,9	49,6

Мелкие фермерские хозяйства, особенно семейные, созданные на базе 2-4 земельных долей, принадлежащих семье и арендованных у родственников, оказывались наименее жизнеспособными и разорялись в первую очередь. Так, в Аткарском районе, по данным экспликации, доля хозяйств площадью до 10 га среди разорившихся фермеров за рассматриваемый период составила почти 36%, в Краснокутском – около 15%; средний размер разоряющихся КФХ был существенно ниже среднего размера КФХ по району (табл. 4.5).

Таблица 4.5. Динамика среднего размера разорившихся за предшествующий год фермерских хозяйств, по состоянию на 01.01, га

Средняя площадь разорившихся КФХ	1996	1997	1998	1999
в Краснокутском районе	47	48	87	85
в Аткарском районе	34	19	40	33

При этом вновь образованные фермерские хозяйства не меняли тенденцию: они, как правило, уже с момента возникновения были достаточно крупными, объединявшими по нескольку семей (табл.4.6).

Таблица 4.6. Динамика среднего размера образовавшихся за предшествующий год фермерских хозяйств, по состоянию на 01.01, га

Средняя площадь вновь образованных КФХ	1996	1997	1998	1999
в Краснокутском районе	100	131	221	575
в Аткарском районе	38	97	66	250

Анализ фермерской дифференциации в 2000-е гг. также проводился по материалам земельной экспликации 3-х районов Саратовской области: к Краснокутскому и Аткарскому добавился Турковский.

По сравнению с 1990 гг. площадь фермерского землепользования и средний размер фермерского хозяйства в рассматриваемых районах значительно увеличились. В то же время в середине 2000-х гг. тенденции роста в отдельных случаях нарушались (табл. 4.7, выделено жирным шрифтом).²³⁶

Таблица 4.7. Площадь фермерского землепользования в 3-х районах Саратовской области, по состоянию на 01.01, га

район, год	Общая площадь землепользования фермерских хозяйств	Средняя площадь фермерского хозяйства
Краснокутский район		
1995	24465	94
2003	91564	487
2005	95193	547
2007	100938	682
2010	112790	998
Аткарский район		
1995	20170	59
2005	46985	178
2006	46644	177
2007	50357	192
2010	52313	220
Турковский район		
1995	10971	101
2004	48677	329
2005	46222	310
2008	46475	292

²³⁶ Шабанов В.Л. Тенденции оборота земель сельскохозяйственного назначения // АПК: экономика, управление. – 2009. – №12. – С.77-83; Андрищенко С.А., Бондаренко Ю.П. Направления развития фермерского сектора в региональном пространстве страны // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2009. – №1: URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?tid=73>

Как показал анализ, рост среднего размера фермерского хозяйства достигался за счет увеличения землепользования и без того крупных хозяйств и сокращения (или вовсе прекращения деятельности) сравнительно небольших (табл. 4.8).

Таблица 4.8. Динамика землепользования КФХ, изменивших свою площадь, по 3-м районам Саратовской области (Турковскому за период с 2004 по 2008 гг., Краснокутскому – с 2003 по 2010 гг., Аткарскому – с 2005 по 2010 гг.)

Показатели количества КФХ и их размера	Краснокутский	Аткарский	Турковский
Количество КФХ в начале периода	188	264	150
Количество КФХ в конце периода	148	262	159
Количество КФХ, возникших в течение рассматриваемого периода	19	1	14
<i>их средняя площадь в момент образования</i>	<i>645</i>	<i>18</i>	<i>74</i>
Количество КФХ, прекративших деятельность в течение рассматриваемого периода	59	3	5
<i>их средняя площадь</i>	<i>275</i>	<i>434</i>	<i>57</i>
Количество КФХ, увеличивших площадь в течение рассматриваемого периода	27	5	17
<i>их средняя площадь в начале периода</i>	<i>1573</i>	<i>1815</i>	<i>748</i>
<i>их средняя площадь в конце периода</i>	<i>2220</i>	<i>3157</i>	<i>949</i>
Количество КФХ, уменьшивших площадь в течение рассматриваемого периода	11	7	19
<i>их средняя площадь в начале периода</i>	<i>733</i>	<i>603</i>	<i>549</i>
<i>их средняя площадь в конце периода</i>	<i>359</i>	<i>310</i>	<i>175</i>

Описанная динамика свидетельствует об усилении процессов концентрации земли и дифференциации фермерских хозяйств по показателю размера землепользования в 2000-е гг. Формализованная оценка данных процессов (табл. 4.9) приводит к следующему выводу. Можно видеть, что значения индекса Джини, в нашем случае характеризующего концентрацию земли в фермерском секторе и степень его расслоения, почти повсеместно растут на протяжении 1995-2008 гг. В то же время без учета наиболее крупных КФХ динамика индекса Джини меняется, демонстрируя уменьшение концентрации и расслоения мелких и средних хозяйств в 2000-х гг. Иными словами, наибольший вклад в расслоение вносят крупные хозяйства: они сосредотачивают все больше земельных ресурсов, в то время как вес средних и мелких КФХ в структуре землепользования ослабевает.

Таблица 4.9. Индексы Джини, рассчитанные по всему массиву данных и по массиву данных без учета КФХ площадью свыше 1000 га

год	Краснокутский		Аткарский		Турковский	
	весь массив КФХ	без КФХ св. 1000 га	весь массив КФХ	без КФХ св. 1000 га	весь массив КФХ	без КФХ св. 1000 га
1995	0,521	0,484	0,427	0,427	0,603	0,571
1998	0,645	0,539	0,452	0,452	0,591	0,531
2005	0,647	0,534	0,653	0,548	0,651	0,548
2007 ^{*)}	0,636	0,485	0,688	0,541	0,676	0,542
2010	0,641	0,459	0,706	0,552	–	–

^{*)} по Турковскому району – 2008 г.

Данный процесс отражает не только количественные, но и качественные изменения в фермерском секторе: на это указывает анализ интегральной функции распределения.²³⁷ Эмпирическая интегральная функция распределения числа фермерских хозяйств по размеру их землепользования строится по правилу: по оси абсцисс откладываются значения показателя площади землепользования КФХ, по оси ординат – нарастающие итоги частот для количества фермерских хозяйств, соответствующих этим значениям, и точки с рассчитанными таким способом координатами соединяются отрезками прямых. Можно видеть, что кривые функций распределения с течением времени смещаются вправо по оси абсцисс, по которой отмеряется размер хозяйства (рис. 4.4. Ср.: масштаб шкал в 1-м и 2-м рядах графиков, соответствующих 1995 и 2007 (или 2008) годам). Это в точности отражает описанные выше процессы укрупнения хозяйств, разорения небольших и роста числа крупных КФХ.

Анализ аппроксимации построенных эмпирических функций логарифмически-нормальными приводит к следующим выводам:

– Согласно критерию Колмогорова-Смирнова, суть которого – в оценке максимального расхождения между теоретической и эмпирической функциями распределения, гипотеза о логнормальном характере эмпирического распределения принимается для большинства распределений (с доверительной вероятностью

²³⁷ Прикладная статистика: основы моделирования и первичная обработка данных. Справочное изд. / Айвазян С.А., Енюков И.С., Мешалкин Л.Д. – М.: Финансы и статистика, 1983. – С. 122; Пустыльник Е.И. Статистические методы анализа и обработки наблюдений. – М.: Наука, 1968. – С. 39-42.

90%) только при одновременном удалении из рассмотрения первых и последних 10-15% объектов;

– С течением времени расхождение между теоретической и эмпирической кривыми в области хвоста распределения усиливается (рис. 4.4).

Полученные выводы свидетельствуют о том, что самые мелкие и самые крупные фермерские хозяйства выбиваются из общей логики распределения, то есть имеют другую социально-экономическую природу. Причем, с течением времени именно крупные хозяйства становятся главными «нарушителями» характера распределения.

Социально-экономический анализ полученных статистических результатов показывает, что небольшие фермерские хозяйства из начала кривой распределения являются семейными, осуществляющими свою деятельность главным образом на земельных долях, принадлежащих семье. Количество арендованной земли у них незначительно; в основном это земельные доли родственников, с которыми заключаются неформальные договоренности об арендной плате. Экономической целью таких хозяйств чаще всего является выживание. Напротив, наиболее крупные хозяйства площадью 1000 га и выше скорее похожи на небольшие сельхозпредприятия, однако, в отличие от них, они не унаследовали от колхозов и совхозов их проблемы, и в большинстве случаев оказываются достаточно эффективными. Крупные фермерские хозяйства, как правило, оформляются на одного из организаторов хозяйства; земельные доли членов его семьи считаются собственностью этого КФХ. Другие работники фермерского хозяйства формально вносят свою землю в качестве земельных паев, арендуемых хозяйством. (В противном случае у них могли бы возникнуть проблемы с получением обратно своей земли при распаде хозяйства или желании его покинуть). Обычно состав работников крупных фермерских хозяйств достаточно стабилен, поэтому среди их пайщиков количество земельных долей, принадлежащих работникам, меняется слабо. В отличие от сельхозпредприятий, в фермерских хозяйствах не происходит отчуждения работников от собственности: ядро хозяйства остается собственностью группы работающих в нем фермеров. Среди прочих земельные доли пенсионеров

постепенно становятся преобладающей категорией земли; растет также доля не востребуемых паев. Это является отражением существующих в настоящее время юридических и социально-экономических проблем, связанных с наследованием и продажей земельных долей и подтверждает необходимость совершенствования механизма рыночного оборота земель сельскохозяйственного назначения.

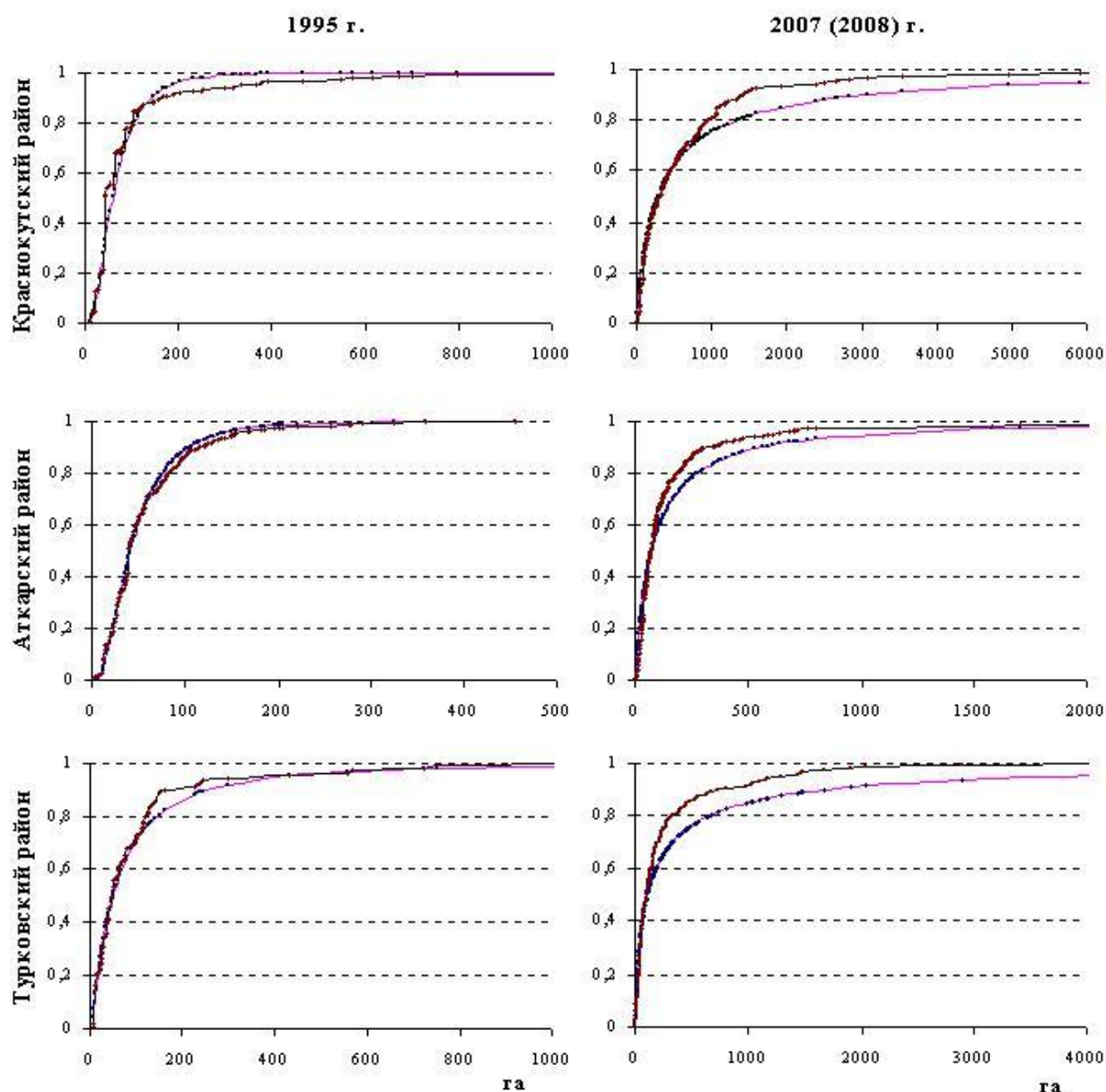

Рис. 4.4. Теоретические и эмпирические функции распределения (соответственно светлая и темная кривая) фермерских хозяйств Краснокутского, Аткарского и Турковского районов за 1995 г. и 2007 г. (для Турковского района за 2008 г.)

Итак, рыночные реформы привели к образованию фермерского сектора, роль которого в сельскохозяйственном производстве с начала 1990-х гг. непрерывно возрастала. Несмотря на это, ни в экономической, ни в социальной жизни села фермеры не заняли ведущее положение, которое к середине 2000-х гг. вернули себе крупнотоварные сельхозпредприятия – реформированные на рыночной основе бывшие коллективные хозяйства.

Внутренняя логика развития фермерского сектора во-многом определялась сложившейся за многие десятилетия логикой развития советского сельского хозяйства, основанного на крупнотоварном производстве и государственно-кооперативной форме собственности, и изменившимся подходом государства к аграрной реформе. С середины 1990-х гг. государство перешло от целенаправленной поддержки фермерских хозяйств и ставки на них к идее равноправия сельхозпроизводителей всех форм собственности, что привело к опережающему развитию крупнотоварного сельхозпроизводства в ущерб семейным хозяйствам. В фермерском секторе усиливаются сверхкрупные, «многосемейные» хозяйства, а семейные КФХ функционируют на грани выживания.

4.3 Динамика хозяйственно-экономической деятельности сельских домохозяйств под влиянием реформ и ее связь с динамикой уровня жизни

Наиболее употребляемым термином в отечественной науке, характеризующим экономическую деятельность сельских домохозяйств в сфере производства продуктов питания, в течение многих десятилетий было «личное подсобное хозяйство» (ЛПХ). Экономическое поведение сельских домохозяйств, направленное на обеспечение потребностей семьи в продуктах питания и получение денежных доходов от их мелкотоварного производства, изучалось весьма активно, особенно с 1970-х гг.,²³⁸ когда на государственном уровне впервые было заявлено о допу-

²³⁸ См., например: **Островский В.Б.** Колхозное крестьянство СССР. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1967; **Белянов В.А.** Личное подсобное хозяйство при социализме. – М.: Экономика, 1970; **Калугина З.И., Антонова Т.П.** Личное подсобное хозяйство сельского населения: Проблемы и перспективы. – Новосибирск: Наука, 1984; **Райг И.** Методологические проблемы и опыт системного изучения личного подсобного хозяйства // Региональные проблемы развития личного подсобного хозяйства в СССР. – М., 1982. – С.44-50; **Самсонов В.Б.** Владельцы личного подсобного хозяйства: типология, образ жизни // Социологические исследования. – 1988. – №7. – С.4-10; **Тюрина А.П.** Социально-экономическое развитие деревни. 1965-1980 гг. – М.: Мысль, 1982; **Шмелев Г., Стеков**

стимости частного сельскохозяйственного производства в рамках ЛПХ, не противоречащего принципам социалистической экономики. ЛПХ в те годы определялось как «*потребительское* хозяйство на приусадебном или садово-огородном участке, основанное на *личном* труде», служащее «*дополнительным* источником дохода и удовлетворения потребностей трудящихся в сельскохозяйственных продуктах...». Подчеркивалось, что «экономической причиной существования ЛПХ являлось то, что общественное производство *еще* не полностью обеспечивает общество сельскохозяйственной продукцией», что «ЛПХ *не противоречит* развитию общественного производства, но является его *дополнением* и *зависит* от него» (выделено мной).²³⁹

Подобная расстановка акцентов свидетельствовала о стремлении придать личному хозяйству дополнительную, вторичную роль по отношению к общественному производству. На институциональном уровне вводились ограничения, сковывающие частную экономическую инициативу и исключающие возможность перерастания личными хозяйствами рамок ограниченного потребительского хозяйства.

Тем не менее, на протяжении почти 60 лет (с 1930-х по 1990-е) ЛПХ являлось единственной формой мелкотоварной организации сельскохозяйственного производства. ЛПХ было своеобразной уступкой крестьянству со стороны государства после проведенной коллективизации, которая определялась двумя факторами: крестьянской традицией и хозяйственно-экономической необходимостью. ЛПХ «взял на себя» значительную часть производства садово-огородной продукции – картофеля, овощей, фруктов, ягод, а также мяса, молока, яиц, дав возможность колхозам и совхозам «сосредоточиться» на крупномасштабном производстве зерновых, кормовых, технических культур. В 1970 г. в хозяйствах населения²⁴⁰ производилось 65% картофеля, 41-48% овощей и яиц, 33-35% молока и мя-

Ю. Личное подсобное хозяйство в условиях межрегиональной и агропромышленной интеграции // Экономические науки. – 1983. – №3. – С.46-52.

²³⁹ Экономическая энциклопедия: политическая экономия. – М.: Советская энциклопедия, 1975. Т.2. – С.366-367.

²⁴⁰ «Хозяйства населения» – обобщенный термин, который органы государственной статистики используют для обозначения «личных подсобных хозяйств», а также «коллективных садов и огородов» и «дачных участков. До возникновения фермерских хозяйств это давало возможность отслеживать в рамках введенной категории практически все мелкомасштабное сельхозпроизводство как в селе, так и в городе.

са. В целом на хозяйства населения приходилось 31,4% всего объема сельскохозяйственного производства в стоимостном выражении (на коллективный – соответственно 68,6%). При этом в 1970-80-е гг. наблюдалась медленная, но четкая тенденция к снижению значимости ЛПХ в сельхозпроизводстве, объясняемая, во-первых, периодически принимаемыми решениями по ограничению приусадебного производства и частной инициативы в целом, делающими невозможным перерастание ЛПХ в товарные хозяйства, и во-вторых, поступательным развитием советской экономики в те годы, общим снижением сельскохозяйственной занятости, ростом уровня жизни. В 1985 г. хозяйства населения производили 61% картофеля, 23-26% овощей, яиц, молока и мяса; доля хозяйств населения в общем объеме сельхозпроизводства в стоимостном выражении снизилась до 23,1%.

Реформы 1990-х гг. «реабилитировали» частное приусадебное производство. С ЛПХ были сняты все ограничения, и они стали быстро расти.²⁴¹ На фоне системного кризиса коллективного сектора сельского хозяйства рост приусадебного производства был особенно заметным и значимым. К 1995 г. доля хозяйств населения в производстве картофеля возросла до 90%, овощей – до 73,4%, мяса и молока – до 41-49%, яиц – до 30,2%, к 1999 г. – соответственно до 92, 77, 50-59 и 30%. В 1995 г. хозяйства населения производили почти 48% всей сельскохозяйственной продукции в стоимостном выражении, в 1999 г. – 56,3%. Пик значимости хозяйств населения в сельхозпроизводстве пришелся на 1999 г. – 58,6%.²⁴²

С 2003 г. нормативная правовая база, связанная с ведением ЛПХ, значительно расширилась. В основу федерального и регионального законодательства в области функционирования и развития ЛПХ вошли следующие документы: ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» от 07.07.2003 № 112-ФЗ; законы о личном подсобном хозяйстве субъектов федерации, Постановление Правительства РФ от 27.06.1996 № 758 (ред. 06.06.02) «О государственной поддержке садоводов, огородников и владельцев ЛПХ»; законы «О государственной поддержке граждан, ведущих ЛПХ» некоторых субъектов РФ и иные Постановления и Указы регионального уровня, в том числе региональные целевые Программы развития ЛПХ,

²⁴¹ Кутенков Р.П. Агросистемы России: межрегиональные сопоставления (методы, инструментарий, результаты): Монография. – Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2001. – 165 с.

²⁴² Российский ... 2004. – С. 417, 424.

Программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы.

Закон об ЛПХ № 112-ФЗ от 07.07.2003 подтвердил его потребительский (потребительно-товарный) характер, но убрал идеологические штампы о *личном* труде, *дополнительном* источнике дохода и др., характерные для социалистической экономики. В современном варианте ЛПХ определяется как «форма непредпринимательской деятельности, ведущейся членами семьи-владельца ЛПХ». Такое определение не исключает производство продукции в ЛПХ на продажу и позволяет относить к ЛПХ довольно широкий спектр личных хозяйств – от мелких, используемых под огород ради личного потребления, до крупных, сравнимых по размеру и получаемому доходу от продаж с небольшими КФХ.

С начала 2000-х гг. хозяйства населения постепенно уступают ведущие позиции крупнотоварному сектору: в 2007, 2008, 2011 гг. впервые с середины 90-х гг. объем сельскохозяйственного производства в сельхозпредприятиях превысил объем производства в ЛПХ, доля которого в стоимостном выражении снизилась до 43,8%. В 2000-2010-е гг. темпы роста производства в сельхозпредприятиях картофеля, плодов и ягод, яиц и особенно мяса были выше, чем в ЛПХ. Если в 2000-м г. объем производства картофеля, овощей, фруктов, мяса, молока и яиц в них составлял 21-65% от уровня 1990-го г., то в 2011 г. по всем позициям, кроме овощей, наблюдалось превышение уровня 2000-го г. в 1,17-2,7 раз. Соответствующие показатели ЛПХ в 1990-х гг. составляли 102-260%, а к 2011 г. снизились до 91-98% от уровня 2000 г. (за исключением овощей, чье производство возросло в 1,2 раза).²⁴³

В результате можно наблюдать постепенное уменьшение значимости ЛПХ в общем производстве сельскохозяйственной продукции: по картофелю – с 92-93% в 2002-2005 гг. до 80-84% в 2010-2013 гг., по овощам – соответственно с 80-82% до 67-71%. по молоку – с 50-52% до 48-50%. По мясу было последовательное, ежегодно на 1,5-2,5 проц. пункта, уменьшение с 56% в 2002 г. до 29,8% в 2013 г. Визуально уменьшение значимости достаточно хорошо демонстрирует график, представленный на рис. 4.5.

²⁴³ Российский ... 2012. – С. 425, 428.

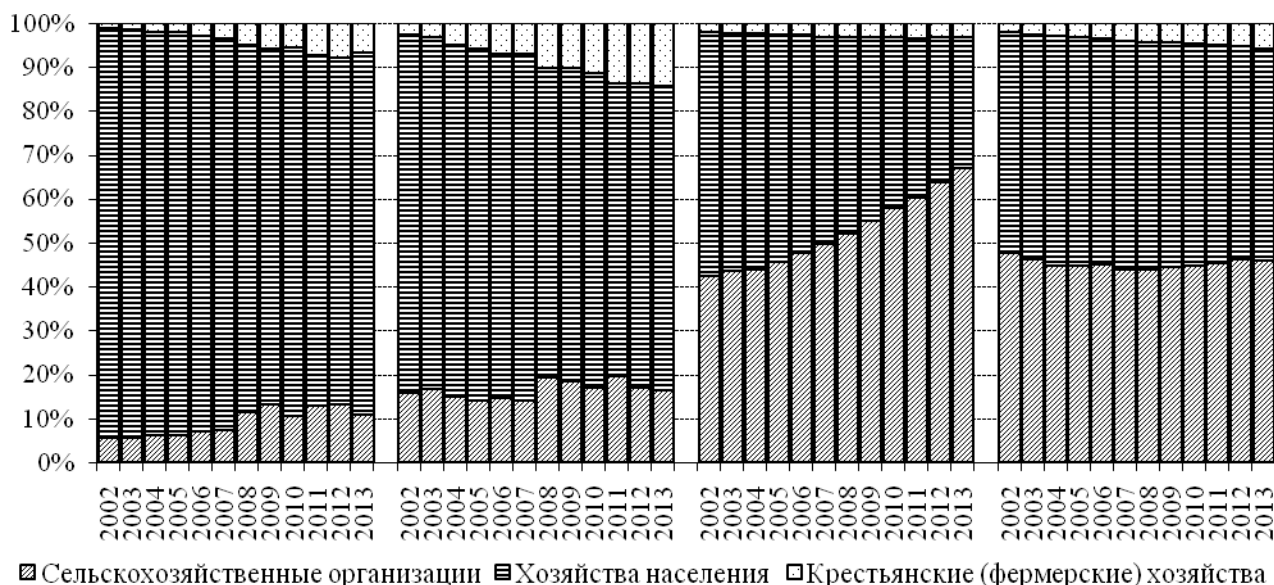

Рис. 4.5. Структура производства картофеля (1-я группа диаграмм), овощей (2-я), мяса (скота и птицы в живом весе, 3-я группа), молока (4-я), в 2002-2013 гг., % от объема производства в хозяйствах всех категорий²⁴⁴

Сравнение годовых темпов динамики производства в стоимостной оценке дают те же результаты: в период 2000-2013 гг. производство в ЛПХ росло быстрее (или сокращалось медленнее), чем в сельхозпредприятиях, в течение четырех лет из двенадцати; в 2013 г. по сравнению с 2000-м г. производство в сельхозпредприятиях увеличилось более чем на 70%, в ЛПХ – на 18% (рис. 4.6).

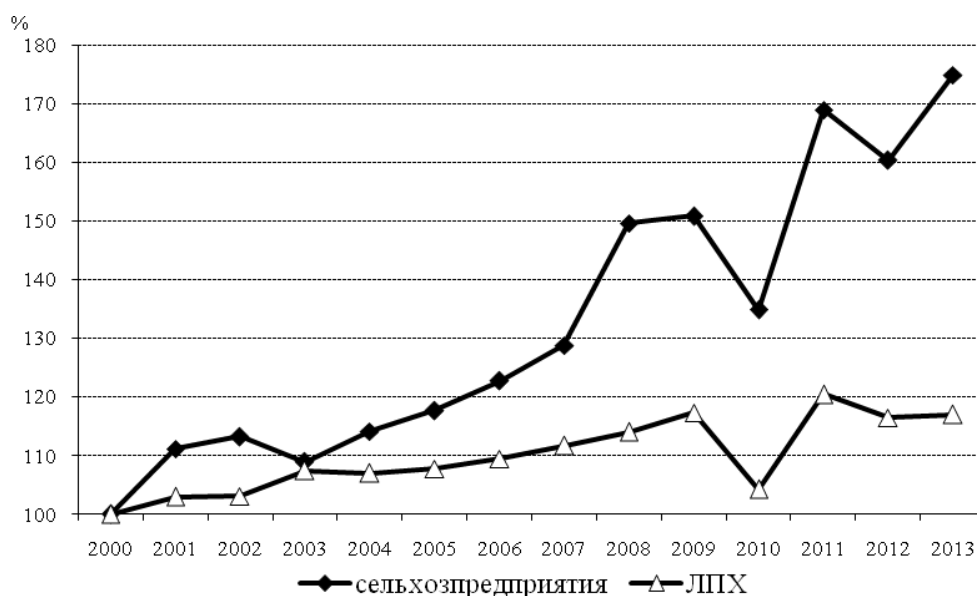

Рис. 4.6. Темпы роста производства в сельскохозяйственных предприятиях и ЛПХ, в стоимостной оценке, % относительно 2000 г.²⁴⁵

²⁴⁴ Основные показатели сельского хозяйства в России / Росстат. – М., 2007-2014. – Табл. 1.4.

²⁴⁵ Основные показатели сельского хозяйства в России / Росстат. – М., 2007-2014. – Табл. 1.3.

Приведенные данные позволяют говорить об относительной стабилизации приусадебного производства.

Что касается поголовья скота, то темпы его сокращения в ЛПХ были ниже, чем и сельхозорганизациях по КРС и коровам (соответственно на 15-31% и 47-45%); поголовье свиней в сельхозорганизациях возросло (на 73%), в то время как в ЛПХ снизилось (на 41%). Поголовье овец и коз, наоборот, возросло в ЛПХ (на 21%) и сократилось в сельхозорганизациях (на 6%). В целом показатели поголовья скота в ЛПХ остаются более высокими, чем в сельхозорганизациях (за исключением свиней). Отметим также постепенное усиление позиций фермерского сектора к 2010-2013 гг. (рис. 4.7).

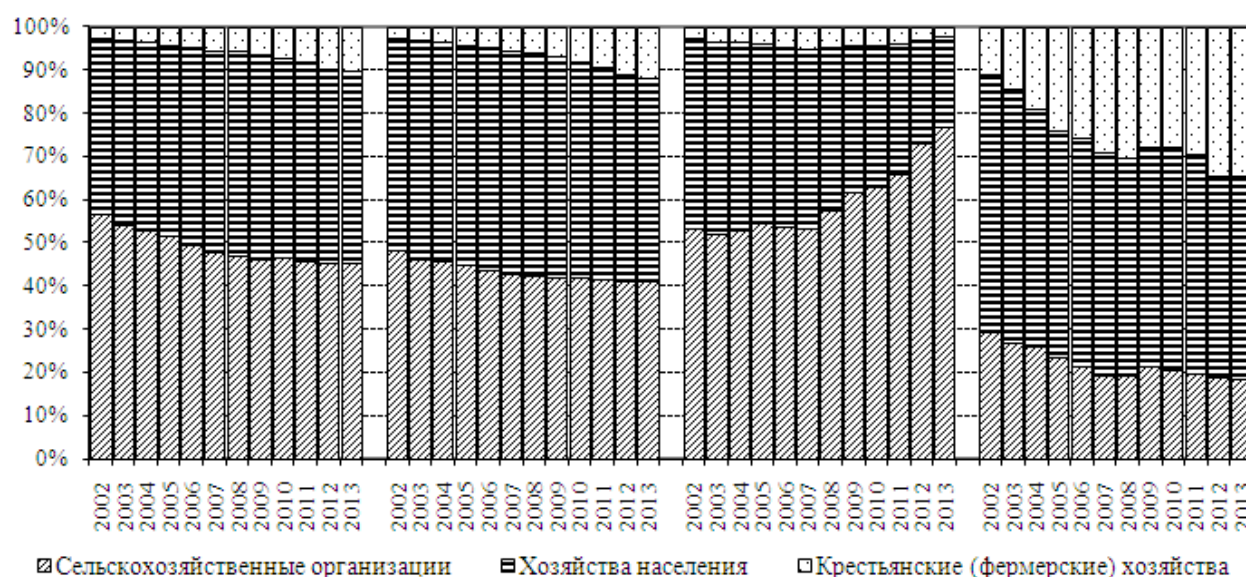

Рис. 4.7. Структура поголовья скота по категориям хозяйств – КРС (1-я группа диаграмм), коров (2-я), свиней (3-я), овец и коз (4-я), в 2002-2013 гг., % от поголовья скота в хозяйствах всех категорий²⁴⁶

Судя по приведенным данным, современные ЛПХ специализируются на выращивании крупного рогатого скота и коров, производстве говядины, молока и молокопродуктов. Выращивание свиней в значительной части переходит к крупным специализированным животноводческим комплексам, на которых производство свинины поставлено на современную технологическую основу.

²⁴⁶ Основные показатели сельского хозяйства в России / Росстат. – М., 2007-2014. – Табл. 1.13.

Что касается реализации продуктов питания в 2000-2010-х гг., то она заметно возросла у всех категорий товаропроизводителей. Лишь в год засухи – 2010-й – наблюдалось сокращение реализации некоторых видов продукции, особенно картофеля – на 10-36% по сравнению с 2009 г.

Наиболее высокими темпами росли продажи в фермерском секторе, однако, его роль в формировании продовольственного рынка остается невысокой, увеличившись по всем позициям, кроме овощей, с 2-3% в 2000-м г. до 4-14% в 2013 г. Только рынок овощей в настоящее время формируется крестьянско-фермерскими хозяйствами (КФХ) на достаточно высоком уровне в 26%.

Сельхозпредприятия особенно существенно увеличили объем продаж картофеля и мяса – в 2,5 и 3 раза за период 2000-2014 гг. – причем, реализация мяса во второй половине 2000-х гг. возрастала ежегодно с приблизительно одинаковым темпом (10–12% в год) – в отличие от КФХ и ЛПХ, в которых объем продаж стабилизировался к 2006-2008 гг. В то же время реализация сельхозпредприятиями молока возросла незначительно, а овощей – не изменилась.

Объем продаж продукции ЛПХ в 2000-2010-е гг. также весьма заметно вырос: в 2014 г. он превышал уровень 2000-го г. в 1,5-2,6 раза по всем позициям, в том числе по овощам в 2,6 раз, по мясу в 1,6 раза.

Важно отметить, что увеличение реализации продукции личных подсобных хозяйств происходит в условиях относительной стабилизации производства в них – в отличие от сельхозпредприятий и КФХ, в которых рост продаж напрямую связан с ростом производства. Иными словами, можно говорить о росте товарности ЛПХ. Особенно это заметно по мясу: с 2005 по 2010 гг. его товарность возросла на 10 проц. пунктов, достигнув уровня 47%, и стабилизировалась на уровне 45-46% в последующие годы. По другим позициям уровень товарности колеблется в пределах от 17-19% (картофель, овощи) до 34% (молоко) в 2014 г.²⁴⁷

Можно сказать, что товарная мотивация ведения ЛПХ с середины 1990-х гг. только усилилась, стала явной. Стабилизация, а в перспективе – сокращение про-

²⁴⁷ Сельское хозяйство, охота ... 2011. – С. 104-106; Сельское хозяйство, охота ... 2015. – С.111.

изводства в ЛПХ, с одновременным повышением его товарности, представляют собой долговременные тенденции.

В то же время необходимо отметить, что уровень товарности ЛПХ никогда не достигнет уровня товарности сельхозпредприятий и КФХ по причине потребительско-товарного характера ЛПХ, изначально существующего в таком качестве и определяемого таковым в законе об ЛПХ от 2003 г. Однако тенденция к росту его товарности проявляет себя в последние годы все более отчетливо.

Сокращение производства в ЛПХ связано с тремя факторами – потерей «льготных» источников кормов, трудностями сбыта производимой продукции и значительными изменениями уклада жизни, характерной чертой которых является нахождение сельскими жителями работы вне аграрной отрасли, их ориентация на несельскохозяйственную занятость.

В советское время существовал симбиоз «колхоз – личное подсобное хозяйство», благодаря которому сельское домохозяйство исправно получало из колхоза необходимые для приусадебного производства ресурсы (корма, молодняк и т.д.) и отчасти через колхоз осуществляло сбыт (продавало колхозу выращенный молодняк и проч.). В 1990-е гг. этот симбиоз претерпел серьезные изменения, но продолжал играть свою роль основного источника ресурсов для сельского ЛПХ.

В первой половине 1990-х гг. колхозы часто характеризовались как «придаток» к ЛПХ: наличных денег у них не было, оплата труда осуществлялась продукцией – главным образом, зерном, шедшим на корм скоту, поголовье которого в ЛПХ в те годы существенно возросло.

В конце 1990-х гг. зернофураж приобретался в основном из трех источников – из сельхозпредприятия, с рынка у частных продавцов и по арендной плате на земельный пай. Сено и солома – из тех же источников и еще самостоятельно, на покосах. Согласно данным полуструктурированных интервью 96 глав семей работников сельхозпредприятий, взятых в 1999 г. (см. §2.2), 63% из них приобретали ресурсы для ведения ЛПХ по месту работы – в счет зарплаты и в качестве натуральной оплаты труда. Данный источник приносил более трети всего фуража. 22% семей получало плату на земельную долю, сданную в аренду сельхозпред-

приятно по месту работы. Арендная плата давала 11% используемого в ЛПХ зернофуража. Наконец, 30% семей покупали фураж у частных; их доля в снабжении составляла почти 48%.

Грубые и сочные корма для скота приобретались в сельхозпредприятии (2/3 респондентов), по арендной плате (46%), у частных продавцов (8%), а также производились самостоятельно или кошением по согласованию с местной администрацией или сельхозпредприятием (21%). По степени важности первым среди источников было сельхозпредприятие, на котором приобреталось, главным образом в счет зарплаты или натуроплаты, до половины грубых и сочных кормов. Арендная плата «поставляла» до трети кормов.

Стоимость приобретаемых кормов свидетельствует о преимуществе тех домохозяйств, у которых был доступ к ресурсам сельхозпредприятий, то есть тех, чьи ЛПХ входили в упоминаемый выше «симбиоз». Стоимостная оценка фуража, приобретаемого по месту работы в сельхозпредприятии, была на 17% ниже стоимости фуража, покупаемого у частных; стоимость сена и соломы – почти в два раза ниже, отрубей – на 25% ниже. Селхозпредприятие поставляло корма для скота своим работникам в счет заработной платы и в форме натуроплаты на весьма льготных условиях.

Однако с начала 2000-х гг. «симбиоз» постепенно сошел на нет. Естественная причина – в «рыночной рациональности», которой по необходимости стали придерживаться руководители трансформировавшихся, ставших рыночными сельхозпредприятий.²⁴⁸ Их отношение к наемным работникам в корне изменилось, перестало быть патерналистским; его можно описать как «смесь дара, пожертвования, расчета, эгоистического интереса и обязательства».²⁴⁹ Значительная часть сельхозпредприятий вообще отказалась от натуроплаты в пользу денежной оплаты, а стоимостная оценка зерна, идущего на натуроплату, практически срав-

²⁴⁸ Великий П.П., Мореханова М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. – 2004. – №12. – С.55-64.

²⁴⁹ Куракин А.А. «Кулундар»: роль сельскохозяйственных предприятий в жизни сельских сообществ // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2014. Вып. 9. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – С.92.

нялась с рыночной; одновременно с этим продажа зерна за наличные как работникам, так и посторонним, стала осуществляться по рыночным ценам.

В этой связи весьма характерны данные по динамике реализации сельхозпредприятиями своей продукции населению «через организации общественного питания и в порядке оплаты труда»: они свидетельствуют о наличии четко выраженной нисходящей тенденции как в абсолютных, так и в относительных показателях (рис. 4.8). В настоящее время доля производимого зерна, реализуемого населению по названным каналам сбыта, составляет менее 10%, а доля реализуемого молодняка и вовсе пренебрежимо мала.

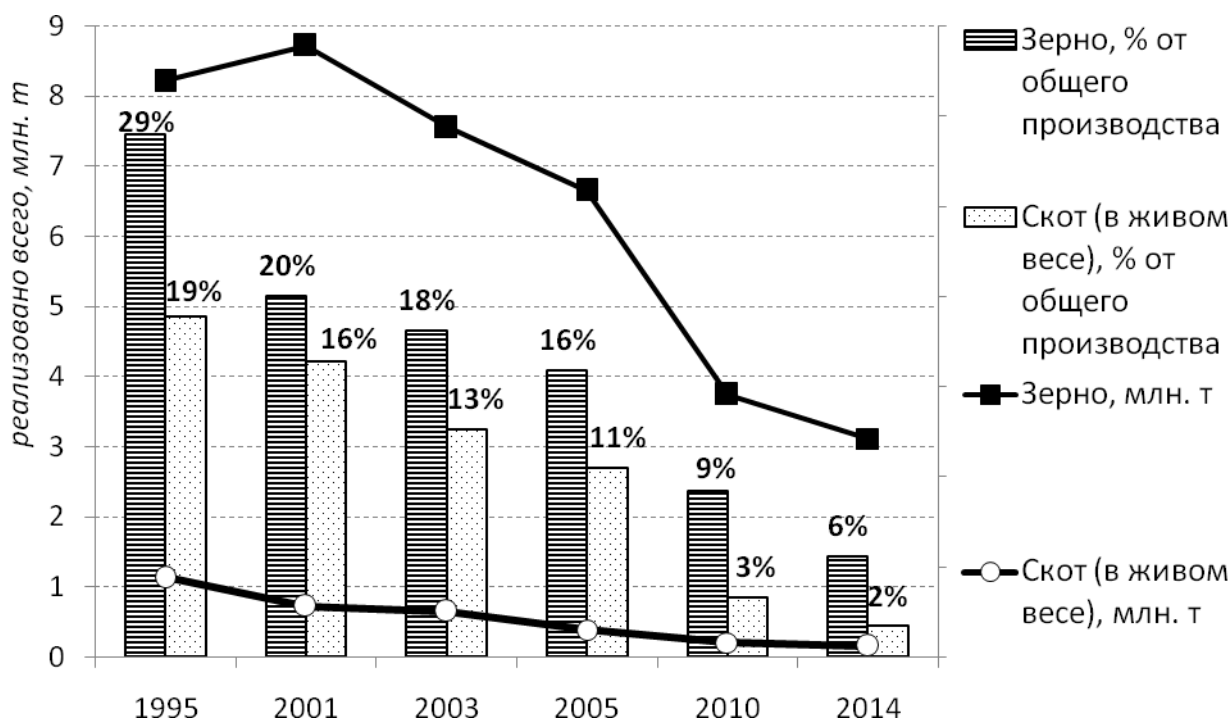

Рис. 4.8. Объем продукции, реализованной населению сельскохозяйственными организациями в порядке оплаты труда и через организации общественного питания, млн. т

Приведенные данные свидетельствуют о том, что рассуждения о необходимости «сохранения и расширения поддержки ЛПХ сельхозпредприятиями»²⁵⁰ теряют всякий смысл из-за несоответствия реальности.

²⁵⁰ Концепция устойчивого развития личного подсобного хозяйства // АПК: экономика, управление. – 2008. – №5. – С.36.

В таблице 4.10, рассчитанной по материалам опроса домохозяйств с детьми в 2006 г. (см. анкету в Приложении 2), приведена стоимость зернофуража, купленного респондентами или выданного им в качестве натуроплаты. В ходе опроса были проинтервьюированы 108 глав сельских домохозяйств из Саратовского, Краснокутского, Аткарского, Ровенского районов, в составе которых были лица трудоспособного возраста и их дети 1-20 лет. Выбор данной группы домохозяйств экспертно обоснован наличием у них достаточно крупных ЛПХ с относительно высоким уровнем товарности, что представляло интерес для нашего исследования.

Таблица 4.10. Стоимость или стоимостная оценка зернофуража по источникам, руб./ц

Источник поступления	Количество ответивших	Стоимость или стоимостная оценка, руб./ц
Арендная плата	20	111
Натуроплата в с/х предприятии	4	213
Натуроплата в КФХ	4	205
С/х предприятие, за наличные	16	212
КФХ, за наличные	34	227
Частные продавцы, рынок	36	224

Очевидно, что только зернофураж, полученный по арендной плате, оценивался респондентами значительно ниже его рыночной стоимости, колеблющейся в 2006 г. в пределах 200-250 руб. за ц в зависимости от качества. Реальная стоимость (или ее оценка в случае натуроплаты) зернофуража, приобретаемого из остальных источников, колебалась в пределах 10%, а если исключить натуроплату, то колебание цен и вовсе составит 5%.

Можно также заметить, что больше всего респондентов приобретает корма на рынке у частных продавцов, чуть меньше – у фермеров за наличные по той же – рыночной – цене. То есть былой «симбиоз» коллективных и личных подсобных хозяйств, который служил важнейшим источником ресурсов для развития ЛПХ, остался в прошлом. Это, однако, не привело к значительному сокращению масштабов приусадебного производства; напротив, потеря льготных источников кор-

мов способствовала превращению ЛПХ в самостоятельный и независимый сектор сельскохозяйственного производства с медленно, но постоянно растущей товарностью. Те сельские семьи, которые нуждаются в дополнительных источниках дохода, как и раньше, обращаются прежде всего к ЛПХ, несмотря на рыночную стоимость кормов и трудности сбыта.

Кроме того, следует учесть, что в сельскохозяйственной отрасли в 1970-х - начале 1990-х гг. было занято до 40-45% всего трудоспособного сельского населения, то есть почти каждая сельская семья в той или иной мере имела доступ к дешевым кормам. В последующие годы ситуация изменилась – сельскохозяйственная занятость стала сокращаться ускоренным темпом: в настоящее время она охватывает менее 20% от числа трудоспособных сельских жителей. В связи с этим доступ большинства домохозяйств к льготным источникам кормов значительно сузился и продолжает сужаться. Поэтому сельхозпредприятие как источник ресурсов, если и носит льготный характер, то теперь для гораздо меньшего числа сельских семей, чем в 1990-е гг. Однако государство не должно пытаться реанимировать связку «ЛПХ-сельхозпредприятие» или каким-то образом напрямую поддерживать приусадебное производство. Участие государства может быть в форме поддержки существующих и создания новых каналов сбыта продукции мелкотоварного сектора, поддержки кооперативов в мелкотоварном секторе аграрного производства и других форм проявления самостоятельной инициативы, направленной на повышение адаптированности сельских семей к современным социально-экономическим условиям.

Итак, мелкотоварное сельскохозяйственное производство на базе ЛПХ оказывается конкурентоспособным на рынке сельскохозяйственной продукции, где оно, как и прежде, твердо занимает свою нишу.

Логика развития основных хозяйственно-экономических институтов села во-многом определяет противоречивые социальные процессы, происходящие в сельском социуме. С динамикой развития крупнотоварных сельхозпредприятий, КФХ и ЛПХ, изменением взаимоотношений между ними, с ростом дифференциации внутри них, связан рост доходов сельского населения и, одновременно с этим,

увеличение масштабов и концентрации бедности, рост социально-экономического неравенства, увеличение временной трудовой и постоянной миграции из села в город и т.д.

ГЛАВА 5. ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

5.1 Развитие рынка труда и стимулирование самозанятости в сельской местности как способы повышения уровня жизни сельского населения

Тема сельской занятости затрагивается многими исследователями. В работах, посвященных анализу хозяйственной и технологической многоукладности современного российского села, говорится о глубокой трансформации сельского рынка труда, о его характерных чертах – гибких формах занятости (отходничество, самозанятость, сезонные, временные, случайные работы и т.д.), чрезмерном весе неформального сектора, теневой занятости, высоким уровнем безработицы, особенно скрытой и т.д.²⁵¹

Ряд авторов отмечают явную трудоизбыточность в аграрной отрасли и, наряду с этим, – нехватку высококвалифицированных трудовых ресурсов в сельской экономике. При решении данной проблемы сельского рынка труда они предлагают исходить из методологического подхода, связанного с многофункциональностью сельских территорий и оценивать потребности в рабочей силе не только по сельскому хозяйству, но по всем отраслям сельской экономики и по всем сферам деятельности на сельских территориях.²⁵²

Во многих работах акцентируется внимание на состоянии аграрной отрасли экономики как основного поставщика вакансий на сельском рынке труда, на тенденциях в передвижении рабочей силы между основными категориями сельхозпроизводителей; анализируется уклад жизни и особенности занятости в моноотраслевых селах; говорится о необходимости диверсификации сельской эконо-

²⁵¹ **Калугина З.И., Фадеева О.П.** Российская деревня в лабиринте реформ: Социологические зарисовки. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – 291 с.; **Калугина З.И.** Вектор посткризисного развития российской деревни // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 115-135; **Шевчук А.В.** Самозанятость в информационной экономике: основные понятия и типы // Экономическая социология. – 2008. – Т.9. – № 1. – С.51-64; **Стребков Д.О., Шевчук А.В.** Фрилансеры на российском рынке труда. 2010: URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-2/Strebkov_Shevchuk.pdf (Дата обращения – 01.09.2011).

²⁵² **Бондаренко Л.В.** Российское село в эпоху перемен: занятость, доходы, инфраструктура. – М.: ВНИИЭСХ, 2003. – 509 с.; **Панков Б.П.** Рынок труда на селе и его регулирование. – М., 2007. – 266 с.; **Панков Б.П., Малахова В.Я.** Проблемы регулирования трудового потенциала сельских территорий // Вестник Орловского государственного университета. – 2011. – Т.32, № 5. – С.17-18; **Мореханова М.Ю., Рубцова В.Н.** Социально-экономические приоритеты обеспечения конкурентоспособности трудовых ресурсов аграрной сферы // Научное обозрение. – 2013. – №11. – С.207-213.

мики.²⁵³ Многие работы посвящены неформальной экономике и неформальной сельскохозяйственной занятости.²⁵⁴ В ряде работ рассматривается связь между состоянием сельского рынка труда и социально-экономическими проблемами села, в частности, проблемой бедности.²⁵⁵ Отдельное направление исследований связано с анализом современной трудовой мобильности сельского населения, сельского отходничества.²⁵⁶

Основную информацию о занятости (включая показатели численности и состава экономически активного населения, занятых и безработных, уровня экономической активности и безработицы и др.) органы государственной статистики получают из отчетов предприятий и организаций и из материалов выборочных обследований населения по проблемам занятости.²⁵⁷ Одними из наиболее полных источников информации о занятости в РФ являются материалы выборочных обследований населения по проблемам занятости Росстата, которые проводятся с 1992 г. во всех субъектах Российской Федерации на основе случайной типологической выборки объемом 69 тыс. человек с последующим распространением итогов на всю численность населения обследуемого возраста. В 1992-1998 гг. периодичность обследований составляла один раз в год (в 1995 г. – два раза) по состоя-

²⁵³ **Блинова Т.В., Русановский А.В.** Диверсификация структуры занятости и формирование модели посткризисного развития // Экономика и управление. – 2009. – №3. – С.50-54; **Богдановский В.А.** Труд и занятость в сельском хозяйстве // Вопросы экономики. – 2005. – №6. – С.72-83; **Бондаренко Л.В.** Российское село... 2003; **Нечипоренко О.В.** Локальные модели адаптации сельских локальных сообществ // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2011. – №2.

²⁵⁴ **Барсукова С.Ю.** Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования. – 2012. – №2. – С.31-39; **Гимпельсон В.Е., Зудина А.А.** «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? // Вопросы экономики. – 2011. – №10. – С.53-76; **Капелюшников Р. И.** Занятость в домашних хозяйствах населения // Вопросы экономики. – 2005. – №7. – С.99-120; **Нечипоренко О.В.** Сельское население и реформы аграрной сферы: адаптация или деградация? // Социологические исследования. – 2009. – №6. – С.57-68; **Никулин А.М.** Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. – 2010. – Т.11, №1. – С.17-33.

²⁵⁵ **Бондаренко Л.В.** Бедность и социально-психологический климат в российской деревне // АПК: экономика, управление. – 2010. – № 11. – С. 49-52; **Овчинцева Л.А.** Особенности сельской бедности // Отечественные записки. – 2004. – № 1 (16): URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/1/osobennosti-selskoy-bednosti> (Дата обращения 01.05.2004); **Сергиенко А.М.** Положение и поведение сельских бедных на рынке труда // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 4. – С. 105-119.

²⁵⁶ **Великий П.П.** Неотходничество или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. – 2010. – №9. – С.44-49; **Шабанова М.А.** Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: комплексное социолого-статистическое исследование. – Новосибирск: Наука, 1991. – 237 с.; **Нефедова Т.Г.** Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2015. – №3. – С.41-56; **Нефедова Т.Г.** Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // Демоскоп Weekly. – 2015. – № 641-642. – С.1-8: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php> (Дата обращения – 12.12.2015).

²⁵⁷ **Овчинцева Л.А.** Занятость жителей села: трудности измерения // Мир России. – 2000. – №3. – С.116-127.

нию на конец октября или марта, в 1999-2009 гг. один раз в квартал, с 2009 г. – ежемесячно. Единицами отбора являются частные домашние хозяйства; единицами наблюдения – члены этих домашних хозяйств в возрасте экономической активности – от 15 до 72 лет.

В обследованиях занятости Росстат пользуется определениями занятости и безработицы, рекомендованными Международной Организацией Труда (МОТ). Согласно этим определениям, занятым населением считаются лица, «которые в период обследования выполняли работу хотя бы один час в неделю по найму за вознаграждение деньгами или натурой, а также не по найму для получения прибыли или семейного дохода; временно отсутствовали на работе; выполняли работу в качестве помогающего на семейном предприятии». Для исследований проблем сельской занятости важно, что к числу занятых Росстат вслед за МОТ относит также лиц, «занятых выполнением работ по производству в домашнем хозяйстве продукции для [полной или частичной] реализации». Иными словами, к числу занятых могут относиться и лица, работающие в домашнем хозяйстве *в основном* с целью обеспечения внутрисемейного потребления.

С последним уточнением про занятость в домашнем хозяйстве тесно связано определение неформальной занятости, охватывающей лиц, «которые в период обследования были заняты, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора... В качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица». Труд неформально занятых в сельской местности чаще всего связан именно с домашним хозяйством – одной из основных производственных единиц, не имеющих «государственной регистрации в качестве юридического лица».

К числу безработных Росстат относит лиц в возрасте экономической активности, которые в период обследования «не имели доходного занятия; занимались поиском работы в течение четырех недель, предшествующих обследуемой неделе...; были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели». Учащие-

ся, студенты, пенсионеры и инвалиды считаются безработными в том случае, если они «занимались поиском работы и были готовы приступить к ней».²⁵⁸

Одним из авторитетных источников по сельскому рынку труда и занятости являются публикуемые с 1998 г. Ежегодные доклады Центра всероссийского мониторинга социально-трудовой сферы села, подготавливаемые ВНИИЭСХ (рук. проф. Л.В. Бондаренко) совместно с Министерством сельского хозяйства РФ на основе материалов Росстата и собственных обследований, включающих опрос глав 6 тыс. домохозяйств из 31 субъекта РФ.²⁵⁹

Существует два подхода к проблеме занятости: от потребностей производства и от потребностей семьи. Первый подход отталкивается от необходимости обеспечения рационального уровня занятости трудовых ресурсов, обеспечивающего экономический рост; второй – от необходимости обеспечения работой и заработками всех стремящихся к этому членов домашних хозяйств. Объединяя оба подхода и сопоставляя данные по количеству рабочих мест, уровню занятости и безработицы, В.М. Жеребин, Н.А. Ермакова, В.Н. Землянская приходят к выводу о том, что безработица в РФ «носит не общеэкономический, а отраслевой характер и зависит от местных условий».²⁶⁰ Данный вывод актуализирует исследование проблем сельской занятости в связи с оценками уровня жизни, учитывая присутствие обоих факторов – отраслевого «перегиба» в сельской местности, связанного с доминированием аграрной отрасли и существенной зависимости занятости от местных условий.

В 2005-2012 гг. уровень занятости в селе был на 6-8 п.п. ниже, чем в городе – соответственно 66,2-69,9% против 72,7-76,7% (относительно численности трудоспособного населения).²⁶¹ Отмеченный относительно низкий уровень занятости

²⁵⁸ **Обследование** населения по проблемам занятости: Статистический бюллетень / Росстат – М., 2015. – С.4: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm (Дата обращения – 01.03.2016).

²⁵⁹ см., например: **Состояние** социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию: Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2012 г. / ВНИИЭСХ, Минсельхоз РФ / Отв. **Торопов Д.И., Ушачев И.Г., Бондаренко Л.В.** – М., 2013. Подобные материалы по региональным рынкам труда см., например: **Глебов И.П., Гурьянова Л.С., Дудникова Е.Б.** Мониторинг социально-трудовой сферы села Саратовской области // Аграрный научный журнал. – 2008. – №1. – С.75-78.

²⁶⁰ **Жеребин В.М., Ермакова Н.А., Землянская В.Н.** Экономический рост, занятость и уровень жизни населения // Вопросы статистики. – 2003. – №7. – С.28.

²⁶¹ **Труд и занятость в России. 2013:** Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С.75.

селян в действительности, как отмечает Л.В. Бондаренко, оказывается еще ниже, и объясняет это двумя основными причинами:

– недостатком методики определения занятости, требующей «включения в состав занятых тех, кто выполнял какую-либо работу хотя бы один час в неделю». Поскольку в сельскохозяйственных предприятиях, в отличие от предприятий «городских» отраслей экономики, до сих пор сдерживаются массовые увольнения благодаря таким административным регуляторам, как перевод лишних рабочих рук в запас посредством простоев, сокращение рабочего времени по инициативе администрации, отправка в отпуск без сохранения содержания и т.д., то сельские жители чаще, чем горожане, подпадают под указанный критерий занятости;

– неоднозначностью критерия определения занятости в домашнем хозяйстве, которая связывается с *некоторым*, не установленным однозначно, уровнем товарности. Необоснованность такого подхода состоит в том, что остаются неопределенными «размер ЛПХ, объем производимой в нем и реализуемой продукции и получаемый за счет этого доход». Предлагается дополнить критерий «сравнением получаемого от деятельности в ЛПХ дохода с величиной прожиточного минимума».

Говоря о безработице в сельской местности, Л.В. Бондаренко выделяет три ее основные причины:

– структурная несбалансированность спроса и предложения рабочей силы по профессионально-квалификационному составу;

– низкая заработная плата на вакантных рабочих местах;

– неразвитость в сельской местности несельскохозяйственной деятельности.

Л.В. Бондаренко предлагает оценить необходимое количество рабочих мест в сельскохозяйственной отрасли в разрезе их профессионально-квалификационной структуры, а невостребованной аграрным сектором, избыточной рабочей силе предоставить возможность «найти применение в альтернатив-

ной сфере деятельности», для чего «необходимо диверсифицировать сельскую экономику путем стимулирования несельскохозяйственной деятельности».²⁶²

Занятость в аграрной отрасли была и до сих пор остается определяющим фактором занятости сельского населения. Согласно данным Росстата, в 2014 г. в аграрной отрасли работали 22,6% от общего числа занятых жителей села; после нее следует торговля, ремонт, гостиницы и рестораны (14,4%), образование (11,1%), строительство и обрабатывающие производства (8-9%).²⁶³ В этой связи исследование структуры занятости в сельской местности логично начать с анализа места и роли аграрной отрасли в формировании сельского рынка труда.

Традиционно именно работа в сельском хозяйстве являлась наиболее распространенным видом экономической деятельности сельских жителей. В 1960 г. колхозы, совхозы и подсобные сельскохозяйственные предприятия обеспечивали работой приблизительно 45-47% сельских жителей трудоспособного возраста.²⁶⁴ Достаточно высокие показатели сельскохозяйственной занятости держались вплоть до конца 1980-х гг.; имевший место небольшой негативный тренд привел к потере 7-8 п.п. за почти 30 лет.²⁶⁵

Таким образом, советская система коллективного сельского хозяйства могла аккумулировать труд большей части сельских жителей. С переходом к рыночной экономике колхозы и совхозы потеряли поддержку государства и были вынуждены трансформироваться, преобразоваться в рыночные предприятия. Это неизбежно влекло за собой оптимизацию производства и управления и вело к сокращению численности занятых. Без такого сокращения была бы невозможна интенсификация аграрной отрасли, повышение ее конкурентоспособности, рост зарплат. Противоположная установка могла бы быть мотивирована сложностью диверсифика-

²⁶² **Бондаренко Л.В.** Занятость на селе и ресурсное обеспечение организаций малого бизнеса сельскими безработными // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2011. – №12. – С.58-62;
Бондаренко Л.В. Занятость на селе и диверсификация сельской экономики // Экономика сельского хозяйства России. – 2011. – №1. – С.71-76.

²⁶³ **Обследование** населения по проблемам занятости в 2014 г.: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (Дата обращения – 02.03.2016).

²⁶⁴ Рассчитано по: **Народное хозяйство РСФСР в 1967 г.:** Стат. ежегод. – М.: Статистика, 1968. – С. 328;
Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 44.

²⁶⁵ Рассчитано по: **Российский ...** 2004. – С. 137; **Состояние ...** 2013. – С. 45.

ции сельской экономики и сельского рынка труда, требующей больших компенсирующих затрат, чем поддержка коллективных хозяйств, и нежеланием допустить рост безработицы и социальной напряженности в сельской местности. В то же время сохранение сложившегося порядка вещей привело бы к отрицательным последствиям как в экономике, так и в социальной сфере – к увеличению разрыва в динамике развития сельского хозяйства и других отраслей, в уровне благосостояния сельских жителей и горожан; к усилению миграции из сел в города и др.²⁶⁶ К 2001 г. удельный вес сельских жителей трудоспособного возраста, занятых сельскохозяйственной деятельностью, снизился до 28,0%, к 2011 г. – до 19,5%, к 2014 г. – до 17,6%.²⁶⁷

Итак, снижение сельскохозяйственной занятости – довольно медленное с начала 1960-х гг. и быстрое, иногда обвальное с конца 1980-х гг. – обусловлено как общей логикой социально-экономического развития, так и политикой государства, направленной на интенсификацию аграрной отрасли и модернизацию социально-экономического положения российского села.

Тенденции роста альтернативной занятости в сельской местности, увеличения доходов фермеров от деятельности, непосредственно не связанной с сельским хозяйством, давно были замечены на Западе. В западной науке понятие сельской альтернативной занятости связано прежде всего с деятельностью фермеров «вне собственной фермы» и соответственно определяется как *off-farm employment*. Учитывая специфику российского села, состоящую в том, что большинство занятых в аграрной сфере являются не фермерами, не владельцами собственных ферм, а наемными работниками в сельхозпредприятиях, то буквальное использование термина в российской аграрной науке ведет к тому, что альтернативной должна будет считаться всякая занятость сельскохозяйственного работника не на своей работе. Иными словами, та же сельскохозяйственная деятельность работника

²⁶⁶ Ксенофонтов М.Ю., Козин Д.Е., Поскачей М.А., Сапова Н.Н. О необходимости перехода на новую парадигму разработки и реализации агропродовольственной политики // Проблемы прогнозирования. – 2008. – №4. – С.3-11; Ксенофонтов М.Ю., Поскачей М.А., Сапова Н.Н., Козин Д.Е. Сценарное прогнозирование как инструмент разработки стратегии развития сельского хозяйства // Проблемы прогнозирования. – 2008. – №5. – С.3-20.

²⁶⁷ Рассчитано по: Состояние ..., 2003. – С. 40; Обследование ... 2015; Российский ... 2013. – С. 81; Российский ... 2015. – С. 74.

сельхозпредприятиях в рамках своего ЛПХ – не важно, с потребительскими или товарными целями – попадет в категорию «альтернативной». Она действительно будет таковой, так как в буквальном смысле представляет собой альтернативу занятости в крупном сельскохозяйственном производстве. Однако в методологическом смысле англоязычный термин *off-farm employment* используется вовсе не для обозначения вида сельскохозяйственной деятельности, альтернативного другому виду – доминирующему или крупнотоварному. Смысл его введения в научный оборот состоял именно в том, чтобы выделить несельскохозяйственную занятость тех, чья традиционная деятельность связана именно с сельским хозяйством. В этой связи для российской науки будет логичнее определить *альтернативную занятость* как термин, обозначающий всякую занятость сельского населения «несельскохозяйственными видами деятельности за исключением социальных услуг и государственного и муниципального управления, а также нишевыми видами сельскохозяйственной деятельности», под которыми будем понимать узкоспециальную деятельность, ориентированную на малую, «точечную» нишу рынка, и которую в большей мере можно отнести к виду предпринимательства, чем сельскохозяйственного производства (например, производство козьего пуха или сыра и т.п.).²⁶⁸ Исключение управленцев, врачей, учителей, работников социальных служб из числа альтернативно занятых объясняется тем, что их деятельность, вообще говоря, не является альтернативной сельскохозяйственной, она инвариантна по отношению к сельскохозяйственному и любому другому виду труда. Альтернативная занятость может быть зарегистрированной или нет, то есть носить формальный или неформальный характер.

Описанное выше значительное снижение сельскохозяйственной занятости в РФ в последние годы естественным образом влечет за собой рост неформальной сельскохозяйственной занятости в сфере приусадебного производства и альтернативной занятости, чаще всего тоже неформальной. Последняя включает в себя предоставление услуг (вспашка огородов, строительство и ремонт, частный извоз

²⁶⁸ Серова Е.В., Звягинцев Д.В. Альтернативная занятость в сельской местности // Мир России. – 2006. – Т.15, №4. – С.14.

на личном транспорте и др.), сбор и реализацию дикоросов, охоту и рыболовство, «формальное» предпринимательство (открытие магазинов, кафе, гостиниц, организацию сельского туризма и др.).

Однако высвобождение рабочих рук из аграрной отрасли в современной России не привело к адекватному росту альтернативной занятости, к росту числа вакансий в других отраслях сельской экономики. Результатом этого стало увеличение неформальной занятости в основном в сельскохозяйственном производстве, но уже в сфере домашнего хозяйства, временной трудовой миграции в города (работа «вахтовым» способом) и безработицы.

Распространение неформальной занятости в селе гораздо выше, чем в городе – соответственно 31,0% и 14,4% от общего числа занятых. Во-многом это объясняется тем, что значительную часть занятости в неформальном секторе (28,9%) обеспечивает сельскохозяйственная отрасль.²⁶⁹

В структуре занятости внутри самой сельскохозяйственной отрасли доля неформального сектора весьма высока – значительно выше, чем в любой другой отрасли, что достигается главным образом за счет занятости в сфере приусадебного производства в рамках домашнего хозяйства. Это свидетельствует о «перетекании трудовых ресурсов села в малые формы хозяйствования».²⁷⁰ Былая монолитная занятость почти 10 млн. селян в крупнотоварных государственных и коллективных предприятиях к 2008 г. распалась на сократившуюся до 1,88 млн. чел. занятость в сельскохозяйственных предприятиях и возросшую занятость в индивидуальном секторе, стабилизировавшуюся на уровне 1,0 млн. в КФХ и сельскохозяйственных ИП, и 2,9 млн. чел. в товарных хозяйствах населения.²⁷¹

Этот «уход в ЛПХ», имевший массовый характер в начале 1990-х гг., заставил исследователей и органы статистики выработать и принять соответствующие новые подходы к учету труда в ЛПХ. Трудность такого учета объясняется сложностью статистического наблюдения производственных единиц неформального

²⁶⁹ Состояние ... 2013. – С. 52.

²⁷⁰ Состояние ... 2013. – С. 51.

²⁷¹ Богдановский В.А. Трансформация занятости в сельском хозяйстве // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2005. – №1. – С.47-49; Богдановский В.А. Семейные хозяйства сельского населения // Экономика сельского хозяйства России. – 2007. – №12. – С.31-32.

сектора и отсутствием четкой, обоснованной и общепринятой методологии определения границ неформальной занятости применительно к некоторым видам трудовой деятельности, особенно в сфере сельскохозяйственного производства. Так, дискуссии о характере труда в ЛПХ, по-видимому, никогда не утихнут, так как здесь особенно сложно выявить и количественно оценить пограничные формы. Например, провести четкий водораздел между конкретными ЛПХ и КФХ, когда первый вырос в достаточно крупное хозяйство с высоким показателем товарности, а второй сократился до хозяйства, обслуживающего потребности фермерской семьи. Соответственно возникает проблема статуса занятых в таких ЛПХ и КФХ. Отсутствует «четкий количественный критерий отнесения домашнего хозяйства к товарному типу, при котором членам семьи, производящей товары и услуги в домохозяйстве, можно было бы придать статус занятых. Это делает границы занятости размытыми и позволяет их необоснованно раздвигать, иллюзорно сокращая действительные масштабы безработицы и остроту проблемы трудоустройства экономически активного населения, что особенно актуально для сельской местности».²⁷²

В рамках обследований по проблемам занятости населения Росстат начал отдельно выделять сектор домашних хозяйств с 2003 г. и относить к числу занятых в нем тех, кто производит продукцию сельского и лесного хозяйства, охоты и рыболовства, предназначенную *полностью или частично* для реализации. По сравнению с более ранними обследованиями рамки «занятости в домашнем хозяйстве» расширены за счет лесного хозяйства, охоты и рыболовства.

По крайней мере с 2003 г. численность занятых в домашних хозяйствах неуклонно сокращалась: в сельской местности за период 2003-2010 гг. на 33,6%. Данное сокращение происходило и по отношению к общей численности неформально занятых в сельской местности (в 2008-2010 гг. – с 23% до 20,5%), и по отношению к общей численности неформально занятых *в сельскохозяйственной отрасли* в сельской местности (с 41% до 35,4%).

²⁷² Состояние ... 2010. – С. 49, 52.

В 2011 г. тенденция изменилась: впервые с 2003 г. возросла абсолютная численность занятых в домашних хозяйствах (на 0,3% по сравнению с 2010 г.), но в относительном исчислении нисходящая тенденция осталась (соответствующие доли, приведенные выше, снизились до 18,4 и 32,9%).²⁷³

В рамках анализа неформальной занятости в домашних хозяйствах представляет интерес разделение домашних хозяйств на товарные и потребительские. Можно выделить три основные группы домохозяйств по их отношению к показателю товарности. Для первой группы домохозяйств характерен полный отказ от приусадебного производства в силу высокой материальной обеспеченности, отсутствия свободного времени, преклонного возраста и т.д. Эта группа сельских домохозяйств находится вне контекста анализа неформальной занятости. Вторая группа представляет домохозяйства потребительского типа; производство в них мотивировано *главным образом* обеспечением личного семейного потребления. Наконец, третья группа включает домохозяйства товарного типа, чье приусадебное производство *главным образом* ориентировано на рынок.²⁷⁴ З.И. Калугина, ссылаясь на данные Росстата от 2008 г., оценивает соотношение численности занятых в собственных хозяйствах производством сельхозпродукции для реализации и для собственного потребления как 1 : 2,3 – соответственно 2,6 и 6 млн. человек,²⁷⁵ что примерно соответствует приведенным выше оценкам В.А. Богдановского (2,9 млн. чел., занятых в товарных хозяйствах, на 2005 г.). Различия в оценках связаны с уже упоминаемой неоднозначностью критерия разделения товарного и потребительского типов домохозяйств и разными годами наблюдения.

Анализ показывает, что занятость в домохозяйствах потребительского типа снижается ускоренным темпом, а занятость в домохозяйствах товарного типа – замедленным темпом: за период 2003-2010 гг. сокращение оставило соответственно 35,4% и 26,5%. Это способствовало росту удельного веса численности занятых в товарных домохозяйствах по отношению к общей численности занятых

²⁷³ Состояние ... 2010. – С. 50; Состояние ... 2013. – С. 53, 54.

²⁷⁴ Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН РАН, 2010. – С. 205-206.

²⁷⁵ Калугина З.И. Сельская занятость в период «турбулентных реформ» // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. – Уфа, 2012. – С. 5102-5109.

в домохозяйствах – с 20,2 до 22,4%. В 2011 г. общий рост занятости в домашних хозяйствах, составивший 0,3%, был достигнут за счет опережающего роста занятости в товарных домохозяйствах, который превысил 11%. Положение товарных хозяйств как источника занятости укрепилось, и эта тенденция отражает более широкую тенденцию рыночной рационализации уклада жизни, а также подтверждает результаты §4.3.

Неформальная занятость может носить как вынужденный, так и осознанный, добровольный характер: среди неформально занятых выделяются категории инициативных, мобильных работников, ориентированных на получение высоких доходов, и работников, имеющих низкую квалификацию и не пользующуюся спросом специальность. Первых было бы правильнее назвать «самозанятыми» вместо «неформально занятых»; они активны, часто находят себя вне сельскохозяйственного производства. Если их деятельность связана с приусадебным хозяйством, то это всегда товарное, высокодоходное предприятие, часто включающее в себя не только производство сельхозпродукции, но и ее скупку с последующей продажей на розничном рынке. Представители второй категории ведут потребительское приусадебное хозяйство. Они хотели бы работать по найму, но в силу ограниченности сфер приложения труда в сельской местности не имеют такой возможности.²⁷⁶

Обследования Росстата и Центра всероссийского мониторинга социально-трудовой сферы села дают картину занятости *сельского населения*, но не отвечают на вопрос о рабочих местах *в сельской местности*.²⁷⁷ Информацию о состоянии рынка труда в сельской местности можно получить из дополнительных источников, например, из отчетов соответствующих региональных министерств и ведомств. Согласно данным Мониторинга сельского рынка труда Саратовской области за 2012 г., публикуемым министерством занятости, труда и миграции обла-

²⁷⁶ Бочарова Е.В. Самозанятость сельского населения в неформальном секторе экономики // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2013. – №2.

²⁷⁷ Шабанов В.Л. Особенности современной сельской занятости (на примере Саратовской области) // Экономика сельского хозяйства России. – 2015. – №7. – С. 78-83.

сти,²⁷⁸ в структуре занятости, спроса на рабочую силу и предложения рабочих мест преобладают вакансии, связанные с сельскохозяйственной деятельностью.

Сельскохозяйственная отрасль в Саратовской области обеспечивает работой 26,9% занятого сельского населения. Одновременно с этим потребности отрасли в рабочей силе покрывают 25,4% всего рынка труда. Небольшое различие в 1,5 п.п. неслучайно, оно представляет долговременную тенденцию сокращения роли сельского хозяйства в экономике села.

Показатель спроса на рабочую силу формируется по результатам обработки общего числа вакансий, поданных в органы службы занятости. Общее число вакансий есть отражение потребности экономики в замещении выбывших по разным причинам работников, потребности в новых работниках при расширении производства и необходимости уменьшения числа рабочих мест при сокращении производства и последующих увольнениях по сокращению штата (табл. 5.1).

Табл. 5.1. Динамика числа ликвидированных и вновь созданных рабочих мест в сельской местности за 2011-2013 гг.

показатели	2011	2012	I полуг. 2013
число ликвидированных вакансий	837	692	236
в том числе в сельском и лесном хозяйстве	216 (25,8%)	326 (47,1%)	95 (40,3%)
число созданных вакансий	555	1495	839
в том числе в сельском и лесном хозяйстве	246 (44,3%)	561 (37,5%)	391 (46,6%)

Можно видеть, что доля сельского и лесного хозяйства как в структуре ликвидированных, так и в структуре созданных вакансий после 2011 г. значительно превышала его долю в отраслевой структуре занятости. Первое свидетельствует о наличии тенденции структурной перестройки сельской экономики. Второе означает, что отраслевая структура создаваемых новых вакансий не соответствует спросу на рабочую силу и отражает политику государства по поддержке сельского хозяйства. Об этом же свидетельствует и то, что число созданных рабочих мест в аграрной отрасли неизменно превышало число ликвидированных. Действительно, в рассматриваемый период областные власти реализовали ряд «целевых про-

²⁷⁸ **Мониторинг** сельского рынка труда Саратовской области. 2012 год / Министерство занятости, труда и миграции Саратовской области. – Саратов, 2013.

грамм и инвестиционных проектов», направленных на «реконструкцию и модернизацию животноводческих ферм, птицефабрик, строительство современных свиноводческих комплексов, развитие пищевой промышленности».²⁷⁹ Наличие данных с описанием каждой новой вакансии²⁸⁰ позволяет оценить влияние целевых программ на развитие рынка труда и подробно проанализировать отраслевую структуру создаваемых рабочих мест.

В первой половине 2013 г. новые рабочие места в сельском хозяйстве появились в 26 районах области из 37. Их предоставили 32 «крупхоза» и 52 КФХ и ИП, относящиеся к сельскохозяйственной отрасли.

Всего фермеры и индивидуальные предприниматели создали 121 новое рабочее место (31% от общего числа новых вакансий в сельскохозяйственной отрасли); из них более трети – в рамках целевой программы, программы «Начинающий фермер» и Закона Саратовской области от 26.10.2011 г. «О государственной поддержке кадрового потенциала АПК Саратовской области». Как правило, КФХ и ИП предлагают по 1-5 новых вакансий в разных направлениях сельскохозяйственного производства, чаще всего животноводства. Большинство из них связаны с введением в строй или модернизацией животноводческого комплекса, разведением КРС, модернизацией убойного пункта и т.д.

«Крупхозы» предоставили 270 новых рабочих мест (69% от общего числа новых вакансий в сельском хозяйстве), в том числе 72 – в связи с вводом в строй трех новых животноводческих комплексов, 23 – в связи со строительством теплицы, 18 – в связи с реконструкцией элеватора. Достаточно много новых рабочих мест – 87 или почти треть от общего числа новых вакансий, открытых «крупхозами», – были предложены для выполнения сезонных полевых работ.

Несмотря на большое число сезонных, временных рабочих мест, можно отметить, что имеет место интенсификация аграрной отрасли, которая приводит к ускоренному замещению старых вакансий, что можно считать позитивной тен-

²⁷⁹ Мониторинг ... 2013. – С. 9.

²⁸⁰ Мониторинг ... (Приложение 11), 2013. – С. 44-48.

денцией. Общее число рабочих мест в селе после 2011 г. возрастает в значительной мере благодаря государственной поддержке аграрной отрасли.

С сельским хозяйством тесно связано производство пищевых продуктов. Данная отрасль предоставила 70 новых рабочих мест в 7 районах области (8,3% от общего числа новых вакансий в сельской местности). Из них 51 новое рабочее место было открыто в двух крупнейших пригородных районах – Энгельском и Балаковском. Это свидетельствует о том, что производство медленно развивается в отдаленных аграрных районах, сосредоточиваясь в пригородной зоне крупных, многонаселенных центров.

Социальная сфера представлена школами, детскими садами и учреждениями здравоохранения. Она предлагает 146 новых вакансий в 15 районах области (37,3% от общего числа новых вакансий в сельской местности), в том числе почти половину – в рамках областной и муниципальных целевых программ по развитию дошкольного образования области. Значительная часть новых рабочих мест в детских садах связана с открытием новых групп в результате увеличения приема детей и, очевидно, объясняется повышением рождаемости.

Прочие виды экономической деятельности представлены 232 новыми вакансиями из 6 районов области (27,7% от общего числа новых вакансий в сельской местности). Из них 192 новые вакансии или 83% появились благодаря вводу в эксплуатацию мини-завода по производству сортового проката строительного назначения в пригородном Балаковском районе. Среди остальных 40 новых вакансий 11 связаны с работой в магазинах и кафе, 15 с временной работой в «крупхозах» и 14 – в пригородном Саратовском районе – с работой в промышленности и сфере услуг.

Таким образом, диверсификация сельской экономики происходит медленно. Быстрее других развиваются сельское хозяйство и социальная сфера, и оба – при существенной поддержке государства. Другие сектора экономики представлены «точечными» предприятиями, открытыми в пригородных зонах индустриально развитых районов области.

Для оценки собственных возможностей села по обеспечению работой жителей и для оценки распространенности занятости за пределами села «вахтовым» способом (современного «неоотходничества»)²⁸¹ были проанализированы социальные паспорта ряда муниципальных образований²⁸² и материалы похозяйственных книг четырех сел Саратовской области – Ждановки, Упоровки, Старого Хопра, Возрождения.

Социальный паспорт является официальным документом, в котором фиксируется и ежегодно обновляется основная статистическая информация по МО и его населению. Она включает статистику числа дворов и скота в ЛПХ, демографической структуры и занятости и др.

Постраничный анализ материалов похозяйственных книг МО можно сравнить с поголовным обследованием населения МО по вопросам занятости, половозрастным характеристикам и др.; информация из похозяйственных книг дополнялась и уточнялась у специалистов администрации (см. также §3.3).

Анализ социальных паспортов показал, что общими для всех сел-центров МО являются вакансии учреждений, финансируемых из госбюджета – школы, детского сада, ФАПа, дома культуры и других, относящихся к социальной сфере, а также администрации, почты и т.д. Частный сектор экономики представлен магазинами розничной торговли, которые имеются практически в каждом селе, а также отделениями банков, компаний сотовой связи и др., расширившими свое представительство в сельской местности в последние годы.

Аграрная отрасль присутствует почти в каждом селе. Прежде системообразующая отрасль для сельских поселений, она была представлена коллективным хозяйством – колхозом или совхозом, обеспечивающим занятость большинства трудоспособных жителей села. В настоящее время в селах чаще всего вместо одного большого хозяйства имеется несколько небольших и мелких, образованных на месте распавшегося колхоза или совхоза. Реже колхоз и совхоз сохранился, как правило, сменив форму собственности, управления и организации; всегда в уре-

²⁸¹ Великий П.П. Неоотходничество... 2010.

²⁸² см. официальный портал муниципальных образований Саратовской области: URL: <http://sarmo.ru> (Дата обращения – 01.02.2013).

занном виде, потеряв часть земель, отошедших выделившимся из его состава КФХ и сократив значительную часть работников. Занятость в селе, как и раньше, в первую очередь зависит от состояния аграрной отрасли и успешности сельхозпредприятий.

Оценки уровня занятости по основным видам деятельности демонстрируют ограниченность возможностей и ресурсов села по обеспечению работой своих жителей. Бюджетная сфера в целом обеспечивает занятость 10-15% сельских жителей трудоспособного возраста. Аграрная отрасль предоставляет в среднем 20-35% рабочих мест в зависимости от состояния местных сельхозпредприятий и фермерских хозяйств. Официальный уровень безработицы всюду в пределах 1-3%; отсутствуют сведения о занятости 40-60% жителей трудоспособного возраста, из которых большая часть работает вне села постоянно или вахтовым методом или занята неформально.

Материалы похозяйственных книг 4-х сел определили состав гнездовой выборки исследования занятости. Отобранные для включения в гнездовую выборку села представляют основные типы сел-центров МО Саратовской области по численности населения (350-2200 чел.), по типу важнейших работодателей (крупное сельхозпредприятие в Ждановке, несколько небольших в Старом Хопре и Упоровке, промышленное предприятие в Возрождении), по местоположению (пригородное – Старый Хопер, отдаленные – Ждановка, Упоровка).²⁸³

Прежде всего рассмотрим половозрастную структуру населения в селах, составивших гнездовую выборку (табл. 5.2).

²⁸³ **Троцук И.В.** Типы сельских территорий и риски муниципальной реформы: возможные сценарии развития сельской России // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки / РАНХиГС. – Москва, 2012. – С.417-426; **Троцковский А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.** Устойчивое развитие сельских территорий в контексте социальных проблем развития Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – №2-1. – С.324-333; **Родионова Л.В., Троцковский А.Я.** Региональный рынок труда: проблемы формирования прогнозирования и регулирования // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – №2-1. – С.298-307.

Таблица 5.2. Половозрастная структура населения в селах, составивших гнездовую выборку (данные по Упоровке отсутствуют), чел., и в РФ, млн. чел.

	РФ (на 01.01.2015) ²⁸⁴			Старый Хопер			Возрождение			Ждановка		
	М	Ж	раз-ница	М	Ж	раз-ница	М	Ж	раз-ница	М	Ж	раз-ница
всего	18,2	19,7	–	504	525	–	984	1241	–	420	455	–
в т.ч. в возрасте												
0 - 9	2,57	2,45	0,13	52	34	18	91	88	3	65	55	10
10 - 19	2,10	1,97	0,13	64	48	16	85	103	-18	50	53	-3
20 - 29	2,68	2,32	0,36	93	80	13	143	127	16	72	64	8
30 - 39	2,69	2,55	0,14	59	66	-7	141	159	-18	47	54	-7
40 - 49	2,46	2,48	-0,02	84	70	14	163	137	26	69	64	5
50 – 59	2,93	3,13	-0,21	78	85	-7	170	219	-49	51	70	-19
60 и ст.	2,82	4,85	-2,03	74	142	-68	191	408	-217	68	93	-25

Половозрастная структура по селам отличается большей неоднородностью по сравнению с половозрастной структурой сельского населения РФ. В то же время общие закономерности сохраняются: численность мужчин в селах преобладает над численностью женщин в возрастных группах от рождения до 30 лет, среди лиц старших возрастных групп, особенно в группе 60 лет и старше, численность женщин существенно больше численности мужчин. По РФ в целом половозрастная структура населения сглажена: численность мужчин превышает численность женщин от первых лет жизни до возрастной когорты 40-49 лет без исключений, причем, в когорте 20-29 лет отмечаемый дисбаланс наиболее значительный (для двух сел из трех он также наиболее значительный в этой возрастной когорте). «Странное» выпадение наиболее продуктивного возраста можно объяснить более активным миграционным поведением молодых женщин: они чаще, чем мужчины, уезжают в город учиться или работать, после чего в родные села не возвращаются.

Рассмотрим структуру занятости жителей выбранных сел.

²⁸⁴ Рассчитано по: **Российский ...** 2015. – С. 73.

Обследование в селе Ждановка проводилось в 2011 г. Село является центром одноименного МО, расположенного в Краснокутском районе – одном из развитых сельскохозяйственных районов Саратовского Заволжья. Численность населения Ждановки – 875 человек, что является средним показателем среди сел-центров МО (135 место среди общего их количества 355 по переписи 2010 г.²⁸⁵). Численность населения трудоспособного возраста (старше 15 лет) – 504 человека (57,6%). Сфера его занятости представлена в табл. 5.3.

Таблица 5.3. Место работы или род деятельности жителей села Ждановка трудоспособного возраста

Место работы (род деятельности)	Количество человек	Доля в трудоспособном населении, %
Сельскохозяйственное производство	176	34,9
Бюджет (детсад, школа, ДК, социальная служба, ФАП, администрация, почта и т.п.)	50	9,9
ИП (магазины, кафе), включая незарегистрированный малый бизнес (частный извоз и проч.) и наемный персонал	40	8,0
Работа в райцентре	18	3,6
Работа «вахтовым методом»	63	12,5
Студенты, обучающиеся в городах	42	8,3
Учащиеся с.ш. 16-17 лет	11	2,2
Прочие	9	1,8
Безработные, домохозяйки	95	18,8
Итого в трудоспособном возрасте	504	100,0

Отличительной чертой села является наличие в нем крупного работодателя – ООО «Росагро-Заволжье», входящего в состав многопрофильного агрохолдинга с центральным офисом, находящимся в Москве. «Росагро-Заволжье» обеспечивает постоянной работой 22,6% жителей села трудоспособного возраста; еще 7,1% трудоспособных жителей получают сезонную работу. Кроме того, сельхозпроизводство в селе представлено выращиванием овощей на взятых в аренду у муниципалитета полях (3,4% трудоспособных жителей). Фермерских хозяйств в селе нет, так как предшественник ООО «Росагро-Заволжье» – ГУП ОПХ «Ждановское» – имел государственную форму собственности, не был акционирован и раз-

²⁸⁵ Численность и размещение населения Саратовской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. – Саратов, 2012 – 104 с.

делен на паи. Поэтому процесс создания фермерских хозяйств на территории Ждановского округа был возможен только на землях из фонда перераспределения; в настоящее время фермерские хозяйства в округе отсутствуют. Тем не менее, 1,8% трудоспособных жителей села имеют фермерские хозяйства в соседних округах или являются наемными работниками в них. Таким образом, почти 35% жителей Ждановки трудоспособного возраста заняты в аграрном секторе, что значительно превышает аналогичный показатель в целом по стране (который составляет около 20%).

Среди занятых сельхозпроизводством преобладают мужчины – 64,8%. Средний возраст занятых сельхозпроизводством колеблется от 37 лет в КФХ до 42 лет в «Росагро-Заволжье», и он превышает средний возраст трудоспособных жителей Ждановки, составляющий 35,6 года.

3,6% трудоспособных жителей села каждый день ездят на работу в райцентр г. Красный Кут (14,5 тыс. жителей). 12,5% работают «вахтовым методом», выезжая на длительное время на заработки в города. Работающие «вахтовым методом» – наиболее молодые: их средний возраст составляет 32 года.

В общей сложности 8,0% жителей села связаны с предпринимательством, представленным главным образом торговлей и общепитом (2 магазинами розничной торговли и 1 кафе), а также грузоперевозками.

Доля безработных составляет почти 19%; средний возраст безработных довольно низок – 34,5 года. Высокая безработица среди молодежи, ориентация молодежи на отходничество свидетельствует об ограниченных возможностях удовлетворительного трудоустройства в селе, причем, работа в аграрном секторе оказывается не очень привлекательной для молодых, несмотря на достаточно высокую заработную плату в ООО «Росагро-Заволжье», составлявшую в среднем почти 20 тыс. руб. в месяц на конец 2011 года.

Уповровский МО существовал до 2009 г., после чего, в ходе укрупнения сельских МО, он был объединен с соседним Галаховским МО, и село Уповровка потеряло свой статус центра МО. Обследование проводилось в 2008 г. в селах Уповровка, Ивановка и Бирюковка, входивших в состав тогдашнего Уповровского

МО. Округ интересен для нашего исследования своим «глубинным» местоположением и возможностью анализа ЛПХ как источника неформальной занятости.

Села бывшего Упоровского МО расположены в Екатериновском районе Правобережья Волги и отдалены от крупных населенных пунктов. На момент проведения обследования округ состоял из 125 домохозяйств, в которых жили 356 человек, в том числе 249 трудоспособного возраста и только 6 детей в возрасте до 6 лет. В округе отсутствовал детский сад, но имелась школа, которую посещали 38 учащихся и в которой работали 15 учителей и 9 человек обслуживающего персонала. Из других бюджетных учреждений в Упоровском МО были представлены дом культуры, ФАП, почта, администрация, в которых было занято 13 человек. Также в Упоровке имелось 2 частных магазина с 4 работающими (табл. 5.4).

Таблица 5.4. Место работы или род деятельности жителей трудоспособного возраста сел Упоровка, Ивановка, Бирюковка

Место работы (род деятельности)	Количество человек	Доля в трудоспособном населении
Сельскохозяйственное производство	57	22,9
Бюджет (школа, ДК, ФАП, администрация, почта)	37	14,9
ИП (2 магазина)	4	1,6
Работа «вахтовым способом»	нет данных	нет данных
Итого в трудоспособном возрасте	249	100

Основными работодателями в округе были 3 крупных фермерских хозяйства с размерами землепользования от 1,3 до 3,5 тыс. га. В них на постоянной основе было занято 47 человек, представляющих такое же количество фермерских семей (всего 141 чел.). Еще 10 человек имели в КФХ временную, сезонную работу. Таким образом, 38% семей в округе и 42% жителей округа были связаны с сельским хозяйством.

Сравнительно небольшой удельный вес работавших на территории самого округа (39,4%) объясняется его отдаленностью и тем, что в обследование было включено население 2-х малых сел (по 50 жителей в каждом), которое в советское время было занято главным образом в местном хозяйстве, базировавшемся в Упоровке. В настоящее время хозяйство распалось, и 3 образованных на его землях КФХ предоставляют работу гораздо меньшему числу людей, чем раньше: в

конце 1980-х гг. аграрная отрасль обеспечивала занятость 140-150 чел., охватывая примерно половину трудоспособного населения – против 23% в настоящее время.

Отдаленность от городов и доступ значительной части семей к источникам кормов, которые до сих пор носят льготный характер (работа в КФХ, арендная плата на земельную долю) способствуют развитию неформальной занятости в сфере сельхозпроизводства.²⁸⁶ На 125 домохозяйств приходилось 316 голов КРС (по 2,53 на домохозяйство), в том числе 144 коровы (по 1,15); 178 свиней (по 1,42), 260 овец (по 2,1). Столь значительное количество скота в хозяйствах населения свидетельствует об их потребительско-товарном характере: жители отдаленного села в отсутствие работы стремятся самостоятельно обеспечить семейные потребности в мясомолочной продукции и получить денежный доход от ее продажи. Большинство домохозяйств торговали через посредников, так как самостоятельная торговля осложнялась отдаленностью округа.

Село Старый Хопер – единственный населенный пункт одноименного МО. Оно расположено в 19 км от крупного районного центра – города Балашов (97 тыс. жителей). В селе проживает 1029 человек, в том числе 560 (54%) в трудоспособном возрасте (табл. 5.5).

Таблица 5.5. Место работы или род деятельности жителей села Старый Хопер трудоспособного возраста

Место работы (род деятельности)	Количество человек	Доля в трудоспособном населении
Сельское хозяйство	113	20,2
Бюджет (средняя школа, детский сад, ФАП, ДК, социальная служба, администрация)	74	13,2
ИП (магазины, кафе, цех по переработке круп, ремонт, строительство)	40	7,1
Работающие в райцентре	20	3,6
Работающие «вахтовым методом»	80	14,3
Студенты	41	7,3
Учащиеся средней школы 15-17 лет	18	3,2
Прочие	28	5,0
Безработные, домохозяйки	146	26,1
Итого в трудоспособном возрасте	560	100,0

²⁸⁶ Кузник Н.П., Шабанов В.Л. Ресурсное обеспечение приусадебного сельскохозяйственного производства // АПК: экономика, управление. – 2004. – №3. – С.62-68.

Сельское хозяйство представлено ООО «Аграрный Альянс» – сельхозпредприятием среднего размера площадью 4,7 тыс. га. Стоит отметить, что его трансформация, как и почти всюду, в ходе аграрной реформы шла болезненно. Колхоз им. Т.Шевченко, существовавший в селе в советское время, в 1990-е гг. перерегистрировался в ПО «Старый Хопер», которое разорилось несколько лет назад, и на его месте было образовано нынешнее ООО «Аграрный Альянс». За весь период трансформаций сельхозпредприятия произошло значительное сокращение числа занятых в нем – с приблизительно 200 до нынешних 80.

Кроме ООО, на землях бывшего колхоза в настоящее время действует одно крупное КФХ площадью 1000 га и 5 небольших (от 50 до 400 га). Всего в фермерских хозяйствах занято чуть больше 30 человек. Очевидно, занятость в КФХ не компенсировала сокращение занятости в бывшем колхозе.

В селе имеются следующие предприятия малого и среднего бизнеса: 2 частных магазина, 4 кафе, мастерская по ремонту автомобилей, цех по переработке проса и гречихи. Всего в них занято 40 человек, как предпринимателей, так и наемных работников.

Хорошая экология, развитая инфраструктура, связанная с близлежащим крупным городом, живописная местность, река Хопер делают село привлекательным для поселения в нем. Старый Хопер является одним из немногих сел области, в которое в последние годы приезжает больше людей, чем уезжает из него: за 2007-2011 гг. соответственно 142 и 98. При этом значительная часть приезжих продолжает большую часть времени жить и работать в других местах, бывая в купленных сельских домах наездами, в периоды отпусков, в выходные дни и т.д. Таких жителей, по оценкам специалиста администрации, приблизительно 120 человек, в том числе 50 из них проживает только в теплое время года, 70 бывает наездами.²⁸⁷ Так как часть людей из числа приезжих трудоспособного возраста за-

²⁸⁷ О миграциях горожан в сельскую местность, о появлении сельско-городских сообществ см., например: **Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г.** Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России: Социология, этнология. – 2016. – Т.25, № 1. – С.103-128; **Нефедова Т.Г.** Рекреация горожан как фактор сохранения и реконструкции сельского расселения Нечерноземья // Наука. Инновации. Технологии. – 2015. – №2. – С.120-139; **Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.** Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. – 2015. – №12. – С.60-69; **Хагуров А.А.** Социально-экономическая структура ... 2012.

регистрирована в селе, они «портят» реальную картину занятости, часто попадая в число безработных, доля которых представляется завышенной. В то же время она объясняется не только отсутствием информации по сравнительно небольшому числу приезжих, но и распространением неформальной занятости.

Здесь мы сталкиваемся с особенностями пригородных сел, которые становятся в той или иной степени базой для развития своеобразной «обслуживающей» экономики, часто носящей неформальный характер. Она включает сферу услуг рекреационной зоны для горожан, приобретающих дома под временное жильё для продолжительного и непродолжительного отдыха, производство продуктов питания для продажи дачникам и для торговли на городских рынках и т.д. Рядом с селом проходит автомобильная трасса, соединяющая Саратов и Балашов с Москвой; автобусы в обе стороны курсируют 6-8 раз в сутки, что позволяет жителям без проблем, менее чем за полчаса добираться до Балашова и обратно на работу или для продажи продукции ЛПХ. Приусадебное производство в селе достаточно развито: на 475 дворов имеется 437 голов КРС, в т.ч. 217 коров, 289 свиней, 50 овец и коз. поголовье распределено неравномерно: есть дворы, держащие по 4-5 коров. Наиболее распространена торговля молокопродуктами – как самостоятельная в Балашове и среди дачников, так и через оптовых скупщиков. Согласно оценкам специалиста администрации, не менее 100 жителей Старого Хопра с той или иной регулярностью ездят в Балашов продавать продукцию ЛПХ или получают доход от ее продажи дачникам.

Необходимо отметить, что высокая роль райцентра в обеспечении функционирования *неформальной* приусадебной экономики селян сосуществует с весьма незначительной его ролью в обеспечении их *формальной* занятости. Что касается занятости «вахтовым» методом в отдаленных городах, то она приблизительно такая же, как и в других селах (см. табл. 5.5).

В Саратовской области существует небольшое число сельских населенных пунктов, в экономике которых представлены промышленность и сфера услуг. Одно из таких сёл – Возрождение, расположенное в Хвалынском районе. Его многоотраслевая экономика представлена крупным «градообразующим» промышлен-

ным предприятием, а также рядом меньших по размеру предприятий и организаций, которые обеспечивают работой население. Кроме того, село является одним из крупнейших по численности населения в Саратовской области (около 2200 чел. – 16-е среди всех сел области). Сплошное исследование рынка труда с. Возрождение позволит определить, насколько многоотраслевая, преимущественно неаграрная структура экономики влияет на занятость населения и на его миграционную активность.

В селе отсутствуют крупные сельскохозяйственные предприятия, выросшие из бывших колхозов или совхозов, но есть несколько средних по размеру КФХ, в которых занято 25 человек (табл. 5.6). Отсутствие крупного сельхозпредприятия в селе объясняется тем, что Возрождение было основано в 1953 г. как поселение городского типа, обслуживающее местную железнодорожную станцию. В качестве села Возрождение было перерегистрировано в 2005 г. Обследование в нем проводилось в 2012 г.

Таблица 5.6. Место работы или род деятельности жителей села Возрождение трудоспособного возраста

Место работы (род деятельности)	Количество человек	Доля в трудоспособном населении
Промышленность и сфера услуг	224	18,4
Бюджет (ЦРБ и ФАП, школа, детский сад, ДК, администрация)	97	8,0
ИП (магазины, кафе)	86	7,0
Сельское хозяйство	25	2,0
Работающие в райцентре	17	1,4
Работающие вахтовым методом	320	26,2
Студенты	88	7,2
Учащиеся средней школы 15-17 лет	39	3,2
Безработные, домохозяйки	217	17,8
Выбывшие	83	6,8
Прочие	24	2,0
Итого в трудоспособном возрасте	1220	100,0

В 1950-е года на Волге было начато строительство каскада гидроэлектростанций. Бурный рост производства электроэнергии в стране дал толчок развитию производства различных электрических аппаратов для промышленности и сель-

ского хозяйства. Наличие железнодорожных и водных путей, трудовых ресурсов, ряда промышленных зданий и сооружений, жилого фонда в поселке Возрождение определило его выбор для строительства одного из таких предприятий – завод по производству комплексных распределительных устройств «Электрофидер» – которое было построено в 1957. Население поселка стало быстро расти за счет притока рабочих, в скором времени значительная часть трудоспособного населения поселка оказалась занятой на заводе.

Кроме завода «Электрофидер», в селе был построен завод железобетонных изделий, который не пережил реформы 1990-х годов. Завод «Электрофидер» хотя и сильно уменьшился в размерах, но выжил, сменив форму собственности. В настоящее время «Электрофидер» остается достаточно крупным промышленным предприятием, производящим низковольтную аппаратуру, распределительные коробки, предохранители, электрощиты, трансформаторные щиты, а также осуществляет торгово-закупочную и социально-бытовую деятельность. Он обеспечивает работой около 10% жителей трудоспособного возраста. Хотя в 1980-е гг. завод был большего размера, и на нем работало приблизительно 20-25% трудоспособного населения, но то, что заводу удалось выжить в 1990-е гг. и адаптироваться к рыночной экономике, имеет большое значение для сегодняшнего населения с. Возрождение. Прежде всего это связано с разнообразием специальностей: на заводе есть вакансии инженеров, рабочих, экономистов, бухгалтеров, менеджеров. В условиях сельской местности с ее моноотраслевой экономикой подобное разнообразие встречается редко; оно очень важно для образованных, квалифицированных специалистов. Тем не менее, молодежи на заводе мало: среди работников завода лишь каждый пятый – в возрасте 20-39 лет, в то время как во всем трудоспособном населении села доля данной возрастной группы превышает половину.

Кроме завода «Электрофидер», промышленность и сфера услуг в селе представлены швейным цехом, отделением РЖД, электроподстанцией, ЖКХ, которые обеспечивают занятость более 8% трудоспособного населения. Таким образом, в целом почти каждый пятый житель трудоспособного возраста занят благодаря

многоотраслевому характеру экономики села; промышленность и сфера услуг в данном селе занимает место аграрной отрасли в других селах.

Трансформация предприятий аграрной отрасли способствовала перетеканию значительной части трудовых ресурсов «обычных» сел в неформальную сельскохозяйственную занятость. Здесь же население, никогда прежде не занимавшееся сельским хозяйством, в большей степени ориентировано на временную трудовую миграцию: более четверти от числа трудоспособных работает «вахтовым» методом. С учетом тех, кто ездит на работу в расположенный недалеко районный центр Хвалынский (13 тыс. жителей), доля работающих за пределами села составляет 27,6% от численности его трудоспособного населения.

Необходимо отметить, что, как и в случае с другим пригородным селом – Старым Хопром – в райцентре работает незначительное число жителей села Возрождение – 17 человек (1,4% трудоспособных). Районные города, независимо от их размера, к настоящему времени так и не стали центрами притяжения для рабочей силы из окрестных сел, хотя именно они должны были бы аккумулировать заметную часть занятости живущего «в шаговой доступности» сельского населения, способствуя уменьшению отходничества.²⁸⁸ Кроме того, сложившаяся система сельского расселения во многих регионах РФ имеет негативную специфику, которая выражается в мелкоселенности сельских поселений, их разреженности, удаленности от областных и районных центров и т.д.²⁸⁹ Такое положение не способствует закреплению населения в сельской местности, ведет к «вымыванию» наиболее активных и образованных трудовых ресурсов из сел местности в города.

Таким образом, к сожалению, ни районные города, ни ближайшие областные города не являются основными поставщиками рабочих мест для жителей сел: в нашем случае Самара, Сызрань, Балаково и Саратов – крупные города «по соседству» от с. Возрождение – обеспечивают работой 75 человек или около четверти от числа работающих «вахтовым» способом. Остальные 3/4 работают в север-

²⁸⁸ Нефедова Т.Г. Кризис и возможности устойчивого сельского развития в России // Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельской территории: Зарубежный опыт и проблемы России. – М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2005. – С.296-322.

²⁸⁹ Бондаренко Л.В. Российское село в эпоху перемен: занятость, доходы, инфраструктура. – М.: ВНИИЭСХ, 2003. – С.326; Паицорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН РАН. 2010. – С.85-96.

ных городах в основном строителями в нефте- и газодобыче (36% из них), в Сочи на строительстве олимпийских объектов (14%), в Москве (12%). Основные специальности, которые осваивают временные трудовые мигранты – строители (мостовики, бурильщики, плотники, слесари, бетонщики), водители, охранники, продавцы. 85% работающих вахтовым методом в дальних городах – мужчины. Женщины, работающие вахтовым методом, заполняют вакансии продавцов, домработниц, официанток. Женщины чаще покидают село навсегда, создавая проблемные диспропорции в численности мужчин и женщин в наиболее репродуктивных возрастных группах.²⁹⁰ Следует также отметить, что временные трудовые мигранты – одни из наиболее молодых: их средний возраст составляет 38 лет против 40-45 лет у других категориях занятых.

Имеющаяся статистика позволяет провести также анализ миграционной активности жителей с. Возрождение. За три года, предшествующие обследованию, 83 человека (3,9% от общей численности и 6,8% от числа жителей трудоспособного возраста) покинули село. Значительная их часть пока оставляет местную регистрацию (прописку), что объясняет их присутствие в похозяйственных книгах и их учет в качестве жителей села, способствуя завышению численности его населения.

Из 83 выбывших только 6 живут и работают в Хвалынске. Остальные переехали в более отдаленные города. Снова, как и при анализе занятости «вахтовым» методом, возникает ситуация, когда население мигрирует в поисках работы и лучшей жизни в отдаленные, быстро развивающиеся города с их более ёмким рынком труда и большими возможностями. Достаточно высокая трудовая миграция сельского населения, единство рынка труда страны в целом, являются позитивными, современными тенденциями. Хотя, с другой стороны, снова приходится говорить о снижении роли малых городов («Второй России» по терминологии

²⁹⁰ Быченко Ю.Г., Шабанов В.Л. Влияние миграции на демографическое и этноструктурное развитие российского села // Мир России. – 2014. – №1 (23). – С.167-187.

Н.В. Зубаревич²⁹¹), их неспособности в полной мере использовать трудовой потенциал населения близлежащих сел.

Покидают село в основном молодые жители: их средний возраст – 33 года, что значительно ниже, чем у других рассмотренных групп населения. Почти половина выбывших – в возрасте до 30 лет. Женщин и мужчин примерно поровну – соответственно 48 и 52%. Стоит отметить, что в числе выбывших – только один ребенок 6 лет. Это свидетельствует о том, что уезжает в основном молодежь, иногда семейная, но не обремененная детьми, настроенная на то, чтобы начать в городе «новую жизнь» с нуля. Часть выбывших – люди более зрелого возраста, оставившие детей на попечение старшего поколения до своего обустройства в городе.

По результатам исследования сельской занятости можно сделать следующие выводы.

– Удельный вес аграрного сектора в структуре занятости сельских жителей сокращается. Работа в аграрном секторе не пользуется популярностью у молодежи. Другие отрасли экономики не замещают его полностью, возникающий пробел заполняется неформальной занятостью и временной трудовой миграцией (работой вахтовым способом, отходничеством).

– В составе неформальной занятости выделяется самозанятость, представляющая собой форму малого предпринимательства в сельскохозяйственной или несельскохозяйственной сфере, не имеющую официальной регистрации. По-видимому, самозанятость в сельской местности распространена шире, чем «формальное» малое предпринимательство.

– Местоположение вблизи крупных городов открывает новые рынки сбыта для продукции ЛПХ и способствует «псевдоаграрному расселению» – появлению нового слоя сельско-городских жителей, использующих село для рекреации. Это дает толчок развитию «обслуживающей» экономики и самозанятости.

²⁹¹ Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: ЛКИ, 2007. – 264 с.; Зубаревич Н.В. Современная Россия: география с арифметикой // Отечественные записки. – 2012. – №1 (46). – С.55-64.

– Многоотраслевой характер сельской экономики создает более ёмкий рынок труда для местного населения, предлагает более разнообразные вакансии. Однако уровень занятости в таких селах не выше, чем в «традиционных» селах, чья экономика имеет выраженную аграрную направленность. Излишняя централизация экономики РФ, инфраструктурные проблемы, низкий уровень жизни сдерживают развитие сельской местности и способствуют оттоку населения из нее. Многоотраслевой характер сельской экономики без решения обозначенных проблем не решит задачи удержания населения в сельской местности.

– Один из самых массовых и популярных видов деятельности – работа вахтовым способом. При этом большинство имеет вахту не в близлежащих районных городах. Центрами притяжения для сельского населения являются столица и бурно растущие города, в которых ведется активное строительство и есть возможность занять нишу строительных рабочих разных специальностей, а также другие ниши, традиционные для сельских жителей.

Итак, решение проблемы занятости в сельской местности связано в первую очередь с самим сельским населением, с его экономической активностью. Временная трудовая миграция в города (работа вахтовым способом) и самозанятость все чаще становятся основными направлениями занятости сельских жителей.

5.2 Экономическое поведение сельских домохозяйств и повышение уровня жизни сельского населения

Как было отмечено выше, приусадебное производство сельского населения может быть потребительским или товарным, его мотивация связана с возможностью обеспечить семейное потребление и получить дополнительные денежные доходы от продажи производимой в ЛПХ продукции.²⁹²

Наличие ЛПХ у сельских жителей объясняет «потребительский парадокс» 1992-1994 гг. по РФ в целом, при котором потребление большинства продуктов

²⁹² Экономическое поведение населения агропромышленного региона в годы реформ: стратегии и механизмы формирования / Под ред. А.М. Сергиенко и Л.В. Родионовой. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001. – 300 с.

питания в сельской местности было выше, чем в городской, несмотря на более низкие доходы (табл. 5.7).

Таблица 5.7. Потребление продуктов питания сельскими и городскими домохозяйствами РФ в 1992-1994 гг., кг на чел.²⁹³

Показатель	гор.			село		
	1992	1993	1994	1992	1993	1994
Среднедушевой годовой денежный доход, тыс. руб.	46,8	463,2	1747,2	22,8	228	937,2
Среднедушевое потребление в год, кг:						
хлебопродуктов	98,4	102	93,6	126	127,2	112,8
картофеля	93,6	100,8	90	151,2	154,8	147,6
овощей и бахчевых	75,6	72	67,2	88,8	88,8	75,6
фруктов и ягод	31,2	32,4	25,2	24	26,4	22,8
мяса и мясопродуктов	58,8	57,6	58,8	67,2	63,6	57,6
молока и молокопродуктов	280,8	285,6	273,6	372	399,6	354
яиц, шт.	240	228	204	276	264	216
рыбы и рыбопродуктов	13,2	13,2	10,8	6	4,8	6

Наличие похозяйственных данных бюджетного обследования Госкомстата России по Саратовской области за 1995 г. позволяет провести более детальный анализ потребления продовольствия домохозяйствами, относящимися к разным группам по уровню благосостояния, определяемого величиной среднедушевого дохода.²⁹⁴

Потребление продовольствия сельской местности Саратовской области в 1995 г. было достаточно высоким – более высоким, чем в городе, несмотря на более низкие по сравнению с городом денежные доходы. Таблица 5,8 представляет собой совмещение двух группировок, построенных по одинаковому принципу разбиения массивов сельских и городских домохозяйств на квартильные группы, образованные делением всей выборочной совокупности домохозяйств, упорядоченных по размеру среднедушевого денежного дохода, на 4 равные части.

²⁹³ Денежные доходы, расходы и потребление домашних хозяйств Российской Федерации в 1994 г. (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М.: Госкомстат России, 1995. – С. 26, 28.

²⁹⁴ См.: Шабанов В.Л. Домашние хозяйства ... 1992. – С. 78-85.

Таблица 5.8. Потребление основных продуктов питания сельскими и городскими жителями за 1995 г., кг на 1 члена семьи - сельской (числитель) и городской - знаменатель)

Среднедушевые доход и потребление	Группы доходности, руб./чел.				Средние	Отношение IV к I
	I	II	III	IV		
среднедушевой годовой денежный доход, руб.	<u>995,6</u> 1656,8	<u>1619,8</u> 2498,5	<u>2327,9</u> 3347,1	<u>3709,1</u> 5588,3	<u>2037,1</u> 3067,8	<u>3,67</u> 3,37
мясо	<u>45,5</u> 24,4	<u>55,0</u> 33,1	<u>64,5</u> 40,3	<u>70,6</u> 52,5	<u>60,5</u> 39,2	<u>1,55</u> 2,15
мясопродукты	<u>1,9</u> 5,9	<u>3,2</u> 8,6	<u>4,9</u> 11,4	<u>7,9</u> 17,4	<u>4,6</u> 11,4	<u>4,16</u> 2,9
молоко	<u>183,0</u> 36,6	<u>260,6</u> 43,0	<u>258,0</u> 44,4	<u>293,0</u> 57,0	<u>261,0</u> 47,7	<u>1,6</u> 1,6
молокопродукты	<u>17,3</u> 10,5	<u>26,3</u> 15,0	<u>30,2</u> 17,0	<u>37,6</u> 23,8	<u>30,8</u> 17,7	<u>2,18</u> 2,27
яйца, шт.	<u>178,0</u> 133,0	<u>240,0</u> 168,0	<u>260,0</u> 189,0	<u>302,0</u> 254,0	<u>268,0</u> 196,0	<u>1,7</u> 1,9
овощи и бахчевые	<u>109,5</u> 67,0	<u>129,6</u> 86,3	<u>143,3</u> 96,3	<u>157,2</u> 127,0	<u>147,8</u> 99,2	<u>1,44</u> 1,9
картофель	<u>128,8</u> 79,9	<u>142,4</u> 89,0	<u>146,6</u> 96,3	<u>156,2</u> 110,0	<u>154,2</u> 97,4	<u>1,21</u> 1,38
фрукты и ягоды	<u>17,2</u> 16,9	<u>22,3</u> 27,2	<u>27,8</u> 28,7	<u>30,1</u> 43,2	<u>23,8</u> 29,8	<u>1,75</u> 2,56
хлеб и хлебопродукты	<u>118,1</u> 111,0	<u>133,0</u> 109,0	<u>135,7</u> 120,7	<u>160,7</u> 138,0	<u>147,0</u> 125,2	<u>1,36</u> 1,24
сахар и кондитерские изделия	<u>29,0</u> 26,5	<u>36,8</u> 32,8	<u>41,8</u> 35,5	<u>49,0</u> 49,4	<u>41,7</u> 38,0	<u>1,69</u> 1,86
рыба и рыбопродукты	<u>6,0</u> 4,6	<u>5,3</u> 7,0	<u>6,6</u> 9,0	<u>9,7</u> 11,2	<u>7,8</u> 8,6	<u>1,63</u> 2,4

Каждая квартильная группа включила по 133-134 сельских и 148 городских домохозяйства. Потребление продуктов питания (кроме мясопродуктов) по группам доходности различаются между собой на меньшую величину, чем денежные доходы; об этом свидетельствует отношение значений группы IV к значениям группы I. Это подтверждает закономерность Э.Энгеля о том, что потребность в продовольствии удовлетворяется людьми в первую очередь независимо от величины дохода.

Что касается основного показателя дифференциации – коэффициента вариации, то он максимален в обеих выборках в потреблении наиболее дорогих или продуктов (мясопродуктов, молокопродуктов, фруктов и ягод) и минимален – в потреблении наиболее дешевых (хлеба и хлебопродуктов, картофеля, овощей и

бахчевых). Вторая группа продуктов составляет основу рациона питания низкодоходных групп: по мере роста доходов происходит изменение структуры потребления в сторону увеличения доли продуктов первой группы. При этом потребление мяса сельскими жителями, в отличие от городских, оказывается слабодифференцированным, хотя его нельзя отнести к дешевым продуктам. Количество потребленного мяса в расчете на одного сельского жителя в группе IV лишь в 1,55 раза больше, чем в группе I, в то время как для горожан этот показатель составляет 2,15 раза. Кроме того, потребление мяса, как и большинства других продуктов питания, у сельских жителей выше, чем у городских.

Сильно- и слабодифференцированное потребление продуктов питания сельскими жителями достигалось благодаря активному использованию подсобных хозяйств. Селяне обеспечивали себя теми продуктами, которые производили на приусадебных участках, прежде всего картофелем, овощами, мясом, молоком. Их самостоятельное производство слабо зависит от денежного дохода семьи, чем и объясняется большая однородность их потребления у сельских жителей по сравнению с городскими в начале 1990-х гг. В то же время те продукты питания, которые трудно или невозможно самостоятельно производить и которые являются дорогостоящими (мясопродукты, рыба и рыбопродукты, тропические фрукты), потреблялись на селе в меньших количествах, чем в городе, и дифференциация их потребления была выше. Добавим также, что в рационе среднестатистической семьи, независимо от местожительства, важное место занимали картофель и хлеб: их среднедушевое потребление было достаточно высоко и наименее дифференцировано как по городской, так и по сельской выборке. Это является характерной чертой низкого уровня жизни начала 1990-х гг.

Таким образом, самостоятельное производство в период системных реформ позволяло сельским семьям поддерживать достаточно высокий – более высокий, чем у горожан – уровень личного потребления и являлось их гарантией выживания. При этом даже приусадебные хозяйства, относимые к потребитель-

скому типу, имеющие низкие показатели товарности, оказывались, тем не менее, ориентированными на рынок. Анализ совместной динамики показателей производства, потребления, продаж и скармливания скоту основных продуктов питания по Саратовской области за 1985 - 1995 гг. показывает, что мотивация собственного производства не сводилась лишь к организации личного потребления (рис. 5.1).

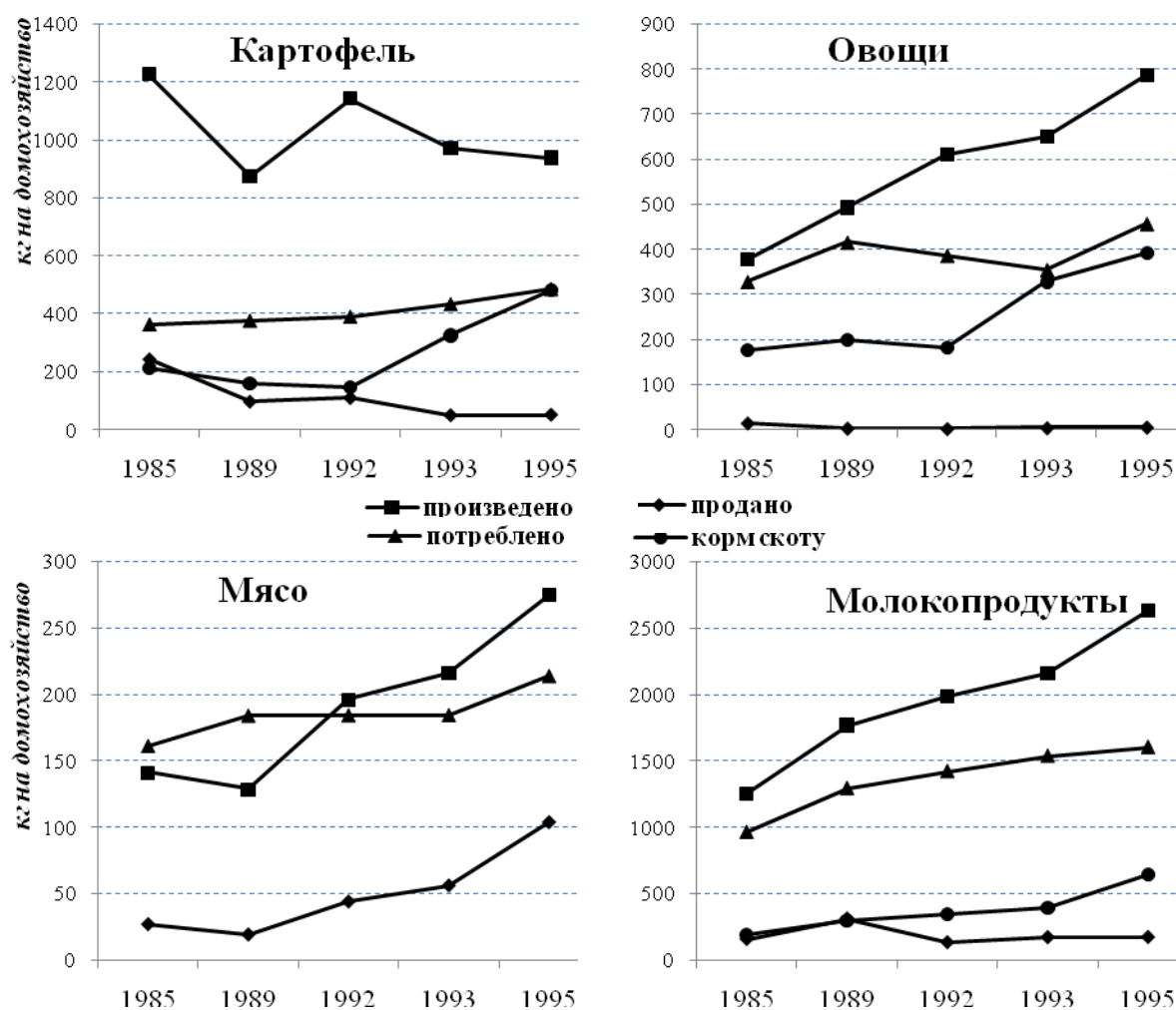

Рис. 5.1. Динамика производства, потребления, продажи и использования в качестве корма скоту основных продуктов питания сельскими домохозяйствами в период 1985-1995 гг., кг на домохозяйство в год

Прежде всего очевидно, что увеличение производства овощей, молокопродуктов и мяса за 1989 - 1995 гг. шло более быстрыми темпами, чем увеличение потребления. Для картофеля, не являющегося типичной сельскохозяйственной культурой зоны рискованного земледелия Саратовской области, характерно колебание объемов производства. Характер кривых распределения потребления кар-

тофеля и молокопродуктов в 1989 - 1995 гг. свидетельствует о постепенном насыщении потребности в них. Стабилизация потребления мяса и сокращение потребления овощей в 1985 - 1993 гг. могли бы свидетельствовать о том же, однако заметный рост их потребления в 1993 - 1995 гг. заставляет предположить возникновение какого-то нового фактора, способствующего росту потребления, например, увеличение доходов населения и рост покупок.

Кривая продаж для всех продуктов питания, кроме мяса, колеблется вокруг одних и тех же значений или проявляет нисходящую тенденцию. Для картофеля и особенно мяса показатели продажи и производства представляются взаимосвязанными: соответствующие кривые почти повторяют друг друга на разных уровнях. Также взаимосвязаны показатели производства и использования на корм скоту овощей и молокопродуктов: соответствующие кривые имеют возрастающий характер с 1992 и 1985 г.

Таким образом, рассмотрение графиков годовой динамики ряда показателей позволило сделать вывод, что мотивацией роста производства овощей и молокопродуктов является, прежде всего, их использование на корм скоту. В отдельные периоды (1985 - 1993 гг. для молокопродуктов и в 1985 - 1989, 1993 - 1995 гг. для овощей) – еще и использование на потребительские нужды. Мясо было единственным продуктом, производство которого на всем рассматриваемом временном отрезке было связано в первую очередь с продажей, и с 1992 - 1993 гг. – также с потреблением.

Аналитическое исследование мотивации приусадебного производства было осуществлено с помощью модели пошаговой регрессии, результатом которой явилось выявление факторов, оказывающих наиболее сильное влияние на производство того или иного продукта. Ее результаты полностью совпали с выявленными на основе визуального анализа графиков и, кроме того, показали наличие латентной тенденции на рыночную ориентацию ЛПХ.²⁹⁵

²⁹⁵ Самсонов В.Б., Шабанов В.Л. Самоорганизация сельского домохозяйства // Социологические исследования. – 1999. – №3. – С.46-51.

Полученные результаты позволяют выявить два основных мотива увеличения производства продуктов питания в ЛПХ в первой половине 1990-х гг. Один из них подтверждается общей статистикой потребления; он состоит в стремлении снизить затраты на питание путем увеличения доли в нем самостоятельно производимых продуктов. Другой выявляется лишь с помощью многомерного статистического анализа; он характеризует товарную мотивацию приусадебного производства в целом, его рыночную ориентацию, и определяется использованием значительной части производимой в ЛПХ продукции в производственных целях.

Произошедшие в первой половине 1990-х гг. изменения в приусадебном производстве связаны не только с повышением уровня продовольственного самообеспечения домохозяйств, но также и с усилением их производственной и торговой специализации. В дальнейшем, в 2000-2010-е гг., товарность ЛПХ только возрастала – при стабилизации и даже сокращении производства в них большинства видов продукции.

Для выявления экономических мотивов приусадебного производства в 2000-е гг. обратимся к результатам опроса 108 глав сельских домохозяйств, опрошенных в 2006 г. (см. §4.3). Экономико-социологическая анкета включала блоки вопросов по занятости членов семьи, их доходам, организации собственного приусадебного производства. Анализ результатов позволил определить сферы занятости жителей села, масштаб и товарность приусадебного производства, влияние на них размера и структуры семьи, оценить семейные доходы и роль ЛПХ в их формировании.²⁹⁶

Каждая из семей выборочной совокупности включала два поколения – «зрелое» (40-50 лет) и «молодое», еще не создавшее свои собственные семьи (до 20 лет). Средняя численность семьи – 3,8 чел., в том числе 48,8% мужчин и 51,2% женщин, 78% лиц трудоспособного возраста (16-55 лет для женщин, 16-60 лет для мужчин), 3,4% пенсионеров по возрасту, 18,6% детей до 16 лет. Средний возраст членов опрошенных семей – 31,9 лет. 42,9% лиц 15 лет и старше, попавших в вы-

²⁹⁶ **Шабанов В.Л.** Мелкотоварное сельскохозяйственное производство как составная часть адаптивных практик сельского среднего класса // Социально-экономические проблемы мелкотоварного уклада в АПК России. – Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2007. – Раздел 4. – С. 78-91.

борку, имели среднее и начальное образование, 35,4% – среднее специальное, 21,7% – высшее и неполное высшее.

Около 12% всех членов опрошенных семей трудоспособного возраста работали в аграрном секторе; среди них 32% – в сельскохозяйственных предприятиях, 58% – в фермерских хозяйствах и 10% – на элеваторе. 11,9% лиц трудоспособного возраста ответили, что являются безработными, 3,1% назвали домохозяйками. 7,5% работают в школе, 3,1% – в детском саду, 6,9% – медицинскими или социальными работниками. Остальные 55,5% трудоспособных лиц заняты в различных несельскохозяйственных секторах; среди них имеются рабочие и инженеры на перерабатывающем предприятии, предприниматели, водители, сторожа, охранники и др.

Можно сказать, что семьи с детьми, составившие выборочную совокупность, в целом неплохо адаптированы к современным условиям жизни: доля безработных не выше официальной, значительная часть людей нашла работу вне аграрного сектора. В то же время высокой остается доля лиц, занятых неквалифицированным трудом, с соответствующим – низким – уровнем заработной платы. Согласно данным опроса, из работающих категорий населения наиболее низкая оплата труда, кроме работников неквалифицированных специальностей (сторожей, уборщиц и др.) – у рядовых и наемных работников фермерских хозяйств и сельхозпредприятий, у среднего медперсонала и социальных работников.

Средний заработок в сельской местности остается невысоким. Основным дополнительным источником дохода для сельских жителей по-прежнему является личное подсобное хозяйство. Как и раньше, ЛПХ обеспечивает значительную часть потребительских нужд сельской семьи. Стабильно высокой – 80-90% по результатам опроса – остается доля в питании тех продуктов, которые производятся самостоятельно в личном хозяйстве – картофеля, овощей, фруктов, мяса, молока и молокопродуктов, яиц. Данные продукты являются традиционными для ЛПХ; их производят до 90% всех домохозяйств.

Кроме обеспечения потребностей в продуктах питания, ЛПХ приносит сельской семье значительную часть ее денежного дохода. Почти все опрошенные

домохозяйства выборочной совокупности (94%) торгуют собственной продукцией, обеспечивая себе поступление дополнительных денежных средств, которые, согласно опросу, формирует до 40% семейного бюджета. Для выбранной категории семей характерно ведение устойчивого мелкотоварного хозяйства, значимость которого для формирования семейного бюджета столь же высока, как и заработной платы работающих членов семьи. Иными словами, денежный доход от продаж продукции ЛПХ приносил не дополнительный, а основной доход в семейный бюджет, наряду с заработной платой.

Основными продуктами, предлагаемыми саратовскими сельскими домохозяйствами на рынок, являются мясо и молокопродукты. В стоимостной структуре продаж доля мяса составляла 58%, молока и молокопродуктов – 27%.

Мясо производит 81% семей выборочной совокупности, в том числе говядину – 57% (из них 2/3 – только на продажу), свинину – 85% семей (из них лишь 28% – только на продажу). Очевидно, ЛПХ сельского населения Саратовской области специализируются на товарном производстве животноводческой продукции, особенно говядины; производство свинины переходит к крупнотоварным специализированным сельхозпредприятиям.

Таким образом, несмотря на положительные тенденции в экономике и уровне жизни в середине 2000-х гг., личные хозяйства по-прежнему остаются важнейшим источником доходов для сельских жителей, что демонстрируют семьи с детьми. Рост семьи за счет рождения детей, окончание детьми школы и их поступление на дальнейшую учебу в городе требует дополнительных доходов, для получения которых сельские семьи увеличивают приусадебное хозяйство. 42,6% семей выборочной совокупности увеличили хозяйство с начала 2000-х гг., в том числе стали держать больше скота – 37%, увеличили производство молокопродуктов на продажу – 9%. В качестве причины роста производства 26% назвали увеличение семьи; наиболее типичными ответами были: «появились внуки», «другой работы нет, а детей надо обучать в вузе», «дочь/сын учится в городе». 35% семей выборочной совокупности сократили приусадебное хозяйство, и основной причиной сокращения почти все назвали «дороговизну

кормов» и «отсутствие выгоды». Для 21,3% семей размер ЛПХ за последние годы не изменился. Наконец, 22,2% респондентов ответили, что собираются увеличить хозяйство, причем, более 90% из них – те, чьи ЛПХ уже увеличились за последние 4-5 лет.

Анализ показал, что с увеличением размера семьи растет поголовье коров в ЛПХ: семья стремится обеспечить свои возросшие потребности в молочных и мясных продуктах, но прежде всего – увеличить свой денежный доход за счет их продажи.

Итак, приусадебное производство растет, когда возникает потребность обеспечить нужды растущей семьи или семьи с усложняющейся демографической структурой; ЛПХ, как и раньше, остается наиболее значимым источником пополнения семейных доходов – как денежных, так и натуральных.

Опрос сельских домохозяйств с детьми показал, что динамика производства в ЛПХ связана прежде всего с текущими потребностями семьи, а доступ к льготным источникам ресурсов, при всей его важности, не является определяющим для организации мелкотоварного хозяйства. Она может быть разнонаправленной в разные годы, но в долгосрочной перспективе будет нисходящей. В то же время будет расти товарность приусадебного производства отдельных видов продукции, прежде всего тех, с которыми имеют дело оптовые скупщики.

Сбыт продукции ЛПХ, как раньше, так и теперь, осуществляется либо самостоятельно, либо через посредников. Основные различия с дореформенным периодом состоят в том, что в настоящее время в качестве посредников чаще выступают предприниматели, и что именно посредники диктуют свои условия производителю, назначая цены, которыми недовольны практически все владельцы ЛПХ. Согласно результатам опроса, почти все продаваемые молокопродукты, а также картофель и овощи, реализуются самостоятельно, а большая часть мяса (79%) – через оптовых скупщиков. Цены, устанавливаемые скупщиками, по которым семьи выборочной совокупности продавали мясо, были в 1,5-2 раза ниже розничной

рыночной цены. Однако несмотря на естественное недовольство мелких производителей условиями сбыта, без оптовых посредников большинство из них едва ли смогли бы заниматься реализацией самостоятельно, а сложившийся уровень закупочных цен отражает реальную ситуацию на данном секторе сельскохозяйственного рынка, где действует множество не связанных друг с другом мелких производителей.

Сложившиеся направления сбыта объясняют специализацию ЛПХ в зависимости от местоположения домохозяйства. Мясом торгуют практически все товарные домохозяйства, молокопродуктами – в основном домохозяйства, расположенные вблизи рынков сбыта – в пригородных селах, в селах с крупными дачными массивами.

В 2011 г. было проведено повторное интервьюирование (с использованием той же анкеты, см. Приложение 2) – опрос глав 44-х домохозяйств из Ровенского района Саратовской области. Проведенный в меньшем масштабе, он, тем не менее, включал более подробную часть, посвященную приусадебному производству и доходам.

В составе выборочной совокупности – 142 человека, в том числе 87 женщин (61%) и 55 мужчин (39%). Средний размер опрашиваемой семьи – 3,2 чел., в том числе в 11 семьях – по 2 человека. Наибольшее число домохозяйств – 25 – имеют в своем составе по 4 человека, как правило, родителей с двумя детьми или представителей 3-х поколений семьи.

Средний возраст членов опрошенных семей – 38,4 года, в том числе детей до 14 лет (включительно) – 15,5%, пенсионеров по возрасту – 19,7%, лиц трудоспособного возраста – 64,8%.

Приведенная ниже таблица 5.9 характеризует занятость членов опрошенных семей.

Таблица 5.9. Сфера занятости членов опрошенных семей

Направление занятости	%	% относительно числа лиц трудоспособного возраста
Сельское хозяйство (гл. обр., работа в фермерских хозяйствах)	4,2	6,5
Госбюджетная работа в селе (средняя школа, ФАП, дет. сад, гос. и соц. служба, почта)	14,1	21,7
Прочая работа в селе (продавцы, водители, рабочие)	8,5	13,1
Работа «вахтовым» способом	12,7	19,6
Пенсионеры	5,6	8,7
Безработные	8,5	13,0
Домохозяйки	4,2	6,5
Студенты городских вузов и колледжей	5,6	8,7
Учащиеся средней школы	7,0	2,2 (двое уч-ся 15-17 лет)
Дошкольники	9,9	-
Пенсионеры по возрасту	19,7	-
Всего	100,0	100,0

Можно видеть, что наиболее распространенные направления занятости – бюджетная сфера и работа вне села. Это говорит, во-первых, о существенной зависимости сельского населения от государства, во-вторых, об ограниченности сельского рынка труда, не способного обеспечить работой большинство сельского населения.

Значительная часть населения работает «вахтовым» способом. Люди едут на работу как в ближайшие (Саратов и Энгельс), так и в отдаленные города (Москва, Воронеж, Сургут), проводят там от 2-х недель до полугода, после чего возвращаются домой до следующей вахты.

Высока доля безработных, причем, она практически совпала с данными официальной статистики. Если учесть незанятых женщин, назвавшихся «домохозяйками», то безработным в селе становится каждый пятый житель трудоспособного возраста.

Средний уровень заработной платы, получаемой респондентами «на руки», в 2011 г. составлял 11,5 тыс. руб. в месяц. В том числе: работающие «вахтовым»

способом зарабатывали в среднем около 19 тыс. руб. в месяц, бюджетники (медсестры, санитарки, воспитатель в детском саду) – 6,5 тыс., учитель сельской школы – 14 тыс. Средний размер пенсий составил 7,1 тыс. руб. в месяц.

В целом, в расчете на одного члена семьи среднедушевой доход – без учета дохода, полученного от продажи продукции ЛПХ – составил 6,3 тыс. руб. в месяц.

Показатели ЛПХ были наиболее подробными в опросном листе. Они позволили получить достоверную информацию об объемах приусадебного производства, о расходах на его ведение, о доходах, полученных от продаж самостоятельно производимой сельскохозяйственной продукции. Годовой доход домохозяйства от продажи продукции ЛПХ превысил 81 тыс. руб. или 2,1 тыс. руб. в месяц в расчете на члена семьи. Таким образом, продажа продукции ЛПХ увеличивает среднедушевой доход сельской семьи на 25% и доводит его до 8,4 тыс. руб. в месяц.

Однако, прибавляя к общему семейному доходу доход, полученный от продажи продукции ЛПХ, необходимо учесть расходы на содержание самого ЛПХ – на закупку кормов для скота, прививки и т.д. Расчеты показывают, что учет этих расходов увеличивает общий среднедушевой доход семьи только на 10%. – до 7 тыс. руб. в месяц.

Кроме того, натуральные поступления из ЛПХ позволяют экономить часть дохода семьи. По данным бюджетных обследований Росстата, учет этих натуральных поступлений приводит к росту общего дохода сельской семьи на 8%,²⁹⁷ то есть общий вес ЛПХ в совокупном семейном доходе составляет около 20% и соответствует вторичной занятости горожанина.

Приведенные данные по доходам и их структуре показывают, во-первых, что уровень заработков в сельской местности довольно низок, причем, наиболее доходными являются работы «вахтовым» способом – то есть работы за пределами сельской местности, в городах. Также относительно высокий заработок у квалифицированных бюджетников – школьных учителей и врачей ЦРБ. Поэтому для значительного большинства сельских жителей – не работающих «вахтовым»

²⁹⁷ рассчитано по: Доходы, расходы и потребление ... 2013. – С.18.

способом и не относящихся к числу квалифицированных бюджетников или к какой-либо другой «привилегированной» категории занятых – личное подсобное хозяйство является важнейшим источником дохода, способствующим выживанию.

Размеры ЛПХ из выборочной совокупности довольно велики: в среднем на каждое приходится 2,4 головы КРС, в том числе 1,6 коровы; около 2-х свиней и поросят, 5 овец. Для прокорма такого «домашнего стада» домохозяйство закупает по 4 т зерна и 11-15 т соломы и сена, тратя на это 1,4 тыс. руб. в месяц из своего среднедушевого дохода, равного 8,4 тыс. Очевидно, доступ к бесплатным или льготным по стоимости кормам очень важен для сельского домохозяйства, однако, таких источников не оказалось ни у занятых сельхозпроизводством, ни, тем более, у работающих в других отраслях экономики: стоимость кормов, приобретенных из разных источников (за исключением арендной платы за земельные доли) была приблизительно одинаковой и совпадала с рыночной. Все респонденты, отметившие сокращение своего хозяйства (20 опрошенных из 44-х), в качестве основной причины этого назвали высокую стоимость кормов. В качестве второй по важности была названа причина «отсутствие времени и сил».

Кроме мелкотоварного производства, сопряженного с трудностями, проанализированными выше, еще одной важнейшей целью ЛПХ было продовольственное самообеспечение сельской семьи. «Потребительский» мотив ведения ЛПХ проще «мелкотоварного», так как производство ради потребления не нуждается в прибыли и в организации сбыта. Особенно это касается картофеля и овощей, производство которых требует сравнительно небольших временных и финансовых затрат. Поэтому уровень самообеспечения сельской семьи данными продуктами всегда был высоким – как в годы реформ и кризисов, так и в годы поступательного развития. Тем не менее, в бескризисные годы потребительская мотивация приусадебного производства постепенно снижается, и вместе с ней в общем объеме

потребления снижается количество и удельный вес продуктов, произведенных в ЛПХ, отражая рост уровня жизни.

В 2000-е гг., вследствие общего роста экономики, появившихся новых возможностей заработка, а также постепенной потери доступа к льготным источникам ресурсов для ведения ЛПХ, преимущественно потребительская ориентация ЛПХ становится невыгодной. В результате происходит сокращение приусадебного производства, причем, в первую очередь, в ЛПХ потребительского типа. Количество ЛПХ, ориентированных на рынок, сокращается медленнее, а в отдельные годы возрастает; увеличивается их специализация на товарном производстве определенных продуктов – прежде всего мяса, в пригородных селах – молокопродуктов, овощей, фруктов и ягод. Становится распространенным, когда сельское домохозяйство держит скот исключительно на продажу; собственное же потребление мяса обеспечивает за счет покупок. Постепенно самостоятельное производство из средства выживания либо становится важным источником денежного дохода, либо утрачивает сколько-нибудь значимую роль в жизнеобеспечении сельской семьи.

Анализ бюджета времени типичного сельского домохозяйства, имеющего 6-8 соток земли с огородом и плодовыми деревьями²⁹⁸, свидетельствует о том, что наличие в таком хозяйстве одной коровы требует почти 3-часовых *временных* затрат в сутки от членов семьи. Наличие 2-4 голов КРС и телят требует приблизительно 4-5 ч затрат времени. Затраты времени на хозяйство, которое держит 1-2-х свиней и поросят, составляют 1-2 ч в сутки.

Подобные *временные* затраты допустимы для *выживающего* домохозяйства, когда в отсутствие работы и заработка *любые* затраты времени на ведение ЛПХ окупаются. Но как только у членов домохозяйства появляется выбор между ведением ЛПХ и «формальной» занятостью, они делают его в пользу «формаль-

²⁹⁸ Рассчитано по: http://www.gks.ru/doc_2010/bul_dr/btime10.doc (Дата обращения – 15.03.2011); см. также: Итоги пилотного выборочного обследования использования (бюджета) времени населением. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2010.

ной» занятости. В условиях экономического роста ведение ЛПХ с затратами времени, сопоставимыми с длиной половины рабочего дня, может окупиться лишь в случае товарного производства и получения удовлетворительного денежного дохода от продаж. Производство ради потребления теряет выгоду для всё большего числа домохозяйств.

К настоящему времени потребительская мотивация ведения ЛПХ в сельской местности заметно снизилась; сельские домохозяйства увеличивают расходы на покупку продовольствия, не производимого в ЛПХ, а в структуре их потребления происходит обратное замещение самостоятельно произведенных продуктов питания на купленные. Так, за 1997-2014 гг. доля натуральных поступлений в конечных расходах городских домохозяйств РФ снизилась с 7% до 1,9%, сельских – с 32% до 9,1%.²⁹⁹

Переходя от стоимостных оценок к натуральным показателям потребления, также отметим явную тенденцию снижения потребления продовольствия, полученного домохозяйством в натуральной форме. Только в течение 2006-2014 гг. доля натуральных поступлений продуктов питания в общем объеме их потребления сельскими семьями в РФ снижалась по всем наблюдаемым позициям, особенно существенно – по продукции животноводства (мясо- и молокопродуктов, табл. 5.10). Производство мясомолочной продукции сложнее и затратнее, и роль приусадебного хозяйства в формировании ее потребления сильнее колеблется в зависимости от того, где домохозяйство находит большую выгоду – в самостоятельном обеспечении из ЛПХ или в покупке на заработанные по основному месту работы деньги. Поэтому наблюдаемое снижение потребительской мотивации, происходившее в течение всего рассматриваемого периода, в том числе в годы экономического спада, отражает системные изменения в укладе жизни, связанные с его модернизацией и повышением уровня жизни.

²⁹⁹ Российский 2015. – С. 169.

Таблица 5.10. Доля натуральных поступлений продуктов питания в общих расходах на них, по сельской местности РФ, %³⁰⁰

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Хлеб и хлебные продукты	3,0	2,5	2,2	2,0	1,8	1,7	1,6	1,7	1,4
Картофель	86,2	84,0	82,7	81,1	80,2	75,0	79,0	77,2	77,4
Овощи и бахчевые	64,2	61,8	58,9	57,3	57,1	54,6	55,9	53,3	50,2
Фрукты и ягоды	36,5	33,0	31,8	32,7	29,5	27,2	26,3	26,8	26,5
Мясо и мясные продукты	31,8	29,8	25,4	24,9	24,2	23,3	23,0	22,3	20,2
Молоко и молочные продукты	36,4	32,4	30,4	27,9	22,7	20,1	19,0	18,0	15,5
Яйца, штук	48,3	47,1	45,3	42,6	38,5	37,7	38,5	37,9	36,1
Рыба и рыбные продукты	17,0	17,2	13,3	14,1	13,7	13,6	14,2	14,5	14,5
Сахар и кондитерские изделия	7,9	7,5	7,7	8,3	8,3	7,6	7,6	7,8	8,4
Масло растительное и другие жиры	3,6	3,6	2,7	2,6	2,6	2,5	2,5	2,5	1,7

Исключениями являются ЛПХ в отдаленных или проблемных районах, в малых селах, где нет работы; ЛПХ больших семей, в которых большие затраты времени легко распределяются между членами семьи или когда обязанности по ведению ЛПХ берут на себя неработающие женщины-домохозяйки или старшее поколение, вышедшее на пенсию.

Для анализа различий ЛПХ из пригородных и отдаленных сел воспользуемся результатами анкетного опроса 2010-го г. (см. §2.3). Всего было опрошено 379 сельских респондентов из 27 районов Саратовской и Новосибирской областей, в

³⁰⁰ Рассчитано по: **Потребление** продуктов питания в домашних хозяйствах (по итогам выборочного обследования домашних хозяйств) / Федеральная служба гос. статистики. – М., 2007-2015. – Табл. 1.3.

том числе 156 респондентов из сел, расположенных вблизи крупных городов, и 147 респондентов из отдаленных сел.

В числе источников денежных средств сельского населения 66% респондентов выборочной совокупности назвали продажу продукции ЛПХ. Предпринимательство и коммерческая деятельность как источники дохода селян были названы в 20% анкет, чаще респондентами из пригородных сел, чем из отдаленных – соответственно 26,5% и 10,5%.³⁰¹

В целом деловая активность жителей села, по мнению респондентов, проявляется больше всего в сфере сельского хозяйства (около 70% всех ответов), что свидетельствует о доминировании аграрного сектора в сельской экономике, несмотря на длящийся с начала 90-х гг. процесс ускоренного сокращения сельскохозяйственной занятости. Происходит переход значительного числа ранее занятых в аграрном секторе в неформальную занятость – тоже, как правило, сельскохозяйственную. При этом чем отдаленнее село, в котором живут респонденты, тем больше удельный вес тех из них, кто назвал сельское хозяйство в качестве сферы приложения деловой активности сельских жителей – 78% против 61,5% респондентов из пригородных сел.

Среди других направлений деловой активности выделяется «работа за пределами села»: ее отметили 60% респондентов в целом по выборке, в том числе 73,5% респондентов из пригородных сел и только 43,3% из отдаленных сел. В отдаленных селах такая форма активности всегда становится работой «вахтовым» способом, при которой жители выезжают в города на заработки обычно на срок от 2-х недель до полугода; в пригородных к работе «вахтовым» способом добавляется работа на постоянной основе в близлежащем городе.

Торговля является последней распространенной формой проявления деловой активности. В целом по выборке ее назвал 31% респондентов, причем, их удельный вес приблизительно одинаков независимо ни от уровня образования, ни от местоположения села.

³⁰¹ Большинство вопросов анкеты были с возможностью совместного выбора нескольких альтернатив, поэтому сумма ответов может превышать 100%.

Распределения ответов на вопрос о механизме сбыта продукции ЛПХ свидетельствует об усилении рыночной рационализации хозяйства: более 65% респондентов ответили, что реализация происходит через оптовых покупателей и только 49% – самостоятельно. В том числе респонденты из пригородных сел ответили соответственно 54,2 и 66,3%, из отдаленных – 79,1 и 28,4%. Очевидно, близость города – то есть близость рынков сбыта продукции ЛПХ – создает возможность для самостоятельной торговли и, шире, для проявления деловой, предпринимательской активности.

Более половины опрошенных – 52% – отмечают снижение активности людей в сфере приусадебного производства; по пригородным и отдаленным селам ответы различаются – соответственно 57,8 и 44,8%.

Приведенные распределения ответов на различные вопросы свидетельствуют в пользу важности фактора местоположения села для современной успешной адаптации сельских жителей и подтверждает тезис о том, что рост уровня жизни сельского населения в перспективе возможен прежде всего в тесной интеграции с ближайшей городской округой.

В рамках интервьюирования глав сельских домохозяйств в Ровенском районе Саратовской области в 2011 г. были собраны истории семей, в которых акцент ставился на информации о работе и заработках, об альтернативной занятости и занятости в ЛПХ и прочих аспектах, связанных с формированием семейного благосостояния. Ниже представлены 4 истории, претендующие на типичность, в которых каждая из семей продемонстрировала свои способы выживания и повышения уровня жизни в разные годы.

История первая. Александр и Татьяна Р., 49 и 45 лет.

Александр живет в селе с рождения, жена Татьяна переехала из с. Семеновка Федоровского района. Поженились в 1985 г., в настоящее время имеют 2 детей и 2 внуков. Дети с семьями живут отдельно; семья сына – в Энгельсе, семья дочери – по соседству.

Александр начинал работать в местном совхозе. В середине 90-х совхоз распался, и Александр устроился работать к одному из фермеров, где и работает по сей день.

Татьяна занималась домашним хозяйством; когда дети пошли в школу, устроилась на работу почтальоном, где и продолжает работать.

Семья держит 3-х коров, 6 бычков, свиней, птицу; торгует мясом, молоком, молокопродуктами. Доходы семьи формируются почти целиком за счет личного подсобного хозяйства: зарплата почтальона очень мала, а работу в фермерском хозяйстве Александр использует для получения зернофуража в счет зарплаты по льготной цене, отказываясь от денежного вознаграждения. По расчетам Александра, последующее использование полученного в счет зарплаты зернофуража в собственном ЛПХ приносит более высокие доходы, чем работа в фермерском хозяйстве за денежное вознаграждение.

Кроме того, семья имеет земельную долю размером 12 га, которую умело использует, выращивая тыкву и зерновые и используя их как фураж для скота. Следует отметить, что раньше семья пыталась использовать земельную долю для получения дополнительных денежных доходов, выращивая на ней и продавая арбузы оптовым скупщикам. Однако, мелкотоварное производство (фактически мелкое семейное фермерское хозяйство) семья была вынуждена свернуть из-за слабой окупаемости. Иными словами, наличие земли размером 10-15 га в собственности у сельского населения не является достаточным условием для организации прибыльного ИП даже при высоком профессионализме и активности хозяев.

Семья Александра и Татьяны Р., хотя и не образовала собственного фермерского хозяйства – муж устроился работать по найму к фермеру, жена работает на довольно скромной должности в селе – но умело использует свои связи в сельском хозяйстве. Рассмотренная семья является хорошим примером успешной адаптации с помощью умелой реализации имеющихся в распоряжении сельского населения специфически сельских возможностей. Приусадебное хозяйство фактически превратилось для этой семьи в «сборочный цех», в который

стекаются ресурсы, а на выходе из которого получается готовая товарная продукция, приносящая семье удовлетворительный доход. ЛПХ этой семьи работает во взаимовыгодном симбиозе с фермерским хозяйством. Здесь имеет место типичный для 1990-х гг. случай симбиоза крупного хозяйства и ЛПХ, редко встречающийся в наше время.

Следует также отметить умелое использование семьей своей земельной доли. Семья не забросила ее, не сдала в аренду, как делает большинство, а работает на ней, выращивая технические и зерновые культуры на корм скоту. Самостоятельное производство фуража существенно снижает затраты на содержание скота в ЛПХ, делая выгодным мелкотоварное производство. Также работа Александра в фермерском хозяйстве делает доступным корма по льготной цене. Корма являются главной расходной статьей в мелкотоварном животноводстве; чаще всего именно высокая стоимость кормов делает невыгодным содержание скота в ЛПХ и ведет к сокращению его поголовья. Поэтому те владельцы ЛПХ, которые нашли доступ к дешевым кормам или выращивают корма самостоятельно, получают реальную возможность увеличить доходы семьи за счет мелкотоварного мясомолочного производства.

История вторая. Николай и Елена Б., 41 и 45 лет. С ними живет также мать Елены, пенсионерка 70 лет. Дочь, 19 лет, живет в Саратове.

Николай и Елена живут в селе с рождения, женаты с 1992 года. Елена всю жизнь работала в школе учителем младших классов. Николай начинал трудовую деятельность в совхозе; после банкротства совхоза сменил несколько профессий (был рабочим, шофером), сейчас устроился в МЧС. Заработки у членов семьи – 12 и 14 тыс. руб. в месяц.

В конце 1990-х мать Елены переезжает жить к детям. Она помогает вести домашнее хозяйство, ЛПХ и оплачивает внучке жилье в Саратове (пенсия – 9 тыс. руб. в месяц). Именно на ее плечи ложится большая часть работы в ЛПХ. Так как сил не хватает, то хозяйство постепенно сократили – до одной коровы, теленка, 2-3-х свиней и кур (раньше держали еще овец и гусей и больше свиней).

Всю производимую на продажу мясомолочную продукцию (мясо одного теленка, свиней и молокопродукты) семья продает самостоятельно. Благодаря розничной торговле семья получает доход на треть выше, чем получала бы от оптовой торговли.

Основные корма для скота, кроме сена, семья покупает за наличные у местных фермеров по рыночным ценам; сено семья получает бесплатно кошением. Наличие земельной доли чаще всего не приносит семье дохода: фермер, арендующий ее, согласно неформальной договоренности, дает семье зернофураж в счет арендной платы только в урожайные годы.

Можно видеть, что члены семьи зарабатывают в отраслях экономики, не связанных с сельским хозяйством. В отличие от семьи Александра и Татьяны Р., семья Николая и Елены Б. постепенно отходит от сельского хозяйства и сельского уклада жизни. ЛПХ для них – не основной способ заработка, а дополнительный, и, в некотором смысле – обуза. Им занимается мать и, в меньшей степени, Елена.³⁰² Дочь же учится в Саратове и в село возвращаться не собирается.

Самостоятельная торговля продукцией ЛПХ, приносящая более высокий доход, означает, что семья имеет свои выходы на рынок сбыта и свободное время, что не характерно для «настоящих» товарных ЛПХ, ставших для их владельцев «сборочным цехом», как для семьи Александра и Татьяны Р.

Корма для скота семья приобретает у фермеров по рыночным ценам; льготных путей ресурсообеспечения семья не имеет. Свою земельную долю семья, хотя и сдала местному фермеру в аренду, но редко получает что-либо в счет арендной платы, что в наше время характерно в отношениях между небольшими фермерскими хозяйствами и большинством владельцев земельных долей, давно порвавших с сельскохозяйственной отраслью.

Доходы семьи на 85% формируются зарплатами супругов и пенсией матери и только на 15% – выручкой от продаж мясомолочной продукции из ЛПХ. Причем, за вычетом стоимости кормов доля ЛПХ в суммарных доходах семьи

³⁰² О гендерном разделении труда см., например: Вегрен С., Никулин А.М., Троцук И.В., Головина С.Г. Сельская Россия: гендерные особенности неформальной экономики // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2014. – Вып. 9. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – С. 215-243.

снижается до 7%. Среднедушевой доход семьи составляет 9,5 тыс. руб. в месяц, в том числе около 700 руб. – благодаря ЛПХ.

Истории третья и четвертая. Григорий и Любовь С., 36 и 35 лет. В семье также имеются две дочери-школьницы 17 и 6 лет.

Григорий живет в селе с рождения, Люба переехала из Хвалынского в 1995 году, когда вступила в брак с Григорием. Образование у обоих среднее. Григорий работал в РайПО грузчиком, Люба в хлебоприемном пункте рабочей. В конце 90-х гг. Люба теряет работу, и Григорий, чтобы прокормить семью, устраивается рабочим на трубный завод в г. Энгельс, где работает по сей день вахтовым способом (15/15). Его зарплата составляет 25 тыс. руб. в месяц; часть ее вкладывается в развитие ЛПХ, в котором в настоящее время держат 2-х коров, 2-х телят, 5 овец, кур, уток (раньше держали только по 1 корове и теленку). Иметь большое хозяйство семья может благодаря неработающей Любе. Корма для скота семья покупает у фермеров по рыночным ценам, «льготных» путей приобретения не имеет, земельные доли у членов семьи отсутствуют.

Максут и Любовь К., 38 и 39 лет. В семье также есть сын – студент 19 лет, обучающийся в одном из саратовских вузов, и мать Любы, пенсионерка 62 лет.

Семья образовалась в 1992 году. Люба всю жизнь работает в ЦРБ с. Ровное санитаркой; зарплата 4500 руб. в месяц. Максут работает вахтовым способом по рабочей специальности: начинал в Саратове, сейчас в Воронеже; зарплата 17 тыс. руб. в месяц. С учетом пенсии матери (9 тыс. руб. в месяц) получается по 7,5 тыс. на члена семьи в месяц. Для увеличения доходов часть денег вкладывают в приусадебное производство товарной мясомолочной продукции: держат 3-х коров, 3-х телят, кур, уток. Занятость Максута вахтовым способом в Воронеже довольно высокая, и не позволяет ему активно участвовать в делах ЛПХ. Вся работа по ведению ЛПХ ложится на жену и на мать. Торгуют говядиной (оптом) и молокопродуктами (в розницу, по своим налаженным каналам). Корма для скота семья покупает у фермеров по рыночным ценам, «льготных» путей приобретения не имеет, земельная доля имеется у матери, неформальный договор аренды с фермером оставляет за ним

право не выплачивать арендную плату в неурожайные годы. В 2012 году арендная плата составила полтонны зерна; всего же куплено было 4,5 тонны.

Успешная адаптация обеих семей к современным условиям жизни состоялась благодаря нахождению главой семьи высокооплачиваемой (по его уровню образования и статусу) работы в городе. Работа «вахтовым» способом дала семьям возможность не только сводить с концами, но и развивать свое ЛПХ: часть заработанных денег семьи вкладывают в приусадебное производство и активно торгуют мясомолочной продукцией. Поскольку льготных источников кормов у семей нет, а земельные доли фактически не используются, то все корма приобретаются по рыночным ценам, что существенно снижает прибыльность приусадебного производства: затраты на корма съедают до 45% всего дохода, полученного от продаж. Тем не менее, и без доступа к льготным источникам кормов от мелкотоварного ЛПХ имеется определенная выгода: семья Максута, заработав и получив в виде зарплат и пенсии 340 тыс. руб. за год, 77 тыс. (почти четверть) вложила в производство мясомолочной продукции и получила по результатам продаж 172 тыс. То есть чистая выручка от ЛПХ составила 95 тыс. руб., обеспечив 28%-й рост дохода по сравнению с доходом, который был бы получен, если бы семья ограничилась только чистой заработной платой и пенсией. В обоих случаях в семьях есть, кому работать в ЛПХ (все женщины либо не имеют постоянной официальной работы, либо занятость на ней позволяет находить время для ведения приусадебного хозяйства) и ради кого работать (в обеих семьях есть дети, в том числе студент и старшеклассница, собирающаяся поступать в один из саратовских вузов; учеба в вузе требует значительных расходов).

Истории 4-х семей свидетельствуют о том, что повышение уровня жизни связано с нахождением членами семьи работы в городе «вахтовым способом» и с умелым ведением приусадебного хозяйства, предполагающим – во всех случаях – наличие свободных рук, а также нахождение льготных источников ресурсообеспечения или путей сбыта.

Итак, потребительская мотивация экономической деятельности сельских домохозяйств доминирует в периоды системных реформ и кризисов. В ее основе – стремление сэкономить на покупке продовольствия путем обеспечения потребностей семьи в продовольствии за счет его самостоятельного производства. Потребительская мотивация, формализованная в виде какого-либо индикатора (например, доли поступлений продовольствия из ЛПХ в общем объеме его потребления домохозяйством) связана с уровнем жизни обратной зависимостью: она увеличивается, когда снижается уровень жизни, и уменьшается, когда уровень жизни растет.

Товарная мотивация экономической деятельности в сфере ЛПХ отражает две ситуации: во-первых, широкие возможности сельского населения по повышению своего уровня жизни путем использования наиболее доступных для него средств; во-вторых, узкие возможности альтернативной занятости. Однако в целом рост товарности ЛПХ можно считать позитивным фактором для российской деревни, учитывая низкие доходы сельского населения, высокий уровень бедности и т.д.

Стимулирование товарной мотивации приусадебного производства и поддержка ЛПХ в малых и периферийных поселениях независимо от мотивов производства будут способствовать росту уровня жизни сельского населения.

5.3 Повышение уровня жизни в сельской местности как фактор устойчивого развития

Повышение уровня жизни в сельской местности является одной из необходимых предпосылок ее устойчивого развития. В §4.1 было отмечено, что после проведения активной фазы аграрной и земельной реформы пришло понимание необходимости изменения подходов к сельскому развитию: акцент был перенесен с производственной функции села на его рекреационную и социальную функции. Реализации нового подхода способствовал бы переход от политики государственного патернализма к политике равноправного партнерства государства, бизнеса и

населения, к стимулированию самостоятельного развития села с опорой на собственные ресурсы.³⁰³ В концепции устойчивого развития сельских территорий также отмечается, что развитие современного села невозможно без «постепенной агломерации города и села в динамично развивающееся единство» посредством агропромышленной интеграции и кооперации, развития коммуникаций, связи, социального партнерства и т.д.

К необходимости принятия Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года» привело снижение уровня жизни и другие социальные издержки системных реформ, а также общая логика ускорившегося социально-экономического развития села. Побочным результатом роста эффективности сельскохозяйственной отрасли в результате реформ явилось снижение сельскохозяйственной занятости, которая, без диверсификации сельской экономики с адекватным замещением сельскохозяйственных вакансий на вакансии в других отраслях экономики, ведет к росту безработицы. В российских условиях рост безработицы сдерживался различными административными мерами (сокращением длительности рабочего времени, отправкой работников в неоплачиваемые отпуска и т.д.), но это, в свою очередь, сдерживало модернизацию экономики, рост производительности труда и зарплат; способствовало консервации бедности.

Отказ от «политики низкой безработицы в пользу политики эффективной занятости»³⁰⁴ постепенно происходит, о чем свидетельствует достаточно высокий удельный вес такой причины потери работы, как «сокращение штатов, ликвидация предприятия или собственного дела» (к сожалению, последняя позиция отдельно не выделяется) – 19,7-23,5% в сельской местности в 2008-2011 гг., что, однако, на 1-7 п.п. ниже, чем в городе, где данный процесс происходит быстрее.³⁰⁵ Рационализация политики занятости в сельской местности усилила проблему низ-

³⁰³ Калугина З.И. От государственного патернализма к саморазвитию: контуры концепции сельского развития // Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса (Никоновские чтения 2008). – М.: ВИАПИ, «Энциклопедия российских деревень». 2008. – С.596-603.

³⁰⁴ Овчарова Л.Н., Малева Т.М. Рекомендации по долгосрочным и краткосрочным мерам в социальной политике // Экономическая политика. – 2010. – №1. – С.15-26.

³⁰⁵ Состояние социально-трудовой сферы... 2013. – С.61.

кой квалификации сельских трудовых ресурсов. Современные сельскохозяйственные предприятия, особенно агрохолдинги, часто нанимают специалистов из городов, способствуя тем самым увеличению сельской безработицы и бедности. В условиях недиверсифицированности сельской экономики и ограниченности сельского рынка труда проблема безработицы в сельской местности решается уходом населения в неформальную занятость и распространением временной трудовой миграции в города.

Неформальная занятость, как сельскохозяйственная, так и несельскохозяйственная, сама по себе является отражением слабого развития экономики и низкого уровня жизни. Однако она способствует выживанию и при определенных условиях, которые должно создать государство, может перейти в «формальное» предпринимательство. Стимулирование сельского предпринимательства, программы развития которого принимаются и реализуются на федеральном и региональном уровнях, является одним из основных механизмов повышения уровня жизни в сельской местности.

При этом в отдаленных и периферийных селах необходима поддержка любых форм экономической активности населения независимо от ее мотивов – как предпринимательства, так и неформальной занятости. Например, поддержка КФХ и ЛПХ может осуществляться путем стимулирования сельскохозяйственной кооперации³⁰⁶ – взамен устаревшей и нереализуемой сегодня формы интеграции ЛПХ с крупнотоварным производством.

В настоящее время можно говорить о существовании качественных различий между «периферийными» и «пригородными» селами в социально-экономической и инфраструктурной сферах, которые должны учитываться при формировании социальной политики государства по отношению к селу.

Роль временной трудовой миграции в жизнедеятельности сельского населения всегда была высокой. Даже при самом успешном развитии экономики и рын-

³⁰⁶ Бурлаков В.Б. Инновационный потенциал сельскохозяйственной потребительской кооперации // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2012. – №1 (63). – С.253-259; Глебов И.П., Шеховцева Е.А., Дмитриева Г.А. Бизнес-активность и кооперация на селе: факторы импортозамещения на продовольственном рынке сельского населения Саратовской области // Аграрный научный журнал. – 2015. – №2. – С.77-83.

ка труда село не может обеспечить работой все трудоспособное сельское население. Позитивные изменения здесь могут быть связаны с серьезными вложениями в инфраструктуру и в развитие малых городов, которые в идеале должны стать хозяйственно-экономическими и культурно-досуговыми центрами агломераций, включающими малый город и сельскую округу. Опыт многих стран свидетельствует, что наиболее перспективным для сельской местности является развитие местных производств, тесно связанных с малыми городами, которые «играют ведущую роль в организации сельской жизни».³⁰⁷

Как было показано в §5.2 (см. 4 семейные истории в конце параграфа), повышение уровня жизни сельских семей связано в первую очередь с их собственной экономической активностью – с samozанятостью (понимаемой как форма малого сельскохозяйственного или несельскохозяйственного предпринимательства, не имеющего официальной регистрации, см. §5.2) и временной трудовой миграцией.

Присутствие архаичных форм в укладе жизни, характерное для низкого уровня жизни (см. §3.1), отражает заниженный доступ сельского населения к современным услугам, медицине, видам досуга. Снижение инфраструктурных проблем будет способствовать росту уровня жизни в сельской местности и повышению устойчивости сельского развития. Эта проблема может решаться в рамках развития малых городов как опорных пунктов сельско-городских агломераций.

Высокое распространение бедности в сельской местности определяется широким представительством среди бедных наиболее уязвимых слоев, таких как многодетные семьи и безработные (см. §2.1). Кроме того, усилению сельской бедности способствует и высокая уязвимость тех групп населения, которые в развитой экономике крайне редко попадают в число бедных – семей с детьми (не обязательно многодетных) и работающих. Относительно высокая занятость в сельскохозяйственной отрасли, имеющей высокий удельный вес неквалифицированного труда и самые низкие по экономике зарплаты, повышает риск бедности ра-

³⁰⁷ **Устойчивое** развитие сельского хозяйства и сельских территорий: Зарубежный опыт и проблемы России. – М.: Т-во науч. изданий КМК, 2005. – С. 189.

ботающего сельского населения. В этой связи для села становится особенно актуальным переход от социальной защиты массовых категорий к адресной поддержке социально уязвимых групп, от социальных пособий к социальным контрактам. Социальный контракт, основанный на принципе *дать возможность трудиться*, стимулирует население повышать свой трудовой потенциал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам диссертационного исследования получены следующие выводы.

1. В процессе агроэкономических преобразований 1990-х гг., определяемых общим контекстом реформирования российской экономики, основное внимание уделялось институциональным преобразованиям, повлекшим за собой изменения в производственно-хозяйственной сфере и возникновение новых социально-экономических групп и структур. Фермеры и сельские предприниматели, бывшие колхозы и совхозы, адаптировавшиеся к рыночным условиям, оказали системное влияние на социально-экономическую жизнь села: появились и в значительной степени реализовались возможности по модернизации сельхозпроизводства и по развитию частного сельскохозяйственного и несельскохозяйственного предпринимательства.

В течение рассмотренного периода – с 1992 г. по настоящее время – фермерский сектор развивается поступательно, непрерывно увеличивая свой вес в сельскохозяйственном производстве. Внутри него наблюдается сильное расслоение по линии крупнотоварной и семейной форм организации. Опережающее развитие семейных КФХ и, в целом, семейного предпринимательства, притормозило бы отток сельского населения в города и способствовало бы росту его уровня жизни.

Приватизация земли привела к появлению многомиллионного слоя собственников земельных долей; это запустило механизм рыночной трансформации сельхозпроизводителей, ускорило развитие фермерского сектора, однако, непосредственно почти не повлияла на их уровень жизни: сдача земельных долей в аренду сельхозпредприятиям без самостоятельного хозяйствования на ней дает очень несущественную добавку к семейному бюджету арендодателей.

ЛПХ были важнейшим инструментом выживания сельских семей в условиях системного кризиса 1990-х гг. Современное развитие товарного производства на их базе способствует росту уровня жизни. С течением времени отношение

крупнотоварного сектора аграрного производства к ЛПХ изменилось с патерналистского на рыночно-рациональное; взаимовыгодный симбиоз обеих форм хозяйствования на новой основе развития не получил. Это, однако, не привело к упадку приусадебного производства, но способствовало его дифференциации: стали быстрее развиваться товарные ЛПХ, специализирующиеся на производстве сельхозпродукции для последующей продажи, в то время как роль потребительских ЛПХ пошла на убыль, став весьма незначительной в наши дни. Размер приусадебного производства стал своеобразным индикатором неблагополучия: чем больше потребительская роль ЛПХ в жизнедеятельности сельских семей, тем ниже их уровень жизни.

С начала 2000-х гг., когда основные сельские институты восстановились, трансформировавшись на рыночной основе, пришло понимание необходимости новых подходов к дальнейшему реформированию, в которых аграрная отрасль перестает рассматриваться как главная. Стали в большей степени учитываться социальные закономерности экономического развития. Важнейшие задачи современного села сместились от сельхозпроизводства к социальному контролю над территорией, предоставлению рекреационных услуг и т.д.

2. Одним из важных концептуальных вопросов в научных исследованиях, решаемых по-разному в зависимости от исследовательской цели и задач, является вопрос о трактовке категории «уровень жизни». В традиционной – узкой – трактовке уровень жизни определяется через меру удовлетворения потребностей в различных благах, поддающихся четкой количественной оценке. Его формализация осуществляется через ассоциированные с ним показатели потребления и представляет собой некоторый набор числовых величин, строго обоснованных экономически и статистически. В расширительной трактовке характеристики потребления рассматриваются лишь как один из компонентов уровня жизни, наряду с рядом других (условиями труда и быта, наличием возможностей для профессиональной и личной самореализации и др.). Для формализации уровня жизни в его расширительной трактовке не существует общепринятых методов; имеются методологические и методические трудности, связанные с обоснованием выбора пока-

зателей и способа их агрегирования. В диссертации обе трактовки – узкая и расширительная – разграничиваются по линии возможности строгой и обоснованной формализации. Реализованный подход к разграничению категорий позволил провести комплексное исследование, опирающееся на непротиворечивые и дополняющие друг друга методы анализа, основанные на измерении доходов, структуры потребления благ, их доступности, субъективных оценок, косвенных характеристик уровня жизни. Результаты этого исследования следующие.

3. Уровень жизни сельского населения, резко снизившийся в 1990-е гг., с начала 2000-х гг. растет, причем, быстрее, чем городского. Этот ускоренный восстановительный рост связан с преодолением кризиса в аграрной отрасли, появлением новых возможностей самозанятости, малым сельскохозяйственным и не-сельскохозяйственным предпринимательством, временной трудовой миграцией в города и др. Рост уровня жизни для многих сельских семей связан с утратой сельского статуса – с отказом от сельскохозяйственной деятельности, от работы в селе.

В то же время нормировка показателей уровня жизни величиной прожиточного минимума в региональном разрезе приводит к существенно меньшим темпам его роста и к выявлению структурных закономерностей, определяющих особенности динамики сельского уровня жизни по сравнению с городским. Так, фактический уровень жизни наиболее многочисленной (модальной) группы сельских домохозяйств почти не вырос, и ее численность почти не увеличилась; сельские жители медленнее и тяжелее преодолевают экономические кризисы, чем горожане.

4. По мере того, как со второй половины 1990-х гг. теряет актуальность приусадебное производство продуктов питания ради личного (семейного) потребления, городская бедность преодолевается быстрее, чем сельская. В настоящее время бедность концентрируется в сельской местности; при этом чем меньше село, тем выше риск бедности для его жителей. Риску бедности наиболее подвержены социально-демографические группы, более значительно представленные в се-

ле, чем в городе – семьи с детьми и молодежь. Современная сельская бедность в большей степени определяется низким качеством жизни, чем низкими доходами.

Концентрация бедности в сельской местности, а также медленный рост доходов модальной группы сельского населения (представляющей сельский «средний класс») способствуют росту социально-экономического неравенства. Оно достигает больших значений, но, тем не менее, остается ниже, чем в городе: социальные процессы, характеризующиеся различными показателями неравенства, в сельской местности происходят медленнее, чем в городе. В то же время, несмотря на возросшее неравенство и значительные различия в доходах, городское и сельское сообщества не распадаются на два слабо связанных социума.

Общий рост уровня жизни сам по себе, без изменения социального содержания и условий экономической деятельности, не влияет на неравенство – не способствует его уменьшению, – и не влияет на статус большинства – не способствует сокращению масштабов бедности.

5. Основные косвенные характеристики уровня жизни в сельской местности связаны с показателями здоровья населения и организации сельского здравоохранения, структуры затрат времени населением, состоянием рынка труда и занятости, складывающихся демографических и миграционных процессов.

В последние 20 лет наблюдалась в целом позитивная динамика показателей здоровья сельского населения, однако, вплоть до конца 2000-х гг. она была более медленной, чем в городе. Произошедшее в последние годы сближение по ряду позиций, тем не менее, не привело к заметному уменьшению расхождений, которые едва ли могут быть преодолены в обозримом будущем по системным причинам и из-за конкретных проблем в сельском здравоохранении. Недостатки его организации (слабость первичного звена сельского здравоохранения, слабость специализированной амбулаторной помощи в малых поселениях, разбросанность фельдшерско-акушерских пунктов по большой территории и т.д.) на сегодняшний день являются одной из ключевых причин разрыва в медико-социальных показателях между городом и селом; они оказывают негативное влияние на уровень жизни сельского населения.

6. В повседневной деятельности сельского населения значительную роль играют домашние дела, что отражает низкое качество жизни: по данным бюджетов времени, сельские жители, по сравнению с городскими, дольше готовят пищу и убирают помещения, занимаются ведением ЛПХ, имеют гораздо меньше свободного времени для проведения досуга, формы которого значительно беднее. Кроме того, оцененный с помощью бюджетов времени уровень сельской безработицы оказывается в 1,5-2 раза выше официального, так как анализ структуры временных затрат позволяет более эффективно по сравнению с официальной методикой выявлять неполную занятость и скрытую безработицу: интенсификация сельскохозяйственной отрасли вела к ускоренному сокращению сельскохозяйственной занятости в бывшем коллективном секторе и переходу значительной ее части в малые формы и неформальную сферу.

7. Многие социальные проблемы сельской занятости связаны со слабой диверсифицированностью сельской экономики, для которой аграрная отрасль, несмотря на свою трансформацию, по-прежнему остается системообразующей. На этом фоне происходит рост временной трудовой миграции: работа в городах «вахтовым способом» становится одним из самых востребованных видов трудовой деятельности сельского населения, особенно из молодых возрастных групп, который выбирают даже при наличии вакансий на сельском рынке труда.

При этом вектор трудовой миграции направлен в столицу и бурно растущие города, рынки труда которых могут предложить сельским жителям работу по их специализации и квалификации в строительстве, сфере услуг и т.д. Что касается небольших районных *уездных* городов, то они не способны принять и обеспечить работой сельских трудовых мигрантов; их функция по обеспечению занятости сельского населения не реализуется.

8. Местоположение села и наличие в нем крупного работодателя являются важнейшими факторами, влияющими на масштаб и формы занятости сельского населения. Села, расположенные вблизи крупных городов, получают преимущества и дополнительные возможности для своего развития. Появление нового слоя сельско-городских жителей, использующих село для рекреации («псевдоаграрное

расселение») дает толчок развитию «обслуживающей» экономики и неформальной занятости.

9. Процессы естественной и миграционной убыли ведут к сокращению сельского населения и к ухудшению его социально-демографической структуры. В ней усиливаются диспропорции по показателям возраста и пола: ускоренным темпом уменьшаются удельные веса лиц трудоспособного возраста, особенно молодежи, и женщин в молодых возрастных группах, порождая гендерную проблему.

Складывающиеся тенденции крайне неблагоприятны для выполнения селом его функции поддержания в хозяйственном и культурном обороте обширных территорий. Одновременно с этим появляется тенденция этнического замещения населения на сельской периферии, представляя новый социальный вызов.

10. Уровень жизни, определяемый доступностью важнейших социальных благ, в сельской местности остается низким и значительно уступает городскому. Существующее различие между городом и селом в обозримой перспективе не может быть преодолено, так как связано с системными особенностями организации сельского социума и сложившимся сельским укладом жизни. Инфраструктурные проблемы, недиверсифицированность и слабость сельской экономики и т.п. являются факторами, действующими на понижение уровня жизни.

Наблюдаемый рост формальных характеристик уровня жизни сельского населения ограничивается остающимся низким качеством жизни в сельской местности; повышение зарплат и общих доходов не влечет за собой автоматическое повышение возможностей статусного и личностного роста сельских жителей.

Возможности роста уровня жизни сельского населения связаны с решением инфраструктурных проблем в сельской местности, развитием сельского рынка труда, ориентированного на местные трудовые ресурсы, развитием малых локальных производств и сферы услуг, учитывающих местные природные, ландшафтные особенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абаноква К.Р., Локшин М.М.** Влияние эффекта масштаба в потреблении домохозяйств на бедность в России // Экономический журнал ВШЭ. – 2014. – № 4. – С. 620-644.
2. **Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г.** Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России: Социология, этнология. – 2016. – Т. 25, № 1. – С. 103-128.
3. **Агропромышленный комплекс России / Минсельхоз РФ.** – М., 1999-2007.
4. **Айвазян С.А.** Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход. – М.: Наука, 2012.
5. **Айвазян С.А.** К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. – 2003. – № 2 (39).
6. **Айвазян С.А.** Модель формирования распределения населения по величине среднедушевого дохода. // Экономика и математические методы, 1997. – Т. 33, Вып. 4. – С. 74-86.
7. **Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И.** Измерение синтетических показателей качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики // Прикладная эконометрика. – 2006. – № 2. – С. 18-84.
8. **Алексеева О.А., Жеребин В.М., Землянская В.Н.** Уровень жизни населения: временные и межрегиональные сопоставления // Народонаселение. – 2001. – № 4. – С. 39-55.
9. **Амелин В.В., Мокин К.С.** Региональная картина: Приволжский ФО // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. – С. 240-280.
10. **Андрющенко С.А., Бондаренко Ю.П.** Направления развития фермерского сектора в региональном пространстве страны // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2009. – № 1.
11. **Андрющенко С.А., Трифонова Е.Н.** Оценка состояния и прогнозирование динамики рынков взаимозаменяемых продовольственных товаров. – Саратов: Сар. гос. тех. ун-т, 2005. – 168 с.
12. **Анимица Е.Г., Новикова Н.В., Сухих В.А.** Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона // Журнал экономической теории. – 2009. – № 1. – С. 14-35.
13. **Анимица Е.Г., Новикова Н.В., Сухих В.А.** Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона // Журнал экономической теории. – 2009. – №1. – С. 14-35.

14. **Артемов В.А.** К истории возникновения исследований бюджетов времени // Социологические исследования. – 2003. – № 5. – С. 141-149.
15. **Артемов В.А., Новохацкая О.В.** Опыт исследования использования времени сельского населения в России // Социология и общество: глобальные вызовы и региональные развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. – М.: РОС, 2012.
16. **Барсукова С.Ю.** Вехи аграрной политики России в 2000-е годы // Мир России: Социология, этнология. – 2013. – № 1. – С. 3-28.
17. **Барсукова С.Ю.** Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 31-39.
18. **Барсукова С.Ю.** Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // Экономическая социология. – 2000. – Т. 1. – № 1. – С. 13-25.
19. **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ. ред. **А.М. Сергиенко** – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – С. 80-125.
20. **Беккер Г.** Экономика семьи // Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003. – С. 381-486.
21. **Белановский С.А.** Глубокое интервью: Учебное пособие. - М.: Никколо-Медиа, 2001. – 320 с.
22. **Белл Д.** Грядущее постиндустриальное общество. – Москва: Академия, 1999.
23. **Белова Н.Ф., Дмитричев И.И.** Семейный бюджет. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 93 с.
24. **Беляева Л.А.** Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 33-42.
25. **Белянов В.А.** Личное подсобное хозяйство при социализме. - М.: Экономика, 1970.
26. **Биктимирова З.З.** Качество жизни: проблемы измерения и оценки // Экономика региона. – 2005. – № 2. – С. 146-161.
27. **Блинова Т.В., Былина С.Г.** Социальные детерминанты сокращения смертности населения: типологический анализ // Социология. – 2012. – № 4. – С. 34-49.
28. **Блинова Т.В., Вяльшина А.А.** Материальный достаток и финансовые возможности сельских домохозяйств с тремя детьми // Современная экономика: проблемы и решения. – 2013. – №1 (37). – С. 43-53.

29. **Блинова Т.В., Кутенков Р.П., Былина С.Г.** Сценарное прогнозирование демографической динамики российского села // Вестник Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова. – 2007. – № 6. – С. 79-81.
30. **Блинова Т.В., Русановский А.В.** Диверсификация структуры занятости и формирование модели посткризисного развития // Экономика и управление. – 2009. – № 3. – С. 50-54.
31. **Бобков В.Н.** Бюджет прожиточного минимума или прожиточный минимум? // Уровень жизни населения регионов России. – 2007. – № 7. – С. 5-16.
32. **Бобков В.Н., Алиев У.Т., Гулюгина А.А., Куница С.М., Черенько Л.Н., Шевченко С.В.** Неравенство распределения населения по уровню жизни: межстрановое сопоставление // Уровень жизни населения регионов России. – 2011. – № 4. – С. 3-15.
33. **Бобков В.Н., Гулюгина А.А.** Мониторинг доходов и уровня жизни населения России: июль-сентябрь 2012 года // Уровень жизни населения регионов России. – 2012. – № 12.
34. **Богдановский В.А.** Семейные хозяйства сельского населения // Экономика сельского хозяйства России. – 2007. – № 12. – С. 31-32.
35. **Богдановский В.А.** Трансформация занятости в сельском хозяйстве // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2005. – № 1. – С. 47-49.
36. **Богдановский В.А.** Труд и занятость в сельском хозяйстве // Вопросы экономики. – 2005. – № 6. – С. 72-83.
37. **Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.** Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр // Социологические исследования. – 2004. – № 12. – С. 17-30.
38. **Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.** Бедность в современной России: измерение и анализ // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2006. – Т. 22. – С. 90-113.
39. **Боков О.Г.** Риск. Рынок. Инвестиции. – Саратов: Изд-во В.П. Латанова, 2005. – С. 127-128; **Андрющенко С.А., Трифонова Е.Н.** Оценка состояния и прогнозирование динамики рынков взаимозаменяемых продовольственных товаров. – Саратов: Сар. гос. тех. ун-т, 2005. – 168 с.
40. **Бондаренко Л.В.** Бедность и социально-психологический климат в российской деревне // АПК: экономика, управление. – 2010. – № 11. – С. 49-52.
41. **Бондаренко Л.В.** Бедность сельской России // Отечественные записки. – 2012. – № 6: URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/6/bednost-selskoy-rossii> (Дата обращения – 15.06.2013)
42. **Бондаренко Л.В.** Занятость на селе и диверсификация сельской экономики // Экономика сельского хозяйства России. – 2011. – № 1. – С. 71-76.

43. **Бондаренко Л.В.** Занятость на селе и ресурсное обеспечение организаций малого бизнеса сельскими безработными // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2011. – № 12. – С. 58-62.
44. **Бондаренко Л.В.** Измерение сельской бедности (методология и опыт) // АПК: экономика, управление. – 2004. – № 12. – С. 8-15.
45. **Бондаренко Л.В.** Российское село в эпоху перемен: занятость, доходы, инфраструктура. – М.: ВНИИЭСХ, 2003. – 509 с.
46. **Бородкин Ф.М.** Социальные индикаторы – что это такое? // Мир России: Социология, этнология. – 2004. – № 4. – С. 62-101.
47. **Бочарова Е.В.** Самозанятость сельского населения в неформальном секторе экономики // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2013. – № 2.
48. **Буздалов И.Н.** Сельское хозяйство и государство: проблемы нормализации взаимоотношений // Сельское хозяйство в современной экономике: новая роль, факторы роста, риски. – М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: "Энциклопедия российских деревень", 2009.
49. **Бурлаков В.Б.** Инновационный потенциал сельскохозяйственной потребительской кооперации // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2012. – № 1 (63). – С. 253-259.
50. **Быченко Ю.Г., Долгова Е.М., Шабанов В.Л.** Система сельского здравоохранения как фактор развития демографических ресурсов сельского сообщества // Вестник СГСЭУ. – 2013. – № 2. – С. 122-126.
51. **Быченко Ю.Г., Шабанов В.Л.** Влияние миграции на демографическое и этноструктурное развитие российского села // Мир России: Социология, этнология. – 2014. – № 1 (23). – С. 167-187.
52. **Быченко Ю.Г., Шабанов В.Л.** Современная миграция сельского населения: особенности, направления, последствия // Вестник СГСЭУ. – 2012. – № 2. – С. 122-126.
53. **Вавилина Н.Д.** Бедность в России как социальное явление и как социальная проблема: Монография – Новосибирск: Изд-во Сибирской академии гос. службы, 2000.
54. **Важенина И.С.** Возвышение потребностей: противоречивая трансформация // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 2. – С. 129-142.
55. **Вайдлих В.** Социодинамика: системный подход к математическому моделированию в социальных науках. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 478 с.
56. **Вегрен С., Никулин А.М., Троцук И.В., Головина С.Г.** Сельская Россия: гендерные особенности неформальной экономики // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки. – 2014. – Вып. 9. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – С. 215-243.

57. **Великий П.П.** Неотходничество или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. – 2010. – № 9. – С. 44-49.
58. **Великий П.П.** Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов: Научная книга, 2012. – 340 с.
59. **Великий П.П., Мореханова М.Ю.** Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. – 2004. – № 12. – С. 55-64.
60. **Великий П.П., Елютина М.Э., Штейнберг И.Е.** Старики российской деревни. – Саратов: Степные просторы, 2000. – 128 с.
61. **Виноградский В.Г.** Протоколы колхозной эпохи: Монография. – Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ, 2013. – 216 с.
62. **Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.П.** Крестьянские жизненные практики. Россия. 1991-2012: Монография. – Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ, 2013. – 168 с.
63. **Вишневский А.Г.** Россия: демографические итоги двух десятилетий // Мир России: Социология, этнология. – 2012. – № 3. – С. 3-40.
64. **Воронин Г.Л., Козырева П.М., Косолапов М.С., Низамова А.Э., Сивкова И.В., Смирнов А.И., Соколова С.Б., Тонис Е.И., Шестова О.А.** Социально-экономическое поведение российских домохозяйств // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). – Москва, 2016. – С. 7-95.
65. **Вынужденные мигранты: Интеграция и возвращение / под ред. В.А. Тишкова.** – М., 1997.
66. **Гальперин В.М., Игнатъев С.М., Моргунов В.И.** Микроэкономика. Т.1. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 349 с.
67. **Гидденс Э.** Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2005.
68. **Гимпельсон В.Е., Зудина А.А.** «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? // Вопросы экономики. – 2011. – № 10. – С. 53-76.
69. **Глебов И.П., Шеховцева Е.А., Дмитриева Г.А.** Бизнес-активность и кооперация на селе: факторы импортозамещения на продовольственном рынке сельского населения Саратовской области // Аграрный научный журнал. – 2015. – № 2. – С. 77-83.
70. **Голенкова З.Т.** Основные тенденции трансформации социальной структуры современного российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2001. – № 1. – С. 28-43.
71. **Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В.** Прекариат как новая группа наемных работников // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 1 (195). – С. 47-57.

72. **Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.** Потенциальная трудовая мобильность населения (региональный аспект) // Россия реформирующаяся. – 2010. – № 9. – С. 140-150.
73. **Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Орехова И.М., Черевко Ю.В.** Трудовая занятость в регионе: социальные характеристики и тенденции развития // Россия реформирующаяся. – 2009. – № 8. – С. 168-183.
74. **Горшенина Е.В.** Система индикаторов уровня и качества жизни населения в регионе-субъекте РФ: Раздел 1.4. / Региональные экономические исследования: теория и практика. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009.
75. **Горшков М.К., Шереги Ф.Э.** Прикладная социология: методология и методы. – М.: Институт социологии РАН, 2011.
76. **Гранберг А.Г.** Моделирование социалистической экономики. – М.: Экономика, 1988.
77. **Данилишин Б.М., Веклич О.А.** Индикатор подлинного прогресса как адекватный макроэкономический показатель общественного благосостояния // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 6. – С. 103-112.
78. **Дементьев Н.П., Корнеев В.Д.** К методологии определения доходов, расходов и сбережений // Вестник Новосиб. гос. ун-та. – Т. 5, Вып. 1. – 2005. – С. 5-21.
79. **Демографический ежегодник России: Стат. сб.** / Росстат. – М., 2010-2015.
80. **Денежные доходы, расходы и потребление домашних хозяйств** в Российской Федерации в 1994 г. (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М.: Госкомстат России, 1995. – С.17; **Социальное** положение и уровень жизни населения России. 2007: Стат.сб. / Росстат. – М., 2007. – С.144; **Социальное ...** 2013. – С.105.
81. **Денисов Н.А.** Качество жизни различных регионов России // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 2. – С. 23-36.
82. **Денисова И.А.** Неравенство, качество институтов и спрос на перераспределение доходов: о чем говорят данные опросов населения в посткоммунистических странах // Журнал новой экономической ассоциации. – 2013. – № 2 (18). – С. 172-177.
83. **Дмитриева А.В., Пядухов Г.А.** Этнические группы трудящихся мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность, конфликты // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 86-94.
84. **Дмитричев И.И.** Бюджет семьи как основа для изучения уровня жизни населения. - М.: Финансы и статистика, 1992. – 141 с.
85. **Добрышина Л.Н.** Регулирование социально-экономического развития кризисных территорий. – М.: Гос. ун-т управления, 1999. – 178 с.

86. **Доклад** МОТ, 2003. URL: <http://www.ilo.org/public/english/region/eurpro/moscow/news/2004/ilostatrus.pdf> (Дата обращения – 03.08.2008).
87. **Доступность** медобслуживания / Публикации независимого института социальной политики. URL: <http://www.socpol.ru/publications/inc&ben/ch5.pdf> (Дата обращения – 12.02.2013).
88. **Доходы**, расходы и потребление домашних хозяйств (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2006-2015.
89. **Дудникова Е.В.** Аграрные реформы России начала и конца XX века: попытка сравнительного анализа // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2003. – № 5. – С. 24-27.
90. **Егоршин А.П., Зайцев А.К.** Качество жизни населения региона // Народонаселение. – 2005. – № 1. – С. 10-16.
91. **Елизарьев Э.А.** Время общества (философский и социально-экономический аспект). – Новосибирск: Наука, 1969.
92. **Елисеева И.И., Васильева Э.К.** Основные направления исследования домохозяйств по материалам всероссийских переписей населения // Вопросы статистики. – 2014. – № 4. – С. 32-40.
93. **Еремин А.А., Быков Н.И.** Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2020 гг.): Монография. – Барнаул: АЗБУКА, 2011. – 272 с.
94. **Жаромский В.С., Рудберг А.М., Тер Акопов С.А.** Статистический и модельный анализ состояния домохозяйств с пенсионерами на основе данных выборочных обследований НОБУС и RLMS // SPERO. – 2014. – № 19. – С. 59-86.
95. **Жеребин В.М., Ермакова Н.А.** Уровень жизни в едином интегральном показателе // Народонаселение. – 2001. – № 4. – С. 82-92.
96. **Жеребин В.М., Ермакова Н.А.** Уровень жизни населения – как он понимается сегодня? // Вопросы статистики. – 2000. – № 8. – С. 3-11.
97. **Жеребин В.М., Ермакова Н.А., Землянская В.Н.** Экономический рост, занятость и уровень жизни населения // Вопросы статистики. – 2003. – №7. – С. 24-35.
98. **Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н.** Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. – 2008. – №4.
99. **Заславская Т.И.** Социальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2002. – 568 с.

100. **Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л.** Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. – 1978. – № 1. – С. 56-65.
101. **Земсков В.Н.** Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных (30–50-е годы) // Мир России. – 1999. – № 4. – С. 114–124.
102. **Зубаревич Н.В.** Современная Россия: география с арифметикой // Отечественные записки. – 2012. – № 1 (46). – С. 55-64.
103. **Зубаревич Н.В.** Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: ЛКИ, 2007. – 264 с.
104. **Итоги** пилотного выборочного обследования использования (бюджета) времени населением. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2010: URL: http://www.gks.ru/doc_2010/bul_dr/btime10.doc; URL: <http://www.micro-data.ru> (Дата обращения – 15.03.2011).
105. **Казакбаев Р.Х., Казакбаева Г.М.** Социально-трудовая сфера села как составная часть миграционной привлекательности российских регионов // Вестник ВЭГУ. – 2012. – № 4. – С. 42-46.
106. **Калинникова М.В.** Социальные аспекты экологизации современного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2010. – Т.10. – № 4. – С. 11-13.
107. **Калугина З.И.** Вектор посткризисного развития российской деревни // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 115-135.
108. **Калугина З.И.** Личное подсобное хозяйство в СССР: Социальные регуляторы и результаты развития. - Новосибирск: Наука, 1991. – 238 с.
109. **Калугина З.И.** От государственного патернализма к саморазвитию: контуры концепции сельского развития // Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса (Никоновские чтения 2008). – М.: ВИАПИ, «Энциклопедия российских деревень», 2008. – С. 596-603.
110. **Калугина З.И.** Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. 2-е изд. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – 196 с.
111. **Калугина З.И.** Реформирование аграрного сектора: итоги и проблемы (взгляд социолога) // Регион. – 1995. – № 3. – С. 66-84.
112. **Калугина З.И.** Сельская занятость в период «турбулентных реформ» // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. – Уфа, 2012. – С. 5102-5109.
113. **Калугина З.И., Антонова Т.П.** Личное подсобное хозяйство сельского населения: Проблемы и перспективы. – Новосибирск: Наука, 1984.

114. **Калугина З.И., Фадеева О.П.** Российская деревня в лабиринте реформ: Социологические зарисовки. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – 291 с.
115. **Капелюк З.А., Капелюк С.Д.** Статистическая оценка региональных факторов социально-демографического развития села // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2012. – № 1. – С. 162–168.
116. **Капелюшников Р.И.** Занятость в домашних хозяйствах населения // Вопросы экономики. – 2005. – № 7. – С. 99-120.
117. **Капелюшников Р.И.** Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации // Экономическая социология. – 2001. – № 2, Т. 2.
118. **Кирута А., Шевяков А.** Социально-экономическая дифференциация, реальный уровень жизни и уровень бедности семей РФ: Анализ динамики и межрегиональные сопоставления // Мониторинг социально-экономического потенциала семей: Стат. бюллетень за II кв. 1996 г. – М., 1996. – С. 231-274.
119. **Кирута А.Я., Шевяков А.Ю.** Дифференцированный баланс доходов и потребления населения: новые аспекты теории и практических применений // Вопросы статистики. – 1995. – № 7. – С. 3-13.
120. **Кирчик О.** Земельная реформа: 1990-2002 // Отечественные записки. – 2004. – № 1 (16).
121. **Ковалев Е.М.** Истории крестьянских семей: методика и первые результаты // Крестьяноведение. Теория. История, современность: Ежегодник. 1996 / Под ред. **В.Данилова, Т.Шанина.** – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 285-291.
122. **Козлов В.** Будущее за фермерством или за агрохолдингами? // Земельная аккумуляция в начале XXI века: глобальные инвесторы и локальные сообщества. – М.: Издат дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – С. 169-179.
123. **Кокрен У.** Методы выборочного исследования. – М.: Статистика, 1976.
124. **Концепция** устойчивого развития личного подсобного хозяйства // АПК: экономика, управление. – 2008. – № 5.
125. **Корель Л.В.** Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. – Новосибирск: Наука, 1982.
126. **Корчагина Е.В.** Методы оценки устойчивого развития региональных социально-экономических систем // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 1 (41).
127. **Кремлев Н.Д.** Проблемы оценки уровня жизни населения // Вопросы статистики. – 2001. – № 8. – С. 18-23.
128. **Кресникова Н.И.** Механизм рыночного перераспределения земель сельскохозяйственного назначения // АПК: экономика, управление. – 2008. – № 5. – С. 11-13.

129. **Кривошей В.А.** Эволюция концепции качества жизни // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики.* – 2013. – №1. – С. 33-37.
130. **Кривошей В.А.** *Качество жизни: сущность, содержание, критерии, измерение.* – Белгород: «Кооперативное образование», 2004. – 194 с.
131. **Крыштановский А.О.** Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS: Учеб. пособ. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 281 с.
132. **Ксенофонов М.Ю., Козин Д.Е., Поскачей М.А., Сапова Н.Н.** О необходимости перехода на новую парадигму разработки и реализации агропродовольственной политики // *Проблемы прогнозирования.* – 2008. – № 4. – С. 3-11.
133. **Ксенофонов М.Ю., Поскачей М.А., Сапова Н.Н., Козин Д.Е.** Сценарное прогнозирование как инструмент разработки стратегии развития сельского хозяйства // *Проблемы прогнозирования.* – 2008. – № 5. – С. 3-20.
134. **Кузник Н.П., Шабанов В.Л.** Особенности землепользования в крестьянских (фермерских) хозяйствах // *АПК: экономика, управление.* – 2002. – № 12. – С. 68-74.
135. **Кузник Н.П., Шабанов В.Л.** Развитие земельного оборота в фермерских хозяйствах (на материалах Саратовской области) // *Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы (Никоновские чтения - 2000).* – М.: Энциклопедия российских деревень, 2000. – С. 67-69.
136. **Кузник Н.П., Шабанов В.Л.** Ресурсное обеспечение приусадебного сельскохозяйственного производства // *АПК: экономика, управление.* – 2004. – № 3. – С. 62-68.
137. **Куракин А.А.** «Кулундар»: роль сельскохозяйственных предприятий в жизни сельских сообществ // *Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки.* 2014. Вып. 9. – М.: Издат. дом «Дело» РАН-ХиГС, 2014. – С. 167-194.
138. **Кутенков Р.П.** *Агросистемы России: межрегиональные сопоставления (методы, инструментарий, результаты): Монография.* – Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2001. – 165 с.
139. **Лига М.Б.** *Качество жизни: генезис идей // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа.* – 2011. – № 4. – С. 237-244.
140. **Липатова Л.Н., Градусова В.Н.** Демографические основы формирования трудового потенциала сельского хозяйства: региональные аспекты // *Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации (Никоновские чтения - 2015).* – М.: ВИАПИ имени А.А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень», 2015. – С. 370-373.
141. **Майер В.Ф.** *Уровень жизни населения СССР.* – М.: Мысль, 1977.

142. **Маслов П.П.** Методы экономических расчетов. – М.: Наука, 1955.
143. **Методология** и методы изучения миграционных процессов / под ред. **Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля.** – М.: Центр миграционных исследований, 2007.
144. **Миграция** и безопасность в России / под ред. **Г. Витковской и С. Панарина.** М.: Московский Центр Карнеги, 2000.
145. **Миграция** и национальное государство / под ред. **Т. Бараулиной, О. Карпенко.** – СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004.
146. **Миграция** населения в постсоветских государствах. – М.: Московский Центр Карнеги, 1998.
147. **Миграция** сельского населения. – М.: Мысль, 1970.
148. **Мкртчян Н.В.** Миграция и регион: на примере Приволжского федерального округа // Мир России: Социология, этнология. – 2004. – № 2.
149. **Мокин К.С.** Балаково: миграционные истории армян // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 94-101.
150. **Мониторинг** сельского рынка труда Саратовской области. 2012 год / Министерство занятости, труда и миграции Саратовской области. – Саратов, 2013.
151. **Мореханова М.Ю., Рубцова В.Н.** Социально-экономические приоритеты обеспечения конкурентоспособности трудовых ресурсов аграрной сферы // Научное обозрение. – 2013. – № 11. – С. 207-213.
152. **Мстиславский П.С.** Вопросы теории и методологии анализа качества жизни // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 2. – С. 5-17.
153. **Мудракова Е.И.** Минимальный потребительский бюджет // Уровень жизни населения регионов России. – 2007. – № 7. – С. 26-42.
154. **Мэннинг Н.** Неравенство в России: последствия 1990-х годов // Мир России: Социология, этнология. – 2007. – № 3. – С. 132-146.
155. **Нагимова А.М.** Социально-экономические условия жизнедеятельности и благосостояние населения Республики Татарстан в системе обеспечения качества жизни: социологический анализ // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 2. – С. 114-122.
156. **Независимый доклад** о доступности медицинской помощи для бедных и представителей других уязвимых групп в Российской Федерации / **В.В. Власов, К.Д. Данишевский, Е.А. Корнышева, А.В. Северский.** – С. 47-48: URL: <http://www.rspor.ru/mods/news/docs/VlasovVV.pdf> (Дата обращения – 15.02.2013).
157. **Немерюк Е.Е., Аникин Л.С.** Теоретические подходы к исследованию причин миграции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2014. – № 3 (14). – С. 23-28.

158. **Нефедова Т.Г.** Кризис и возможности устойчивого сельского развития в России // Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельской территории: Зарубежный опыт и проблемы России. – М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2005. – С. 296-322.
159. **Нефедова Т.Г.** Рекреация горожан как фактор сохранения и реконструкции сельского расселения Нечерноземья // Наука. Инновации. Технологии. – 2015. – № 2. – С. 120-139.
160. **Нефедова Т.Г.** Социальная география сельского хозяйства // Региональные исследования. – 2006. – № 4.
161. **Нефедова Т.Г.** Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2015. – № 3. – С. 41-56.
162. **Нефедова Т.Г.** Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // Демоскоп Weekly. – 2015. – № 641-642. – С. 1-8: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php> (Дата обращения – 12.12.2015).
163. **Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.** Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 60-69.
164. **Нечипоренко О.В.** Локальные модели адаптации сельских локальных сообществ // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2011. – № 2.
165. **Нечипоренко О.В.** Сельское население и реформы аграрной сферы: адаптация или деградация? // Социологические исследования. – 2009. – № 6. – С. 57-68.
166. **Никулин А.М.** Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. – 2010. – Т. 11, № 1. – С. 17-33.
167. **Носко В.П.** Эконометрика: Элементарные методы и введение в регрессионный анализ временных рядов. – М.: ИЭПП, 2004.
168. **Оберемко О.А.** Что поддерживает ПНП «Развитие АПК», поддерживая ЛПХ? // Мир России: Социология, этнология. – 2008. – № 2. – С. 92-107.
169. **Обследование** населения по проблемам занятости: Статистический бюллетень / Росстат – М., 2014, 2015.
170. **Овчарова Л.Н.** Предложения для стратегии сокращению бедности в современной России // Уровень жизни населения регионов России. – 2012. – № 10-11. – С. 78-89.
171. **Овчарова Л.Н., Малева Т.М.** Рекомендации по долгосрочным и краткосрочным мерам в социальной политике // Экономическая политика. – 2010. – № 1. – С. 15-26.

172. **Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М.** Система социальной поддержки, направленной на выход из бедности // SPERO. – 2014. – № 19. – С. 87-102.
173. **Овчинцева Л.А.** Занятость жителей села: трудности измерения // Мир России: Социология, этнология. – 2000. – № 3. – С. 116–137.
174. **Овчинцева Л.А.** Особенности сельской бедности // Отечественные записки. – 2004. – № 1 (16): URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/1/osobennosti-selskoy-bednosti> (Дата обращения 01.05.2004).
175. **Основные** показатели сельского хозяйства в России / Росстат. – М., 2007-2014.
176. **Островский В.Б.** Колхозное крестьянство СССР. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1967.
177. **Официальный** сайт бюджетного обследования / Росстат. URL: <http://www.micro-data.ru> (Дата обращения – неоднократно в течение 2005-2011 гг.).
178. **Официальный** сайт Комплексного наблюдения условий жизни населения / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/itog_inspect1.htm (Дата обращения – 15.04.2016).
179. **Официальный** сайт муниципальных образований Саратовской области. URL: <http://sarmo.ru> (Дата обращения – 01.02.2013).
180. **Официальный** сайт Независимого института социальной политики. URL: <http://atlas.socpol.ru> (Дата обращения – 11.01.2014)
181. **Панков Б.П.** Рынок труда на селе и его регулирование. – М., 2007. – 266 с.
182. **Панков Б.П., Малахова В.Я.** Проблемы регулирования трудового потенциала сельских территорий // Вестник Орловского государственного университета. – 2011. – Т. 32, № 5. – С. 17-18.
183. **Панкратьев Н.** Статистические методы анализа экономического расслоения населения // Вопросы статистики. – 1997. – № 1. – С. 22-28.
184. **Пациорковский В.В.** Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН РАН, 2010. – 392 с.
185. **Пашута А.О., Солодовникова М.П.** К вопросу о невостребованных земельных долях // Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации (Никоновские чтения - 2015). – М.: ВИАПИ имени А.А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень», 2015. – С. 38-40.
186. **Петриков А.В.** Тенденции развития интегрированных агропромышленных формирований // АПК: экономика, управление. – 2005. – № 1. – С. 26-32.
187. **Петриков А.В.** основные результаты мониторинга приоритетного национального проекта "Развитие АПК" // Вопросы статистики. – 2007. – № 11.

188. **Петров В.Н.** Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология // Социологические исследования. – 2009. – № 10. – С. 48–57.
189. **Подузов А.А.** Концепции уровня жизни: очерк современных представлений // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 6. – С. 69-84.
190. **Полян П.М.** Насильственные миграции и география населения // Мир России: Социология, этнология. – 1999. – № 4. – С. 102–113.
191. **Полян П.М.** Не по своей воле. – М.: ОГИ-Мемориал, 2001.
192. **Поросенков Ю.В., Белова В.А.** В проблеме депопуляции населения Воронежской области // Вестник Воронежского гос. университета. Сер.: География. Геоэкология. – 2003. – № 2. – С. 55-58.
193. **Постерман Р.Л., Рольфес Л., Дункан Дж.** Видение реформы сельскохозяйственных земель в России / Институт сельского развития, ноябрь 1999. – 16 с.
194. **Потребление** продуктов питания в домашних хозяйствах (по итогам выборочного обследования домашних хозяйств) / Федеральная служба гос. статистики. – М., 2007-2015.
195. **Пошкус Б.** Совершенствование аграрной политики и борьба с сельской бедностью // АПК: экономика, управление. – 2004. – № 12. – С. 4-7.
196. **Прикладная** статистика: основы моделирования и первичная обработка данных. Справочное изд. / **Айвазян С.А., Енюков И.С., Мешалкин Л.Д.** – М.: Финансы и статистика, 1983. – 471 с.
197. **Прокопьев М.Г.** Параметрические методы оценки масштаба в потреблении продовольствия домашними хозяйствами // АПК: экономика, управление. – 2010. – № 12. – С. 74-80.
198. **Прокопьев М.Г.** Потребление продовольствия и эффект масштаба домашних хозяйств // АПК: экономика, управление. – 2009. – № 2. – С. 20-31.
199. **Прокофьева Л.М.** Семейная структура населения России: тенденции последнего десятилетия // Народонаселение. – 2013. – № 2. – С. 72-84.
200. **Прохоров Б.Б.** Регионы России на пути в медико-демографическое будущее // Проблемы прогнозирования. – 2011. – № 1. – С. 115-133.
201. **Пустыльник Е.И.** Статистические методы анализа и обработки наблюдений. – М.: Наука, 1968.
202. **Рабочая** книга социолога / Под ред. **Г.В. Осипова.** – М.: Либроком, 2009.
203. **Райг И.** Методологические проблемы и опыт системного изучения личного подсобного хозяйства // Региональные проблемы развития личного подсобного хозяйства в СССР. – М., 1982. – С.44-50.
204. **Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.** Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА, 1997.

205. **Райцин В.Я.** Модели планирования уровня жизни. – М.: Экономика, 1987.
206. **Райцин В.Я.** Моделирование социальных процессов: Учеб.пособ. – М.: Экзамен, 2005. – 189 с.
207. **Распоряжение** Правительства РФ от 08.11.2012 № 2071-р: URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70319016> (Дата обращения – 01.08.2015).
208. **Ржаницина Л.С., Рыбальченко С.И.** Состояние семейной политики и предложения по ее совершенствованию // Социологические исследования. – 2013. – № 6. – С. 47-57.
209. **Римашевская Н.М.** Тенденции бедности в России // Бедность в России: государственная политика и реакция населения. – Вашингтон: Всемирный банк, 1998. – С. 141-157.
210. **Римашевская Н.М., Опилов Л.А.** Народное благосостояние. Тенденции и перспективы. – М.: Наука, 1991.
211. **Родионова Г.А.** Сельская бедность в России // Мир России: Социология, этнология. – 2000. – № 3. – С. 128-136.
212. **Родионова Л.В., Троцкий А.Я.** Региональный рынок труда: проблемы формирования прогнозирования и регулирования // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2-1. – С. 298-307.
213. **Романовская О.А.** Идиосинкратический контекст этничности: авторский опыт полевого исследования // Вестник Поволжского института управления. – 2012. – № 2. – С. 127-131.
214. **Российский** статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М., 1997-2015.
215. **Российское** здравоохранение: мотивация врачей и общественная доступность / Отв. ред. **С.В. Шишкин**. – М.: Независимый институт социальной политики, 2008.
216. **Рощина Я.М., Сухова А.С.** Факторы частного сельскохозяйственного производства российских домохозяйств // Экономическая социология. – 2010. – № 2. – С. 21-54.
217. **Рубцова В.Н.** Стратегия долгосрочного развития системы сельского здравоохранения // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2006. – № 1.
218. **Румянцева Е.Е.** Новая экономическая энциклопедия. – М.: Инфра-М, 2005.
219. **Рыбаковский Л.Л.** Миграция населения: прогнозы, факторы, политика (монография). – М.: Наука, 1987.
220. **Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.** Временная миграция в России: понятийный аппарат, классификация и статистический учет // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2014. – №4 (16). – С.52-57.

221. **Савоскул М.С.** Станут ли этнические мигранты второй Россией? (Стратегии социального поведения этнических мигрантов) // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация. – М.: Издат дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – С. 202-237.
222. **Сазонов С.Н., Сазонова Д.Д.** Динамика землепользования и оснащения техникой фермерских хозяйств // Достижения науки и техники АПК. – 2004. – № 7. – С. 38-40.
223. **Сазонова Д.Д.** Ретроспективный экономический анализ деятельности фермерских хозяйств: результаты обследования в Тамбовской области. – М.: МОНФ, Независимый экономический аналитический центр по проблемам деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств, 2007. – 147 с.
224. **Самсонов В.Б.** Владельцы личного подсобного хозяйства: типология, образ жизни // Социологические исследования. – 1988. – № 7. – С. 4-10.
225. **Самсонов В.Б., Шабанов В.Л.** Самоорганизация сельского домохозяйства // Социологические исследования. – 1999. – № 3. – С. 46-51.
226. **Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России:** Стат. сб. / Росстат. – М., 2004-2011.
227. **Сергиенко А.М.** Положение и поведение сельских бедных на рынке труда // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 4. – С. 105-119.
228. **Сергиенко А.М.** Сельская бедность в России: методологические особенности исследования // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 2-1. – С. 220-224.
229. **Серова Е.В., Звягинцев Д.В.** Альтернативная занятость в сельской местности // Мир России: Социология, этнология. – 2006. – Т. 15, № 4. – С. 3-34.
230. **Серова Е.В., Тихонова Т.В., Храмова И.Г., Храмова С.В., Шик О.В.** Сельская бедность и сельское развитие в России. – М.: ИЭПП, 2004. – 50 с.
231. **Серова Е.В., Шик О.В.** Национальный проект «Развитие АПК»: состояние и перспективы // Национальные проекты. – 2007. – № 1.
232. **Скотт Дж.** Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. – М.: Издат. группа «Прогресс»–«Прогресс-Академия», 1992. – С. 202-211.
233. **Современные концепции аграрного развития: Концепция «моральной экономики» / Дж. Скотт // Отечественная история.** – 1992. – № 5 – С. 5-38.
234. **Сорокин П.А.** Социальная мобильность / пер. с англ. – М.: Academia, 2005. – 588 с.
235. **Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию.** Ежегодный доклад по результатам мониторинга. 1998-2012 гг. (вып. 1-14): науч. изд. / Отв. **Торопов Д.И., Ушачев И.Г., Бондаренко Л.В.** – М., 1999-2013.

236. **Социальное** положение и уровень жизни населения России: Стат.сб. / Росстат. – М., 2007-2014.
237. **Социально-экономические** индикаторы бедности / Росстат – М., 2003-2015.
238. **Социально-экономический** анализ результатов реорганизации сельскохозяйственных предприятий / Под науч. ред. **В.Я. Узуна**. – М.: Энциклопедия российских деревень, 1999. – 187 с.
239. **Социологический** энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. – М.: Издат. группа НОРМА-ИНФРА М, 2000.
240. **Степанова Т.Н.** Бюджет высокого достатка // Уровень жизни населения регионов России. – 2007. – № 7. – С. 42-55.
241. **Стребков Д.О., Шевчук А.В.** Фрилансеры на российском рынке труда. 2010: URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-2/Strebkov_Shevchuk.pdf (Дата обращения – 01.09.2011).
242. **Суворов А.В., Соловьев А.М.** Прогнозирование структуры расходов населения на товары и услуги // Проблемы прогнозирования. – 2011. – № 1. – С. 104-114.
243. **Суринов А.Е.** Статистика доходов населения. – М.: ЗАО «Финстатинформ», 2001.
244. **Телятников Н.Б.** Народы Саратовского Поволжья: современная демография // Вопросы статистики. – 2007. – № 4.
245. **Тимофеев В.С., Колесникова А.Ю.** Идентификация моделей зависимости спроса от дохода в рамках неоклассической теории // Доклады Академии наук высшей школы Российской Федерации. – 2009. – № 2. – С. 51-65.
246. **Тимофеева А. Ю.** К проблеме эндогенности потребительских расходов при оценивании системы спроса домашних хозяйств // Прикладная эконометрика. – 2015. – № 1 (37). – С. 87-106.
247. **Толстова Ю.Н.** Анализ социологических данных : Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. – М.: Научный мир, 2000. – 352 с.
248. **Толстова Ю.Н.** Математико-статистические модели в социологии (математическая статистика для социологов). – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
249. **Трейси М.** Сельское хозяйство и продовольствие в экономике развитых стран: Введение в теорию, практику и политику / Пер. с англ. – СПб.: Экономическая школа, 1995.
250. **Троцкий А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.** Устойчивое развитие сельских территорий в контексте социальных проблем развития Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2-1. – С. 324-333.

251. **Троцук И.В.** Сельско-городская миграция советского периода в работах Т.И. Заславской // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки / РАНХиГС. – Москва, 2013. – С. 187-206.
252. **Троцук И.В.** Типы сельских территорий и риски муниципальной реформы: возможные сценарии развития сельской России // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – С. 417-426.
253. **Труд и занятость в России:** Стат. сб. / Росстат. – М., 2007-2013.
254. **Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты /** Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН; отв. ред. **Ж.А. Зайончковская.** – М., 2003.
255. **Тюрина А.П.** Социально-экономическое развитие деревни. 1965-1980 гг. – М.: Мысль, 1982.
256. **Тюрюканова Е.** Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. – Женева: Международное бюро труда, 2006.
257. **Узун В.Я.** Агрохолдинги России: идентификация, классификация, роль, концентрация землепользования // Земельная аккумуляция в начале XXI века: глобальные инвесторы и локальные сообщества. – М.: Издат дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – С. 126-143.
258. **Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности России»** от 01.02.2010: URL: http://state.kremlin.ru/security_council/6752, а также <http://www.mcx.ru/documents/document/show/12214.19.htm> (Дата обращения – 01.08.2015).
259. **Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: Зарубежный опыт и проблемы России.** – М.: Т-во науч. изданий КМК, 2005. – 615 с.
260. **Фадеева О.П.** Методика бюджетного обследования // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т.Шанина, А. Никулина, В.Данилова. – М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. – С. 446-453.
261. **Фадеева О.П.** Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. – 264 с.
262. **Фадеева О.П.** Способы адаптации сельских семей к изменениям экономической среды (по результатам бюджетных обследований на Кубани и в Поволжье) // Рефлексивное крестьяноведение... С. 161-215.
263. **Фролова Е.Б., Великанова Т.Б.** Методика измерения относительной бедности // Уровень жизни населения регионов России. – 2012. – № 10-11. – С. 89-98.

264. **Хагуров А.А.** Социально-экономическая структура российского села // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. – Уфа, 2012. – С. 5194–5200.
265. **Хагуров А.А.** Социология российского села. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт социологии РАН, Кубанский государственный аграрный университет, 2012. – 389 с.
266. **Хан Г., Шапиро С.** Статистические модели в инженерных задачах – М.: Мир, 1969.
267. **Хорев Б.С., Чапек В.Н.** Проблемы изучения миграции населения: статистико-географические очерки. – М.: Мысль, 1978.
268. **Цимбалов И.П.** Бедность и богатство в рыночной экономике (социально-экономическое исследование). – Саратов: Научная книга, 2006. – С. 13-36.
269. **Чаянов А.В.** Бюджетные исследования. История и методы: Избранные труды. – М.: Финансы и статистика, 1991.
270. **Чаянов А.В.** Крестьянское хозяйство: Избранные труды. – М.: Экономика, 1989. – 492 с.
271. **Численность** и размещение населения Саратовской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. – Саратов, 2012 – 104 с.
272. **Чуличков Е.А.** Уровень и качество жизни населения // Челябинский гуманитарий. – 2009. – № 7, Т. 1. – С. 68-72.
273. **Шабанов В.Л.** Домашние хозяйства и их роль в социально-экономической адаптации сельских семей (с учетом региональной специфики Российской Федерации). Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Саратов, 1992.
274. **Шабанов В.Л.** Мелкотоварное сельскохозяйственное производство как составная часть адаптивных практик сельского среднего класса // Социально-экономические проблемы мелкотоварного уклада в АПК России. – Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2007.– Раздел 4. – С. 78-91.
275. **Шабанов В.Л.** Тенденции оборота земель сельскохозяйственного назначения // АПК: экономика, управление. – 2009. – № 12. – С. 77-83.
276. **Шабанов В.Л.** Уровень и уклад жизни сельского населения: оценка трансформации на основе анализа структуры потребления // Вопросы статистики. – 2012. – № 7. – С. 72-77.
277. **Шабанов В.Л.** Динамика уровня жизни и неравенства в городе и селе: оценки с использованием данных бюджетных обследований домашних хозяйств // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2014. – Т. 14, вып. 3. – С. 43-48.

278. **Шабанов В.Л.** Факторы и причины сельской бедности в современной России // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2014. – Т.14, вып. 4. – С. 31-35.
279. **Шабанов В.Л.** Особенности современной сельской занятости (на примере Саратовской области) // Экономика сельского хозяйства России. – 2015. – №7. – С. 78-83.
280. **Шабанов В.Л., Краснов М.М.** Сравнительный анализ уровня жизни в России и Германии // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 3. – Ч. 1. – С. 143-149.
281. **Шабанова М.А.** Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: комплексное социолого-статистическое исследование. – Новосибирск: Наука, 1991. – 237 с.
282. **Шагайда Н.И.** Новые подходы к аренде участка в общей долевой собственности // Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса: Никонские чтения-2008. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2008. – С. 310-312.
283. **Шанин Т.** Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. **Т.Шанина, А. Никулина, В.Данилова.** – М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. – С. 9-31.
284. **Шахматова Н.В.** Образ жизни многодетной семьи: социологический ракурс изучения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2013. – Т. 13. – № 3. – С. 6-8.
285. **Шевчук А.В.** Самозанятость в информационной экономике: основные понятия и типы // Экономическая социология. – 2008. – Т.9. – № 1. – С.51-64.
286. **Шевяков А.Ю.** Неравенство и формирование новой социальной политики государства // Вестник РАН. – 2008. – № 4 (78). – С. 304-316.
287. **Шевяков А.Ю.** Социальное неравенство, бедность и экономический рост // Общество и экономика. – 2005. – № 3. – С. 5-18.
288. **Шевяков А.Ю., Жаромский В.С., Сопцов В.В.** Социально-экономическое неравенство и бедность: состояние и пути снижения масштабов // Экономическая наука современной России. – 2007. – № 3. – С. 62-74.
289. **Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.** Измерение экономического неравенства. – М.: «Лето», 2002. – 320 с.
290. **Широкалова Г.С.** Социально-правовые аспекты аграрных преобразований // Социологические исследования. – 2005. – № 1.
291. **Шкаратан О.И.** Социология неравенства. Теория и реальность: Монография. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.

292. **Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н.** Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994-2013) // Социологические исследования. – 2015. – № 12 (380). – С. 99-110.
293. **Шмелев Г., Стексов Ю.** Личное подсобное хозяйство в условиях межрегиональной и агропромышленной интеграции // Экономические науки. – 1983. – № 3. – С. 46-52.
294. **Шмелев Г.И.** Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. – М.: Наука, 2000. – 255 с.
295. **Штомпка П.** Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
296. **Щербина Ф.** Крестьянские бюджеты. Воронеж: Вольное экономическое общество, 1900.
297. **Экономическая** энциклопедия: политическая экономия. – М.: Советская энциклопедия, 1975. Т.2. – С. 366-367.
298. **Экономическое** поведение населения агропромышленного региона в годы реформ: стратегии и механизмы формирования / Под ред. **А.М. Сергиенко** и **Л.В. Родионовой.** – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001. – 300 с.
299. **Ядов В.А.** Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: «Добросвет», 2007.
300. **Andrews F., Whitney S.** Social Indicators of Well Being // American's perception of Life Quality. – N.Y.: Plenum Press, 1976.
301. **Bizezinski Z.** Between two ages, New York, 1970.
302. **Campbell A., Converse Ph., Rodgers E.W.** The Quality of American Life. Perceptions, Evaluations and Satisfaction. – N.Y.: Russell Sage Foundation, 1976.
303. **Deaton A., Paxson C.** Economies of Scale, Household Size and the Demand for Food // The Journal of Political Economy. 1998. Vol. 106. P. 897–930.
304. **Deutschland** und Internationales. Statistisches Jahrbuch. / Statistisches Bundesamt. 2011-2015.
305. **Encuesta** nacional de calidad de vida. 2015. URL: <http://www.dane.gov.co> (Дата обращения – 15.04.2016).
306. **Harris J.R., Todaro M.P.** Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. The American Economic Review. 1970. №1 (Vol. 60). Pp. 126-142. URL: http://www.jstor.org/stable/1807860?seq=1#fndtn-page_thumbnails_tab_contents
307. **Hicks J.R.** Value and Capital: An inquiry into some fundamental principles of economic theory. Oxford, Clarendon Press, 1946.
308. **Milanovic B.** Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy. – Washington, The World Bank, 1998.

309. **Orshansky M.** Who is among the poor: a demographic view of poverty //Social Security Bulletin. July 1965. № 28.
310. **Research** on Quality of Life in Urban Settlements in Sweden / Sweden National Council for Building Research. Stockholm, 1975. P. 9-12.
311. **Sen A.** The Standard of Living. Cambridge, 1987.
312. **Social** Indicators / **Bauer R.A.** (ed.). Cambridge: MIT., 1966.
313. **World** Population Prospects / The 2000 Revision. Highlights.Draft. Doc. № ESA / P/WP.165.28 February 2001.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Пример расчетов с использованием похозяйственных данных бюджетного обследования Росстата

Таблица 1.

Расчетные и официальные данные по среднему душевым располагаемым ресурсам и среднему душевому денежному доходу

Регион	среднедушевые располагаемые ресурсы, руб. в месяц			среднедушевой денежный доход, руб. в месяц		
	официальные данные ^{*)}	собственные расчеты	разница, %	официальные данные ^{*)}	собственные расчеты	разница, %
Алтайский край	8009	8009	0,0	6071	6071	0,0
Амурская область	7456	7447	0,1	6532	6519	0,2
Архангельская область	10171	10169	0,0	8076	8071	0,1
Астраханская область	8306	8306	0,0	6786	6783	0,0
Белгородская область	7382	7382	0,0	5728	5730	0,0
Брянская область	6643	6634	0,1	5560	5552	0,2
Владимирская область	6186	6186	0,0	5153	5150	0,1
Волгоградская область	8660	8659	0,0	6616	6616	0,0
Вологодская область	9343	9343	0,0	8073	8073	0,0
Воронежская область	7729	7721	0,1	6291	6282	0,1
Еврейская авт. область	8049	8025	0,3	6898	6878	0,3
Ивановская область	5368	5365	0,0	4917	4918	0,0
Иркутская область	9928	9927	0,0	8191	8185	0,1
Кабардино-Балкарская республика	5368	5365	0,0	4574	4567	0,1
Калининградская область	7545	7473	1,0	7130	7056	1,0
Калужская область	7804	7800	0,1	7227	7216	0,2
Камчатский край	11848	11845	0,0	10923	10930	0,1
Карачаево-Черкесская республика	5741	5741	0,0	4713	4712	0,0
Кемеровская область	10166	10167	0,0	7848	7848	0,0
Кировская область	7211	7209	0,0	5812	5806	0,1
Костромская область	6564	6562	0,0	5796	5792	0,1
Краснодарский край	7164	7164	0,0	6447	6452	0,1
Красноярский край	10799	10799	0,0	7969	7970	0,0
Курганская область	7922	7925	0,0	6671	6671	0,0
Курская область	5871	5815	1,0	5243	5193	1,0
Ленинградская область	7145	7137	0,1	6902	6897	0,1
Липецкая область	8584	8584	0,0	6953	6951	0,0
Магаданская область	10866	10865	0,0	9920	9918	0,0
Московская область	7986	7991	0,1	7810	7816	0,1
Мурманская область	14138	14133	0,0	12300	12284	0,1
Нижегородская область	7515	7514	0,0	6741	6740	0,0

Новгородская область	8397	8393	0,1	6365	6363	0,0
Новосибирская область	7594	7594	0,0	6721	6712	0,1
Омская область	8575	8574	0,0	7177	7174	0,0
Оренбургская область	6958	6958	0,0	5858	5858	0,0
Орловская область	7850	7850	0,0	6406	6402	0,1
Пензенская область	6091	6075	0,3	5360	5348	0,2
Пермский край	10102	10102	0,0	7486	7486	0,0
Приморский край	8827	8827	0,0	7821	7828	0,1
Псковская область	7142	7142	0,0	5964	5958	0,1
Республика Адыгея	6299	6296	0,0	5102	5100	0,0
Республика Алтай	6490	6459	0,5	4854	4815	0,8
Республика Башкортостан	8729	8729	0,0	7463	7463	0,0
Республика Бурятия	6482	6478	0,1	5393	5390	0,1
Республика Дагестан	4504	4443	1,4	4274	4212	1,4
Республика Ингушетия	2010	1919	4,5	1861	1770	4,9
Республика Калмыкия	3960	3956	0,1	3540	3538	0,1
Республика Карелия	7717	7717	0,0	6906	6913	0,1
Республика Коми	11061	11061	0,0	9291	9279	0,1
Республика Марий Эл	5167	5167	0,0	4666	4665	0,0
Республика Мордовия	5866	5866	0,0	4769	4776	0,1
Республика Саха(Якутия)	12900	12900	0,0	10707	10708	0,0
Республика Северная Осетия- Алания	5956	5946	0,2	5366	5352	0,3
Республика Татарстан	8540	8540	0,0	7737	7733	0,1
Республика Тыва	6456	6414	0,6	5416	5380	0,7
Республика Хакасия	8199	8198	0,0	6182	6176	0,1
Ростовская область	7599	7599	0,0	6444	6440	0,1
Рязанская область	5979	5979	0,0	4939	4942	0,1
Самарская область	13506	13511	0,0	10656	10663	0,1
Саратовская область	6360	6350	0,2	5412	5407	0,1
Сахалинская область	10885	10882	0,0	9949	9954	0,1
Свердловская область	10130	10126	0,0	8965	8960	0,0
Смоленская область	3771	3755	0,4	3590	3572	0,5
Ставропольский край	5933	5926	0,1	5298	5291	0,1
Тамбовская область	5840	5727	1,9	5251	5166	1,6
Тверская область	7994	7994	0,0	6923	6927	0,1
Томская область	13578	13578	0,0	11636	11629	0,1
Тульская область	6072	6072	0,0	5689	5691	0,0
Тюменская область	17240	17216	0,1	14688	14672	0,1
Удмуртская республика	7563	7563	0,0	6179	6185	0,1
Ульяновская область	5835	5812	0,4	5280	5255	0,5
Хабаровский край	12671	12689	0,1	11391	11405	0,1
Челябинская область	9883	9883	0,0	8263	8270	0,1
Чеченская республика	1591	нет данных		1330	нет данных	
Читинская область	7796	7789	0,1	6510	6502	0,1
Чувашская республика	6791	6791	0,0	5541	5539	0,0

Чукотский авт. округ	10360	10348	0,1	10153	10136	0,2
Ярославская область	8150	8147	0,0	6365	6363	0,0

*) Источник: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2007 году (по материалам бюджетных обследований) / Росстата. – М., 2007. – С. 50-51.

В таблицах 2-5 приведены фрагменты баз данных бюджетного обследования за I-IV кварталы по Саратовской области (код 63) и проведенные с их использованием расчеты среднедушевого месячного дохода. Учитывались только те домохозяйства, которые участвовали в обследовании в течение всех 4-х кварталов года. Источник: www.micro-data.ru; похозяйственные данные за 2007 г., файлы fc0741.xls – fc0744.xls. Дата обращения – январь 2010 г.

Таблица 2.

Расчет данных за I квартал (из файла FC0741.xls)

MEST	BUD	CHLICN	DOXODSN	KVZV	CHLICN*KVZV	DOXODSN*KVZV
1	1835	3	86845	5833	17500	506602552
1	1836	3	67369	2177	6530	146635744
...
2	9328	2	11011	1071	2142	11792613
2	9329	4	3210	681	2724	2186205
сумма					2593461	31202801554

Таблица 3.

Расчет данных за II квартал (из файла FC0742.xls)

MEST	BUD	CHLICN	DOXODSN	KVZV	CHLICN*KVZV	DOXODSN*KVZV
1	1835	4	109996	342	439984	37618632
1	1836	3	84617	7451	253851	630481267
...
2	9328	2	22387	978	44774	21894486
2	9329	4	20372	906	81488	18457032
сумма					2608325	53980060876

Таблица 4.

Расчет данных за III квартал (из файла FC0743.xls)

MEST	BUD	CHLICN	DOXODSN	KVZV	CHLICN*KVZV	DOXODSN*KVZV
1	1835	2	66132	4225	8451	279435968
1	1836	3	94467	9121	27362	861615241
...
2	9328	2	9789	1099	2198	10759467
2	9329	4	14938	696	2786	10403390
сумма					2598088	38549933089

Таблица 5.
Расчет данных за IV квартал (из файла FC0744.xls)

MEST	BUD	CHLICN	DOXODSN	KVZV	CHLICN*KVZV	DOXODSN*KVZV
1	1835	3	112015	4041	12124	452684996
1	1836	3	95627	2461	7384	235365348
...
2	9328	2	34191	5514	11028	188525960
2	9329	4	23393	721	2884	16866153
сумма					2589766	44810896892

Всего за год (сумма по кварталам):

CHLICN*KVZV: 10389640

DOXODSN*KVZV: 168543692411

Среднеквартальный доход: 16222

Среднемесячный доход: 5407

Приложение 2

**Часть опросного листа главы домохозяйства, посвященная
личному подсобному хозяйству**

1. Наличие скота на сегодняшний день, голов

№	Вид	Кол-во	№	Вид	Кол-во
1.	<i>Коровы</i>		4.	<i>Свиньи</i>	
2.	<i>Быки</i>		5.	<i>Поросята</i>	
3.	<i>Молодняк КРС</i>		6.	<i>Прочее (уточните)</i>	

2. Источники кормов для скота (числитель – кол-во; знаменатель – стоимость или денежная оценка)

Вид	Общее кол-во, ц	в том числе из источников, ц / руб.						
		арендная плата на зем. пай	с/х предприятие, натуроплата	с/х предприятие, в счет оплаты труда	с/х предприятие, за наличные	фермер, за наличные	самостоятельно "с рук"	другое (уточните)
Зернофураж		/	/	/	/	/	/	/
Солома		/	/	/	/	/	/	/
Сено		/	/	/	/	/	/	/
<i>Прочее (уточните)</i>		/	/	/	/	/	/	/

3. Продажи (за прошедший год)

№	Вид	Продано, кг		Получено, руб.	
		самостоятельно	скупщикам	от самостоятельной продажи	от продажи скупщикам
1.	<i>Говядина</i>				
2.	<i>Свинина</i>				
3.	<i>Молоко</i>				
4.	<i>Сметана</i>				
5.	<i>Творог</i>				
6.	<i>Картофель</i>				
7.	<i>Прочее (уточн.)</i>				

4. Изменилось ли Ваше хозяйство за последние 5 лет?

1. Да, мы стали больше держать скота
2. Да, мы увеличили производство молокопродуктов на продажу
3. Да, мы увеличили производство картофеля, овощей на продажу
4. Нет, мы сократили хозяйство
5. Всё осталось без изменений

5. Почему изменились размеры Вашего хозяйства за последние годы? (ответ в свободной форме)

6. Собираетесь ли Вы расширить подсобное хозяйство? 1 – Да 2 – Нет

7. Состав семьи (включая тех, кто проживает более полугода):

Член семьи (по отношению к отвечающему)	Пол	Возраст (лет)	Место работы	Характеристика работы *)	Зарплата, пенсия ("на руки")	Наличие зем. доли
1. <i>Отвечающий</i>						
2.						
3.						
4.						
...						

*) Характеристика работы: 1 - в своем селе, 2 - в соседнем селе, городе, 3 - работа за пределами села «вахтовым способом»